

СЕВЕР

7+8

июль-август

2014

ISSN 0131-6777



В номере:

Первая любовь в повести Н. Васильевой

Кижы – остров сказок

Сталин на Беломорканале

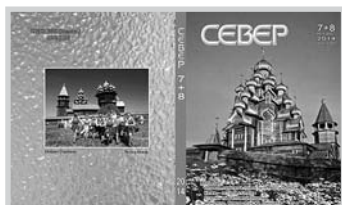
Монрепо. Новое эссе Ю. Линника



2014 год – год 300-летия

Кижской Преображенской церкви





П О Э З И Я

Елена КОВАЛЕВА	МОИ ГОРОДА	(12+)	3
	«Я ЧЕСТНО ЖИЛ	(12+)	
Георгий ЧЕРНОБРОВКИН	КАРЕЛОМ НА ЗЕМЛЕ...», новые переводы		25
Евгений ИВАНИЦКИЙ	«ДВИЖЕНИЕ ЖИЗНИ НЕИЗЪЯСНИМОЙ...»	(12+)	84

ПРОЗА

Надежда ВАСИЛЬЕВА	ГАГАРА, <i>повесть</i>	(12+)	5
Сергей ПЕТРОВ	ДУРНУШКА, <i>рассказ</i>	(12+)	29
		(12+)	
Юрий БЛИНОВ	ЗЛАТОКИПЯЩАЯ МАНГА- ЗЕЯ, <i>роман (окончание)</i>		86
Вениамин СЛЕПКОВ	ПРИНЦ ХОСТИНПУРА, <i>повесть-сказка</i>	(12+)	165
Владимир КОЛАБУХИН	МАЙ; ГРИШУТКИН САД, <i>рассказы</i>	(12+)	220

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Сергей ЛАПШОВ	БИТВА ПРИ СТУРКЮРО – ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ	(12+)	36
Константин ГНЕТНЕВ	СТАЛИН НА БЕЛОМОРКАНАЛЕ	(12+)	74

Э С С Е

Олег МОШНИКОВ	НЕ ПОТЕРЯТЬ НЕБА... ДЕД; СТРАНА РОЖДЕНИЯ – СССР; МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ; ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА УЛИЦЫ ДЕТСТВА; ВРЕМЯ ЖИЗНИ; НЕ- ОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО; УЧИТЕЛЬ; СТРАНА ГОЛУБИНО- ГО ДЕТСТВА; Я – БУКВА «Ж»; ЭТО – ЖИЗНЬ	(12+)	52
--------------------------------	--	-------	-----------

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Наталья ЛУККАРЕВА	«СОЛНЦЕ СЛЕПИЛО, МОРОЗ СОГРЕВАЛ...», <i>СТИХИ</i>	(12+)	134
------------------------------------	---	-------	------------

К 300-ЛЕТИЮ КИЖСКОЙ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Борис ГУЦИН	АЛЛЕЯ ТОПОЛЕЙ; СИНИЙ? СИНИЙ. ПРЕЗЕЛЁНЫЙ? КРАСНЫЙ ШАР!; СЕКУНДЫ О ЛЮБВИ, <i>рассказы</i>	(12+)	136
------------------------------	--	-------	------------

СЕВЕР

К 300-ЛЕТИЮ КИЖСКОЙ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Виктор (16+) **ТУМАНОВСКИЙ** НЕВЕСТА, рассказ **143**

Наталья В ОБЪЯТИЯХ ПАРИЖА; (16+) **АРХИПОВА** ТАНЕЦ НА УГЛЯХ, рассказы **154**

Николай «НАПАСТИ ГДЕ-ТО (12+) **ШИЛОВ** ЗА ГОРАМИ...», стихи **159**

Олег КАТЕШКА; ВОЛК ДА ЗАИЦ, **СКОБЕЛЕВ** сказки (12+) **160**

МУЗЫ И КОНФУЗЫ

Александр **КОВАЛЕВ** ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ (12+) **163**

Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Сергей **МАРКЕЛОВ** ЛАДОНИ, рассказ (12+) **226**

ПО РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Юрий **ЛИННИК** МОНРЕПО (16+) **204**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав «БОЛЬШОЙ ДАР У НИКИТИНА...» **САВАТЕЕВ** (штрихи к портрету писателя) (12+) **230**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

На обложке – фото
Владимира Ларионова,
Михаила Скрипкина

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации
областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно
отражает точку зрения редакции
на затронутые темы.

За точность фактов и цифр
ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности
платить авторский гонорар.
Авторам высылаются журналы
с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут
опубликованы.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

При использовании материалов,
опубликованных в журнале, просим
непрерывно ссылаться на «СЕВЕР».

☎ (8142)

гл. редактор 78 47 36

отв. секретарь 78 47 36

отделы: 78 48 05

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

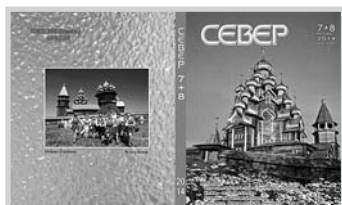
Адрес редакции: **185035, г. Петрозаводск,**
Пушкинская, 13, журнал «Север»

© АУ редакция журнала «СЕВЕР»

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1940 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ



ПОЭЗИЯ

Елена КОВАЛЕВА	МОИ ГОРОДА	(12+)	3
	«Я ЧЕСТНО ЖИЛ	(12+)	
Георгий ЧЕРНОБРОВКИН	КАРЕЛОМ НА ЗЕМЛЕ...», <i>новые переводы</i>		25
Евгений ИВАНИЦКИЙ	«ДВИЖЕНИЕ ЖИЗНИ НЕИЗЪЯСНИМОЙ...»	(12+)	84

ПРОЗА

Надежда ВАСИЛЬЕВА	ГАГАРА, <i>повесть</i>	(12+)	5
Сергей ПЕТРОВ	ДУРНУШКА, <i>рассказ</i>	(12+)	29
		(12+)	
Юрий БЛИНОВ	ЗЛАТОКИПЯЩАЯ МАНГА- ЗЕЯ, <i>роман (окончание)</i>		86
Вениамин СЛЕПКОВ	ПРИНЦ ХОСТИНПУРА, <i>повесть-сказка</i>	(12+)	165
Владимир КОЛАБУХИН	МАЙЯ; ГРИШУТКИН САД, <i>рассказы</i>	(12+)	220

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Сергей ЛАПШОВ	БИТВА ПРИ СТУРКЮРО – ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ	(12+)	36
Константин ГНЕТНЕВ	СТАЛИН НА БЕЛОМОРКАНАЛЕ	(12+)	74

ЭССЕ

Олег МОШНИКОВ	НЕ ПОТЕРЯТЬ НЕБА... ДЕД; СТРАНА РОЖДЕНИЯ – СССР; МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ; ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА УЛИЦЫ ДЕТСТВА; ВРЕМЯ ЖИЗНИ; НЕ- ОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО; УЧИТЕЛЬ; СТРАНА ГОЛУБИНО- ГО ДЕТСТВА; Я – БУКВА «Ж»; ЭТО – ЖИЗНЬ	(12+)	52
--------------------------------	--	-------	-----------

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Наталья ЛУККАРЕВА	«СОЛНЦЕ СЛЕПИЛО, МОРОЗ СОГРЕВАЛ...», <i>СТИХИ</i>	(12+)	134
------------------------------------	---	-------	------------

К 300-ЛЕТИЮ КИЖСКОЙ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Борис ГУЦИН	АЛЛЕЯ ТОПОЛЕЙ; СИНИЙ? СИНИЙ. ПРЕЗЕЛЁНЫЙ? КРАСНЫЙ ШАР!; СЕКУНДЫ О ЛЮБВИ, <i>рассказы</i>	(12+)	136
------------------------------	--	-------	------------

СЕВЕР

К 300-ЛЕТИЮ КИЖСКОЙ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Виктор (16+) **ТУМАНОВСКИЙ** НЕВЕСТА, рассказ **143**

Наталья В ОБЪЯТИЯХ ПАРИЖА; (16+) **АРХИПОВА** ТАНЕЦ НА УГЛЯХ, рассказы **154**

Николай «НАПАСТИ ГДЕ-ТО (12+) **ШИЛОВ** ЗА ГОРАМИ...», стихи **159**

Олег КАТЕШКА; ВОЛК ДА ЗАИЦ, **СКОБЕЛЕВ** сказки (12+) **160**

МУЗЫ И КОНФУЗЫ

Александр **КОВАЛЕВ** ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ (12+) **163**

Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Сергей **МАРКЕЛОВ** ЛАДОНИ, рассказ (12+) **226**

ПО РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Юрий **ЛИННИК** МОНРЕПО (16+) **204**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав «БОЛЬШОЙ ДАР У НИКИТИНА...» **САВАТЕЕВ** (штрихи к портрету писателя) (12+) **230**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

На обложке – фото
Владимира Ларионова,
Михаила Скрипкина

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации
областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно
отражает точку зрения редакции
на затронутые темы.

За точность фактов и цифр
ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности
платить авторский гонорар.
Авторам высылаются журналы
с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут
опубликованы.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

При использовании материалов,
опубликованных в журнале, просим
непрерывно ссылаться на «СЕВЕР».

☎ (8142)

гл. редактор 78 47 36

отв. секретарь 78 47 36

отделы: 78 48 05

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

Адрес редакции: **185035, г. Петрозаводск,**
Пушкинская, 13, журнал «Север»

© АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Елена Витальевна КОВАЛЕВА

*родилась в городе Вольске Саратовской области.
Окончила Саратовское художественное училище
и художественно-графический факультет
Орловского государственного университета.
В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию
по истории философии в РГПУ им. Герцена.
Автор поэтических книг «Холст и шелк» (2008)
и «Такие странные дома» (2010).
Лауреат всероссийского литературного фестиваля-
конкурса «Хрустальный родник» (Орел, 2011).
В журнале «Север» публикуется впервые.*

**Елена
КОВАЛЕВА**
г. Орел



Мои города

РЫБИНСК. СТАРЫЙ ОСОБНЯК

Печальные уездные палаццо —
Осевший цоколь, полинявший цвет,
Потеки, щели... скоро сотня лет
Забвенья — остается удивляться,
Что свет горит и чья-то жизнь чужая
Мерцает. Притягательно тепло
Зеленой лампы — взглядом провожаю
Неясное движенье за стеклом.
Все кажется, что там, в уютной зале,
Ушедший мир, за шторой таясь,
Еще живет — и прошлый век в начале
Пути, и кровь еще не пролилась...

* * *

Пасмурная Астрахань, ампиры
Старого губернского пошиба —
Незаметно обветшавший мир
В сумерках хорош бывает. Либо
Осенью, когда уйдет жара
В Тегеран, за солнечные воды
Каспия, а с севера ветра
Принесут прохладные погоды —
Мягких туч сплошное полотно
Влагой тронет выжженные крыши,
Занавесит кисеей окно,
Станет город сумрачней и тише.
И увижу ясно смысл пути:
Здесь, где к морю подступает Волга,
В Азию Европу привести
Мы смогли, пускай и ненадолго...

ДОМ В ВИТЕБСКЕ

Пол-этажа в культурный слой
Ушло, но смотрит чуть надменно —
Следы манерности былой
Хранят разубранные стены.
Пилястр тяжелых точен строй,
Характер местного модерна —
«Под Ренессанс» — являет, верно.
Войди в парадное, открой
Век арт-деко и символизма...
Но дверь в период катаклизмов
Сменило низкое окно.
И над балконом лен в цветочек
Средь итальянских заморочек
Висит насмешливым пятном.

ВОЛЬСКУ

Астры догорают во дворах,
Тишина на улочках старинных.
Робкий ветер в зябнущих садах
Хрупкие целует сентябрины,
Теребит последнюю листву
Над немым пустеющим фонтаном
Со скульптурой вычурной и странной,
Виденной когда-то наяву,
Так давно, что явственных следов
В памяти отыщется не много
Городка того, что одиноко
Спит средь серых бархатных холмов.

* * *

Москва! Целую штукатурку
Твоих обветренных, продымленных домов.
Прими как скромный дар моих шагов
Немузыкальную, но легкую мазурку.

Пусть ветер мокрым снегом залепил
Очков вспотевшие, захватанные стекла,
Пусть я давно промерзла и промокла,
Пусть даже не осталось больше сил.

Но снова как безумный мотылек
Сквозь стужу рвусь и рвусь к тебе навстречу,
И кажется, вот-вот в окне замечу
Лишь для меня зажженный огонек...

* * *

Каргополь, город на поле вороньем,
Долго встречает, да скоро хоронит
Зеленоокое нежное лето –
Где ты, мой ангел лазоревый, где ты?
В светлых проемах глазниц колокольни,
Не различающих мир этот дольний,
В тесных углах деревянного дома,
Где и солома бывала едома,
В радостных возгласах чад человеческих,
В хрупкой душе, что камней вековечней, –
В ней отразившись, просевшие стены
Тоже сподобились доли нетленной:
В памяти нашей свежи и сохранны
Все нанесенные временем раны.

НА СНИМОК ПЕТЕРБУРГА

Забытый двор – должно быть, Петроградка –
Я узнаю сухие тополя...
Антенна, точно мачта корабля,
Возносится над бездной беспорядка,
И провода натянуты как тросы.
Лишь паруса куда-то унесло,
И водостока старое весло
Надломлено и прилепилось косо.
Фрегата трехэтажного осанка
Еще горда, и окна высоки,
Но осенью исполнена тоски
Модерна разоренная изнанка...

САРАТОВ. БЫВШАЯ НЕМЕЦКАЯ

Улица уютная, как дом,
Как салон с диванами и пальмами.
Говорили, в общем, не о том
Фразами чужими и случайными.
Ты кому-то прокричал: «Привет!»
Здесь полно досужих завсегдатаев.
Не исчислить пролетевших лет –
Встреч нежданных здесь ждала когда-то я...
Улеглось, и только иногда
Черным ходом вниз без провожатого
Выхожу беспечно в никуда –
В сумерки ожившего Саратова.

На дворе буйствовал осенний ветер. Он безжалостно срывал последние листья с оголённых деревьев и яростно швырял их под ноги редким прохожим. А потом ещё взял да и свистнул на помощь дождь. Тот, мокрый проходимец, холодный и косой, с угодливым усердием стал хулиганить ещё больше, зачем-то обклеивая бурыми листьями стёкла святающихся окон школы.

А на лестничной площадке между первым и вторым этажами толпилась детвора. Первоклашки соревновались в довольно трудном деле – прыгали вверх по ступенькам одиннадцать раз, как бы переходя из класса в класс. Причём прыгали ни за что не держась и сразу двумя ногами. Кто придумал такую забаву?

Илона невольно остановилась у окна. Сделала вид, что любит золотым покровом осени, а сама искоса, чтобы не отвлекать внимание ребят от игры, наблюдала за тем, как курносая девчонка, прикусив губу, силилась совершить очередное восхождение. Мальчишкам прыжки давались легче, а у девчонок от этих невероятных усилий на носу выступали капельки пота и чёлки липли к упрямым лбам. Вот девчушка, не удержавшись, слегка дотронулась рукой до стенки. И тут же дружный рёв мальчишеского возмущения обрушился на её бедную голову:

– Эй, Сорока! Самая умная, что ли?!

– Иди в конец!

– Давай-давай! Хитрюга!

– Пошатнулась! Да ещё рукой до стены дотронулась!

– Все видели! Вали назад, недотёпа!

Девчушка, нахмурившись и обиженно скривив губы, спустилась вниз и встала за крупным белобрысым пареньком, который, для пушей важности ещё и погрозил ей кулаком:

– Не вой! И учись у меня, пока жив!

Услышав эти до боли знакомые ей фразы, Илона не могла сдержать улыбку. Так обычно говорил её одноклас-

Надежда
ВАСИЛЬЕВА

г. Петрозаводск

Гагара

повесть

сник и в ту пору злейший враг, Борька Тарасов. Её прыжки по лестнице жизни начались не со школьной, с детсадовской поры.

Видимо, всё-таки почувствовав её внимание, паренёк мельком оглянулся. Илона быстро перевела взгляд в окно. Погладила ладошкой запотелое стекло в том месте, где к нему с уличной стороны прилип яркий кленовый лист. Мальчишка, не увидев ничего подозрительного, отвернулся и снова стал с азартом следить за прыжками одноклассников, которым не было никакого дела до какой-то там студентки-практикантки. Это тебе не своя учительница, командный голос которой миглом заставит всех расступиться и прижаться спиной к крашеной стене с облупившимися прорехами в такой ненадёжной штукатурке.

Тихо шмыгала носом Сорока, переживая по поводу своей неудачи. Упрямый взгляд зеленых глаз выдавал завидную целеустремлённость. Она явно копила силы для новой попытки восхождения.

Птичье прозвище было в детстве и у Илоны. Её называли Гагарой.

* * *

«Гагара! Пстой!» — как наяву услышала знакомый весёлый голос Борьки Тарасова. Они тогда уже заканчивали одиннадцатый класс. Стоило всплыть одному этому эпизоду, как перед глазами тотчас замелькали клипы той школьной поры. И видения эти, словно кленовые листья, гонимые порывистым ветром, один за другим, уносились в бесконечную даль.

— Гагара! Пстой! Пстой же!..

Но Илона даже шаг не замедлила. Ничего хорошего ей эта встреча не сулила. Опять будет доставать своей тошнотворной любовью!

— Да подожди ты! Куда несёшься?! У меня к тебе разговор самый серьёзный! — И его тяжёлые бутсы громко застучали по асфальту. Он догонял её и уже напряжённо дышал в затылок. Только этого ей и не хватало! Не только в школе, но и в выходные от него покоя нет!

Последние два года Борька преследовал её буквально по пятам. Перед глазами, куда ни по-

верни голову, постоянно вставала его наглая веснушчатая физиономия с восторженной улыбкой идиота. Хоть бы скорее школу закончить, что ли! Да уехать куда-нибудь подальше от его домогательств. Он-то вряд ли будет куда поступать. Извозом займётся, как парням говорил. А значит, останется в их небольшом районном городке. И скорее всего, навсегда. Под крылышком «почитаемого» в городе папаши.

Отца Борькиного знали все — от мала до велика. Он был начальником их районного отделения милиции. В детском саду своим отцом Борька очень кичился. В начальной школе говорить о нём стал меньше, а в старших классах любое упоминание об отце его просто бесило. Однажды математичка, выводя в Борькином дневнике жирную «единицу», усмехнулась: «Отец у тебя, Тарасов, такая уважаемая в городе личность, а ты в кого пошёл?» — «Как «в кого»? В папочку! — опёрся ладонями об учительский стол Борька и приблизил свой чуб к самому лицу математички: — Я его тоже уважаю, беру за хвост и провожаю! Понятно?!» — «Это ты про отца так говоришь?!» — отпрянув от него, бледными губами прошептала та. «А как вы угадали? — продолжал издеваться Борька. — Про него, любимого! И этой «уважаемой личности» ваш привет обязательно передам!»

Со злопамятной математичкой никто бы в классе так разговаривать не посмел. И теперь все ждали, когда же она начнёт Борьку гнобить. Но та будто вообще забыла про Борькино существование. И случай этот «канул в Лету».

— Ты чего всегда такая смурная?! — легонько тронул Илону за локоть Борька. — Выходные впереди, и... лето не за горами, а ты всё хмуришься. Экзаменов боишься или случилось что?

— С чего ты взял?

— Разговаривать не хочешь!

— Тороплюсь!

— Не ври, Гагара! Я ведь тебя насквозь вижу!

— У меня, между прочим, имя есть!

— А чем тебе Гагара не нравится? — довольно искренне удивился Борька. — Меня вон Бульбой до сих пор прозывают. Ну и что! Не сержусь. Пусть хоть горшком назовут, лишь бы в печь не ставили. — Довольный своим юмором, Борька захохотал. Илона только криво ухмыльнулась на его плоскую шутку. Счастливый! Как

мало ему для радости надо! Борька, не заметив её усмешки, продолжал забавлять себя: — А гагара — такая привлекательная птица! Так что ты это ... зря. — И зашептал прямо в лицо, чуть понизив голос: — Давай вечером встретимся, по душам поговорим, а? Можно ко мне пойти, шампанского по бокалу выпить. Предки на дачу укатили. — Он нервно подкидывал рукой вверх теннисный мячик и ловко, не глядя, ловил его. Любимое занятие дебилов!

— Я по вечерам занята. Занимаюсь. Так что извини.

Борька не отступал, схватил её за руку и выдохнул прямо в самое ухо:

— Ведь знаешь, что с детства до тебя сам не свой!

— Отпусти! Слышишь?! — откинула она его от себя плечом. — Лучше бы ты, Тарасов, какого-нибудь пса бездомного своей любовью обласкал!

— Ты мне что, не веришь?! — взорвался Борька.

— Постесняйся людей! Вон на нас уж прохожие оборачиваются!

Борька оглянулся. Кое-кто из прохожих действительно задерживал на них свой взгляд. В расширившихся Борькиных зрачках сверкнула злость.

— Да я на них плевать хотел! Любому сейчас морду начишу! Чтобы пропал интерес любопытничать!

— Прекрати!

— Всё Владьку забыть не можешь?! — с горечью вырвалось у него.

— А тебе-то какое дело?!

— Да его кости уж сгнили давно! Нет его, нет!!! Понимаешь?! А я есть! И люблю тебя! Станешь моей — слово даю: всю жизнь на руках носить буду!

— А ты меня спросил? Мне это надо?!

Но Борька, как всегда, ничего не хотел слышать. Ему, как всегда, всеми правдами и неправдами хотелось добиться своего. Завидная целеустремлённость! От кого это у него? От папаши, наверное.

— Короче, сегодня вечером в парке! Буду ждать тебя! Точка!

Внутри у Илоны всё заклокотало, забурлило. Ишь, распустился! Приказывать он ей будет! С детства пытается ею повелевать да запугивать! Ну уж нет! Не выйдет!

— Не жди! Всё равно не приду! И никогда твоей не буду! Заруби себе на носу! — и устремилась дальше с такой решительностью, что Борька отступил.

— Не буди во мне зверя, Гагара!!! — угрожающе прокричал ей вслед Борька. Но, слава богу, кажется, отстал.

Все выходные отсидела дома. Хоть на дворе уже вовсю хозяйничал бесшабашный май. Голлову дурманил запах зацветающей черёмухи, и птицы заливались на все голоса, подразнивая таких, как она, домоседов. Асфальтовая дорожка, что вела от крыльца к калитке, была давно сухой, а лес, такой свежий, обновлённый, манил своею простодушной открытостью. Скоро можно уже будет спать в мансарде, что была выстроена отцом на чердаке. В мансарде было два окна. Из одного был виден сосновый бор на взгорке, из другого — берёзовая роща, что простиралась до самого горизонта, где когда-то были совхозные без конца и края поля. Теперь осиротевшие и никому не нужные, они зарастали крапивой, купырём, сурепкой, иван-чаем, меняя свою окраску несколько раз в течение лета. Кое-где уже начинал прорастать кустарник. Из одного окна мансарды можно было наблюдать восход, из другого — закат. Жаворонком Илона не была, восходы наблюдать доводилось не часто, а вот закаты!..

Дом свой Илона любила, хоть и небольшой, без второго этажа, но просторный. На троих — три комнаты. Да ещё веранда, которая служила им столовой в летнее время. Под окном её комнаты — палисадник, где в конце июня зацвели бордовые георгины, белые махровые мальвы и даже голубые гладиолусы. Редкостный сорт этот откуда-то привезла мама. За цветами ухаживала Илона. Цветов было много везде: не только в палисаднике, но и вдоль всей асфальтовой дорожки. Правда, здесь старалась высаживать низкорослые сорта: анютины глазки, бархатцы, петунии. В летний период в доме был водопровод. А зимой, как во всех частных домах, воду наливали в умывальник. Их участок был самым крайним к лесу. Уличная дорога за домом сужалась и переходила в тропинку, которая вела на взгорок, в сосновую рощу, а потом, извиваясь ужом,

опускалась к реке. Березняк начинался за домом и огородом. В нём тоже было очень красиво. Берёзы росли необычно высокими. Их кроны, казалось, упирались в самое небо. Дом был в три раза ниже берёз, белые стволы которых почти не имели сучьев. И роща с мансарды просматривалась насквозь до самого поля, которое в начале июня покрывалось золотом одуванчиков. Словом, куда ни глянь — такая красота! Было и ещё одно важное обстоятельство, которое больше всего грело душу. Ни один из её одноклассников не жил в этом районе. Миновав черёмуховые заросли, что отделяли их частный сектор от города, оказывалась совершенно в другом мире — умиротворённом, без этой городской суеты, суматохи и бесхозяйственности. Ведь только в городе можно увидеть на обочине дороги заросший травой грузовик или полуразвалившийся каркас недостроенного дома, не говоря уже о мусорных контейнерах, с которыми так безжалостно расправлялся ветер. После выходных в контейнерах скапливалось столько отходов, что крышки уже не закрывались. За ночь ветер разносил всё это «добро» за сотню метров. И выходявшие на работу из домов люди брезгливо кривились и чертыхались, кость в душе непогоду, безответственное ЖКХ, неряшливых соседей и даже мерзкий понедельник.

В их частном секторе такого не было. Соседи все — как на подбор. Дома справные, участки прибранные. Такой порядок видела только в Финляндии, куда лучших учеников школы отправили однажды в летний лагерь. Всё хорошо, если бы только не эти черёмуховые кусты!..

Захотелось надеть старенькие джинсы, куртку, кроссовки и рвануть на природу — послушать, как шуршит под ногами сухой сероватый мох соснового бора, потрогать рукой тёплую шершавую кору старых сосен. Или побродить по берёзовой роще, слизывая с заскорузлых ран шелковистых стволов сладкие капельки засыхающего сока. И не думать ни о чём! Просто созерцать эту ни с чем не сравнимую красоту, вдыхать её, наполняться её жизненной силой.

Задумалась. Последнее время всё чаще поднималось что-то в душе, рвалось наружу. Если бы умела, писала бы, наверное, стихи, но рифмы с ней дружбу не заводили. Если какие и

проклёвывались, то были такими примитивными, как детские скороговорки. Зато у подруги Светланы получалось. Одно из её стихотворений Илона даже наизусть выучила.

*Сгребают листья и сжигают на кострах,
И горьковатый дым слезой застыл в глазах.
Живу я будущим, и прошлого не жаль!
И это дым в глазах моих, а не печаль.*

*Но память, как костёр, горит в душе моей,
И листья жёлтые, как тени прошлых дней.
Ведь даже поезд не проходит без следа,
Так не клянись, что их не вспомнишь никогда!*

Вот кому прямая дорога в филологию! Её, Илону, всегда тянуло к Светлане. И не только потому, что та умела писать стихи. Притягивались друг к другу, как разно заряженные магнитные полюса. Они были совсем не похожи. Даже волосы у них были разными. У Светки вон какие светлые кудри, а у неё пряди не понять какого цвета, словно их тёмным пеплом кто посыпал. И такие непослушные. Каждый день мыть надо, иначе не уложить, топорщатся во все стороны. Характер у Светки покладистый, уступчивый. Со всеми соглашается, а если и другого мнения, то просто деликатно промолчит. И этого никто не заметит. Даже Борька обидного слова для неё не находил. И по прозвищу Татарка, как бывало в детском саду, давно уж не зовёт. Такая вот она, Света Татарина! Плывёт себе по течению, как самая безобидная щепка, легко и беспрепятственно. Зато все её любят: и учителя, и сверстники. А в голове фонариком зажглось: «Зависть это у меня, что ли?» Да нет! Зависть, это когда зла желают. А она разве плохого ей хочет?!

Это успокоило. И всё-таки лучше выучиться на школьного психолога. Хотя... Какой из неё психолог?! «Отношения с окружающим миром», как любила повторять бывшая их классная Алла Ивановна, выстраивались у неё нелегко. Вот и Борьку взять...

Лежала на тахте и листала книжку с цитатами великих и мудрых: «Самый лучший способ защитить себя от проблем — превратить своего врага в друга!» Чушь какая-то! Как можно превратить Тарасова в друга?! Он бы, конечно,

рад, только ей как себя пересилить? От одного его развязного голоса в дрожь бросает.

В понедельник в школе Борька её своим взглядом не точил. Даже когда поворачивалась в его сторону, видела Борькин выпуклый затылок. Дошло, наверное. Слава богу! Ведь прямым текстом влепила. Чего уж там не понять!

Вечерами выходили со Светкой на прогулку. Чаще всего анализировали поступки и характеры одноклассников. Нет, не «косточки перемывали», как это обычно делали другие девчонки в их классе. Ведь выискивали не только плохие, но и хорошие черты, даже в Борьке. А что? Трусом Борька никогда не был. Скорее наоборот, всё время лез на рожон. От своих проделок не отмазывался. Свою вину на других не валил. Разве что однажды, ещё в детском саду. Но это когда было!.. На справедливые упрёки и даже наказания не обижался. От критики, правда, отмахивался. А кто её любит? Ни подлизой, ни притворой назвать его тоже было нельзя. Но с другой стороны посмотреть — откровенный хам и выпендрёжник. И усмехнулась, вспомнив случай, который произошёл однажды на уроке истории.

Учитель истории Фёдор Евгеньевич, хоть возраста довольно преклонного, к девочкам был заметно «неравнодушен», чего не могли простить ему парни. Когда кто-нибудь из девочек строил ему «масленные глазки», историк весь смущался и улыбался как ребёнок, выдавая свою слабость, как говорится, «с потрохами». При этом почему-то начинал поглаживать затылок, на котором только и сохранились остатки волос. Особенно удавалось это Люське Ершовой. Красавицей Люську назвать было нельзя. Обыкновенная простушка, каких в школе, как любит сказать мама, «пруд пруди». Но вот женские округлые формы не заметить было нельзя — они вызывали затаённый интерес мальчишек и откровенную зависть девочек в классе. У Люськи были одни пятёрки по истории. Получала она их запросто. Выйдет к доске и начинает жеманиться. Маленькие глазки свои и скосит, и закатит, а потом таким фальшивым умилением наполнит, что смотреть противно. Парни от смеха катаются! А Фёдор Евгеньевич по столу кула-

ком стучит: «Садись, Ершова, пять. Не дают слова сказать! Ну-ка, Чижиков, к доске! Повтори, какой я вопрос Ершовой задал!» Беспомощный Витькин взгляд начинал метаться по классу, умоляя о подсказке. И даже шея вытягивалась, как у гуся. И ладонь к уху рупором приставлена. Благо, Фёдор Евгеньевич стоит к нему спиной. «Садись! Единица! На уроке учителя слушать надо. А не рожи кривить». — Демонстративно шаркая ногами по полу, Витька шёл к своей парте и угрожающе шептал: «Ну, погоди, Федя! Отольются мышке кошкины слёзки!»

В классе историю никто не учил. Знали только перечень общественно-экономических формаций, схему смены которых Фёдор Евгеньевич упорно рисовал на доске почти на каждом уроке. Это был его излюбленный конёк. Что ещё нового говорил — никто не помнил. Каждый занимался своим делом. И хоть Фёдор Евгеньевич после очередной фразы повторял: «Тише! Шумно в классе!», класс не затихал, потому как на замечания Фёдора Евгеньевича никто и никогда внимания не обращал. На его уроках все сидели не на своих привычных местах, а пересаживались куда кому вздумается. И даже при этом открыто гуляли по классу. Знали: историк никому жаловаться не будет. Его репутация среди родителей школьников и так была под угрозой. Возмущённые письма шли и директору, и в управление районным образованием, но там работала его жена. И все заявления бесследно исчезали. К тому же мужчины в школах вообще «дефицит». Вот и у них: директор, Георгий Иванович, физрук и историк. Уроки истории директор посещал часто. Но в его присутствии, разумеется, никто никаких вольностей себе не позволял. Хотя один прокол был. Как-то Славка Кравченко, что жил в интернате для ребят из соседних деревень, на урок опоздал и директора, сидящего за задней партой, не заметил. Проходя мимо учительского стола, остановился, погладил Фёдора Евгеньевича по лысине и, нагло улыбаясь, сказал:

— Вы, Фёдор Евгеньевич, причесаться забыли. А ведь у нас столько красивых девочек в классе! Стыдно, батюшка! Может, расчёски нет? Так подарю. — И демонстративно вынул

из кармана расчёску да ещё стал сдувать с неё прилипшие волосинки.

И тут гробовую тишину разрезал глухой голос Георгия Ивановича:

— А ну-ка подойди сюда, мальчик! — Вместо звука «ч» у директора всегда звучало «ц». Георгий Иванович был южных кровей. Славку как ветром сдуло — только дверь хлопнула. Что было потом, гадали всем классом. Несколько дней Славка в школе не появлялся, а когда пришёл, рассказывать что-либо категорически отказался. На все докучливые вопросы только отмахивался. Из чего следовало, что досталось ему нехило.

И всё же измываться над историком в классе продолжали.

Однажды Борька сел сзади Илоны и заговорщицки прошептал:

— Гагара! Давай хохму устроим. Я сейчас тебя буду тихонько по спине линейкой бить. А ты вой подними, отмахивайся, Феде жалуйся, ладно? Он от тебя без ума! Сразу заступаться ринется.

И не успела Илона ничего ответить, как Борька защёлкал линейкой по спине, не больно, хохмы ради.

— А что Тарасов слушать мешает! — подала голос она. И, развернувшись, с превеликим удовольствием звезданула Борьку наотмашь по упругой груди. Фёдор Евгеньевич одним прыжком оказался у Борькиной парты.

— А ну, Тарасов, прекрати сейчас же!

И тут Борька такое выдал — вдруг вскочил, рванул на груди рубаху, да так, что звонко посыпались на пол железные пуговицы, и заорал словно сумасшедший:

— На, гад! Стреляй в революцию!!!

Фёдор Евгеньевич отпрянул, а класс после минутной тишины взвыл! Фраза эта была выдрана Борькой из известного сериала, который в ту пору шёл по телевидению. И даже Илона не могла сдержать смеха. Борька, довольный своей шуткой, простодушно лыбился ей, смешно растягивая руками щёки в стороны. Гоготал не только класс, смеялся вместе со всеми и сам историк.

Вот такой он, Борька Тарасов! Причём ещё настырный и своенравный до безобразия! Пристанет, как липкая смола к рукам, от которой не

отскоблить ладони, чем только ни три! И вообще, если перечислять его «тараканов», ни на руках, ни на ногах пальцев не хватит. Словом, одиозная личность! Выражение это — «одиозная личность» — Илона узнала совсем недавно. И к Борьке, на её взгляд, оно очень подходило! Как он тогда про Владика сказал?! «Кости давно сгнили...» Идиот! Владик ему, Бульбе, не чета! И останется в её памяти на всю жизнь!

В субботу, гуляя со Светкой по парку, всё время оборачивалась, словно чей-то неотвязный взгляд колотил ей спину.

— Ты что, боишься кого? — спросила Светлана.

— Да ты что! Когда это я кого-нибудь боялась?! — Это было явной бравадой. Поняла, но перед подругой каяться не стала. Вычитала где-то, и врубилась слова в душу: «Покайся в своём грехе Богу — и будешь прощён. Покайся людям — и будешь осмеян!»

— А зачем тогда оглядываешься на каждом шагу? — допытывалась Светка. Светкина манера задерживать дыхание перед каким-нибудь шекотливым вопросом Илону всегда раздражала. Наберёт воздуха в лёгкие, откроет рот и замолчит, будто раздумывает, озвучить мысль или нет. Вот и сейчас выдохнула: — Ждётся кого-то?

Что пристала?! Видит же, что не хочется ей отвечать...

— Нет! — Прозвучало это резко и грубовато. Подруга обидчиво скосила на неё глаза. — Прости, пожалуйста, — поторопилась извиниться Илона. — Кого мне ждать-то, кроме тебя?! Сама ведь знаешь. Просто голова разболелась. Пойду домой, ладно?

Слукавила, конечно. Этот Борька вносил дискомфорт в её состояние. И хоть явных причин для волнений вроде не было, в душе поселился червь тревоги.

— Может, тебя проводить? — предложила Света. — Темно уже. А у вас там такие кусты непролазные.

Их улочка Молодёжная действительно пряталась за разросшимися кустами черёмухи. Во время цветения аромат черёмухи дурманит голову, а летом глазам открывалась ужасная картина. Деревья затягивались паутиной. Какая-то мелкая тля съедала листья дотла. И если бы

не паутина, можно было подумать, что на деревья обрушился великий пал, сжигая всё на своём пути. Видеть такое зрелище было больно, но кому есть дело до «ничейных» кустов? Тем более, что от уличной дороги их отделяла глубокая канава.

— Так проводить? — переспросила Светлана.

— Ещё чего! — отмахнулась Илона. — А потом я тебя провожать буду, да? Ну-ну! Или родителей мобилой вызывать? Мол, мы, тётки шестнадцатилетние, боимся темноты? Дурдом! Даже в голову не бери. До завтра!

Однако, проходя мимо кустов, стала невольно прислушиваться к каждому шороху и хрусту. Старалась не озираться по сторонам. И, отгоняя страх, принялась мысленно стыдить себя: «Ну что, Гагара?! Поджилки затряслись? Эх ты, птица вольная! Борьки испугалась! А страхи-то, они притягивают неприятности. Подруг этому учишь. А сама довела себя трусостью до слуховых галлюцинаций!» Только какие там галлюцинации... Опять этот хруст!.. Кто там: человек или зверь? Звуки становились всё отчётливее. Остановилась, затаила дыхание. И тут на неё сзади кто-то накинулся и крепко зажал рот рукой. В лицо пахло перегаром, и пьяный Борькин голос прошептал:

— Молчи, Гагара! Не больно будет! Я для тебя пуховое ложе подготовил.

Сильные Борькины руки потащили её через канаву в заросли кустарника. Губы склеил липкий пластырь. Вот изверг! Бандитских сериалов насмотрелся. А грубые Борькины пальцы уже скользили по её голым ногам. И всё смешалось в голове: боль, гнев, стыд, отчаяние! Всплыла в памяти та картинка из далёкого детства: тот «тихий час» в детском саду. Взрослые пьют чай в соседней комнате. Борька всасос целует подушку, называя её женой, и прыгает на подушке самым постыдным образом. А она от ужаса и гадливости натягивает на голову одеяло, чтобы не видеть и не слышать всего этого.

И снова Борькин возбуждённый шёпот-бред в самое ухо:

— Прости, Гагара! Не хотела разговора, теперь терпи. Уж как получится!

Он опрокинул её на что-то мягкое, придавил своим грузным телом и стал целовать лицо,

шею, грудь. Войдя в раж, на миг потерял бдительность, отпустив её правую руку. И рука эта, освобождённая из плена, мгновенно нащупала камень. Довольно увесистый, с острыми краями. Крепко сжала камень и изо всех сил размахнулась. И тут отчётливо услышала тихие Борькины слова: «Не бойсь! Не трону!»

Но руку уже было не остановить!!!

Он вскрикнул и обмяк. Пришла в себя, почувствовав на лице что-то тёплое и липкое. И затошнило от жуткого запаха крови. С трудом выползла из-под Борькиного недвижимого тела и в ужасе вскрикнула, увидев вместо его лица кровавое месиво. Бросилась через канаву на дорогу, раскинув в стороны руки. Её ослепил свет фар.

«Стойте! Помогите!!!» Это кричит она или ей только кажется?

Машина затормозила. Из кабины проворно выскочили мужчина и женщина.

— Помогите! — еле прошептала Илона. — Я его убила! Он там, в кустах. — И тут же провалилась в какую-то мягкую темноту.

Очнулась в больнице. Возле постели сидела мама. Сразу и не узнала её. Красивое мамино лицо распухло от слёз, большие глаза превратились в «китайские щелочки».

Первое, что спросила:

— Он умер?!

— Не волнуйся, жив. Ему сделали операцию. Правда... — тут мама замаялась и почему-то отвела взгляд в сторону. Илона резко приподняла голову с подушки. Пытливо уставилась ей прямо в лицо.

— Что?!! Говори!

— Глаз, по-моему, спасти не удалось, — торопливо добавила: — Судебного процесса не будет. Борис во всём признался следователю, сказал, что сам виноват. Хотя можешь и ты написать заявление. Тогда отвечать придётся уже ему.

Илона застонала и покачала головой. Мама как будто даже обрадовалась.

— Я тоже так думаю, — тихо зашептала она, оглядываясь на больных в палате. — Подальше

от этого семейства надо... Про его отца знаешь что говорят?! — И наклонилась к самому её уху: — Всю милицию в кулаке держит. Выгородит он его! Сын ведь!.. Да и мать жалко...

Но Илона замотала головой по подушке. Ну что она такое говорит! Несёт какую-то ерунду! При чём здесь заявление?! Его отец?! Плевать ей на то, что он кого-то там «в кулаке держит!». Неужели теперь Борька без глаза останется?! Ведь не хотел он ничего плохого!.. И всплыли в памяти его последние слова: «Не бойсь! Не трону!»

Уткнулась лицом в подушку и больше не произнесла ни слова. И даже когда вошёл отец, не повернула головы, сколько он ни уговаривал. И потом несколько дней не открывала глаз, делала вид, что спит. Мама тихо плакала, отец тяжело вздыхал. Уходили, не прощаясь.

А через неделю ей разрешили зайти к Борьке в палату. Он всё ещё был под капельницей. Лицо всё в бинтах. Глаза закрыты. Может, спал, а может, как и она тогда, просто не хотел никого видеть.

Тихо присела на стул возле его постели. Он шевельнул губами. Но глаз так и не открыл.

— Я ждал тебя. Прости меня, Гагара, если можешь! И не вини себя. Не надо! Я получил то, что заслужил. И запомни: я... не встречал девчонки лучше!

Илона съёжилась. Опять он за своё! Господи! Что за человек такой?! Думала, злиться будет, прогонит. А он?!

Будто прочитав её мысли, Борька только тяжело вздохнул. И долго молчал. Наконец открыл глаза. Вернее, один глаз, красный и отёкший. Но совсем не злой.

— Знаешь, чем больше ты ненавидишь меня, тем сильнее меня к тебе тянет. Злюсь на себя, на тебя и... ничего не могу с собой поделать! Что это, а?! Двенадцать лет душевных мук! Помнишь, в детском саду? Камень в твоей руке!.. — Камень?! Какой камень? Про что это он? А Борька тем временем продолжал: — А может, ты ведьма? Ну улыбнись ты мне хоть раз! — Вот глупый. До улыбок ли тут! Вон как ноги дрожат. — Знаешь, как я завидовал, когда ты Владьке улыбалась!

Борька прикусил себе губу так сильно, что

на ней выступила капелька крови. Она протянула руку, чтобы вытереть, но он резко отвернул лицо в сторону.

— Я ведь не хотел тебя обидеть. Думаешь, пригласил домой для чего-то там?.. Нет, Гагара! А когда отшла — что-то во мне замкнуло. Много дней за тобой тайком наблюдал. Видел, как ты со Светкой в парке гуляла. Но подойти не решался. Боялся, что такого наговоришь! И в тот субботний день, оставшись дома один, перепил с горя! Вот башку и снесло!.. Разве мог бы так пугать... В здравом уме? Никогда! Ненавижу себя!

Голос у Борьки был таким подавленным и искренним, что у Илоны на глаза навернулись слёзы. И так хотелось верить этим словам! Смотрела на него, а в голове сверлило: «Неужели я и правда могла сотворить с человеком такое? Представить страшно! Камнем по лицу. Изо всех сил! Наверное, так больно было! И будет теперь всю жизнь смотреть на мир одним глазом. Крах всем планам и мечтам. Ведь даже водителем ему уже не стать».

И опять Борька вторгся в её мысли:

— Не надо меня жалеть! Лучше уйди! — и добавил уже еле слышно: — Прошу тебя, уйди, ладно?..

Но она не тронулась с места. Только отвела взгляд в сторону. Что он сказал про камень?! И вдруг пронзило смутной догадкой: так вот оно что! Камень!!! Мистика какая-то! Как в кино. Раз показали крупным планом ружьё — оно обязательно должно выстрелить. Так и тут: камень. Она в детстве сжимала его в руке. Но ведь не для того, чтобы кого-то ударить или уж тем более убить!

И всё поплыло перед глазами. И захотелось умереть!

Встала и медленно, спиной, попятилась к двери. Видела, как он закрыл лицо руками, чтобы она не могла видеть его слёз.

Вернувшись в свою палату, плюхнулась на больничную койку и отвернулась лицом к стене. Не ела, не разговаривала, не открывала глаз, не пила таблеток, не позволяла делать себе уколы. Тогда пришли санитары, силой перекинули её на каталку и повезли в другое от-

деление. Ей сделалось абсолютно всё равно: куда везут, зачем. Хоть сразу в морг. Ни одна мышца на лице не дрогнула бы. Ещё и лучше. Не брать самой грех на душу.

Потом всё-таки ввели в вену какой-то укол. И захотелось спать. Сколько ни силилась окинуть взглядом палату, сделать этого так и не смогла. Веки тяжело опустились на глаза, и сон, словно по мановению волшебной палочки, унёс её куда-то к водоёму.

Приснилось, будто она птица гагара. И ей так нужно взлететь. Она бежит против ветра, громко хлопает крыльями по воде. И наконец отрывается от земли и быстро-быстро летит в сторону рассвета.

Вот кто-то осторожно берёт её за руку. Илона с трудом поднимает свинцовые веки. Как ей хочется остаться гагарой! Ну что им всем от неё нужно?!

Женщина-врач, что присела на краешек её постели, возраста её бабушки. Этакий божий одуванчик в белом накрахмаленном колпачке, каких современные врачи давно уже не носят. Лицо маленькое, круглое и чуть припухлое от возраста. Глаза добрые, улыбочивые. Такими, как эта бабулька, в детстве представляла она себе волшебных фей.

Женщина ни о чём не спрашивает, а просто держит её руку в своих сухоньких ладонях, держит долго-долго. И что странно, от рук женщины исходит не тепло, а приятная прохлада. И вдруг почувствовала, что странная прохлада эта поднимается от рук к груди. В груди всё затряслось, из глаз хлынули слёзы. И уже не сдержат рыданий, громких, отчаянных, безутешных. Хоть пальцы себе все искусай! Не остановиться — и всё! Чей-то шёпот, таинственный и завораживающий, велит:

— Ну, а теперь рассказывай! Всё как на духу! С самого начала!

Задыхаясь от нахлынувших слёз и какого-то непонятого возбуждения, Илона начинает говорить. Быстро, торопливо, словно опасаясь, что её не дослушают, прервут, не поверив.

— Это всё началось с того камня, в детском саду! Не верите? Правда! Я держала его в руке и впитывала в себя его силу! И больше не ве-

рила никому, только камню и себе! Он был красивый, этот камень. Разноцветный. Если на него глядеть долго-долго, можно было увидеть и глаза, и нос, и усы. Я с ним даже разговаривала, как с куклой.

Что с ней творится?! Это она говорит или ей показывают кем-то отснятый скрытой камерой фильм?

Вот она сидит на «штрафной скамейке», куда сажали кого-нибудь из провинившихся на прогулке ребят, изолируя от группы. Сидит одна и крепко сжимает в руке камень. Шершавая поверхность камня до боли вдавливаясь ей в ладонь, заглушая ту, другую боль, от которой не избавиться уже несколько дней. Но она не плачет, даже ночью. Знает, что слёзы привлекут внимание ребят и они начнут над ней издеваться ещё больше. Она даже не болтает ногами, просто сидит и смотрит на землю, где беспомощно перебирает лапками перевернувшаяся на спину божья коровка. Коровку жаль. Она разжимает затёкшую руку, кладёт камень на скамейку, с опаской оглядывается на играющих вдалеке ребят, затем на воспитателей, которые что-то оживлённо обсуждают возле беседки, и помогает этой маленькой букашке с чёрными пятнышками на коричневатой спинке перевернуться брюшком к земле. Но та не торопится улетать. Тогда Илона тихонько шепчет: «Божья коровка, улети на небко. Там твои детки кушают конфетки. Всем по одной, а тебе ни одной!» Этому научила её папина бабушка, что живёт с дедушкой в деревне. Она много чего знает. Илона бы жила в деревне всю жизнь, если бы мама с папой согласились туда переехать. Магические слова делают своё дело. Божья коровка выпускает крылья и неспешно взлетает. Илона долго смотрит ей вслед. Но вот рука снова тянется к камню. Нет, она не собирается бросать камень в кого-нибудь из ребят. Это ведь так больно. В прошлом году ей нечаянно попало булыжником по ноге. Был большой и очень большой синяк. Просто ей так тоскливо одной. А с камнем можно даже поговорить. «Вот отсижу здесь сколько надо и снова стану такой, как все, — тихонько шепчет она камню. — И Тамара Петровна погладит меня по голове. Мальчишки не будут

больше обзывать и толкать. И Света снова будет играть со мной». Но камень молчит. Это ничего. Бабушка говорит, что камни умеют хранить тайны. Ему можно всё рассказать. Вот так, шёпотом, чтобы никто не услышал. Хотя к ней давно уже никто из ребят не подходит, не бросает колкучи в волосы, не швыряет песком в глаза и даже не называет Гагарой. Прозвище это совсем не обидное. Просто фамилия у неё такая — Гагарина. Ну Гагара и Гагара! Просто птица, которая плавает. В детском саду у всех прозвища: Васильева прозывают Васей, хоть он совсем не Вася, а Максим, Лёню Тузова — Тузом, Лену Ершову — Ершихой, Свету Татаринovu — Татаркой, хоть на татарку она вовсе не похожа: у татар волосы чёрные, а у неё — белые. И вообще, Света очень добрая, и они дружат, вернее... дружили! Но после бойкота, объявленного Илоне воспитательницей, Света к ней больше не подходила, а только с какой-то жалостью наблюдала за ней издалека. И даже в «тихий час», как прежде, не шекотала ей ладошку пальцами, тихонько протянув под одеялом руку. Их кровати-раскладушки стоят рядом. Сейчас Тамара Петровна строго следит за тем, чтобы никто из ребят не вздумал играть с ней. Бойкот есть бойкот. Он для тех, кто совершает плохие поступки. Она виновата в том, что рассказала отцу про «тихий час»...

Случилось это несколько дней назад. Обычно во время «тихого часа» воспитатели и нянечки уходили в соседнюю комнату младшей группы пить чай. Предупреждали, что в спальнях ведётся видеонаблюдение. Что, мол, они, взрослые, хоть и пьют чай, но всё видят по телевизору, кто и как себя ведёт. Но Борька Тарасов не верил, говорил, что всё это — «липа», что ничего они не видят, а сидят, как его папа говорит, да сплетничают. И в подтверждение этому однажды взял да встал, а потом и вообще прошёл по спальне, правда, на цыпочках. Осторожно подкрался к двери, которую на всякий случай воспитатели оставляли открытой, и тихонько прикрыл её. Голоса взрослых сразу стали тише и глуше. А Борька принялся кривить рожу, изображая победный восторг. Потом, нырнув в свою постель, начал вытворять такое, от чего у всех ребят разом выпучились глаза и они сели на постелях. Борька заявил, что подушка — его жена. Стал

крепко тискать её, целовать взасос, а потом и вообще, сняв трусы, упал на неё животом и принялся как-то странно раскачиваться на кровати. Что было дальше, Илона не видела, потому что натянула одеяло на голову. Ей отчего-то делалось так стыдно, что стало пылать лицо и даже волосы на голове взмокли. Слышала, как громко хохотали мальчишки, и громче всех Витька Чижиков, а девочки морщились и отворачивались: «Фу-у-у, дурак!» Но тут послышался голос Тамары Петровны: «Это кто там озорничает?! Кто спать другим не даёт?!»

Борька мигом утихомирился, закрыл глаза и притворился спящим. Да и все, кто хохотал, спрятались под одеяла. В спальне воцарилась затаённая тишина. Воспитательница присела на стул возле батареи. Никто не шевелился. Её присутствие ощущали даже с закрытыми глазами. Тамару Петровну побаивались в группе все без исключения. Голос у неё был необыкновенно громкий и какой-то стальной. И когда она кого-нибудь ругала, внутри у Илоны всё сжималось. Такое случалось с ней, когда кто-нибудь водил железом по стеклу. Пальцы у Тамары Петровны были грубыми и цепкими. Никому из мальчишек не удавалось вырваться из её рук, даже при сильном психе. От острого взгляда прищуренных глаз воспитательницы сердце у Илоны начинало биться часто-часто и внизу живота появлялся какой-то холодок. Хотелось скорее зажмуриться, чтобы не видеть её каменного лица. У Тамары Петровны косил один глаз. И было непонятно, на кого она смотрит: на тебя или на того, кто стоит рядом справа. Желая это понять, Илона всегда оглядывалась по сторонам. На что воспитательница едко говорила: «Я тебе говорю, тебе!» Илона часто хлопала ресницами, но спрятаться от пристального взгляда Тамары Петровны было некуда. Оставалось только опустить голову. Что она и делала.

Тамару Петровну боялись не только дети, но и нянечка Галина Трофимовна, хоть и была она намного старше воспитательницы. Шея у неё была тонкая и морщинистая, как у черепахи, что жила у них в «живом уголке». Бледные щёки складывались в глубокие складки. Галина Трофимовна сама никогда не повышала на ребят голос, только пугала: «Скажу вот сейчас

Тамаре Петровне! Будешь знать тогда!» Это звучало угрожающе.

Через несколько дней после того злосчастного «тихого часа» Тамара Петровна поманила её к себе пальцем. А Илоне почему-то сразу захотелось в туалет. Угадав её намерение, воспитательница прошипела:

— Куда?!! А ну, быстро ко мне! — Сжавшись в комок, Илона приблизилась. — Я вчера разговаривала с твоим отцом. Он сказал, что на «тихом часе» ребята у нас не спят, а занимаются «чёрт знает чем», в то время как мы, воспитатели, «спокойно распиваем чай». — Тамара Петровна в точности передала интонацию отца. Значит, папка всё-таки рассказал ей! А ведь она так доверилась ему! — Так чем занимались мальчики на «тихом часе»? — коршуном навис над ней вопрос воспитательницы. — Повтори мне то, что ты сказала отцу! Слово в слово. Ну?!! — Илона хотела проглотить слюну, но во рту слюны не было. — Что, от вранья язык отсох?! — потрясла её за плечо Тамара Петровна. — Я спрашивала у ребят. Они как один сказали, что дверь закрылась сама собой от ветра, который влетел в спальню через форточку. И что Тарасов в это время крепко спал и даже храпел. А ты что придумала?! Зачем ты позоришь нашу группу? Да после такого никто из ребят с тобой играть не будет! Кому приятно общаться с вруншей?! И попробуй только ещё что-нибудь рассказать своему папочке! Тебя в тот же день отчислят из детсада. Знаешь, какая очередь в детский сад? Каждое освободившееся место на вес золота.

Это было правдой. Родители дома часто говорили о том, что их семье «подфартило». А то бы с кем её, Илону, оставить? Бабушки жили далеко: одна, бабушка Лара, в другом городе работала врачом. Папины родители жили в деревне. У них там и корова, и поросёнок, и куры... Кто будет их кормить? Кто будет за ними ухаживать? В деревню к бабушке и дедушке Илона ездила с родителями только летом. И то всего на две недели. Папа работал электриком. Отпуск у него был небольшой. А маме ещё хотелось съездить к морю. У неё от её банковских бумаг «пухла голова». Бабушка Лара обычно подсаживалась к ним в поезде. Она тоже любила море. Считала, что морская вода, солнце и воздух помогают чело-

веку здоровым пережить долгую зиму. Как жаль, что лето уже прошло! Хоть бы Тамара Петровна заболела, что ли! Только где там! Она сама как-то смеялась, что даже вирусы её боятся, мимо пролетают. Интересно, а свинкой взрослые болеют? Им как-то делали прививки. Ребята сначала боялись подставлять медсестре руку для укола. Но Тамара Петровна пугала: «Вот не сделаете прививки, распухнут у вас шеи так, что будете похожими на поросят. А то ещё и хрюкать начнёте!» После этих страшных слов Илона в ужасе потрогала шею рукой. Неужели такое бывает?! И первой подошла к медсестре. Хоть игла на шприце была ужасно длинной!

Другая воспитательница, Ольга Васильевна, была моложе Тамары Петровны и не была такой строгой. Но и ей, скорее всего, рассказали про бойкот. Илона как-то подошла к ней и робко заглянула в глаза. Но Ольга Васильевна сделала вид, что торопится куда-то, и, развернув Илону, легонько подтолкнула в спину: «Иди играй!» И ни о чём не спросила. А ведь раньше всегда улыбалась ей и ласково прижимала к своему боку. Сердце у Илоны опустилось. Она побрела в раздевалку и села на низкую скамейку, на которую обычно садились ребята, когда обувались. А за ней — Тарасов.

— Ну что, ябеда? Нажаловалась?! Предательница! Таких, как ты, предателей, в войну немцы расстреливали! — И он стал изображать расстрел. Указательным пальцем целился прямо ей в голову. Илона закрыла голову руками. Конечно, палец не выстрелит, но всё равно страшно. И камня рядом нет. Тогда она изо всех сил сжала рукой деревянный край скамейки. Борька подскочил к ней и дёрнул за волосы. Не больно, но обидно. А Борька продолжал: — Вот сейчас надаю тебе, и ничего мне не будет. Знаешь кто у меня отец? Самый главный в милиции! Поняла?

Илона молчала. Отец у Борьки действительно был грозным и толстым. Когда он приходил за Борькой: такой строгий, в форме, ребята боялись даже нос высунуть из групповой. Хотя чаще всего Борьку забирала из детсада мама. Илоне Борькина мать нравилась. Худенькая, стройная и красивая. Глаза у неё были удивительно добрые, но взгляд кроткий и беспомощ-

ный, как у бездомного котёнка, которого однажды Илона обнаружила в деревянном сарае. Пока бегала к маме спросить разрешения взять котёнка домой, он подевался куда-то. Наверное, собак испугался. Папа сказал, что это к лучшему. Мол, котёнок бездомный и вшивый. Зачем только папа воспитательнице её тайну рассказал?! Ведь несколько раз спросила: «Не скажешь никому?» И он кивал, соглашался.

А Борька, между тем, всё донимал:

— Запомни: я самый сильный в группе!

— А вот и не самый! — не сдавалась Илона. — Лёня Тузов сильнее тебя!

— Ха! — паясничал Борька. — Нашла сильно-го! Да он, как мой папа говорит, рыхлый весь. Я его, если захочу, могу одним пальцем на пол завалить. Показать?

Сказать было нечего. Лёня действительно был, по сравнению с Борькой, словно ватой набитым. И даже ходил медленно, будто ему было лень передвигать свои толстые ноги. К тому же очень не хотелось, чтобы Борька Лёню на пол завалил.

— Запомни, Гагара! — оглядываясь по сторонам, доверительно прошептал ей Борька. — Я даже воспитательницы не боюсь.

Это было правдой. Тамара Петровна редко делала Борьке замечания. И никогда не тащила за ухо в угол, как других ребят. Просто грозила пальцем: «Папе скажу!» Лицо у Борьки сразу становилось каким-то кислым. Он на глазах сдувался, как проткнутый иглой резиновый шар. Тамара Петровна отца Борькиного обожала. В его присутствии она на глазах превращалась в царевну. Ни с кем из родителей Тамара Петровна не разговаривала таким ласковым голосом.

— А чего это ты, Гагара, в раздевалке сидишь? Своровать что-нибудь хочешь? — всё не мог успокоиться Борька. Говорил, а глаза у самого смеялись.

Илона покрутила пальцем у виска и тихо попросила:

— Отстань ты от меня! Слышишь? Прошу как человека.

— А ты лучше попроси! — откровенно издевался над ней он.

— Это как?!

— Поцелуй!

— Тебя?! — в ужасе сморщила лицо Илона.

— Тогда на колени встань! — быстро переиграл Борька.

— Злой ты! — глядя прямо ему в глаза, выкрикнула она. — Вырастешь и будешь бандитом! Будешь людей мучить!

— Глупая ты! — сплюнул ей под ноги Борька и, насупившись, наконец удалился в групповую.

Фильм закончился. Но врач не уходила. Стала ласково гладить Илону по руке. И она снова заговорила.

— Знаете, у меня в детстве были две любимые сказки: «Красная Шапочка» и «Гадкий утёнок». Красная Шапочка поражала своей смелостью. Ведь она не побоялась даже волка! И бабушку спасла. А «Гадкий утёнок» — эта сказка про меня. Всегда считала себя на него похожей. Такой же угловатой, неумелой и некрасивой. В детстве просила маму читать эту сказку много раз. Та удивлялась и говорила: «Ты же эту сказку уже давно наизусть знаешь!» Но я упрашивала так слёзно, что она снова начинала читать. А когда мама уходила, я плакала, зарываясь лицом в подушку. Потом слёзы кончились и я принималась мечтать о том времени, когда превращусь наконец из гадкого утёнка в прекрасного лебедя. И все откроют рты от восхищения. Все! Даже Борька! Нет, красивой я стать не хотела. И на то были причины...

В детском саду у нас было четыре группы. Обычно во время прогулок все воспитательницы стояли у беседки. Воспитательница младшей группы — её звали Софья Семёновна — была очень красивой, такой красивой, что я даже стеснялась смотреть на неё и всегда разглядывала лишь украдкой. Большие, раскосые и ярко-голубые, как у куклы, глаза, длинные пышные белокурые волосы, полные и красиво очерченные губы. И только голос у неё был неприятный, какой-то визгливый. Это она предложила ребятам играть в бабу-ягу, прекрасных принцесс и бесстрашных рыцарей. А когда стали распределять, кто кем будет, Тамара Петровна сказала, что бабой-ягой буду я. Девчонки, конечно, обрадовались. Никому не хотелось быть злой старухой. А мальчишки сразу выломали вицы, что-

бы заставлять меня бегать от них по площадке. И я бегала, пока они меня не окружили. Мне ничего не оставалось, как спрятаться за воспитатель. И я невольно попятилась ближе к ним. Мальчишки отстали, побежали успокаивать принцесс. Рядом с беседкой была песочница. Я присела возле неё и стала что-то чертить на влажном песке. У меня до сих пор сохранилась такая привычка. Если нервничаю, начинаю что-то чертить, не на песке, конечно, на бумаге. Воспитатели о чём-то шептались и потом громко смеялись. Софья Семёновна отшатнулась назад и чуть не наступила мне на руку. Ойкнула и резко развернулась в мою сторону. Увидев меня, заругалась: «Кто тут под ногами пугается?!» «Есть тут у нас одна известная особа!» — усмехнулась Тамара Петровна. «Ты что здесь делаешь?! Подслушиваешь взрослые разговоры?!»

От визгливых ноток в голосе Софьи Семёновны у меня сердце забилось так сильно — вот-вот выскочит из груди. И ноги перестали держать. Я как подкошенная шлёпнулась на песок.

«Поглядите на неё! Как устроилась! — снова возмутилась Софья Семёновна и, схватив меня за руку, оттащила на середину площадки: — Ну-ка, иди играй с ребятами!»

«Ну что ты на неё так взъелась, Соня?» — попробовала заступиться за меня Ольга Васильевна. Но Тамара Петровна оборвала:

«Брось ты, Оля! Соня права. Нечего им возле взрослых крутиться. Детям много потакать нельзя. Поверь моему опыту. Допустишь слабинку — на голову сядут. Пусть привыкает вместе со всеми играть. А то дикая какая-то».

«Добрые рыцари» только этого и ждали. Снова погнали меня по площадке, щёлкая вицами по земле. У дровяного сарая стали хлестать уже не по земле, а по ногам. На ногах образовывались бордовые припухшие ссадины. Я очень боялась, что их увидит мама. Когда она пришла за мной, я всё старалась натянуть подол юбки на ноги как можно ниже. Но мама всё равно увидела.

«Погоди-ка, погоди! — задрала она подол моей юбки. — Что это у тебя? Кто тебя так?! Тарасов?»

«Нет! Я сама. Мы шалаш из веток строили. Вот и поцарапалась», — как можно убедительнее тараторила я.

Мама, поверив, покачала головой.

«Ты у меня как мальчишка худой! Всё тебя на какие-то приключения тянет. Другая бы, как все девочки, в куклы играла. А этой надо какие-то шалаши строить».

Выдумка про шалаш звучала правдоподобно. У дальнего забора территории детсада действительно были спилены кусты. А ветки никто так и не убрал. Они, похоже, уже засохли, потому что листья пожелтели и скукожились. Мальчишки выламывали вицы из этой же кучи.

И про Тарасова маме тоже не соврала. Он, правда, не бил. И даже не злорадствовал, а кусал на пальцах заусенцы. Это он, Борька, подал своим «добрым рыцарям» идею отстать от бабы-яги, пока, мол, воспитатели не заругались.

Ночью ноги зачесались. Наверное, в вицы была вплетена ещё и крапива. Я скоблила кожу до крови. Но не это мешало заснуть. В ушах звучал визгливый голос Софьи Семёновны: «Ты что здесь делаешь?! Подслушиваешь взрослые разговоры?!» Засыпая, я думала: «Нет, лучше уж быть некрасивой, но доброй, чем такой красивой и такой злой».

На другое утро в детский сад я не пошла.

И снова на светлых больничных шторах, как на экране, задвигались тени, на глазах превращаясь в близких ей людей.

— Вставай, доченька! — умоляет её мама. — На работу опоздаю!

— Я дома буду! — отворачивается она лицом к стенке. — Не буду больше в сад ходить.

— А почему? Тебя кто-то обидел? — допытывается мама.

— Нет.

— Ну тогда прекрати эти фокусы! Знаешь какой у меня директор строгий! Уволит и глазом не моргнёт. Как жить будем? Папиной зарплаты на еду и то не хватит. А ведь ещё за квартиру платить надо. Обувь, одежду на какие деньги покупать будем?

— Зато за детский сад платить не нужно будет. Сама могу чай согреть. Буду книжки читать. И дверь никому не открою. Не волнуйся за меня, — всё пытается убедить маму она.

— Ты с ума сошла! До лета ещё целых три ме-

сяца. Да и к школе готовиться надо! В саду воспитатели с вами занятия проводят. — И тянет Илону за руку: — А ну, живо вставай!

Но Илона выдёргивает руку.

— В группу я больше не пойду! Сказала же!.. А насильно отведёшь — убегу! И никто меня не найдёт!

Мама смотрит на неё оторопело, ничего не понимая. Потом переводит взгляд на часы и хватает в руки мобильник.

— Алексей Владимирович, здравствуйте! Не могу сегодня выйти на работу. Да! Да! Дочь тяжело заболела. Буду вызывать врача и, вероятно, выйду на больничный. Температура? Ой, очень высокая!

Ну, мама! Выдумщица! Придумать такое!.. Интересно, а что она врачу скажет?

Мама закончила разговор и долго сидела на кухне. Видимо, обдумывала, что делать дальше.

— Знаешь, Илона, когда врач придёт, скажу, что ночью у тебя была очень высокая температура. И я не знаю отчего. Пусть обследуют, ладно? Сдадим анализы, сходим на приёмы к разным врачам. Хорошо?

— Я врать не буду! — совсем по-взрослому произнесла она. — Буду молчать. Скажи, что дочь глухонемая.

— Илона! Ну что ты такое говоришь? — Мамины брови подпрыгнули к самым волосам. И даже ладонь на сердце легла.

— А что? — сморщила лоб Илона.

— Нельзя так про себя!

— А про температуру высокую, значит, можно?

— Ой, горе ты моё луковое! — вздохнула мама.

Про «горе луковое» мама вспоминала всегда, когда ответить было нечем. А у Илоны вдруг прорвалось то, что нарывало где-то глубоко в груди:

— Зачем папа меня предал?! Зачем воспитательнице рассказал про «тихий час»?! Никогда вам больше ничего не расскажу!

И это было её последнее слово.

Ни мама, ни папа просто никогда не слышали её. Или делали такой вид. Они всегда куда-то торопились, словно жили не в доме, а на вокзале, где царит строгое расписание: еда, уборка, работа, поцелуи. И даже во время ко-

ротких и редких прогулок головы родителей были забыты чем-то таким далёким, что никак не соприкасалось с её миром. На все вопросы отвечали голосом равнодушного автоответчика. И хотелось одного: скорее «положить трубку». Один раз, правда, выслушали до конца про тот злосчастный «тихий час»!.. И что получилось?! Да лучше бы у неё и правда, как сказала тогда Тамара Петровна, язык отсох! И всё-таки её родители лучше Тамары Петровны и Софьи Семёновны. Особенно Илона любила те минуты, когда папа с мамой дурачились. Они разом становились такими красивыми! Жаль, что случалось это не так часто. Почему взрослые боятся дурачиться, как дети?..

Две недели мама водила её по всяким разным врачам. Ни на какие вопросы Илона не отвечала. Папа пробовал завести с ней, как он выразился, откровенный разговор. Но она уже досыта наелась этим «откровением». И потому, смерив его укоризненным взглядом, отвернулась. Тогда отец схватил её за бока и подбросил вверх, как это делал, когда она была совсем маленькой. Но и это не вызвало её улыбки.

Однажды вечером по дороге в магазин им с мамой встретила Тамара Петровна. Она как ни в чём не бывало потрепала Илону рукой по голове, отчего у Илоны шапка сползла на одно ухо, и любезно спросила:

— Что, дорогая моя, с тобой случилось? Почему в сад не ходишь? Болеешь?

Илона молчала. А что она должна была сказать? Демонстративно водрузила шапку на прежнее место.

— Ну, не хочешь говорить со мной — не говори, — с явно показным равнодушием произнесла Тамара Петровна. — Создаёшь маме с папой проблемы. Тебе ведь к школе готовиться надо. А ты?! — Тут Тамара Петровна перевела взгляд на маму и натянуто улыбнулась ей, подмигивая. Илона видела, как неловко стало маме. Она зачем-то открыла сумку и стала в ней что-то искать. А Тамара Петровна снова наклонилась к Илоне: — Тебя, между прочим, ребята ждут. Боря Тарасов тут как-то у меня спрашивал, почему Илона в сад не ходит?!

Зачем она говорит неправду? Никогда не называл Борька её Илоной. В лучшем случае —

«Гагаринова». А по имени — никогда. Хоть бы скорее эта Тамара Петровна от них отошла. Илона перевернула ногой какой-то камушек. И стала его рассматривать.

— Ох, и характерец у вашей дочери! — произнесла Тамара Петровна, обращаясь к маме. — Трудно вам с ней будет. Не позавидуешь. Ну а мне придётся на её место другого ребёнка брать. Вы уж извините...

Мама только плечами пожала.

— Я понимаю. Простите, Тамара Петровна, мы пойдём, а то чего доброго магазин закроется.

А потом приехала бабушка Лара. Взяла на работе отпуск на целых два месяца. С бабушкой было хорошо. Они с ней подолгу разговаривали обо всём. Только не про детский сад.

— Бабуль, — как-то спросила у неё Илона, — а почему мальчишки такие злые?

— Ну, не все, наверное, — удивлённо взглянула на неё бабушка. — От родителей многое зависит. Мальчики и девочки, конечно, отличаются. И не только ростом, силой и прочим, — тут она замаялась. Но Илона поняла. Мальчики и девочки в старшей группе на горшках вместе уже не сидят. — Вот вырастешь, будут у тебя дети — мальчик и девочка, научишь их уважать, ценить, любить и понимать друг друга. Договорились?

— Скажи, а маму с папой в детстве этому учили?

Вопрос, наверное, бабушке показался каверзным и явно завёл её в тупик. Видя это, Илона вздохнула и перевела разговор на совсем другую тему.

— Бабушка! А что за птица такая — гагара?

— Водоплавающая, — просто ответила та. — Чуть больше утки, но поменьше гуся. Красивая и независимая.

— Независимая? — удивилась Илона. — Как это?

— Да вот так. Всё в одиночку плавает, сама по себе. А по суше передвигается с трудом. Перепонки на лапах большие, как ласты. Зато с такими лапами нырять и плавать удобно.

— А какая она на вид? — Илоне так захотелось узнать как можно больше об этих птицах.

— Верх у неё тёмный, низ атласно-белый. На голове и шее красивый рисунок, — рассказы-

вала бабушка и, перебирая спицами, взяла шерстяные следки. — Однажды мне довелось их увидеть близко-близко. Гнездо, наверное, где-то рядом было, потому и подпустили. Когда к гнезду подходят люди, гагары устраивают шумные «танцы», отвлекая от своего жилища незваных гостей.

— Как это? — снова спросила Илона, осторожно дотрагиваясь до бабушкиной руки, чтобы та отложила в сторону вязанье. И бабушка поняла, отложила спицы.

— Раскроют крылья, вытянутся вдоль поверхности воды и вытворяют такое!.. — Глаза у бабушки засветились, словно она вновь смотрела на этот удивительный птичий танец. — Прилетают они парами и остаются верными друг другу. — При этих словах бабушка почему-то вздохнула. Может быть, ей вспомнился дедушка? Куда он делся — Илоне не говорили. Но раз мама родилась, значит, должен был быть. Про то, что маленьких детей приносят аисты, никто в их старшей группе уже давно не верил. И рассказал всю правду об этом мальчишкам Борька Тарасов. И даже уверял, что видел, как это делается.

Помолчав немного, бабушка с какой-то грустью добавила:

— Трудно им подстроиться под наш бурный век! — И вскинула на Илону смеющийся взгляд: — А почему эти птицы тебя так интересуют?

— Да так! — так же, как бабушка, вздохнула Илона. Рассказывать о прозвище почему-то не хотелось.

А вместо бабушки перед глазами опять лицо женщины-врача, спокойное и внимательное.

— Как вас зовут? — спрашивает Илона.

— Сусанна Арнольдовна, — улыбается врач. — Странное у меня имя, правда?

«И не только имя», — подумала Илона. Но высказать это вслух не решилась. Ещё неправильно поймёт. Не дождавшись от неё ответа, Сусанна Арнольдовна заговорила:

— Знаешь, милая, слушаю тебя и удивляюсь. — При этом она сжала пальцы на руках и покачала головой. — Тебе нужно книги писать. Ты так детально и образно рассказываешь!.. Дневник не пробовала вести?

— Нет, — смутилась Илона и отвела взгляд в сторону.

— А почему?

— Времени нет, — слукавила она. Но потом всё-таки призналась: — А вдруг кто-то прочитает?!

— Ах, вот оно что! Тогда даю тебе задание: написать, что было дальше. Причём от первого лица. И знай, я всё до конца прочту. Посмотрим, выйдет ли из тебя писатель. Чтобы вызвать интерес читателя, профессионал должен «раздеть свою душу догола». Ну а если серьёзно, тебе сейчас это очень поможет. Не зря существует такой термин — «арт-терапия», то есть «лечение искусством». Думаю, это лекарство сейчас как раз для тебя.

Самым трудным было начать первую фразу. Так трудно, как прыгать вверх по ступенькам школьной лестницы, двумя ногами, не держась за перила. Сто раз перечёркивала самый первый абзац. Наконец ручка забегала по бумаге.

«... А потом появился Владик. И я забыла про камень. Мы дружили четыре года. Ловили рыбу, катались на лыжах, делали гербарии и даже сочиняли песни. Владик ходил в музыкальную школу и учился играть на гитаре. Познакомились в школе. Я тогда была ещё первоклашкой. И Борька Тарасов чинил мне всякие пакости — то ранец в сугроб закинет, то кнопки на стул подложит остриём вверх, то сажой лицо вымажет. Случалось, пуговицы у пальто обрывал. Или, хуже того, — прямо в лицо лягушку кинет. Словом, с детства на всякие проказы мастак был! Видно, всё помнил про моё предательство. А вот Владик... Мы познакомились очень странно.

Как-то во дворе после уроков Тарасов, пробегая мимо, толкнул меня в лужу, грязную, с мазутными разводами! Не случайно, нарочно! И белые колготки, и белая куртка сразу превратились... сами знаете во что! Но я не плакала. Стояла в луже и смотрела ему вслед. Нельзя привыкать к плохому, но иногда такое происходит. И вдруг глазам предстала странная картина: парень из четвёртого класса догоняет Борьку и оп-

рокидывает в лужу. И тоже не случайно! А потом подходит ко мне и протягивает руку:

— Давай выходи из воды! Тебя как зовут?

— Гагара, — говорю.

— Разве такое имя бывает? — недоверчиво улыбнулся он.

— Это не имя, прозвище. Я — Гагаринова. А зовут Илоной.

— У тебя предки не из Прибалтики были?

Я только плечами пожала. Кто такие «предки»? И где эта Прибалтика?

— А чего ты этому обормоту сдачи не дала?

Мне оставалось только вздохнуть. Дашь Борьке сдачи, как же! Не только в лужу — в унитаз головой окунёшь! Но жаловаться почему-то не хотелось.

— А ты в другой раз учительнице скажи. Пусть его накажут.

Я покачала головой.

— Не накажут. У него папа в полиции работает. Важный такой!..

— Ну и что! — настаивал Владик. — При чём здесь его папа? Слабак этот пацан, раз девчонки обижают. Ты его проделки не терпи, мне скажи. Так и заяви: «Владьке из четвёртого «Б» скажу! Он с тобой разберётся!» Усекла?

— Сама разберусь, — пробурчала я. — Вот возьму в руки камень!..

— Так нельзя! Камнем можно насмерть убить! — Прозвучало это резонно. — Его просто потрясти как следует нужно, чтобы на месте от страха описался. И это я сделаю, если увижу, что он тебя ещё хоть раз пальцем тронет!

Я кивнула, но не очень уверенно. Когда ещё он увидит? Ведь в разных классах учились.

Однако Тарасов с тех пор мучить меня перестал. И целых четыре года мне жилось относительно спокойно. Привычкам своим Борька, конечно, не изменил и гадкими словами пытался зацепить, но трогать — не трогал.

А Владька — он таким добрым был! У него всегда глаза улыбались. До сих пор мне в человеке нравятся только глаза! Всё остальное не так важно, а вот глаза!.. Никогда меня Гагарой не называл. Ему моё имя очень нравилось. Каждый день меня после уроков ждал, чтобы домой проводить. Он жил в пятиэтажке, что перед самыми черёмуховыми кустами. Идя по

этой пустынной части дороги, мы всегда держались за руки. «Ты одна здесь не ходи, — как-то сказал мне Владька. — Плохое это место». Словно обладал даром предвидения. И даже когда перешёл в пятый класс, в начальную школу к нам всё время приходил. Ни к кому-нибудь из мальчишек, а ко мне!.. Ребята, конечно, дразнили. А Владик говорил: «Ты на них внимания не обращай. Погавкают, погавкают и отстанут. Лично мне их мнение — тьфу! Что мыльные пузыри. Пусть себе летают. Каждый человек сам знает, что ему нужно. Тебе ведь хочется со мной дружить?»

Ещё бы!

Я только смущённо улыбнулась.

— Ну вот. А дразнят они от зависти. Им тоже хочется вот так с кем-нибудь за руку ходить. Правда?

Я соглашалась. Да и как тут было не согласиться? Он вслух произносил то, о чём думала я. Только раньше я не понимала, что такое «родственные души».

А потом его не стало. В шестом классе избили ни за что ни про что! Не ребята, взрослые. Его папа в суде работал. Какие-то там разборки. Он рассказывал, что отцу угрожать стали, мол, «сына инвалидом сделаем». Но Владька не верил, что это может произойти. Однако произошло!!!

А через год у него начался цирроз печени. Это я сейчас понимаю про диагноз, а тогда... Просто скучала, пока он в больнице лежал. Помню, ничего не хотелось: ни играть, ни в школу ходить, ни уроки делать. Всё, что требовалось, делала машинально, как робот. Потому что НА-ДО!!! Может быть, кто-то надо мной посмеётся, но всё равно скажу: дети тоже умеют любить! И, может быть, даже сильнее, чем взрослые.

Его лечили не у нас, в Москве. И только потом перевели в районную больницу. Когда мне разрешили его в больнице навестить, я на крыльях туда летела, как настоящая гагара! Вошла в палату и его не узнала. Мы ведь целое лето с ним не виделись. Меня родители на все каникулы к бабушке с дедушкой в деревню отправили. А он за лето таким худеньким стал... И даже ростом ниже. То ли я подросла,

то ли так болезнь человека съедает. Пока в больнице был, мы с ним из тонких трубочек от капельниц всякие украшения плели. Секретничать не будешь — не один он в палате. Больные уши тянут — к нашим разговорам прислушиваются. А вот когда домой выписали, о многом уже поговорить могли. Как сейчас помню его слова: «Никогда никого и ничего не бойся! Страх уродует не только душу, но и тело человека. Знаешь, какие у страха жалкие глаза! А если у тебя внутри есть уверенность и сила, это сразу во взгляде отражается».

Приду, бывало, от него домой и долго свои глаза в зеркале разглядываю. Есть ли в них сила?! А он каждый день таял, как снег весной. И, что удивительно, на боли никогда не жаловался. И только глаза такими большими становились, как у стрекозы. Так и хотелось в них смотреть, смотреть, смотреть!..

А за пять дней до смерти его мама к нам пришла. Говорит мне: «Зайди к Владьку сегодня, пожалуйста. Зовёт он тебя, сказать что-то важное хочет».

С постели он уже не вставал. И даже от подушки не отрывался. Но, увидев меня, заулыбался, поманил рукой и прошептал: «Проходи. Я знал, что ты придёшь. Очень хотел тебя увидеть. Никого больше, только тебя! Ты самая лучшая девчонка на свете! — И стал гладить мою руку. А рука такая — как сухая бамбуковая палочка. — Ты настоящая принцесса!» — При этих словах у меня из глаз брызнули слёзы. Меня никто ещё никогда принцессой не называл! Чтобы справиться со слезами, закрутила головой. И увидела на стуле рядом с кроватью новый ранец, а на плечиках — новую школьную форму. Ведь приближалось первое сентября. Родители хотели вселить в него надежду, что всё будет хорошо и он поправится. Но Владик этому уже не верил. Кивнув на обновки, грустно улыбнулся: «Это родители всё себя тешат. Ну да ладно, Ванька сносит!» Ваней звали его младшего брата. И снова стал поглаживать мои пальцы. «Ты, Илонка, не переживай, когда меня не станет. На небо чаще смотри. Там будет моя звезда. И оттуда тебе помогать буду! Помни: я всегда рядом!» До сих пор не могу понять, как он, восьмиклассник, мог такое говорить?!!

Словно ему не четырнадцать лет, а тысяча! И он знал то, чего не знают другие!

На похоронах я не была. Поднялась высокая температура, даже бредить стала. Перед глазами всё проплывала одна и та же картинка. Проплывала медленно, исчезая за горизонтом и вновь появляясь с какой-то другой стороны. И только голова металась по подушке. Я — верхом на деревянной лошадке-качалке, которую мне, кстати, Владик подарил. Вырос, говорит, я из детского возраста. Ванька — тоже. Пусть тебе послужит. Лошадь — белая с зелёной уздой. Он раскачивает её, потягивая за уздцы, а я скачу! И весь мир несётся куда-то вместе со мной. Кто там гадкий утёнок? Где он? Есть принцесса! Верхом на лихом скакуне. И во лбу звезда горит. А за спиной — длинный шлейф тумана!»

Врач отложила написанные странички в сторону и долго молчала. Умение Сусанны Арнольдовны так долго молчать всегда поражало Илону. Будто никуда не торопится. Другие врачи всё делают на бегу, а тут...

И тогда первой нарушила паузу сама:

— Скажите, почему я становлюсь причиной несчастий других людей?! Я ведь не хочу никому делать ничего плохого! Просто защищаюсь! Или хочу защитить других! Ведь имею на это право? Скажите, ведь имею!?

Но ответа не последовало. Перед глазами снова демонстрировали фильм. Новая ступенька... Девятый класс...

Звонок на урок прозвенел давно, но шагов Аллы Ивановны в коридоре слышно не было. Обычно железные набойки её каблучков цокали по старому сухому паркету как лошадиные подковы по каменной мостовой.

— Хоть бы заболела она, что ли! — раздался с последней парты унылый голос Витьки Чижикова. — А то вбегит сейчас и с ходу начнёт всем мозги вправлять: «Почему учебники не открыты?! Что на партах развалились?! Не класс, а сборище идиотов! Недоумки! Разгильдяи! Тупицы!»

Витька интонацией передразнил Аллушку,

как они между собой звали классную. Передразнил так точно, что все парни разом заржали. Девчонки лишь усмехнулись. Витька вошёл в раж, и даже его голова с ёршиком коротко остриженных волос вспотела: «Что ржёте как лошади?! Правда глаза колет?! Бестолочи безмозглые!» — продолжал прикалываться он, копируя учительницу.

В чём-то Витька, конечно, был прав. На обзывки и смачные эпитеты Алла Ивановна никогда не скупилась. Они сыпались из её маленького ротика как из рога изобилия, подтверждая прочно вбитую им в головы цитату о «богатстве великого русского языка». Русский язык Алла Ивановна, конечно же, знала превосходно, и он был им интересен, а вот литературные произведения, которыми она всё пыталась их заинтересовать, читать почему-то не очень хотелось. Сюжет вроде бы и любопытный, но едкие замечания классу во время чтения классики, как надоедливая реклама по телевизору, перечёркивали все её благие намерения. Чижиков как-то однажды даже записал часть урока на диктофон. Вот хохма была!

Проходили комедию Фонвизина «Недоросль». Восемнадцатый век. Один язык чего стоит! Каждая фраза звучала так прикольно, что класс прямо-таки давился смехом. А Аллушка ещё по ролям читать заставила. Ролевое чтение всегда доставляло ей великое удовольствие. И стала роли распределять:

— Госпожа Простакова — Гагаринова. Еремеевна — Федотова. Митрофан — Чижиков. Скотинин — Тарасов.

Борька взвыл:

— Да не буду я Скотининым! Назначьте Кравченко! Его давно не вызывали.

— Прекрати, Тарасов! — начала заводиться Алла Ивановна. — Одну фразу ему не прочитывать, видите ли!

— Сказал: не буду! И точка!

— Нет, вы только посмотрите на него! Это же классика! Комедия!

— Вот пусть Кравченко и комедианит! — упёрся Борька.

Аллушка с досадой махнула на него рукой. И скомандовала, по привычке не глядя ткнув пальцем в какую-то фразу.

— Начинай, Илона!

— «Выйди вон, скот!» — стала читать Илона роль госпожи Простаковой и зачем-то при этом обернулась на Борьку. Видит бог, не хотела смотреть на него, да как-то машинально получилось.

— И ты туда же! Ну, Гагара! — неожиданно для всех завопил Борька. — Сказал: не буду Скотининым! А выйти — выйду! Причём с превеликим удовольствием. — Текста у Борьки не было. Он принял слова матери Митрофанушки за едкую реплику Илоны в свой адрес. Что тут началось! Рёв поднялся такой, что Аллушкины ярлычки типа «неучи!», «идиоты!» захлебнулись во всеобщем гоготе. Борька, ничего не понимая, психанул ещё больше и выбежал в коридор, хлопнув дверью так сильно, что штукатурка посыпалась из-за косяка.

Наконец класс кое-как угомонился. Но это затишье было сродни тому, что является предвестником дикого шторма.

— Госпожа Простакова! Что спишь?! Продолжай читать! — сварливо накинулась на Илону учительница. Илона с перепугу пропустила часть текста и истошно запричитала, входя в роль матери «недоросля»:

— «Ах, мати божия! Что с тобой сделалось...»

— И только хотела добавить: «...Митрофанушка?», но не успела. Стёкла классной комнаты испуганно зазвенели от нового взрыва истошного хохота.

— Следующий! — старалась перекричать всех Аллушка. — Митрофанушка! Что молчишь, ворон ловишь?!

— «Так, матушка, вчера после ужина схватил!» — рьяно вошёл в роль Витька, уже нарочно вырывая из контекста наиболее удачно подходившую к этой хохме реплику из знаменитой классики.

Тут уж, наверное, впервые за всю свою педагогическую практику захохотала и сама Алла Ивановна. Хохотала до слёз, уткнувшись головой в учительский стол. Потому что такого и нарочно не придумаешь.

Ещё целую неделю на переменах то тут, то там летали расхожие фразы из знаменитой комедии:

«Помнится, друг мой, что ты что-то кушать изволил»,

«Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь батюшку бить!»,

«Ну! Беда моя! Сон в руку!»,

«Обойми меня, друг сердечный. Ты одно моё утешение»,

«Поди порезвись, Митрофанушка».

Ролевое чтение привело к курьёзу и при изучении «Бедной Лизы» Карамзина.

Сначала текст читала Аллушка сама. Читала с выражением, голосом нежным, кротким, который никак не вязался с её замечаниями, а уж тем более с грубыми оскорблениями в чей-нибудь адрес.

— «Вдруг Лиза услышала шум вёсел — взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке Эраста. Все жилки в ней забились и, конечно, не от страха...»

— А от чего? — прилетел откуда-то с галёрки ехидный шепоток.

— Заткнись, Чижигов! — тут же среагировала Аллушка. — Думаешь, не узнаю твой голос?!

— Это не я! — возмутился Витька. — Как что — сразу Чижигов!

Аллушка снова уткнулась в текст.

— «Они сидели на траве и так, что между ними оставалось не много места, — смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!»...»

И не успела она прочесть фразу до конца, как кто-то поспешно добавил: «Гагара!» По классу забегал пошлый смешок. Аллушка прервала чтение и долго молчала, скользя по классу презренным взглядом.

— Пошляки! Автор описывает трогательную любовь юной и очень чистой душой девушки. Но вам не дано этого понять! Вы развращённые и жестокие, как этот Эраст, которому она так доверилась по святой наивности своей!

Учительница тяжело вздохнула и снова стала читать:

«... и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать её может об ней беспокоиться. Надлежало расставаться. «Ах, Эраст! — сказала она. — Всегда ли ты будешь любить меня?» — «Всегда, милая Лиза, всегда!» — отвечал он. — «И ты можешь дать в этом клятву?» — «Могу, любезная Лиза, могу!» — «Нет! Мне не надобна клятва. Я верю тебе,

Эраст, верю. Ужели ты можешь обмануть бедную Лизу?»

— Запросот! — снова раздался чей-то циничный комментарий. И Аллушка хлопнула учебником об стол.

— Бездушные твари! Вы топчете всё самое святое! Заплёвываете всё самое светлое!

От негодования у неё нервно задргались мышца под левым глазом. Какое-то время она возбуждённо ходила возле учительского стола. Потом схватила учебник и стала искать глазами текст. Но сама читать не стала, вызвала к доске Катю Фадотову. Та закатила глаза под самый лоб, но к доске вышла.

— Вот отсюда начинай! — сердито ткнула Аллушка в текст пальцем и отошла к окну.

«... Мрак вечера питал желания — ни одной звёздочки не сияло на небе — никакой луч не мог осветить заблуждения. — Эраст чувствовал в себе трепет. — Лиза так же, не зная отчего — не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где твоя невинность?» — выводил Каткин блеющий голосок. Она со всем усердием старалась подражать Алле Ивановне.

— Словесная порнуха! — шёпотом выдал Лёня Туз.

— Кто это сказал?! Встаньте! — велела Аллушка. — И снова её негодующий взгляд забе-

гал по их лицам. Но разве возможно найти иголку в стогу сена?!

— Тарасов! Ты?! — быстро устремилась учительница к Борькиной парте.

— Почему вы так решили? Потому что все в пол смотрят, а я на вас?

— Не дерзи! Ты не забыл, с кем разговариваешь?!

— С вами! Вы спросили — я ответил! Что из того?

— Наглец! Ты дома так отцу своему отвечай!

— А вы мне отца не тычьте! Дети за родителей не в ответе!

И неизвестно, чем бы закончилась эта перепалка, но тут раздался спасительный звонок с урока. Аллушка с явным облегчением стала быстро записывать на доске домашнее задание. Потом, развернувшись к классу, мрачно изрекла:

— Прочтёте и узнаете, чем всё это... обычно заканчивается.

(Окончание в следующем номере)



Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА —

автор двенадцати книг: «Живой души потемки» (1992 г.), «Судите сами» (1998 г.), «Под созвездием Кассиопея» (2004 г.), «Етишкина жизнь!..» (2006 г.), «По прозвищу Гуманоид...» (2007 г.), «Про Стасика, Дашу и бабушку Машу» (2007 г.), «Ральф в гостях у Кристи» (2008 г.), «Сказ об эльфийской принцессе» (2010 г.), «Жили-были...» (2011 г.), «Когда ангелы поют» (2012 г.), «Жу-Зи» (2012 г.), «Боба Теремков» (2013 г.).

Произведения писательницы печатались в журналах и сборниках Германии, Норвегии, Финляндии, Швеции.

Автор является лауреатом республиканских, всероссийских и международных литературных премий («Сампо», «Добрая лира», «Русский стиль», «Славянские традиции», премии журнала «Север»).

Сборник повестей для взрослых читателей «Когда ангелы поют» вошёл в финал Бунинской премии 2013 г.



Георгий Иванович ЧЕРНОБРОВКИН

окончил филологическое отделение
Петрозаводского педагогического университета.
Печатался в периодической печати, коллективных
сборниках, альманахах и журналах России
и русского зарубежья — география открыта.
Автор трех книг стихов: «Орешник» (С-Пб, 2006),
«Близкое небо» (Петрозаводск, 2007),
«Осенние письма» (Петрозаводск, 2013).
Член Союза писателей России.

**Георгий
ЧЕРНОБРОВКИН**

г. Олонец



Владимир Егорович БРЕНДОЕВ
(1931–1990) —
карельский поэт и писатель

* * *

Плывёт горбушкой в ламбушке луна,
похожая на рыбу, а избушка,
состарившись за век, стоит одна
на кромке света у лесной опушки.

Спит дом карельский безмятежным сном
под крышею уже совсем замшелой.
И небо звёздным черпает ковшем
из лампы воду, задевая ели.

Как невесомый селезень плывёт
по ламбе лодка, и вода струится,
и слышно, как качает небосвод
осенний волчий вой, и кобылица

пугливая ушами ночь прядёт
на берегу высоком, и овина
пятно темнеет, и плывёт вперёд
моя лодчонка. Время воедино

связалось, и почудилось на миг,
когда телег колёса заскрипели,
мне воплениц рыдания и крик
среди уснувших звёзд в лесной купели.

*«Я честно жил
карелом на земле...»*
(Новые переводы)

ВЕСНА

Слаб утренник, и немощен мороз,
и ты не прыток — силы на исходе.
Среди вздохнувших теплотой берёз
я радуюсь весенней непогоде.

Портянки туч — дырявое тряпье —
куда летите и чего спешите?
За снежной лавой? Так весна её
обогнала и берега расшиты

сияющим руном: барашки ив
дрожат над полноводною рекою,
весенняя черёмуха, ожив,
ластится к пашне белой головою.

Весна пришла и принесла дары:
тепло для старых и любовь для юных.
Мне не уснуть до утренней поры
весенней ночью, собирая руны.

* * *

Заморских диковин кому-то не хватит
для полного счастья. А вот для меня
важнее нет леса спокойных объятий
да шири озёрной на все времена.

Была бы всегда сладкозвучна кукушка,
да хлеб на столе, и стояла бы соль,
и был бы родной человек в комнатухе,
чтоб смог разделить пополам мою боль.

Чтоб только топор понимал, сколько муки
он может извлечь из елового дня.
Мне слышать бы дятла задорные звуки
да видеть в лососе сиянье огня.

Не надо диковин. Поверьте, не надо.
Я видеть хочу, что реки берега
чисты, как и прежде, что озера пряди,
как некогда, радуги красит дуга;

что мамы любовь согревает нас вечно,
что всё людям в радость: и отдых, и труд.
Лишь было бы небо спокойно и млечно,
как счастье, что для других берегут.

Я вынесу всё, что судьба предназначит.
С родного колодца вода — молоко.
И кто любит родину, — смотрит иначе
на многие вещи и дышит легко.

ТОСКА

Осенний ветер обрывает листья,
разносит их и кружит надо мной.
Удача что? Порой — из дома письма,
порой гроза над бедной головой.

Тоска, как обруч, обвивает душу,
да так, что не порвать, не разломить.
Земля чужая — это просто суша.
Кто здесь меня сумеет полюбить?

Кому какое дело до печали,
растёт она или идёт на спад?
Лишь мамы руки, что меня качали,
тоску затушат в этот листопад.

* * *

Жадной лапой осень обобрала рощу:
унесла наряды, спрятала среди туч.
Я в свинцовом небе их искал на ощупь,
только дождь развеял листья среди круч.

Дождь косой изгадил двор когда-то чистый,
вереницей тучи убегают прочь.
Ветер под стрехою оторвал, как листик,
доску и колотит так, что мне невмочь.

Ест огонь поленья с треском. У лежанки
кот лежит нахально. Ветер над землёй
отбивает глухо деревом морзянку...
Шла б ты, осень, к лешим тропкою лесной...

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Простите все, пред кем я был в долгу.
Земная жизнь моя идёт к закату.
Уже стоит на тонком берегу
моя долбёнка, мягкая, как вата.

Белее снега саван в ней лежит.
Легко жилище новое. Как полно
жизнь прожита! как в воздухе дрожит
тягучий запах этой лодки смольной!

Жалею, что немного успел.
Добра большого никому не сделал.
Всё от того, что было много дел
здесь, на земле, у старого карела.

Могильный крест, прошу, не рушьте мне.
Простите все невольные ошибки.
Я честно жил карелом на земле.
И вот плыву в своей последней зыбке.

Зинаида Тимофеевна ДУБИНИНА –
(родилась 2 августа 1934 г.) –
карельская поэтесса, переводчик.
Пишет на ливвиковском диалекте
карельского языка.

ОСЕНЬ

Лето прошло, опускается вечер,
тёмный, холодный, густой.
Красные листья осина навстречу
стелет дрожащей рукой.

Полною горстью срывает с берёзы
ветер студёный листву.
И разбивается временем оземь
лето моё наяву.

Озера ровная гладь опустела,
ветер шумит над водой.
Бьётся о берег волна то и дело,
камни шлифуя собой.

Ветер почти что срывает одежду,
трудно стоять на ногах.
И искупаться осталась надежда
только лишь в солнечных снах.

Длинными крыльями небо взмахнуло,
и закурлыкал простор.
Прячась среди журавлиного гула,
лето покинуло двор.

Знаю, что птицы вернут наше лето,
мы их дождёмся домой.
Что принесут дни грядущие эти
в край мой карельский весной?

Будут ли живы родные деревни,
лодка у берега плыть?
И мой народ на земле этой древней
будет ли, будет ли жить?

ЖУРАВЛИ

Дрожат берёзовые дали.
Остылый ветер землю бьёт.
Цветы последние опали,
и встала осень у ворот.

Высоко журавли над нами
курльчут жалобно земле.
И долгий путь в чужие страны
очерчен солнцем на крыле.

Лети, печальный клин, далёко,
но невредимыми весной
пусть сядут журавли отлого
на берег, дышащий волной.

Я знаю, как нас тянет к дому –
тоску разделим пополам.
Живой всегда придёт к родному
порогу, словно птичий стан.

* * *

Как ты живёшь, карел? Где ты живёшь, карел?
В осенней темноте пуста твоя деревня:
калитка не скрипит, забор окоченел,
берёзы старой стан скрипит у дома гневно.

Здесь больше не горит по вечерам окно,
в пустых домах живёт остывший ветер вольный,
а бани на задах осыпались давно,
и брёвен жжёт гнильё один закат свекольный.

Покосы полегли. Укроет скоро снег
всё, что не сберегли рачительные люди.
Не жаль тебе, карел, в железный этот век
своей земли родной, что более не будет?

И не болит душа? И ты спокойно спишь?
Иль, может, ни за что не хочешь верить: просто
Карелия умрёт без деревенских крыш,
без языка народ покроется коростой,

исчезнет без следа... Так где же ты, карел?
И как тебе сберечь земли любимой имя?
И больно мне, что ты до срока онемел,
и там, где дом твой был, теперь лежит пустыня.



* * *

Холодное лето дожди заелозили,
но кроткая осень вступила в права,
и золотом лес загорелся, и в озере
вода стала тихой и чёрной едва.

Легко по воде катит стройная лодочка:
не слышно уключин и вёсел в воде.
За лодочкой тянется длинная тропочка,
и берег далёкий всё ближе ко мне.

Деревня в трудах не затихнет минутою.
Брусника и клюква зарделись в лесу,
и к дому корзины, от ягод раздутые,
по зорьке вечерней ребята несут.

Яви нам, природа, красоты осенние!
Волшебным богатством люблюсь опять.
Пусть золотом дышит твоё вознесение,
прошу, погости, не спеши исчезать.

Сергей ПЕТРОВ

г. Москва



Дурнушка

рассказ

«**Ж**изнь — забавная штука, — морщила лоб Анастасия Павловна, укрывшись в кровати одеялами, и усмехнулась. — Даже таким дурнушкам, как я, умирать не хочется».

Слово «дурнушка» в первый раз Настя услышала в свой адрес, когда ей было пять лет. В первый и не последний. Она не задумываясь ответила обидчице по-детски: мол, сама такая. Не успела опомниться, как мама схватила соседскую девочку в охапку и побежала к дому, причитая: «Бедненькая моя!..» Тогда у Насти дрогнуло в сердце, она поняла, что не такая, как все. С тех пор осознание собственной необычности преследовало ее.

Когда ей было шесть лет, девочки в песочнице вылепили женскую фигуру, воткнули в голову дохлую мушку и хором крикнули: «Это кикимора Настя!»

Настя не задумываясь бросилась себя защищать и расцарапала пальцы Свете. Сверстница заревела, а Настя уже испуганно стала дуть ей на ладошку, приговаривая: «У сороки заболи, у Светули заживи!» Появившиеся во дворе матери

соседских девчонок проникновенно и растерянно наблюдали за этой сценой.

По мере взросления слова «мымра» или «уродина» все чаще бросали ей вслед. Сначала Настя пыталась обороняться и оправдываться, но в ответ слышала только презрительный смех. Со слезами прибежала она домой, зарывалась головой в подушку.

Девочка и жалела себя, и обижалась до злости на мать, главную, как ей казалось, виновницу ее уродства, но чаще вымещала досаду на своей кукле по имени Кикимора, упрекая ее: «Нельзя быть уродиной! Будь красивой!» Словно преобразование куклы могло изменить и ее внешность. В такие минуты отчаяния ребенок начинал представлять, как умрет и все станут плакать, особенно мама, и винить себя в том, что не уберегли такую хорошую девочку. Потом Настя начинала рассматривать себя в зеркале и разговаривать сама с собой: «Вот худые и длинные ноги, пусть ходули, зато кожа гладкая и красивая, руки кривые, но не такие длинные, как ноги, голова большая, но не крупная! Зато глаза большие и синие, голос звонкий! А если нос круп-

ный и уши большие, то тоже мне велика беда!» Наконец девочка вздохнула и начинала винить во всем зеркало: «Хватит меня изображать. Сама знаю, как выгляжу. Будто мне это нравится? Думаешь, у меня был выбор?» Затем обиженно уходила и почти сразу снова возвращалась к злополучному трюмо. Постояв, вздыхала и угрюмо говорила своему отражению: «И куда ты хочешь от меня уйти? Ты же на меня смотришь и все видишь. Думаешь, мне удастся затеряться среди людей? Меня везде найдут. Я же уродина, жаба». После таких разговоров с зеркалом Настя опять шла излить горе подушке.

Когда Настя училась в пятом классе, как-то после уроков ее подкараулили несколько мальчишек и со словами «жаба», «страхолодина» стали забрасывать камнями. Град камней летел в девочку, она еле успевала увертываться со слезами на глазах. Особенно старался пухлый веснушчатый коротышка, он брал самые увесистые булыжники, злорадно ухмыляясь, поплевывал на снаряд и уверенно метал в жертву. И вот один из них попал в ногу, девочка упала, разревевшись от боли. Неожиданно не пойми откуда рядом с лежащей на земле Настей появилась пожилая женщина, невысокая, полная, в длинном поношенном платье. Густые, сурово сдвинутые брови и торчащие чуть приметные усики на ее лице приковывали к себе взгляд. Бабуля так грозно прикрикнула на мальчишек, что они мигом разбежались. «Можешь встать, голубушка?» — участливо пропела бабушка ласковым голосом. Настя молча чуть попыталась приподняться, но, вскрикнув от пронзившей боли, снова опустилась на землю. «Ироды! — гневно воскликнула старушка и сразу подозвала случайно проходившего мимо парня. — Мил человек, помоги донести девочку до соседнего дома. Легкая она. Один унесешь».

Когда девочка оказалась дома, покрасневшая нога уже распухла. Пока участливая женщина бегала за мамой Насти, голень стала совсем багровой, от боли и обиды слезы без остановки струились по горячим щекам.

...Анастасия Павловна сжалась от воспоминаний, будто снова переживая ту боль. Однако вспомнила, что пора принимать таблетки. Заглотив одну красную и одну белую, она отхлебнула воды из стакана, сомкнула веки. Перед глазами вновь замелькали картинки из прошлого.

В гипсе с переломом ноги она пробыла полтора месяца. После пережитого ей казалось, что она оглохла — теперь, когда вслед кричали гадости, она лишь молчала, делала вид, что ничего не слышит, и проходила мимо. Каждое злое слово больно било по Насте, как те булыжники, что летели в нее, но она научилась терпеть и молчать, стискивая зубы и до боли сжимая кулаки. Только скулы заострились, губы сжимались в полоску, а лицо становилось будто неживым. Она даже радовалась в глубине души, если, отпустив в ее адрес гадкое слово, обидчики от нее презрительно отворачивались, теряя всякий интерес.

В ту пору она больше всего любила оставаться одна в квартире и мечтать. В отличие от своих сверстниц, в своих мечтах девочка видела не прекрасных принцев, приплывающих на бригантинах с алыми парусами. Настя представляла себе то бедного котенка, который залез на дерево и не может слезть, то щенка со сломанной лапой, и в своих фантазиях она отчаянно и бесстрашно бросалась их спасать. Еще она любила дождь — тогда все преображалось, становилось неясным и загадочным. Косые струи грибного дождика играли с солнечными лучами и ручейками стекали по асфальту. Дома, зелень деревьев умывались небесной водой. Многоэтажки, прищуриваясь бесчисленными окнами, довольно улыбались, отражая стеклами солнечные лучи. Деревья шелестели влажной листвой. В порыве вдохновения Настя начала рифмовать строчки, складывая стихи, которые потом аккуратно записывала в свою тетрадку. Это были одни из лучших мгновений в ее жизни.

...Анастасия Павловна с трудом встала с кровати и, опираясь на трость, дошла до комода. Покопавшись в ящике, достала стопку тетрадей, обвязанных резинкой. Сейчас ей вновь хотелось погрузиться в те счастливые строчки — отражения счастливых мгновений.

После снятия гипса Настя еще больше сжалась и осунулась, словно побитая собачонка, и в школу заходила угловато. Тогда неожиданно ее взяла под свою опеку классный руководитель Наталья Владимировна. Она пыталась поговорить с девочкой. Сначала Настя сидела насупившись. А затем от спокойного и доброжелательного голоса учительницы, от неподдельного тепла в ее гла-

зах сердце девочки постепенно стало оттаивать. «Внешность — это лишь кокон, Настенька, обёртка. А важна не форма, а содержание. Главное, чтобы красивой была душа, — тихо говорила девочке учительница. — К сожалению, не все это понимают. Знаешь, есть такая притча... Как-то раз две души, одна в красивой оболочке, а другая — нет, встретились на морском берегу и решили искупаться. Они сняли с себя облачения и поплыли по волнам. Раньше вернулась на берег вторая душа и, перепутав, вселилась в красивую оболочку. Позже приплыла первая, но нашла не свое одеяние, потому сначала и решила не облачаться. Но делать было нечего. Пришлось поневоле укрыться некрасивой оболочкой. Каждая душа пошла своей дорогой. Так получилось. Но с того дня несмышленные люди путаются и порой по ошибке принимают одно за другое. А суть в том, что некрасивость в своей необычности может быть прекрасной так же, как и прекрасное в своем совершенстве может стать уродством. На небесах, Настенька, нет разницы, красивы мы или нет, — все равны. Там красота и непривлекательность не различаются». Тогда Настя до конца не поняла смысл слов учительницы, но внутренне успокоилась, и ее истосковавшаяся по теплу и сочувствию душа сразу приняла эту женщину. Именно ради Натальи Владимировны девочка решила всегда хорошо учиться. Ей казалось, что это доставит радость любимой учительнице. После школы одноклассники забрасывали портфели домой и резвились во дворе, а Настя сразу же садилась за уроки. Хотя порой, не выдерживая, подходила к окну и с завистью смотрела на играющих в скакалки или классики сверстников. Ей очень нравилось играть в классики, оттого она вычерчивала мелом их прямо на полу квартиры и прыгала в одиночестве. Правда, одной скакать быстро надоедало. Тогда Настя бралась за обруч и ловко крутила его на талии. Как-то раз, наблюдая в окно за соседскими девочками, Настя заметила, как неумело они вертят обруч, и, обернувшись два-три раза, он со звоном соскальзывал на асфальт. Позабыв о своих страхах, она не устояла и мигом выбежала во двор. Ей так хотелось показать Тане и Маше, как хорошо она умеет крутить обруч!

«Вот и мыбра пожаловала! Рожа! Пугало! Страшила! Гадина!» — град слов больно, как камни мальчишек, бил не тело, а душу.

Затравленную Настю взяла под защиту лишь Катя, соседка по парте.

«Разве она виновата в своем уродстве?!» — громко с вызовом заявила спасительница и испуганно прикрыла рот ладошкой, поняв, что сделала подруге еще больше.

Настя вздрогнула и, захлебываясь слезами, побежала домой. Тогда впервые пришла мысль умереть, она взяла нож и долго смотрела на сверкающее сталью лезвие. Случайно взгляд Насти зацепился за книгу, которую мама забыла на столе. Девочка всегда любила читать, потому, положив нож, потянулась за книгой. Пока Настя перелистывала страницы, домой вернулась мама. Увидев зареванную дочь с книжкой в руках, лежащий рядом с ней нож, она всё поняла без слов. Женщина крепко обняла дочку, прижала к груди. Настя будто обмякла в ее руках, худенькие плечики мелко-мелко затряслись, сдерживая всхлипы, она лишь шептала: «Мамочка, что я им плохого сделала? Мамочка, разве я виновата, что такая?»

...Анастасия Павловна, старчески шаркая тапочками, подошла к окну. А за стеклом пробуждалась от зимней спячки природа. Улыбаясь весеннему солнцу, шептались между собой березы в сквере, молодой тополь, помахивая веточкой, склонил голову к осине. Даже через стекло было слышно, как уже задорно заливаются чириканием воробышки. Распахнулись ароматные почки деревьев и выпустили свои зеленые кончики. Возьмешь такую почку, разотрешь пальцами и потом долго ощущаешь терпкий аромат смолы. Женщина вспомнила, как однажды мама принесла домой букетик подснежников. Настя завороженно смотрела на эту красоту. Синенькие такие, на коротких ножках... Матушка понюхала подснежники и сказала: «Теперь чувствую — весна пришла!» Настя тоже поднесла букетик к носу. Цветочного аромата не ощущалось, а чувствовался именно запах земли. «Значит, весна землей пахнет!» — решила девочка.

Пришло время — Настя окончила школу с золотой медалью.

Даже ходил слух, будто бы на педсовете кто-то из учителей сказал: «Конечно, золотую медаль она заслуживает, но давать награду человеку с такой внешностью...» А может, и не было такого — просто злословили одноклассники.

Документы Настя подала в училище. В приемной комиссии ахнули, мол, медалистка и в училище...

— Может, вам лучше в высшее учебное заведение подать документы? — с сомнением в голосе спросила председатель приемной комиссии.

— Я с детства мечтаю стать парикмахером. Сейчас стригу уже моих соседок. Мой выбор осознан, — уверенно заявила абитуриентка.

А началось все еще в четырнадцать лет, когда Настя увидела в салоне, как совсем молодой парикмахер двумя руками долго и безуспешно пытается сделать завиток пряди волос. Настя попробовала и с первого раза сделала то же самое тремя пальцами. Такая удача вдохновила, и она стала частенько заходить в салон, где работала подруга мамы, чтобы понаблюдать за ее работой, поучиться.

Училище Настя окончила «на отлично». По протекции преподавателя парикмахерского мастерства, которая видела в Насте настоящий талант, попала на работу в элитный салон красоты. Когда она бралась за ножницы, то обо всем на свете забывала, целиком погружаясь в любимое занятие. Стрижка превратилась для Насти в сказочный полет воображения. Она творила красоту парикмахерскими ножницами так, как творит художник кистью. Ее работы часто отмечали наградами на конкурсах парикмахерского мастерства. Настя была счастлива — на работе она, некрасивая Настя, своими руками творила прекрасное.

Однако клиентов у молодого, хотя и талантливого мастера было не так много. Бросив свысока презрительный взгляд на молоденькую, очень неказистую с виду парикмахершу, многие расфуфыренные богатые дамы кривили ротки, отказываясь довериться талантливым рукам. Но тот, кто хоть раз стрижся, становился клиентом навек, одной из них стала жена местного олигарха. Однажды, когда другие мастера были надолго заняты, в кресле Насти оказалась холёная длинноногая женщина. Виктория смогла обкрутить пожилого толстосума и умело манипулировала им. Настя с воодушевлением колдовала над красивыми, ухоженными волосами клиентки. В итоге ее работа настолько угодила привередливой даме, что она стала ходячей рекламой мастерства Насти. Наотрез отказываясь от других мастеров, садясь в парикмахерское кресло, она иногда го-

ворила: «Найти своего парикмахера гораздо сложнее, чем выйти замуж за миллионера. Так что я навеки Настенькина!»

С тех пор к Насте начала выстраиваться очередь.

...Ноги стали наливаться тяжестью, Анастасия Павловна не могла долго стоять, потому была вынуждена отойти от окна и лечь обратно в постель. Когда прилегла, размышляла: «Вот и эти деревья за окном будут шуметь, и дети, как прежде, играть в классики, а меня не будет, — с грустью подумала старушка и усмехнулась: — Смерти не хочется и таким дурнушкам, как я».

В один из таких прекрасных майских вечеров, когда так легко и радостно жить, случилось то, что переломило жизнь Насти на «до» и «после». Настя тогда допоздна задержалась на работе и, возвращаясь домой, решила сократить путь через дворы. Заходя в арку, девушка сразу увидела их: один высокий, худой мужчина с большим шрамом через всю щеку, одетый в поношенные грязноватые джинсы и рубашку, рядом с ним переминался с ноги на ногу и постоянно шмыгал носом толстый коротышка, поодаль спрятался рослый детина с наколками на руках и немигающим взглядом, напоминающим уголовника. Запах спиртного не оставлял сомнения в их изрядном подпитии.

— Девка, мы тебя хотим! — причмокивая и жестикулируя жирными пальцами, пьяно объявил коротышка.

Девушка попыталась было развернуться и убежать, но похотливая пьянь уже окружила, зажимая в кольцо.

— Я буду кричать! — громко выпалила она.

— А кто те даст кричать, телочка? — зашипел уголовник, в руках его сверкнул нож.

Тут же страшная боль пронзила Настю, и, теряя сознание, жертва упала.

Пришла в себя она уже в больничной палате и увидела сидящую рядом на стуле маму. Врачи сказали, что ей повезло. Просто одна женщина почему-то решила на ночь глядя выбросить мусор и около бака с отходами услышала стоны. А когда увидела окровавленную, с задраным подолом девушку, лежащую на земле, то запричитала и сразу вызвала по телефону скорую помощь и милицию. Пострадавшую

доставили в больницу с порезами на голове, рваными ранами на теле, множеством ушибов и ссадин, рассеченной губой.

Сначала Настя ошеломленно сидела и невидящими глазами смотрела на маму. Затем, отойдя от шока и восстановив в памяти события, затряслась, стала неудержимо хохотать, забилась в истерике, захлебнулась в слезах. Мать сутками сидела у кровати дочери, учительница Наталья Владимировна, узнав о страшной Настинной беде, тоже каждый день хоть на полчаса забегала к ней.

Настя неделю почти не спала. Ее все время знобило, она постоянно плакала, а когда слезы кончались, тихо, жалобно скулила, как все те несчастные щенки, которых в детстве мечтала спасти. Мать не отлучалась от дочери, больше всего она боялась, что растерзанная изуверами Настя наложит на себя руки. Однако за это время, несмотря на истерики, больная ни разу не попыталась умереть. Время и забота близких людей, врачей сделали свое дело, девушка стала медленно восстанавливаться от пережитого потрясения, но в душе ее все умерло.

Лечение шло своим чередом, периодически Настю вызывали к следователю. Вопреки опасениям следователя, она хладнокровно выдержала опознание всех троих задержанных насильников и очную ставку.

А потом стало понятно, что Настя все-таки беременна от насильника.

«Буду делать аборт. Выродок подлеца жить не должен», — спокойным, бесстрастным голосом заявила Настя, будто неживая.

Мать сначала промолчала. Только дома уже подошла к ней, крепко обняла, будто хотела материнскими руками укрыть от всех бед, и, помедлив, тихо сказала: «Только прежде в церковь сходи, а то ведь живое дитя умертвишь...»

Настя не ответила, ей казалось, что она тоже мертва. Она ходила сама не своя несколько дней. Осознание того, что в ней другая жизнь — чужая, новая, разбередили изболевшую душу, она не находила себе места, потом решила исповедаться.

Дрожа и обливаясь слезами от воспоминаний, она еле закончила свой рассказ пожилому батюшке. Он выслушал Настю, а в конце разговора особенно ласково произнес: «У ребеночка-то будет твоя душа и сердце, от тебя то есть. А на кого

лицом похож — это не важно. Главное — не обёртка, а содержание. Господу все мы на одно лицо. Подумай об этом, дочка...»

Слёзы градом снова хлынули из глаз, Настя не сразу ушла из церкви, она еще долго простояла у алтаря, склонив голову. Началось вечернее богослужение. Ее окутали умиротворяющие переливы голосов хора, ароматы благовоний, ей в какой-то миг показалось, будто пространство над ней сомкнулось вместе с куполом церкви, будто она обрела защиту. Дочкой Настя ушла с легкостью на сердце.

Как говорится, беда не ходит одна. После выписки Насти от тяжелых переживаний разболелась и ее мама — то и дело прихватывало сердце, а в больнице у Татьяны Ивановны ко всему обнаружили начальную стадию рака. Теперь уже вконец душевно и физически измученная дочь ухаживала за мамой. Первые сеансы химиотерапии не дали положительных результатов. Спасти могла только операция. И деньги, много денег на дорогие лекарства и долгое восстановление.

Одолжить такие суммы было не у кого, заработать в кратчайший срок невозможно. От безысходности Настя решила было продать старую обшарпанную маленькую квартирку. Но одно дело решить, а другое — продать. Покупателей было мало, а кто и приходил посмотреть, больше не появлялись или звонили и предлагали приобрести совсем за бесценок. Этих денег хватило бы лишь на недолгое время, а сама она, беременная, осталась бы на улице. Сама не своя, как в бреду, Настя днями напролет от безысходности бесцельно бродила по улицам родного города. Мысли о больной матери роились в голове, жить совсем не хотелось, она даже не думала о ребенке, которого носит в себе.

Так же было в тот день. Шел дождь. Она шла, не оборачиваясь, ни разу не останавливаясь, словно боялась, что ее кто-то догонит. Серая, натянутая как струна улица шла ниоткуда и в никуда. Холодные капли струйками разбегались по лицу и проникали за шиворот. Скоро одежда и тело вымокли, стал бить озноб. На одной из узеньких улочек Настю окликнули. Рассеянно озираясь по сторонам, она заметила пожилого лысоватого мужчину, невысокого, коренастого, в дорогих очках. Он какое-то время плёлся за Настей, будто хотел узнать, куда она направляет-

ся, а теперь вот решился остановить. Она сделала пару шагов навстречу и встала. Виногато покашливая, мужчина тихо произнес:

— Вы меня можете прогнать... Но я должен сказать...

— Я вас не понимаю, — недоуменно промолвила Настя, поежившись.

— Только не перебивайте... Мне тяжело говорить... Я отец одного из тех подлецов, которые вас изнасиловали, — опустив глаза, промямлил мужчина, и, видимо, боясь, что не дослушают, зачастил словами: — Вы можете накричать на меня, но не думайте, что я не понимаю низости поступка сына, но я его отец... Он глупый телок и в тюрьме не выживет. Словом, я вам предлагаю деньги, — с волнением в голосе выпалил он. — Можете дать мне пощечину! — зачем-то прибавил он в конце.

При последнем слове мужчина машинально отступил назад и нервно заморгал, руки его дрожали. «Похоже, это отец коротышки, — отрешенно размышляла девушка. — На телка похож и сам отец. Даже странно, что у такого интеллигентного отца вырос такой детина».

Настя медлила, слепо глядя в пустоту длинной улочки. Обреченно вздохнув, она с усилием, но безапелляционно выговорила:

— Соберете с родителей этих подонков... — и назвала сумму, точно такую, какую ей велели готовить для лечения мамы, пока не поздно и благополучный исход возможен.

В кабинете у следователя Анастасия была абсолютно спокойной и бесстрастно положила заявление на стол. Пожилой с одутловатым лицом и красными от бессонницы глазами мужчина, прочитав заявление, долго протирал очки. Затем с серьезным лицом, презрительно сверля взглядом Настю, негромко спросил:

— И не стыдно? Сколько денег дали?

Неожиданно напускная маска спокойствия затрещала по швам и слезы брызнули из глаз. Настя всхлипывала, пыталась заглатывать рыдания, но не могла остановиться. Наконец ей удалось совладать с собой.

— У мамы рак... — выдохнула она. — Она у меня одна. Нужно много денег. Мне не к кому обратиться, — из горла ее вновь вырвалось рыдание.

Следователь растерялся и сник:

— А в долг?

— Негде взять так много. Квартиру продать хотела, но пока не получается. — Размазывала она слезы по лицу, пытаясь чуть привести себя в порядок.

Следователь изменился в лице, он нервно барабанил пальцами по столу.

— Ну, жилье не стоит продавать... — начал рассуждать он. — Сами тогда где жить будете? Эх, жизнь! — махнул он рукой.

Расстроившись, старый следователь достал из сейфа бутылку водки «на особый случай» и залпом выпил стопку. Помолчав, вздохнул:

— Ладно, дочка, не переживай... — начал он. — Конечно, не в моих правилах прекращать дела в отношении подонков. У самого дочь растет. Но думаю, что это как раз тот случай, когда надо действовать не по закону, а из сострадания. А эти уроды рано или поздно все равно окажутся за решеткой. По ним видно, что от тюрьмы не уйдут. Только вот важно, чтобы ты под статью за заведомо ложный донос не попала... — мужчина покачал головой. — Ну да ладно, я сочиню, что тебе сказать, как повернуть... Ты держись, милая.

— Спасибо, — по-детски тонко пискнула просительница.

— За что спасибо-то, горемычная? — вздохнул мужчина и опустил глаза.

Говорят, что беда не ходит одна. А еще утверждают, что чудеса происходят там, где в них верят. И чем больше верят, тем чаще они случаются. Видимо, вера и помогла.

Операция у мамы прошла успешно, восстанавливалась она хорошо, появилась надежда на полное излечение. Радости Насти не было предела.

Сначала она долго не признавалась матери, откуда взялись деньги, а та всё диву давалась, что всегда есть необходимые дорожные лекарства, что дочь каждый день приносит в больницу свежие фрукты. Настя отмалчивалась, а мать стала догадываться, в конце концов дочери ничего не оставалось, как признаться. Узнав, откуда у них деньги, Татьяна Ивановна расплакалась, а затем, смахивая слезы, робко спросила:

— Настенька, может, не надо было?

— Надо, — твердо ответила дочь и отвернула лицо.

Татьяна Ивановна, как в детстве, крепко прижала к груди дочь — единственное, что у нее было на этом свете.

Пришло время Насте вернуться на работу в салон. Там встретили с участием, и каждая сотрудница старалась приободрить и сказать что-нибудь ласковое. Как-то все уладилось, и потекла жизнь своим чередом — день за днем.

В срок Настя родила мальчика. И в тот миг, когда роженица увидела это крохотное существо, то ясно поняла, что в жизни произошло чудо: ее сердце стало способно биться в другой, новой жизни. И от этого волшебного чувства Настя словно переродилась, стала другим человеком, у нее появился новый смысл в ее жизни, новые надежды — как когда-то такой надеждой она стала для своей мамы.

Маленький Дима оказался горластым ребенком. Но бессонные ночи не утомляли молодую мать — наоборот, окрыляли. Это новое существо, ребенок, стал для нее таким же естественным, как сама жизнь. Женщина чувствовала себя ангелом-хранителем этого пока еще маленького человечка, с самого начала стараясь оградить его от опасностей и страхов в этом большом и не всегда справедливом мире людей. А сын плакал, смеялся, кричал и рос на радость маме и бабушке.

...И вот сейчас ее сердце вдруг заколотилось. Раздался звук открываемой двери, вот Дима почти вбежал с взволнованным лицом в комнату:

— Мама, я почему-то почувствовал беспо-

койство и решил уехать с работы пораньше, проведать тебя. Как ты?

— Со мной все хорошо, сынок. Вот лежу, — чуть виновато, будто оправдывалась, ответила она.

— Слава богу.

Он присел на краешек кровати, статный, крепкий, с добрыми карими глазами.

— Спасибо, что приехал пораньше. Чувствую, что слабею. Видимо, за мной сверху пришли.

— Не надо, мама! — Дима стал заботливо поправлять подушки.

— Сыночек, чему быть, того не миновать. Все уйдем на небеса, — погладила его руки Анастасия Павловна.

— Бедная моя мама, — положил ей голову на грудь сын.

— Я не бедная, сынок. Я прожила хорошую жизнь, — ласково перебирала слабыми пальцами его волосы мать. — Видела радости. А главное, что у меня есть ты. Ведь каждый человек не зря прожил, если внес в этот мир частичку добра. Моя душа сейчас спокойна, как сказал один очень хороший человек, там, на небесах, в ином мире, красота и непривлекательность не различаются. Мне там будет хорошо.

— Мама, ты у меня самая красивая! — шептал сын, глядя любящими глазами на нее.

Анастасия Павловна улыбнулась, ее глаза лучились радостью, и она тихонько сомкнула веки.

□

Сергей Владимирович ПЕТРОВ —

прозаик.

Родился в 1960 г.

По образованию — юрист.

Литературным творчеством увлекся

несколько лет назад.

Пишет рассказы.

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.



Сергей ЛАПШОВ

г. Петрозаводск



Битва при Стуркюро — триумф и трагедия

*«Сей победой Финляндия очищена.
Петр был в восхищении...»*

А.С.Пушкин

Место, которого не было

Это произошедшее 300 лет назад сражение в нашей отечественной истории интересно даже тем курьезным обстоятельством, что название самого места, где, выражаясь высокопарным стилем Петровской эпохи, «Фортуна оружия Российского воссияла» в очередной раз, оказалось перепутано. Тиражируемая во всех отечественных учебниках, энциклопедиях и монографиях все 300 лет «битва при Лаппола» – топонимическая ошибка: такого населенного пункта на месте сражения не существовало. Из-за путаницы в штабных документах «Лаппола» надолго вошла в исторический и научный оборот. А то, что в него вошло, как известно, выходит крайне нелегко...

В шведской историографии данная, как говорилось в Петровские времена, «акция» именуется как «битва при Стуркюро» (Исокюро, «*Shlaget vid Storkuro*»), в финской – битва при Напо, Нап-

пабю («*Napuen taistelu*»), так как она имела место 19 февраля (2 марта) 1714 года у этого хутора вышеупомянутого приходского центра бывшей губернии Седра-Эстерботтен (Этеля-Похьянмаа, Южная Ботния), что теперь входит в большой регион Похьянмаа.

Сомнительна ли победа?

Привлекает к себе внимание данное военное событие тем, что является последним в Северную войну 1700–1721 годов крупным сражением русских со шведской военной машиной, особенностями проведения битвы в зимних условиях Финляндии, ее героями, драматизмом действий, а также спорными оценками его итогов и нашими, и зарубежными исследователями и источниками.

«Битва имела решающее значение, Финляндия была покорена...», «Битва не имела большого значения, стороны разошлись, имея почти равные потери, Финляндия осталась в составе Швеции...», «Шведы были разгромлены...», «Гордиться особо нечем, при двойном превосходстве русские побе-

дили главным образом шведско-финских рекрутов и ополченцев, причем сами едва не были опрокинуты...», «Русских было 8 тысяч против 14 тысяч шведов...», «Русских было 10-11 тысяч против 5 тысяч у шведов, в том числе лишь 4 тысячи регулярных войск...», «Погибло и попало в плен более 5 тысяч неприятелей...», «Безвозвратные потери шведов составили только около 2 тысяч, остальные сумели отступить...», «Финляндия была завоевана...», «Нет, до ее полного завоевания было еще далеко...», «Победа приблизила мир со Швецией...», «Она его не приблизила, война продолжалась еще семь лет...»

Столь широкий разброс мнений, особенно в канун 300-летия битвы (что поделать, историки любят писать к юбилеям), поневоле заставляет поднять и перелистать доступные источники и монографии, тем более по обе стороны Ботнического залива недостатка в них нет.

Принуждение к миру

Итак, после Полтавы (1709) и взятия Выборга (1710) русские армия и флот переводят боевые действия на сторону супостата.

Петр указывал командующему Ингерманландским корпусом генерал-адмиралу графу Федору Апраксину: «Идти не для разорения, но чтоб овладеть, хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе; удерживать по двух ради причин главных: первое было бы что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь; не только что мясом и прочее, но и дрова оттолеть, и ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет».

В летнюю кампанию 1713 года Ингерманландский корпус генерал-адмирала Апраксина под главнокомандованием самого царя Петра взял с помощью флота 13 июля Гельсингфорс, затем Борго (Порво), осадил и взял 27 июля столицу герцогства Финляндского Або (Турку).

В сентябре Петр оставил армию, приказав Апраксину продолжать активные наступательные действия.

6 октября 1713 года (здесь и далее все даты по старому стилю) Апраксин нанес поражение корпусу Армфельта южнее Таммерфорса (Тампере) у реки и одноименного местечка Пялькяне (у «Пелькиной кирки»).

Князь Голицын, командующий пехотой, предложил на военном совете смелый план атаки противника, засевшего в узком укрепленном межозерном перешейке за быстрой рекой Пялькяне, уда-

ром в тыл через озеро, и сам его осуществил. 10-тысячный русский отряд туманным утром форсировал озеро Малласъярви на плотках. В трехчасовом упорном бою противник был разбит и отброшен на северо-запад, в Эстерботнию. Потери шведов составили 600 убитых, 255 пленных, 8 знамен и 8 пушек.

Наступила зима, когда войскам положено отдыхать на зимних квартирах, но русские не собирались предоставлять противнику времени для отдыха и сосредоточения.

Ледяной поход

В январе 1714 года Апраксина сменил на посту командующего генерал-поручик князь Михаил Михайлович Голицын, герой победной битвы при Пялькяне. Согласно указанию царя он начал собирать войска с зимних квартир, чтобы идти на Вазу, куда после осеннего поражения отступил корпус Армфельта. Русский полководец собирался найти неприятеля где бы он ни был и дать ему генеральную баталию.

Из солдатских (пехотных) и драгунских полков, стоявших в Южной Финляндии, командующий приказал отобрать в сводные батальоны наиболее здоровых, исправных в службе, имевших боевой опыт солдат. Таким образом в ответственную операцию не отправили балласт – немощных, больных, необстрелянных и необученных.

К 20 января пехота собралась в приботническом городе Бьернеборге (Пори), являвшимся главной квартирой и местом дислокации большинства войска. При этом полки из-под Або для скорости отправлялись на санях – по затратам это то же самое, что в наше время войска перебрасывать на такси.

26 января войска пришли в крепости Моухиярви и Тавастгус (Хямеенлинна), обозы и знамена прибыли днем ранее. Для прибывающей кавалерии устроили магазины, войскам дали отдых. В ожидании сбора драгун и казаков пехота напекла в запас хлеба и насушила ржаные сухари – незаменимую и сытную солдатскую пищу долгого хранения.

Двум батальонам Абоского отряда Романа Брюса с приданной конницей (до 2 тысяч человек) Голицын поручил разведку пути в Эстерботнию. По его приказу у местного населения была закуплена или реквизирована тысяча пар лыж, и перед походом созданные в полках лыжные отряды усиленно практиковались в этом столь необходимом на данном театре «виде спорта».

Командующий под страхом суровых наказаний запретил разорять местных крестьян и приказал

платить им за провиант и фураж. Эта мера улучшила снабжение русских войск.

Идти на Вазу Голицын решил по маршруту Моухиярви – Тавасткюро (Хямеенкюро) – Икалис (Икалинен) – Курикка – Ильмола – Стуркюро – Ваза. Приморский путь был отклонен ввиду его разорения, а круглая дорога Таммерфорс – Лаппо – Ваза – из-за дальности пути.

6 февраля подошла из провинции Саволакс драгунская конница бригадира Алексея Чернцова в составе Тверского и Тобольского полков. Собрались шесть полков наказного атамана Войска Донского Василия Фролова.

7 февраля объединенное 10-тысячное русское войско отправилось в поход. Придя в Икалис, пришлось снова потерять несколько дней на пополнение провианта и фуража, ожидание отставших. В ночь с 14 на 15 февраля в трех верстах от Курикки передовой отряд встретил и прогнал неприятельский пост из 30 кавалеристов и некоторого количества местной крестьянской ландмилиции. 15 февраля русские пришли в Ильмолу, где войскам был дан суточный отдых.

Хотя сам Голицын и не отмечал потом в реляции особых трудностей этого 300-верстного марша, его следует оценить как выдающееся военное достижение, стоящее в одном ряду с переходом войск Суворова через Альпы в 1799 году, Гурко через Балканы в 1878 году и Багратиона через Ботнический залив в 1809 году. Этой зимой в Финляндии выпали большие снега, движение вне дорог было невозможно, а по дорогам – сильно затруднено.

Когда лошади авангарда стали вязнуть в снежной каше, недовольный темпами Голицын приказал послать вперед лыжников, чтобы укатать дорогу. В результате русские довольно быстро преодолели долгий путь, проходя в среднем по 25 верст в сутки, а фактически, с учетом стоянок, гораздо быстрее.

Тяжелое решение

Сразу же после известия о вступлении россиян в Ильмолу все шведские войска в Эстерботнии, включая мобилизованных рекрутов пятой очереди и крестьян-ополченцев, повинувшись приказу генерала Армфельта, покинули свои места расквартирования и жительства в городе Ваза, приходах Стуркюро (Исокюро), Лилькюро (Ванхакюро), Лайхела (Лайхиа), Корсхольм (Мустасаари) и стали собираться на главной позиции у деревни Напа близ Стуркюро, чтобы принять свой последний и решительный бой. Над селами и хуторами Эстерботнии поднялись столбы дыма и пламени. Приказ коман-

дующего гласил: «Рубите леса на засеки и разорайте свои дома сильнее, чем неприятель!»

Армфельт не имел точных сведений о численности русских. Когда он получил 3 февраля донесение разведки о 10 тысячах неприятелей, то счел эту цифру преувеличенной. По крайней мере, 17 февраля в своей реляции в Стокгольм он сообщал о том, что численность войск противника не установлена.

В любом случае отдавать без боя лен Эстерботтен и его главный город Вазу генерал не собирался. Главным мотивом его решения сражаться был прямой приказ Королевского совета.

(Как известно, сам король Карл в это время не имел возможности отдавать прямые приказы армии и государству, так как находился «в гостях» у турецкого султана в крепости Демирташ близ Адрианополя, куда его со свитой турки принудительно доставили из Бендер. Он вернется в Швецию лишь в сентябре 1714 года.)

Таким образом, удержание Эстерботтена с его портами, через которые зимой поддерживался санный путь со Швецией, было последней надеждой сохранения Финляндии или хотя бы части ее. Здешние места были житницей края – на глинисто-черноземных почвах Стуркюро родилась отличная семенная рожь, а также ячмень, в больших количествах вывозимые в Швецию. При потере местных хлебных амбаров, магазинов и армейских цейхгаузов Вазы шведам пришлось бы туго. Отступление без боя равно означало бы гибель армии – от ударов преследующего противника, бескормицы, холода и дезертирства местных солдат. Принятие же сражения на других укрепленных позициях, которых дальше на север просто не существовало, сулило шведам уже гарантированный разгром.

Таким образом, судьба не оставила Армфельту выбора – хуже сражения мог быть только отказ от него. А если уж армии не удастся спасти край, ей остается лишь спасти свою честь...

Впрочем, последние шансы все-таки были: стойкая оборона укреплений в тесных дефиле меж непроходимых лесов и скал, смелая атака, которая порой решает успех даже безнадежного боя, суровая зимняя северная природа в сочетании с тактикой выжженной земли. Накануне к Армфельту подошло неплохое пехое и конное пополнение и обещалось новое. По последующему его признанию, о будущей битве генерал мучительно думал ночи напролет и наконец решил себя победить или погибнуть.

15 февраля в местечке Стуркюро, известном самой старой в Финляндии каменной церковью постройки 1310 года, Армфельт провел военный

совет. Почти все командиры высказались за отход, считая баталию самоубийственной. Они предложили отступить, занять и укрепить узкое дефиле западней, у Ильмолы, а не встречать превосходящих силами русских в широком поле, подтянуть подкрепления и крестьянские ополчения. Однако командующий настоял на своем.

Состояние шведских войск

Барон Карл-Густав Армфельт, родом финляндец, один из лучших полководцев короля Карла, его командиры – потомок французских гугенотов де ла Барр, лифляндские и эстляндские бароны полковники фон Майдель, фон Эссен, фон Икскуль, фон Фитингоф, швед Даниэльссон, немец Штерншанц – были потомственными испытанными вояками, прошедшими за тринадцать лет Северной войны огни, воды и медные трубы, все победы и поражения. В большинстве своем они воевали в Ингерманландии, Карелии и Финляндии, были в битве при Пялькяне.

К этому следует добавить, что ливонские, эстляндские и финляндские дворяне короля Карла сражались с русскими не только как с очередным неприятелем, а как с жестокими врагами, варварами, разорившими и захватившими их отечество, их родовые поместья, и имели к ним личные счеты.

Нелишне вспомнить, что в этой войне, начатой за выход на Балтику русским царем, его войска вторглись в Ливонию и Финляндию первыми, как агрессоры, и предали их тотальному и безжалостному опустошению.

Финляндия переживала, пожалуй, самый страшный в ее истории период, который получил в народе имена «Великого Божьего гнева», «Великого лихолетья» и «Русского ужаса». Мало войны – в 1710 году край почти наполовину опустошила чума. После окончания Северной войны четвертая часть крестьянских хозяйств оказалась заброшенной, а взрослое мужское население трудоспособного возраста – выбитым.

После того как армия Шведского королевства сто лет подряд разоряла чужие страны, война грозно вторглась в дома самих шведов и финнов.

Армфельт принял в августе 1713 года командование у генерал-майора Любекера, за сдачу русскими южной Финляндии преданного суду, приговоренного к смерти, затем помилованного и умершего опозоренным. Его судьбу Армфельт повторять не хотел.

За время командования в Саволаксе, при обороне крепостей Нейшлот (Савонлинна) и Гельсинг-

форс (Хельсинки), а также в сражении при Пялькяне он показал себя храбрым, способным и деятельным военачальником, сумев многое сделать для формирования новых частей, мобилизации малочисленного и необученного финляндского воинского контингента на отпор превосходящему и опытному врагу.

Войска его оставляли желать много лучшего. До половины из них составляли рекруты пятой (!) очереди («femmaningar») и крестьяне-ополченцы ландмилиции («landsvern»). Казалось бы, Финляндия отдала шведскому королю все что могла и не могла, кости ее лучших сынов лежали на всех полях сражений от Дании и до Украины. Но в ландсверн стали беспощадно сгонять всех мужчин от 15 до 60 лет. Лишь половина получила мушкеты, остальные – пики.

В полках числилось около 500 больных. Армия таяла от дезертирства. Многие солдаты и ополченцы бежали не только от войны, палочной муштры, голода и холода, – они покидали армию по мере того, как русские занимали их родные места, чтобы вернуться к своим семьям. Те местные финские солдаты, что еще оставались в строю, открыто заявляли командирам, что свои дома защищать будут, но в отступление не пойдут.

В связи с острой нехваткой людей Армфельт просил губернатора провинции о дополнительной мобилизации крестьян, но по известным причинам эта мера опоздала.

Как боевая подготовка, так и боевой дух вчерашних крестьян были весьма невысоки, учитывая тот очевидный всем факт, что эту войну шведская корона медленно, но верно проигрывала. Финнам до смерти надоели господа шведы с их вечно воюющим с кем-то королем, которого никак бог не приберет, разорительные налоги, воинские наборы, повинности и постой, не раз доводившие герцогство Финляндское до восстаний.

Так как королевская власть не смогла защитить народ от врага, во многих местах летом 1713 года крестьяне перестали платить королю налоги, а воинские команды, которые пытались взимать налоги силой, стали избивать.

Однако угроза разорения своего края беспощадным врагом побуждала многих солдат, крестьян и мещан с оружием в руках храбро защищать родную землю, семьи, дома и имущество.

Регулярные части Армфельта выглядели лучше, учитывая значительный процент ветеранов. Очень плох был конский состав, что ограничивало возможности разведки и набеговых действий, да и ударной мощи. В целом финские рейтары и драгуны уже не имели былой подготовки и боевого духа.

При Пялькяне, получив хороший шанс сбросить десант русских в озеро кавалерийской атакой, они повели себя нерешительно, вступили в перестрелку, и бой был проигран.

К тому же зима не лучшее время для кавалерии – по сугробам особо не поскачешь, а снежный наст режет до крови ноги лошадям.

Провиантом и зимним обмундированием войска были обеспечены достаточно.

Хотя финские полки, как следует из вышеизложенного, были уже далеко не те, что при Нарве и Полтаве, шведские командиры еще твердо удерживали их в тисках дисциплины и могли еще раз отправить это пушечное мясо в «последний и решительный бой».

Силы шведов

Говоря о корпусе Армфельта, мы будем употреблять термины «шведы», «шведско-финские войска», «каролинеры», «каролинцы», не уподобляясь тем финляндским авторам, которые патриотично пишут в данной связи исключительно о «финнах», «финских войсках» и даже «финских победах и поражениях».

Хотя финны и составляли большинство населения в герцогстве Финляндском, процент шведов в западных ленах был довольно высок. О «финляндской армии» в Шведском королевстве не могло быть и речи – были полки, состоявшие из финнов, под командой шведов и немцев.

Относительно численности сил шведов оценки российских и зарубежных историков расходятся. Согласно наиболее, на наш взгляд, корректным данным шведского историка Уддгрена, силы каролинцев были следующими.

Пехоту составляли ослабленные и неупкомплектованные остатки финских полков индельты, потрепанные при Пялькяне.

(Индельта – принятая в 1682 году в Швеции система поселенной армии, при которой один, два и более крестьянских надела, составлявшие индельту (участок), выставляли одного солдата, пехотинца или рейтара. Крестьяне индельты обеспечивали поселенного солдата небольшой земельной делянкой, домом, где он жил с семьей, имуществом и инвентарем, провиантом и униформой. В мирное время солдат работал на своих снабженцев. Казна предоставляла ему оружие, боеприпасы, амуницию, коня. Кроме того, офицерам полков индельты строили стандартные усадьбы, размером и удобствами соответствующие чину.

Уезд выставлял роту, губерния (лен) – полк того

же названия, например, «Эстерботтенский полк», «рота Каликс». Полк имел на знамени герб своей провинции. Во время войны в случае надобности индельты могли выставлять новых рекрутов вместо выбывших из строя или выставлять новый полк второй, третьей, четвертой очереди. За время 20-летней Северной войны крестьянам Шведского королевства пришлось выставить пять, а то и шесть очередей индельты.)

Главной силой сражения были двух- и однобatalьонные пехотные полки: Абоский (455 мушкетеров и пикинеров), Саволакский (566), Эстерботтенский (669), Бьернеборгский (412), батальоны Тавастгусского (256), Нюландского (326) полков, батальон, фактически рота Выборгского полка (125), вербованный финский батальон майора Ватранга (224). При этом штатная численность пехотного полка составляла 1200 человек.

Финская крестьянская ландмилиция под командованием местного помещика графа К.Гюлленлеве насчитывала 1016 человек. В строй встало также бюргерское ополчение – 70 вооруженных мешчан города Ваза.

Кавалерия под общим командованием полковника барона Райнхольда Юхана де ла Барра включала рейтарские (конные) полки: Карельский (301 конный рейтар), Нейшлотско-Выборгский (225), Нюландско-Тавастгусский (384) и Абоско-Бьернеборгский (628). В некоторых источниках в этом числе указывается также Ингерманландский вербованный драгунский полк (301 драгун).

Кроме того, имелись остатки разбитых частей – офицер, капрал и 8 солдат роты Шведско-Финляндского адельсфана (полка из рекрутов дворянских имений), включенные в Карельский рейтарский полк, а также десятка три драгун Сословного эскадрона (служили королю по наследству). Кавалерия подразделялась на 22 роты по 50-80 человек. Некомплект по полкам составлял от 10 до 27%.

Артиллерия под командой майора Клевершельда насчитывала всего шесть легких 3-фунтовых орудий и одну 6-фунтовую гаубицу, 48 артиллеристов.

Исключая некомпбаттантов, то есть интендантов, медиков, священников, маркитантов, слуг, обозных, женщин, силы генерал-майора Армфельта насчитывали 3033 человек регулярной пехоты, 1547 человек кавалерии и 1086 человек ландмилиции. Итого – 5680 человек.

В связи с некомплектом полков, сведенных в батальоны, ими фактически командовали подполковники и майоры, а полковники стали командирами временных бригад и отрядов.

Укомплектованность корпуса Армфельта командирами была довольно хорошей. На регулярную

пехоту приходился 141 офицер и 206 унтер-офицеров, на кавалерию соответственно 82 и 39. Неполные пехотные батальоны насчитывали в среднем по 10-12 офицеров, а в батальонах Нюландского и Тавастгусского полков – даже по 25.

Наутро 19 февраля первоначальный шведский «ордер баталии», согласно карте, приложенной к последующей реляции Армфельта, был следующим.

В центре стали в одну линию в три-четыре шеренги батальоны Абоского, Тавастгусского и Саволакского полков, объединенные в бригаду полковника барона фон Иксюля (1270 мушкетеров и пикинеров). На левом фланге – Эстерботтенский полк и батальон Ватранга, объединенные в бригаду полковника фон Майделя (890). На правом фланге – батальоны Бьернеборгского, Нюландского и Выборгского полков, объединенных в бригаду полковника барона фон Эссена (860). Всего – 12 пехотных батальонов.

На флангах пехоты встала кавалерия. На правом фланге в три шеренги – половина Карельского рейтарского полка майора Бракеля, Нюландско-Тавастгусский рейтарский и половина Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка под общей командой полковника барона де ла Барра (1000 всадников). На левом слабейшем фланге насчитывалось 10 рот, вторая половина Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка, вторая половина Карельских рейтар и Нейшлотско-Выборгский рейтарский полк (до 500 всадников).

Крестьян ландсверна поставили в жидкую вторую пехотную линию – 256 мушкетеров и пикинеров группами по 50-80 человек. Еще 200 ополченцев стали пехотным прикрытием правого крыла кавалерии, 250 – левого крыла.

Артиллерия была равномерно расположена по два орудия перед пехотным центром, в помощь ей было выделено 80 крестьян. Холм в деревне Напо оказался удобен для устройства редута, сооруженного из раскатанных крестьянских изб, с амбразурами для пушек. Полевое укрепление защищали 100 солдат и 200 ополченцев под командой подполковника Нюландского полка барона фон Таубе. Наконец, 80 ратников ландсверна оставили для охраны обоза в Стуркюро.

Стояние при Напо

Итак, к полудню 17 февраля шведская армия заняла позиции в дефиле меж лесов и скал поперек покрытой толстым льдом реки Кюронйоки у хутора Напа.

Поле битвы, лежащее в трех верстах от Стуркюро, Армфельт нашел весьма подходящим для оборонительного боя. Скорее всего, именно предоставленные природой тактические преимущества и побудили его дать сражение. Покрытые глубокими снегами поля вдоль ледяной реки Кюронйоки шириной до ста метров раскинулись мили на полторы вширь и мили на две в длину. Они были окружены лесистыми холмами, скалами и болотами, дефиле сужалось к юго-востоку. Вдоль обоих берегов тянулись дороги на Вазу.

При подготовке к баталии Армфельт допустил первый серьезный просчет: он ошибся в сроках подхода неприятеля, что в зимних условиях приобрело большое значение. В результате почти три дня, с 17 по 19 февраля, шведско-финские войска, демонстрируя национальную стойкость, стояли в боевых порядках в ожидании появления противника без отдыха день и ночь, на морозе, засыпаемые метелями и продуваемые ледяными ветрами, не всегда имея возможность греться и получать скудную пищу у редких костров. Это не могло не сказаться на моральном состоянии и боеспособности солдат и ополченцев, а также числе обмороженных и больных.

Желая поднять их боевой дух, главный поставщик армии богатый купец Фризиус объявил, что после победы над русскими готов выплатить офицерам месячное жалованье, а солдатам – сумму ежемесячного винного довольствия. После этого радостного известия шведские воины все как один по старой традиции стали бряцать оружием и пообещали стоять сколько потребуется.

При приближении неприятеля Армфельт объехал ряды войска, призывая полки к жертвенному подвигу за Бога, Короля и Отечество, к защите своих очагов и семей. По свидетельству генерала, он наблюдал душераздирающие сцены: солдаты клялись ему победить или умереть, многие молились, стоя на коленях со слезами на глазах...

Силы русских

Войска генерал-поручика князя Михаила Михайловича Голицына, приближавшиеся к полю неминусимой битвы, состояли из пехоты, регулярной конницы – драгун, способных также действовать в пешем строю, иррегулярной конницы – казачков, артиллерии и обоза.

Пехота под командой генерал-поручика Ивана Бутурлина и генерал-майора Григория Чернышева включала 2-й Гренадерский полк Дениса Бильса и Великолукский (Луцкий) солдатский (пехотный)

полк Андрея Остафьева, оба неполного состава, и восемь сводных батальонов примерно по 800 человек, куда было собрано по две-три роты солдат из десяти солдатских полков – 1-го Гренадерского Федора фон Менгдена, Санкт-Петербургского (т.н. «губернаторского», бывшего Николая Нейдгардта), Сибирского Кристиана фон Клингенберга, Галицкого Василия Пострикова, Архангелогородского Андрея Бордовика, Московского Степана Чубарова, Трицкого Виллема фон Дельдина, Казанского Ивана Безобразова, Нижегородского Юрия Минстермана, Вологодского Ивана Лигнеца и Выборгского гарнизонного Саввы Балобанова.

Всего пехоты – 5588 человек, в том числе 278 офицеров.

Все вышепоименованные солдатские полки получили в 1712–1713 годах пехотные пики для вооружения от трети (400) до одной восьмой солдат (144). Сколько человек из сводных батальонов были пикинерами, неизвестно. Однако по опыту Полтавской битвы и Прутского похода можно предполагать, что пики были опять оставлены ради мушкетов, что обеспечило русским лучшую огневую мощь, чем у шведов, у которых по штату треть солдат составляли пикинеры.

Кавалерия под командой генерал-майора Федора Чекина, заменявшего заболевшего и отъехавшего в Петербург князя Александра Волконского, включала бригаду Чекина в составе полков: Вятский Ивана Грекова, Вологодский Ивана Пауэра, Нарвский Ариста фон Манштейна, Луцкий князя Тимофея Путятина, и драгунскую бригаду под командой бригадира Алексея Чернцова – Тобольский Василия Аракчеева, Тверской Михаила фон Шульца, Олонецкий де Тегильяка и элитный драгунский «генеральный лейб-шквадрон» губернатора Санкт-Петербургского, Карельского и Ингерманландского, герцога Ижорского, светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова (200 офицеров и дворян).

Всего регулярной кавалерии – 7 драгунских полков неполного состава и эскадрон, 2 907 человек, 205 офицеров. Состояние конского состава драгунских полков было очень плохим, что заставляло использовать драгун преимущественно как «ездящую пехоту».

Кроме того, конница включала шесть полков наказного атамана Войска Донского Василия Фролова (это был первый донской атаман, не избранный на кругу, а назначенный «наказом» царя). По разным оценкам, казаков насчитывалось от 1000 до 1600 (в любом случае историки сходятся на том, что в сражении реально приняли участие лишь около половины из них). Донские, татарские и калмыцкие кони казаков были выносливее и резвее драгунс-

ких, а за счет того, что постоянно находились в грабительских «подъездах», получали лучший корм.

Артиллерия насчитывала двенадцать пушек, перевозимых на санях, – восемь 3-фунтовых и четыре 2-фунтовых, по две на каждую драгунскую бригаду.

Таким образом, русские войска имели около 10 тысяч пехоты и конницы, что обеспечивало почти двойное превосходство над противником, а учитывая качество – превосходство еще большее.

Русский командующий, еще при жизни прозванный «герой и муж отваги», увенчанный лаврами взятия Ниеншанца, Доброга, Лесной, Полтавы, где он, командир Семеновского полка, командовал гвардией, и Пялькяне, где он уже бил Армфельта, – пожалуй, единственный человек из плеяды полководцев Петра, о котором все современники отзывались только положительно. О «князь Михайле княж Михайлове сыне Голицыне» ходили в армии легенды.

В решающий момент штурма Ниеншанца, когда гвардейцы его отряда встали под губительным огнем со стен крепости, Голицын получил приказ царя отступить на тот берег. В ответ на это он велел оттолкнуть от берега лодки и сказал ординарцу: «Передай Государю, что мы уже не в его власти, а в Божьей...»

После победы при Добром царь предложил ему выбрать себе награду, на что Голицын вместо награды попросил его простить разжалованного в солдаты генерала Репнина, своего соперника и недруга.

Отечески справедливый к солдатам, он был равно уважаем как подчиненными, так и генералитетом. Что же касается царя, лишь его одного Петр не спаивал на пирах и ассамблеях и не привлекал в синклит разнузданного и святотатственного «Всешутейшего и всепьянейшего собора».

В канонический «настенный пантеон» русских полководцев, однако, Голицын не попал. При Романовых – за причастность его брата к заговору против императрицы Анны Иоанновны, при Советской власти – за княжеский титул и желание историков все победы приписывать то Петру Алексеевичу, то Иосифу Виссарионовичу.

Голицын, Бутурлин, Чернышев, князь Волконский, Чекин, Чернцов, Брюс, начинавшие с «потешных» и взлетевшие орлами «птенцы гнезда Петрова», русские и иноземные полковники, многие штаб- и обер-офицеры Ингерманландского корпуса имели большой, иные почти 20-летний опыт походов, батальи и рейдов, в том числе и на данном театре. Среди отборных солдат гренадерских, солдатских и драгунских полков отряда было немало ветеранов сражений в Ливонии, Ингерманландии, Литве, Малороссии, в Померании и Финляндии, победителей при Полтаве и Пялькяне.

Русский дебют Голицына

17 февраля в три часа пополудни русские вступили в деревню Пельма, в трех верстах от шведской позиции. Казаки под командой капитана Вятского драгунского полка Соловкина выяснили местоположение шведов и их примерные силы, а отряд лыжников капитана Вындомского захватил на хуторе Куйвила несколько пленных, в том числе квартирмейстера Ингерманландского полка, от которого были получены важные сведения о составе и численности противника.

18 февраля Голицын со свитой выехал на рекогносцировку, причем, что интересно, в этот же день выезжал с этой же целью и Армфельт. Вернувшись, князь собрал военный совет, на котором было принято безальтернативное решение атаковать неприятеля, силы которого оценивались примерно от 4 до 6 тысяч.

Полководческий замысел русского стратега был таков. Не вступая во фронтальное столкновение с укрепившимся в узком дефиле неприятелем, выставить на реке для демонстрации и прикрытия обоза четыре драгунских полка под командой Чекина с казаками. Главными же силами – зайти лесами в обход левого фланга шведов. Если даже не удастся их обойти и атаковать и они своевременно развернутся навстречу, силы противника будут расколоты, появится пространство для маневра. Врага можно будет бить по частям, во фланг и тыл, используя свое преимущество в силах, выйдя из дебрей на необходимый простор снежных полей севернее реки Кюрозльв.

Казачьим полкам атамана Фролова была поставлена задача идти в обходной рейд для нарушения тылов, отвлечения сил противника, блокирования путей его отхода и преследования.

Как и при Пялькяне, Голицын принял решение ударить главными силами в тыл врагу, только уже не через воды озера, а через непроходимые лесные дебри.

Ранним утром 19 февраля войска, перестроясь в две колонны, начали обходной марш-маневр через снега, леса, скалы и замерзшие болота. Оценивая его с позиций сегодняшнего дня, следует признать: солдаты, драгуны и казаки Голицына сделали невозможное. Попробуйте-ка на лыжах ли, без лыж, на конях, с санным обозом позади пройти даже нынешними карельскими лесами в феврале хотя бы метров двести-триста!

Впрочем, войска не шли совсем наугад. Эти долгие пять верст русских кратчайшим и удобнейшим путем провел через лесистые холмы, скалы и большие болота Яурисуо местный крестьянин Маттс Па-

ульссон Туури (Матти Паавонпойка), согласившийся послужить завоевателям то ли под страхом лишения головы, то ли за обещанное вознаграждение. Финляндия не обрела в нем отечественного Ивана Сусанина, но имя его сохранила. Вторую колонну вел какой-то пойманный по дороге безвестный торговец. Известно, что Голицын презрительно вознаграждал услуги «гидов» сакральной суммой в тридцать серебряных ефимков.

К полудню русские войска начали выходить из лесов на северо-восточной окраине полей у Напо и приступили к разворачиванию в намеченные боевые порядки у хуторов Хаутала и Лорва.

Поворот «все вдруг»

Армфельт был достаточно опытным полководцем, чтобы предвидеть и понять движения противника. Но в данном случае он опоздал с реакцией, – из-за отсутствия разведанных, недооценки врага и в значительной степени оттого, что русские совершили свой марш-маневр в труднопроходимых снежных лесах необычайно быстро. Слишком поздно осознав, что выдвинувшийся по реке на 3-4 версты от главных сил конный авангард противника – это лишь демонстрация и прикрытие, а основные силы московитов сейчас обходят по лесу и скоро навалятся с фланга и тыла, генерал приказал спешно развернуть линии на 45 градусов фронтом на северо-восток вдоль реки Кюро. Кто успеет раньше?!

Войска Армфельту пришлось разделить. Для прикрытия с юго-востока от драгунского отряда Чекина были оставлены у редута Напо 200 солдат и 100 крестьян ландсверна под командованием подполковника Нюландского пехотного полка барона фон Таубе. Южнее от редута осталась также вся так называемая «Карельская кавалерия» де ла Барра (1 000 финских рейтар, в том числе половина полков Абоско-Бьернеборгского и Карельского, неполный Нейшлотско-Выборгский полк). Правее стал отряд майора Бьернеборгского полка фон Зиссинга – 100 солдат и 200 ополченцев.

Тяжелые эволюции почти по пояс в снегах шведам удалось завершить и выстроиться в линию раньше только что показавшихся из леса неприятелей.

Тут Голицын, надо признать, сильно рисковал. Если бы противник предвидел его замысел и успел своевременно развернуться и подойти к самой опушке леса, русским было бы несдобровать. Голову огромной колонны русских, медленно выползающую из чащи по тесной тропе, Армфельт мог встретить огнем пушек и мушкетов и затем атаковать, ос-

тановить ее, потеснить, сбить в неуправляемую толпу, обойти и заблокировать в лесных чащах и сугробах, превратив сражение в «ликвидацию котла».

Впрочем, войны без риска не бывает, и для Голицына риск оказался оправданным.

Битва отчаяния

Около полудня началось сражение, прозванное в Швеции и Финляндии «Битвой отчаяния».

Голицын применил новаторский боевой порядок в четыре линии, две пехотных и две кавалерийских – в первой шесть пехотных батальонов, во второй три пехотных и три гренадерских батальона, в третьей и четвертой – три драгунских полка и лейб-шквадрон в шахматном порядке.

Русская артиллерия была расположена на флангах, а не равномерно по фронту, как было принято ранее. Это позволяло вести как фронтальный, так и фланкирующий огонь.

Ситуация для шведов складывалась наихудшим образом – если раньше они сидели в дефиле у Напо как пробка в бутылке, теперь приходилось растягивать почти на целую милю жидкий фронт против эшелонированных порядков русских. Поэтому Армфельт сразу же решил атаковать первым, в стиле шведской агрессивной тактики, и смять еще не полностью построившийся левый фланг противника силами своего правого фланга и центра, полагая в этом свой единственный шанс на победу. Более слабый левый его фланг должен был сдерживать неприятеля.

Сражение начала шведская артиллерия, по два орудия расставленная по всему фронту. Она произвела шесть залпов и замолчала, чтобы не поразить свою атакующую пехоту. Русские пушки отвечали, перестрелка продолжалась около часа.

Тем временем шведы, прикрываясь продолжающейся метелью и дымом от подожженного хутора Турпала, медленно двинулись вперед через метровые снега. (Распространенная ошибка кинематографистов – пехота во времена Петра и Карла никогда не бегала в атаку с криками «ура». Она наступала молча, держа строй локоть к локтю, под ритм барабанов и флейт мерным, медленным или скорым шагом, причем не в ногу.)

Сине-желтые шеренги Эссена, Иксюля и Майделя сблизилась с противником вплотную, произведя с остановками для стрельбы несколько залпов, последний с 12-15 метров – практически в упор.

По последующему признанию выдавшего виды русского командующего, «такого скорого и тяжело-го огня на мою особу никогда не было...»

Пехота русских продемонстрировала потрясающую выдержку, открыв ответную пальбу с расстояния, с которого мушкетеры уже различали лица врагов, возникших из порохового дыма и метели.

Палили шереножно, сдваивая развернутый строй и перестраиваясь из шести шеренг в три, или по очереди повзводно, когда первая шеренга опускается на колено, две стреляют в интервалы, или методом караколирования – когда стрелки задних рядов поочередно проходят через передние шеренги, стреляют и уходят обратно для перезарядки мушкетов.

Русская артиллерия буквально рвала на части шведскую пехоту ядрами и картечью в упор. Ее вклад в победу весьма значителен: она произвела за всю баталию в десять раз больше выстрелов, чем неприятель.

После этого массового взаимного расстрела началась рукопашная – неустранимые шведы, невзирая на огромные потери, сошлись с врагом в штыки и пики. Передовые их шеренги сражались «шведским маниром», действуя ружьем со штыком правой рукой, а шпагой – левой.

По свидетельству Армфельта, на поле боя образовался вал из мертвых тел высотой 6-7 футов (около двух метров).

Бригада Эссена сумела потеснить два русских батальона левого фланга, не успевших полностью построиться и сильно поредевших под неприятельским огнем, и взять русскую батарею. Голицын выправил положение, бросив в прорыв батальон гренадер и драгунский полк в пешем строю. В свою очередь Армфельт укрепил бригаду Иксюля переборской Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка с левого фланга и какой-то пехоты.

Шведы возобновили атаку на русский левый фланг, снова потеснили его почти до самого леса и снова были остановлены.

Стойко держался в центре русской позиции Великолукский полк полковника Андрея Остафьева, не уступая шведам ни на шаг. В битве он потерял капитана, капрала и 38 солдат убитыми, более сотни ранеными.

Генерал-майор Чернышев сражался вместе с бывшим своим Московским полком в гуще боя. Под ним убило двух лошадей и ранило третью, он был ранен два раза легко и наконец тяжело – пуля попала в кость.

Страшная резня на штыках, а также пиках, алебардах, шпагах, палашах и прочем холодном оружии продолжалась уже полчаса. Противники бились в молчании, прерываемом лишь стонами раненых и лязгом железа. За «варварские крики», мешающие подаче команд, в обеих воюющих армиях офицеры должны были карать смертью на месте.

Жестоко наказывалось и самовольное бегство с поля боя. Если бежало целое подразделение, то всех его офицеров без разбора вешали, а солдат по древнеримскому обычаю подвергали децимации – расстреливали каждого десятого по жребию.

Уже шесть из десяти русских пушек были в руках врага, русские линии гнулись, но Голицын все не отдавал приказа на контратаку, не вникая нетерпеливым призывам соратников и штабных. Он поистине с ледяным спокойствием выжидал, пока войска вытопчут снег настолько, чтобы по нему можно было пустить кавалерию.

Почти чувствуя себя победителем, Армфельт приказал в третий раз атаковать русский левый фланг, собираясь пустить в решающий бой кавалерию. Как вдруг...

Разгром

Около 14 часов в сражение вступила в пешем порядке драгунская бригада Чернцова, до поры укрытая за пехотным строем – Тверской, Тобольский, Олонецкий полки и лейб-шквдрон «светлейшего». Более тысячи спешенных всадников стали обходить и глубоко охватывать левый слабейший фланг шведов. Белоснежный горизонт полей Стуркюро будто окрасился в цвета российского флага: русские драгуны тогда носили красные и васильковые епанчи.

Голицын сделал «ход конем», который Армфельту, воевавшему без резервов, парировать было нечем.

О том, что драгуны действовали именно в пешем строю, следует из «Журнала боевых действий 1714 года»: конница «введена была в линию, где жестоко багинетами кололись и неприятеля с поля сбили». Русские пехотные линии также перешли в наступление на флангах.

Левое крыло шведов попало в окружение. Армфельт попытался было его выручить, но в спасении уже нуждался он сам и его войско, – русские контратаковали в центре и на правом фланге.

В тылу шведов, на реке близ хуторов Перттила и Мяки-Тайпале, вдруг появились конные толпы лихо гикающих и посвистывающих бородастых всадников, с копьями, кривыми саблями, в высоких бараньих шапках – это были казаки, ужас и «божья кара» Финляндии. Конница наказного атамана обошла шведов лесами с севера и с юга. Часть донцов-удальцов лихо проскакала по льду Кюрозльв до самого редута Напо, рубя и беря на пики встречных-поперечных, наводя панику и хаос. Впрочем, казаки по своему обыкновению осо-

бо не лезли на рожон, отскакивая от залпов мушкетов сплоченной пехоты и пушек редута.

Перед корпусом Армфельта замаячила реальная угроза окружения. Сермяжные воины ландсверна, увидев в своем тылу русских казаков и драгун, первыми бросились спасаться в лесу. Таким образом, первая линия регулярной пехоты как бы «повисла в воздухе».

Русские «фигуры» двигались по шахматной доске сражения планомерно и методично. Бригада генерал-майора Чекина – Вятский, Вологодский, Нарвский и Луцкий драгунские полки, перешла в наступление с востока, опрокинула форпост на реке, ударила по кавалерии де ла Барра, после чего зашла в тыл шведской пехоте Эссена. Частью сил, охватывая редут у Напо, драгуны добрались и до отряда майора фон Зиссинга и в скоротечном бою положили его почти весь. К своим из него вышли лишь лейтенант и десятка два солдат.

Наступление русских не вызвало никакого противодействия сильной кавалерии де ла Барра, оставшейся до того в роли пассивного наблюдателя. Когда барон увидел впереди наступающих русских драгун, а сзади казаков, то решил прорываться на Стуркюро, бросив на гибель пехоту и редут. При этом командующий кавалерией показал подчиненным дурной пример, ускакав с поля боя первым.

Под ударами со всех сторон шведско-финские войска дрогнули, морально сломались, смешались в беспорядочную массу, утратили дисциплину, управление и обратились в бегство.

В долине реки Кюро образовался, выражаясь термином Второй мировой войны, «блуждающий котел». Беспощадно побиваемые шведско-финские солдаты и ополченцы отчаянно пытались искать спасения группами и поодиночке. Те, кто не мог пробиться через кольцо окружения на запад и северо-запад, толпами ломанулись на юг, в густые леса.

Уцелели и прорвались в основном те, кто сохранил строй, порядок и дисциплину. Сам Армфельт отступал на северо-запад, на Лайхия, во главе отряда, состоявшего из избитых и израненных остатков Нюландского полка, шефом которого он был, и потрепанных батальонов четырех других полков. Сумели прорваться вслед за ним и изрядно поредевшие Эстерботтенский и Тавастгусский полки.

Последним очагом героического, но уже бесполезного сопротивления стал редут у Напо, где пали на орудиях артиллеристы и местные крестьяне, погибшие на своей земле при защите своих родных домов.

Менее чем через два часа после начала битвы все было кончено. В страшной сече три финских пехотных полка погибли почти целиком, осталь-

ные рассеялись по лесам или, неся потери, спешно отступали по дорогам к Ботническому заливу, преследуемые конницей. Полегло или попало в плен большинство крестьян ландсверна. Повезло тем, кто имел при себе лыжи и успел их наострить – говорят, финна на лыжах сам черт не догонит.

Кавалерии, как всегда в ретиреде, повезло больше пехоты, – многих финских рейтар их неказистые, но выносливые лошадки вынесли из кровавых снегов Стуркюро.

Русская армия соединилась на Вазской дороге, конница продолжила гнать отступающего неприятеля. В реляции генерал-майора Чекина указано, что казаки и драгуны преследовали шведов по дорогам, полям и лесам двадцать верст «и многих неприятельских воинских людей побили». Фактически конница преследовала противника только 12 верст, заночевав у хутора Лаука в 8 верстах от Вазы, и на следующий день двинулась дальше. Пехота к вечеру 19-го заняла Стуркюро, ополченцы, охранявшие обоз и войсковую казну, разбежались.

Только 21 февраля основные силы победителей подошли к стенам Вазы, которую практически некому было оборонять. После переговоров о капитуляции, то есть о свободном выходе гарнизона и мещан, русские 23 февраля вступили «на честный аккорд» в почти пустой город, который покинуло население. Были захвачены богатые трофеи, в том числе девять пушек.

Пейзаж после битвы

Русская кавалерия разорила все и вся в округе на 90 верст, край был предан огню и мечу. История края полна жуткими свидетельствами о жестокостях завоевателей, – так якобы русские безжалостно убивали всех встреченных на своем пути взрослых мужчин. По оценкам финских исследователей, в плен было угнано около 8,5 тысячи мирных жителей Эстерботтена. Этот «полон», мужчин, женщин и детей, казаки и солдаты продавали потом в военных лагерях как на невольничьих рынках офицерам-помещикам, которые отправляли их в свои российские имения. Кроме того, полоняников угоняли на строительство Петербурга.

Немногие из пленных вернулись домой после заключения мира.

Более 20 тысяч жителей провинции бежали в Швецию по льду Финского залива.

Впрочем, в «Журнале действий 1714 года» излагается и случай, когда местному населению повезло: «В день 28 февраля из Ваз отправлен был в партию бригадир Чернцов до Нью-Карлебю, и жи-

тели оного Нью-Карлебю и Гамла-Карлебю, не допуская себя до разорения, просили, чтоб им быть под протекцией Государя; и тому их прошению были даны универсалы, чтоб жили в своих домах безопасно, и взята с них контрибуция».

Сегодня финские описания русских зверств кажутся ужасным варварством, однако в начале XVIII века подобным же образом воевали все европейские и азиатские державы, еще не знакомые с гуманитарными требованиями Гаагской и Женевской конвенций. Разорение операционной базы противника в то время было закономерной, хотя и жестокой реальностью войн. А разве подобное же не имело места, скажем, в 1999 году в Югославии, только с помощью авиации? И потом – разве убить человека атомной бомбой или крылатой ракетой гуманнее, чем пулей или саблей?

Разорив провинцию настолько, чтобы шведы, даже вернувшись, не смогли бы угрожать с этой стороны русским, войска Голицына в начале марта отошли в Южную Финляндию ввиду наступающей весенней распутицы.

Армафельт с уцелевшими после поражения три дня уходил от русской погони на север, где собрал около 3 тысяч измотанных, голодных, деморализованных и потерявших боеспособность солдат в районе Ништад (Усикаупунки) – Якобстад (Пие-тарсаари) – Брахестада (Раахе) – Пигайоки. В Швецию, как утверждает в некоторых российских публикациях, он не ушел, отступив из Улеборга в Торнео лишь в 1716 году.

К вопросу о потерях

После битвы при Напо в реляции в Королевский совет генерал главной причиной поражения назвал численное превосходство неприятеля. Оправдывая себя и свои войска, он писал: «Все офицеры от высших до низших, а также солдаты и крестьяне выказали в битве необычайное и неустрашимое мужество... Я не способен вполне оценить отвагу, оказанную офицерами и солдатами в опасностях сражения. При всем желании я не в силах достойно скорбеть о павших. Все они проявили презрение к смерти... Я видел тяжелораненых, сражавшихся до последнего вздоха. Я видел мертвых солдат, не выпустивших из рук мушкетов, штыки которых были в телах убитых ими врагов... Все решились победить и умереть...»

Все ли? По свидетельству Армафельта, тела павших воинов покрыли широкое поле сражения так, что по нему невозможно было ехать на лошади.

Сколько шведов и финнов осталось лежать в бе-

лоснежных снегах под Стуркюро? И сколько русских? Так как у историков разных стран по этому поводу существуют существенные разногласия, нам придется предложить заинтересованному читателю некоторое количество скучной статистики.

Согласно победному рапорту Голицына государю, неприятель потерял убитыми 5134 человека, в плен взято 535 человек, в том числе 20 офицеров и около 200 крестьян. Трофеями русских стали 20 знамен (скорее всего ротных, а не полковых), 7 пушек и много другого превосходного шведского огнестрельного и холодного оружия, обоз с разнообразными припасами, сундук с войсковой казной, много лошадей.

Свои потери русский командующий показал в 421 убитого и 1014 раненых. Однако в этом случае от русского воинства живым не ушел практически ни один супостат, а за одного убитого русского шведы заплатили жизнями двенадцати своих солдат. Таких интенсивных и неравных потерь не дало даже Полтавское сражение, куда более масштабное и продолжительное, да и любое другое сражение Северной войны. А ведь битва при Стуркюро продолжалась около двух часов, при этом около половины времени ушло на взаимные перестрелки. Можно ли представить, что за час сражения было истреблено столько людей? Это все-таки было сражение, а не массовая казнь!

На поле боя, оставшемся за русскими, ими было подобрано и похоронено 1165 мертвых тел, своих и неприятельских. Массовое захоронение шведских солдат было произведено на месте, русских – на кладбище при кирхе Стуркюро. Таким образом, за вычетом русских число погибших на самом поле брани шведов должно быть на уровне 730-750 человек.

Однако многих из убитых занесло снегом. Русские солдаты, отряженные в похоронные команды, уставшие после долгого изнурительного боя, наверняка не утруждались стаскивать тела всех своих павших врагов в братские могилы, которые к тому же приходилось долбить в земле, промерзшей почти на аршин. По свидетельствам финских источников, много тел лежало на поле в течение нескольких недель, на потребу волков, то есть до самого таяния снегов.

К числу безвозвратных потерь следует добавить убитых в ходе преследования до Вазы и Гамла-Карлебю, замерзших в лесах и умерших от ран.

Если сравнить известную численность рядового состава армии Армфельта накануне битвы (4600) и после, на 17 марта (3292), то разница получается в 1308 капралов и рядовых.

По шведским спискам потерь офицеров по пол-

кам, они составили 150 человек убитыми и 20 пленными. (Для сравнения: русские потеряли из 483 офицеров, не считая казачьих, несколько десятков павшими и умершими от ран, в том числе полковника Сибирского солдатского полка Кристиана Клингенберга.)

Потери крестьянского ландсверна составили несколько сот убитыми и 200 человек пленными.

Итожим и получаем цифру порядка 2 500 – 2 700 убитыми, ранеными и пленными (число последних, 500-530 человек, не оспаривается сторонами). Итого – 2 200-2 500 убитыми и ранеными.

В Абоском пехотном двухбатальонном полку из 24 офицеров было потеряно 19, погибли 10, ранены 2, в том числе командир подполковник Эрнст Виллебранд, пленены 7.

Бьернеборгский пехотный двухбатальонный полк из 21 офицера потерял 19, погибло 14, в том числе шеф полка полковник Одерт Рейнгольд фон Эссен, павший смертью героя в рукопашной со шпагой в руке (при погребении на теле его насчитали тридцать две (!) штыковые раны).

Погиб и майор Адам фон Зиссинг, ранены двое офицеров и трое попали в плен.

В Тавастгусском пехотном полку (один батальон) из 25 офицеров потеряно 12, погибли 8, в том числе командир подполковник Адам фон Кехлер, и племянник командующего капитан-лейтенант Карл Армфельт, трое ранено, один попал в плен.

В Выборгском полку (один батальон) из 8 офицеров погибло 7, в том числе командир майор Торстен Егерхорн аф Сторбю.

В Саволакском двухбатальонном полку из 21 офицера погибло 7 и двое попали в плен.

В Нюландском полку (один батальон) из 25 офицеров потеряно 14, погибло 11, ранено двое, пленено двое, в том числе майор Ионас Хиннель.

В Эстерботтенском двухбатальонном полку из 20 офицеров потеряно 13, погибло 10, в том числе подполковник Лоренц Лаутербах и майор Даниэль Мерлинг, ранен один и попало в плен двое офицеров, в том числе племянник командующего фенрик (прапорщик) Эрих Армфельт.

В финском вербованном батальоне майора Исаака Ватранга из 11 офицеров погибло 6, включая командира, и пленено трое.

Погибли командующий кавалерией правого фланга командир Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка майор Кристофер фон Фрейденфельт и командир Нейшлотско-Выборгского полка майор Филипп-Иоганн фон Блекен (полными данными по потерям кавалерийских полков автор не располагает).

Таким образом, потери пехоты составили

77 офицеров убитыми, 9 ранеными и 17 пленными из 141, кавалерии, артиллерии, штаба и ландсверна – 73 офицера убитыми и трех пленными. Здесь следует принять во внимание, что офицеров в кавалерии насчитывалось 82, в артиллерии их вряд ли было более 5-6, а число офицеров штаба и ополчения нам неизвестно.

К чему приведены эти цифры? Если даже принять, что потери рядового состава были тоже соответственно на уровне 60-80 %, то картины полной гибели корпуса Армфельта не складывается. Цифра из 170 убитых и пленными офицеров из 223 (74%) говорит лишь о том, что остальные 53 (26%) офицера, если не считать кавалерийских, которые пали в битве почти все, сумели отступить и остаться в строю.

При этом в числе уцелевших числятся шесть полковников из семи (справедливости ради нужно отметить, что один из них, полковник Штерншанц, самовольно покинул ряды войска из-за несогласия с решением командующего принять сражение). Уцелили пять подполковников из восьми, до половины майоров и капитанов.

Некоторые полки сумели сохранить свое боевое ядро, так, в Эстерботтенском полку погибло и попало в плен всего 168 человек из 669 (36%).

Шведские и финляндские исследователи битвы рисуют, видимо, более близкую к истине цифру потерь, исходящую из реляции Армфельта Королевскому совету. Он докладывал о 1600 убитых, более 500 пленными и 900 раненых, которые отступили или были эвакуированы. В то же время в шведском и финском историческом обороте попадают цифры русских потерь от 1800 до 3000 убитых и раненых, а общая численность русских войск доводится до 16000 человек, видимо, чтобы было не так обидно для национальной гордости.

Впрочем, если вспомнить, что в отечественной исторической и популярной литературе о «сражении при Лаппола» с подачи реляции Голицына 1714 года до сих пор говорится о 8 тысячах регулярных шведских войск, 6 тысячах ополченцев и 5 тысячах убитых...

Документы – хлеб истории. Но не всегда этот хлеб можно вкушать без опаски. Как известно, никогда так не врут, как на войне, после охоты и перед свадьбой. Многие ученые и исторические авторы, радеющие не столько об установлении истины, сколько о поднятии авторитета своих государей, своих полководцев и своей армии, наконец о воспитании молодежи на героических примерах, способны причинить на бумаге такие потери вражеским войскам и флотам, каких отечественным полководцам и флотоводцам далеко не всегда удается добиться военными средствами...

Разнобой в оценках потерь, возможно, следует отнести и за счет неучтенных регулярных войск и ополченцев Армфельта. Так, в разных шведских и финских источниках численность Абоского пехотного полка колеблется от 385 до 455 человек, Саволакского – от 585 до 700 человек, Нюландского – от 130 до 326 человек и т.д.

Известный исследователь Северной войны А.Беспалов (Москва) полагает, основываясь на данных шведского историка Лангемарка, что общие силы шведов составляли 8 тысяч человек – 5200 регулярных и 2800 ополченцев, не считая нескольких маршевых команд, прибывших накануне. С их учетом шведский корпус должен был насчитывать от 6500 регулярных и до 3700 иррегулярных войск. Численность орудий, судя по наличию амбразур на чертеже редута у Напо, составляла 7 пушек и 4 гаубицы.

А так как Армфельт, по мнению Беспалова, оставил треть своего корпуса у Вазы, а на север после поражения ушло примерно 3200 человек, то число шведов и финнов при Стуркюро автор выводит до 7 тысяч. Общие же их потери с учетом побитых конницей в преследовании составляют до 3000-3100 человек.

Здесь остается лишь вспомнить достопамятную сентенцию А.В.Суворова: «Да пиши больше... Чего их, басурман, жалеть!»

Итак, шведы были разгромлены, но полностью не уничтожены, до половины их сумело отступить. Что, впрочем, не отрицает того очевидного факта, что корпус Армфельта как реальная боевая сила перестал существовать.

Итоги битвы

Оценивая итоги сражения, следует отметить, что при Стуркюро ведомые русскими полководцами русские солдаты сумели разбить сильного, дравшегося с отчаянием обреченных противника, для которого побеждать, будучи в меньшинстве, было не впервой. Это первая победа Северной войны, проведенная русской армией самостоятельно, без участия иностранных офицеров, которых князь Голицын не слишком жаловал, предпочитая выдвигать своих.

Русский стратег сумел нанести внезапный удар через финляндские снега и навязать Армфельту свой сценарий битвы, сразу поставив его войска в невыгодное положение. Он своевременно провел свой маневр через леса на охват неприятеля, применив нетрадиционное построение в четыре линии. Русские измотали и выбили главную силу

противника – пехоту, задействовали в полном объеме свою артиллерию и в самый драматический момент ударили на флангах, окружили неприятеля, разбили его и добились в преследовании.

Если Голицын быстро и без потерь сумел организовать марш своего отряда, состоявшего из конницы, лыжников и пехоты, то Армфельт никак не сумел ему помешать, применяя для этого, например, засады, лесные засеки, партизанские действия лыжных диверсионных групп из местных финнов. В отличие от своего соперника, он не имел лыжных подразделений и даже не пытался их создавать.

В то время как Армфельт изнурял и морозил свои войска в трехдневном бесцельном стоянии у Напо, Голицын все сделал вовремя, совершив рискованный, но успешный фланговый марш-маневр через леса, скалы и болота. Шведский командующий упустил свой единственный шанс смять противника в момент выхода из леса и развешивания на позиции.

Его артиллерия прекратила огонь практически в начале сражения, боясь поразить своих, в то время как русская сумела обеспечить весьма интенсивный темп стрельбы и нанести большие потери врагу. Если шведские пушки сделали за время сражения всего 68 выстрелов, то русские батареи – 750, в том числе 320 – картечью.

Шведская финляндская кавалерия образца 1714 года, демонстрируя закат своей былой славы, вела себя пассивно и бежала при первом же ударе неприятеля. Русская кавалерия сыграла решающую роль в битве, решительно атаковала врага в пешем и конном строю, завершив его разгром длительным преследованием. Воспитанное за 14 лет войны петровское драгунство исполнило при Напо одну из лучших своих партий.

Крестьянское и мещанское ополчение, неопытные рекруты пятой очереди, от большой нужды поставленные шведами в строй, сыграли в сражении скорее отрицательную, деморализующую роль. Голицын же в поход отобрал лучших солдат.

Иррегулярной казачьей коннице он не поручил серьезных задач, зная, что казаки на штыки пехоты все равно не полезут и от боя с регулярной кавалерией, скачущей колено к колену, уклонятся, рассеявшись, как рой мух. Их задача – навести панику в тылу, создать видимость окружения, отвлечь внимание, наконец, преследовать отступающих неприятелей на своих резвых, выносливых донских и калмыцких конях, способных добывать копытами корм из-под снега. Дело казаков – «малая война»: разведка, дозоры, набег, рейды по разорению операционной базы неприятеля, с чем они отлично справлялись.

Обе стороны в целом сражались храбро, стойко, при необычайном напряжении сил, в суровых природно-климатических условиях. Шведско-финское воинство, оказавшееся в меньшинстве, было достойно победы, но на последнем «экзамене» Северной войны русская армия снова превзошла своих былых учителей, доказав, что достигла европейских образцов военного искусства.

Следствием битвы стало почти полное очищение Финляндии от шведских войск. А те, что оставались, не представляли угрозы.

Помимо слабых (около 3 тысяч) сил Армфельта, ставших к весне гарнизонами в нескольких городках на северо-восточном побережье Ботнического залива, шведы в очень малом числе оставались только в крепостях Нейшлот (Савонлинна), которая пала в июле 1714 года, и замке Каянаборг (Каяни), который был взят и взорван русскими в феврале 1716 года.

Между русскими и шведами возникла обширная разоренная и безлюдная зона. В августе 1714 года кавалерия Армфельта продвинулась на юг, в Эстерботнию, но тут же отыграла обратно. Перед угрозой русской армии и галерного флота, не принимая боя, форсированным маршем Армфельт опять отступил. Казаки и драгуны Чекина предали разорению северные приботнические области.

Военно-стратегическое положение России улучшилось: она смогла провести успешные морские и десантные операции будущего лета и с помощью галерного флота перенести войну на территорию Швеции.

Возможно, победа приблизила бы если не мир, то мирные переговоры. Но в сентябре непримиримый и упрямый Карл XII возвратился из Турции и вновь возглавил королевство и армию. Однако и он вскоре понял, что с Петром нужно замиряться. Но после того как в феврале 1716 года то ли шальная вражеская, то ли своя злонамеренная пуля оборвала его бурный жизненный путь в траншее у осажденной норвежской крепости Фредрикстен, в Стокгольме при новой королеве Ульрике-Элеоноре усилилась партия войны.

Награды и отличия

По словам Пушкина-историка, «сей победой Финляндия очищена, Петр был в восхищении». Царь при известии Голицына о том, что «милостью Божией и Вашего Царского Величества счастьем над неприятелем учинилась викто-

рия», писал князю из Санкт-Петербурга 15 марта: «Приятное Ваше письмо через адъютанта Вашего Мы получили здесь и zelo тому обрадовались, что Господь Бог не оставляет милостью своей и такую викторию даровал в начале сего году. Дай Бог чтобы сей цвет был доброму миру началом. При сем поздравляем Вашей милости повышением в чине за Ваше мужество и достоинство. Прошу мой поклон отдать всем вышним и нижним офицерам и рядовым и благодарность за храброе дело». И спустя время писал: «Не можно ли тех шведов еще далее отбоярить?»

Виктория была отмечена надлежащими награждениями и триумфами. Ее «грыдорвал» известный художник-гравер Алексей Зубов. Для наиболее отличившихся офицеров было выбито 35 золотых медалей «За Вазское сражение».

Голицын был пожалован званием генерал-аншефа и 10 тысячами рублей, которые он благородно обратил на шитье сапог своим пообносившимся солдатам (потрать он деньги на себя, кто вспомнил бы об этом награждении?).

Войсковой атаман Василий Фролов после победы в «Свейской войне» за битву при Вазе был жалован «портретом Царского Величества, алмазами украшенным», а Войско Донское – почетными знаменами.

Чекин, Чернцов, Бутурлин и Чернышев были награждены «парсунами царскими» из битых шведских серебряных монет.

В Стокгольме раздавали в это время совсем других «слонов». Армфельт и де ла Барр были отданы под военный суд и приговорены к смертной казни через повешение. Первый – с формулировкой «за нераспорядительность», второй – «за трусость». Однако король Карл, очень кстати для них прибывший из турецкого «гостевания», отменил приговор и вернул обоих на службу. Армфельт вместе с де ла Барром, который стал генерал-майором, принимал участие в неудачном для шведов походе в Норвегию в 1718 году.

Любопытный факт: потомки умершего в 1735 году в своем финляндском имени Армфельта служили России, как и потомки полковников и баронов Эссенев, Майделей, Иксюлей, Фитингофов, Таубе, де ла Барров и прочих.

Триумф и трагедия

Сражение стало еще одной славной страницей в петровской «Книге Марсовой», строчкой на скрижалях военных побед России. Но, как часто бывает, победа одной стороны означает нацио-

нальную катастрофу для другой. В шведской и особенно финляндской истории эта битва – горестная страница «Великого лихолетья», «Божьего гнева». Это – пример неравной борьбы героических сынов Швеции и Страны Суоми с вековым врагом, патриотического самопожертвования офицеров, солдат и крестьян ради Отчизны и воинского долга. Стуркюро для финского национального сознания значит то же, что для венгров битва с турками при Мохаче в 1526 году или для русских – сражение с монголами на реке Сить в 1238 году, которые привели к потере национальной независимости, разорению земли, гибели и пленению многих людей.

Уже в 1920 году иждивением и трудами молодого финляндского государства местных властей, членов шюцкора и жителей губернии Эстерботтен и коммуны Исокюро (Стуркюро) у древней церкви были построены мемориал и музей битвы. На примере ее героев десятилетиями воспитывали молодежь Финляндии, отправленную воевать с СССР в двух войнах подряд. Сменились эпохи, русские и финны давно уже не враги, время излечило взаимные застарелые обиды. Но эта скорбная память о Стуркюро и «Великом лихолетье» в Суоми жива, как жива у нас память Бородине и Куликова поля.

Финский шведоязычный поэт Лео Огрэн писал в 1960 году:

*В безнадежной битве при Стуркюро
Среди отчаяния и метели
Пал среди многих
Офицер Бьернеборгского полка короля.
Мародеры оставили лишь рубаху в крови,
А шпага, ботфорты и перстень
Послужили еще другим.
Товарищ вывез тело в Нью-Карлебю
По снегу на крышке гроба.
В подвале кирхи покоится прах,
Уже два с половиною века
К вящей гордости прихожан
И чокнутых краеведов.
Не знаю, что думал тот лейтенант
В последний миг своей жизни,
Но понимаю, что страшным
Было дело при Стуркюро.
Две тысячи сумели убить за час
Уже в 1714 году!
Зная это, не удивляюсь тому,
Что случилось столетиями позже...*

Память 300-летия

19 февраля этого года в Исокюро (Стуркюро) прошел национальный юбилейный День памяти, посвященный 300-летию битвы и поминовению жертв «Великого лихолетья», – во многих приходах Финляндии сохранены их именные списки.

В программе Дня памяти – богослужение в приходской церкви и проповедь епископа, возложение венков к памятникам битвы. В образовательном центре Исокюро выступили с докладами профессор Кари Хокканен, исследователь Вилле Саркамо и профессор Густав Вилкуна.

Однако февраль – не лучшее время для массовых мероприятий.

8-10 августа 2014 года в Исокюро (Стуркюро) состоится посвященный дате международный историко-культурный фестиваль «Жизнь в войне и мире». Цель его состоит в том, чтобы привнести в человеческое сознание современников мотив и историю того трагического и героического времени, в котором были не только кровавые битвы, но и повседневная жизнь людей – крестьян, мещан, солдат.

В древней кирхе Исокюро (Стуркюро) прозвучит научный доклад на тему «Женщины и дети в истории Северной войны».

Будет организован военно-исторический рынок народных промыслов, в котором примут участие 150 торговцев и ремесленников. В выходные дни гости праздника смогут послушать музыку и освоить танцы того времени, а также разучить танцы

начала XVIII века. Местный музей представит свои экспозиции. Кроме того, местный театр даст спектакль на тему битвы.

Память Стуркюро принадлежит не только Финляндии. Международный лагерь энтузиастов военно-исторической реконструкции из Швеции, Финляндии, России, Украины, Эстонии и Латвии будет оборудован возле средневековой церкви. В нем публика увидит военно-походный быт, униформу, амуницию, строевые и ружейные приемы, тактику воюющих армий Северной войны.

8 августа с 12 часов солдаты ожившей военной истории покажут публике сражение в условном, но все-таки живом историческом действии. Возможно, Стуркюро станет местом ежегодных международных встреч любителей военно-исторической реконструкции, подобно Бородину, Ватерлоу, Лейпцигу, Маренго и др.

И это знак того, что примирение народов состоялось.

□

Сергей Петрович ЛАПШОВ

родился в деревне Великая Губа Медвежьегорского района Карелии.

Окончил истфак Петрозаводского университета.

С 1995 года – корреспондент республиканской газеты «Карелия»,

с 1999 года редактор военно-исторического альманаха-приложения «Военный вестник».

Член Морского клуба «Полярный Одиссей»,

Клуба любителей военной истории г. Петрозаводска «Стягъ» с 1995 г.,

руководитель группы реконструкции «Петровский экипаж»,

член Международной военно-исторической ассоциации (Москва).

Автор ряда популярных публикаций по различным разделам военной истории в карельской и российской периодике.



Олег МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

Не потерять Неба...

ДЕД

Так уж устроены люди: что имеем не храним, потерявши – плачем... С теплом и любовью я вспоминаю своего не родного, но бесконечно близкого деда – Федора Ивановича Галинку. Как хотелось бы сегодняшним днем вернуть те дни и недели, когда можно было поговорить с дедом, узнать больше о нем, расспросить обо всем, услышать от него мудрый совет или интересную новость. Но это мы понимаем задним числом, не возвращая отрывному календарю все сорок лет оборванных, но не прочитанных страничек жизни... Чувства и переживания ищут выхода из череды обыкновенных дней, теснятся в голове, владеют сердцем, стремятся на бумагу и проникают в сны...

Недавно я видел во сне мастерские, где работал дед. Какая-то невидимая волна подтолкнула меня к проходной, через которую я никогда не проходил, а может, ее и не было вовсе... Я искал деда... Вернее, я стремился найти людей, которые его знали, увидеть его цех, кузню, почувствовать запахи горячего железа, услышать бой механического молота... На проходной, узнав о цели моего прихода, приятно засуетились и тут же проводили меня в административное здание, к начальству. Деда здесь уважали. Сорочья почта оповестила рабочий и начальствуую-

щий люд, что мастерские посетил поэт, внук Федора Галинки. И меня несколько не удивляло обстоятельство, что ко мне подходили мужчины, знакомые мне по старым черно-белым фотографиям из дедушкиного альбома, и одеты они были по моде 50-х годов – в широкие брюки и свободные пиджаки. Как будто время прокрутило свои заводские маховики на 60 лет назад, когда отстраивался разрушенный войной Петрозаводск и люди вдохновенно смотрели в далекое и безоблачное завтра, когда меня еще не было на свете... Провожатые водили меня от одного начальника к другому. В коридорах незнакомые люди жали мне руку. Оказывается, многие знали о моих детских проделках. Как бабушка, от невозможности остановить мои прыжки и спурты из комнаты в кухню и обратно, на время привязывал меня к кровати простынями и полотенцами... В кузнице меня окружила дедовская смена. Широкоплечие мастера в заскорузлых спецовках на время остановили свои грохочущие машины. Закопченные лица озарили белозубые улыбки. И все говорили о дедке, будто он был не простой кузнец, а начальник отдела кадров. Зная о моем творчестве, торжественно повели в красный уголок, где уже собрались рабочие, дружески оглядывающие мою смущенную фигуру. Волнуясь, я прочел несколько стихотворений. После выступления каждый старался подойти и, похлопав по плечу, сказать доброе слово внуку-стихотворцу, вспомнить деда. При выходе из заводской конторы, оглянувшись на незнакомые и такие родные стены,

я заметил памятную доску, вылитую из темного металла, на которой золотыми буквами было выбито: «Здесь работал кузнец Федор Иванович Галинка».

Дедовская квартира на улице Краснодонцев была местом сбора двух семей: моей мамы и ее сестры Алевтины. Сестры очень уважительно относились к отчиму – мудрому и сильному человеку, уроженцу Украины Федору Галинке. После войны он взял в жены женщину с двумя девочками. Годы были трудные, голодные. Петрозаводск восстанавливался из руин. И помощь деда-кузнеца, участника войны, семье и городу была оценена по заслугам. После скитаний по родственникам и обитания в летних сараях, где нельзя было пользоваться огнем и ночью в звездные щели проникал северный холод, Федору Галинке выделили двухкомнатную квартиру в двухэтажном деревянном доме.

Вот в этот дом мы и стремились. Мы – это я и мой двоюродный брат Серега. Сестры с удовольствием оставляли у деда и бабушки двоих пострелят. Но занимался с нами, конечно, дед. Бабушка работала в буфете кинотеатра «Сампо», была занята с утра и до вечера. Всегда торопилась – к подругам, дочкам, не отстать от переменной моды, занять очередь в магазине. А дед был дома. В 1960-х годах у него открылась военная рана, началась гангрена. Дед остался без ноги. На костылях он ходил с нами в лес, показывал, как надо искать грибы, собирать ягоду, различать полезные растения, выкапывать калган.

Но большую часть нашего ребячьего времени занимал двор – с сарайками, ходулями, высокой голубятней. Авторитет деда для дворовой шпаны был непоколебим. Никто не смел тронуть галинковых внуков. На глазах ребятни по мановению сильных мастеров рук Федора Ивановича появлялись на свет воздушные змеи, деревянные поделки, свистульки, подшипниковые самокаты. Его украинские прибаутки смешили весь двор. Для каждого у него припасено меткое словцо или занимательная история. На широкой лавке перед подъездом находилось место першим друзьям: штепселю Кольке, тарапуньке Игорьку или соседскому Шурику-мацапурику. А ватажный атаман Витька Чигушин величался забавно и таинственно: Чингачгук – вылыка гадютьсяра.

А какие Федор Галинка готовил украинские борщи и щи из крапивы! Дед читал все отрывные календари, где вместе с кулинарными рецептами выискивал различные полезные факты, исторические события, мысли великих людей. Не раз я приносил ему из школьной библиотеки книги о животных, географических открытиях, целебных травах. Настольной книгой деда была брошюра о пользе пчелиного меда, мумие, прополиса. Всеми найденными полезными мыслями он непременно делился с нами. Важно

садился на диван, увлекал в широкую пружинную яму внуков, доставал из специальной папочки листы отрывного календаря или книжку с закладками и читал, читал, забавно поглядывая из-под очков на наши красноречивые физиономии: когда же наконец дед нас гулять отпустит...

Но главным дедовским богатством лично для меня были подшивки журнала «Крокодил» – с 1958 года! Чего греха таить, расшалившись с братом, мы могли перевернуть вверх дном всю квартирную мебель. Дед нашел единственный способ, чтобы не привязывать внука к кровати и усмирить мой непоседливый, любознательный нрав, – он доставал из шкафа каждый раз новую годовую подшивку «Крокодила», и я замирал над цветными страницами на долгие упоительные часы. Дед буквально влистал в меня юмор и добрую иронию, которыми пестрели листы советского сатирического журнала.

До сих пор, соответственно жизненным обстоятельствам, оживают в моем сознании картинки, шутки и карикатуры, увиденные мною в детстве. Да и сама веселая, жизнерадостная, неунывающая обстановка дедовской квартиры, наполненная булькающими кухонными звуками, шелестом отрывного настенного календаря, запахом трав и лечебных мазей собственного приготовления, готовила нам с братом новые и новые сюрпризы. Как-то бабушка, крепкая, дородная женщина, пришла из «самповского» буфета слегка навеселе. Отмечали коллективом какой-то революционный праздник. Увидев с порога родных внуков, она сгребла нас в охапку, прошла в комнату и подняла нас за грудки – по одному ребенку в каждую руку – вверх, к цветному закачавшемуся абажуру. От неожиданности происшедшего пуговки на детских рубашках выстрелили дружным залпом. Мы с Сергеем не могли произнести ни слова, зато довольная бабушка с гордостью восклицала: «Я – Жаботинский! Я – Жаботинский!» Насилу дедушка нас от бабушки отбил.

Весной 1976 года дедушка почувствовал себя хуже. Сказалась вынужденная малоподвижность могучего тела кузнеца – у Федора Ивановича на фоне развившегося сахарного диабета началась гангрена второй здоровой ноги.

Перед тем как лечь в больницу на сложную операцию, дед подарил нам с братом по книге. Книги в то время значили очень многое. Они не теснились на полках. Они прочитывались залпом и передавались друг другу как бесценное сокровище. Сергею досталась книга Алексея Толстого «Петр I». А мне – каверинские «Два капитана». Наверное, благодаря этому подарку, рассказам дедушки о фронте я выбрал своим жизненным кредо военную романтику, окон-

чив артиллерийское училище в Свердловске, где в курсантской газете состоялась моя первая стихотворная публикация.

Операция не помогла. Беспомощным обрубком дедушку перенесли в палату, положили на кровать. Дед бредил. Метался в беспамятстве. Никого не узнавал. Бабушка пыталась его напоить чаем. Следила за капельницей. Меняла простыни...

Последними словами умирающего Чехова была сказанная по-немецки фраза: «Я умираю...» Оскар Уайльд перед смертью оглядел комнату и выдохнул иронично: «Или эти обои, или я...» Что произнес, умирая, мой неродной дед Федор Иванович Галинка, мне потом рассказала бабушка, сидевшая у его больничной постели. Перед тем как впасть в предсмертную кому, дед ненадолго пришел в себя, взглянул на бабушку, взял ее за руку: «А, это ты, тарапунька...» Через несколько часов его не стало.

Какие разные последние слова произнесли разные люди. Кузнецы, писатели, романтики, мастера, разделенные веками и странами. Но большая судьба, большое сердце, большое желание жить объединило их, таких непохожих, таких любящих людей, как Антон Чехов, Оскар Уайльд и дедушка Галинка.

*Под могильный камень,
Жиху и суглинку
Не отпустит память
Федора Галинку.
Загостились, верно,
Давняя кручина...
Все жестокосердна
Родина-чужбина!
Но того, чужого,
Не отнять у деда,
Здесь его «Аврора»,
Здесь его Победа...
Битый век снисходит
До обиды детской
К той стране далекой,
К той стране советской.
А куда податься,
Перейдя границы,
К тем же «иностранцам»,
К тем же украинцам?
Уповать на память –
Бередить обиду...
Что же будет с нами
И Россией, диду?
Безоглядной веры
Я твоей не стою,
Стоя пред фанерной
Красною звездою.*

СТРАНА РОЖДЕНИЯ – СССР

1

Придет час... Придет час расставания... Что ты будешь вспоминать, жалея себя, родных, детей? Недополученную любовь, тепло, награды? Что не сумел, что успел совершить? Будет и это... Но постепенно, отходя от суеты, следуя за полоской небесного света, Душа окунается в густые травы, раздвигая упругие ветки, уходит в небо, в небо Родины. Перед глазами плывут городские скверы, деревенские причалы, палисадники детства, кусты смородины и малины на родительской даче, город студенческой юности, лесные озера и железнодорожные полустанки, все, что связано с семьей, друзьями, что озарено вспышками избирательной и щадящей памяти – свои маленькие парижи, иерусалимы, земли Санникова. И эти вспышки, этот тонкий небесный луч – вся твоя жизнь: первая книга, спектакль, стих, успех, первое любовное чувство, посаженное дерево или выточенная своими руками деталь, первая молитва, первое слово твоего долгожданного ребенка, радость, ощущение переполняющего тебя мира – это много! Это стоит жизни.

2

Улица Загородная, когда-то – окраина Петрозаводска. В моем дошкольном детстве на ней жили мамыны родственники, стояли редкие пятиэтажные и двухэтажные дома. За железнодорожной линией и деревянными складами шумел лес. Сейчас вдаль вместо девственной лесной чащи высются многоэтажки четырех разросшихся микрорайонов. Улица Загородная оказалась в центре современного, категорийного города. Летом, осенью, зимой – под слоем пыли, опавшими листьями, под толщей оплывшего снега – неодолимая временем, застрявшая в колеях эпох грунтовка. Почитай 300 лет со времен Петровской слободы елозят суглинок и ледяные колдобины упертые обыватели и осмелевшие тархтелки. Разлившиеся ручьи, бурлящие рывины, грязь, редкие островки суши, где теснятся пустые сараюшки и брошенные гаражи, предвещают появление огромной замечательной лужи. В начале 70-х катали меня по этому достопамятному водоему на сколоченном дощатом плоту двоюродные братья... Братья – старше меня на восемь лет – рассказывали, что раньше, до моего появления на улице, вся Загородная, и их двухэтажка, и восхити-

тельная лужа, утопали в яблоневых садах. Яблони росли во дворах одноэтажных частных домов, свешивались через дощатые заборы, укрывали дорожные рытвины белым весенним снегом. Но в один миг ради нескольких блочных «хрущёвок» снесли деревянные дома, вырубали сады. Из разоренных человеческих гнезд мальчишки 60-х вытаскивали старые патефоны и оставленные хозяевами иконы. Иконы ставились в ряд за ближайшими сарайками и расстреливались камнями. Разлетались стекла старинных киотов. Брызгала позолота... Бога нет. Так учили маленьких «стрелков» в школе, об этом многозначительно молчали глядящие на обрубленные яблони и площадки для новых штампованных пятиэтажек сердобольные домочадцы. За эти ли или за какие другие грехи переселили «загородских» жителей в одну из таких гулких, вместительных «хрущоб» у кинотеатра «Сампо». Обезлюдела улица, выросли и поразъехались дворовые друзья. Не слышно окрест детских голосов... Но до сих пор сияет призывной небесной гладью и манит яблоневыми облаками океан моего городского детства.

3

Нет-нет да и аукнутся в памяти детские годы, дорога в школу. Вспоминая «ударную» десятилетку, мысленно перелистываю свое первое пятерочное сочинение по повести Валентина Катаева «Сын полка». Учительнице литературы, причем сельской, а не городской – в четвертом классе я три месяца занимался в Кончезерской школе при детском санатории «Кивач» – понравилась моя трактовка дальнейшей судьбы Вани Солнцева. Я до сих пор храню эту памятную тетрадь. Школьные тетрадки... Умные обложки предлагали ученикам, для пользы дела и патриотического воспитания, таблицу умножения, меры веса и длины, тексты популярных советских песен: «Орленок», «Взвейтесь кострами», «Песня о Родине», «Солнечный круг», «Маленький барабанщик». Сейчас дети идут в школу с тетрадями и дневниками, кричащими о красивых, богатых, зомбирующих удовольствиях. Яркие картинки рекламируют кока-колу, английские футбольные клубы и дорогие машины, показывают новинки молодежной моды, прелести полуголых красавиц и японской анимации. И как-то незаметно, неброско, мимо красочной современной рекламы, бредет никому не нужное, не родное детство, ковыляют добрые слова и полезные вещи... Вымаранное прошлое и яркое будущее в пустых аляповатых картинках... А не будет ли то же самое и с идеологией этой, не нашей, навязанной, пресыщенной наслаждениями жизни? Ведь подобное происходило уже в истории России

– с Белой гвардией. Отметались как пережиток, не-возвратно уходили дворянская культура, гордость, мысли о судьбе покинутой Родины... Как ныне уходит Красная гвардия – ни чести, ни славы... Ни заводов, ни деревень... Закрываются и перепрофилируются детские лагеря и санатории... И желания – или ниже пояса, или о большом количестве денег... И ни слова о Родине, которая начинается в том числе и со школьных тетрадок, и с «картинки в твоём букваре»... Слово, надо сохранить Слово. Но как иногда хочется на веки вечные отодвинуть в глубину письменного стола тетрадь, куда я в последнее время заново свои мысли и наблюдения, прихлопнув ладонью красочную обложку с летящим над пропастью Суперменом...

4

Когда в 1953 году умер Сталин – все плакали. Плакала моя мама, худенькая семилетняя девчушка, воспитанница детского дома. Думали, будет хуже. Стало лучше. Стали возвращаться из детдомов и тюрем наши родные. После разрушительной войны, неоправданных репрессий и нечеловеческих усилий работного люда – выжил, выстоял Советский Союз!

В 1982 году умер Леонид Ильич Брежнев. Молчавший тихие застойные годы, заверещал над корпусами Онежского тракторного завода долгий гудок. Я вышел из механического цеха, вытерев грязные руки и влажную испарину на разгоряченном лице мотком ветоши. На несколько минут по всей стране встали цеха, фабрики, фермы. В один момент страна ахнула! Те, кто прильнул в тот час к телевизору, увидели, как неловкие служаки уронили в могильную яму дубовый гроб. И подумалось – все. Хуже уже не будет.

С рухнувшим в Красную площадь гробом оборвалась цепь советских поколений, и уже не остановить закрутившейся шестерни истории: смену генсеков, партийную чехарду, перестройку, предательство и беспомощность власти... потерю идеалов тысяч и тысяч выброшенных на произвол судьбы, лишенных работы и смысла жизни людей. Ничего не вернуть. Никому не вернуться в Советский Союз... Разве что в анкете: страна рождения – СССР...

5

Многое изменилось за последние годы. В стране воцарился культ вещей. Вещи, вещи, вещи! Вещи заполняют комнаты, сверкая драгоценными камнями, утяжеляют шеи и руки, разделяют людей стенами, особняками, банковскими сейфами и зачастую обедняют и захламляют душу. Вещи не

возьмешь с собой в могилу. Ненужные, чужие вещи не приносят счастья. В лучшем случае они превращаются в деньги. Деньги – превращаются в пыль... Но есть вещи, в которых больше души, чем в делах и поступках многих ценителей и хранителей вещей. В них есть нечто неуловимое, что заставляет вспыхнуть или увлажниться слезой радужки глаз, что схоже с приятными и давно забытыми ощущениями пальцев, удивленным и трогательным замиранием жизни, которое происходит при встрече с чудом – дорогим воспоминанием. Вот они: обнаруженные в нише родительской квартиры старые детские пальтишки; принесенная вскоре после похорон из заводского рабочего шкафчика клетчатая фланелевая рубашка отца; оставшаяся от мамы родовая икона, намоленная, истинная, с необыкновенными, выписанными древним мастером глазами Иисуса; старинная елочная игрушка, без которой не обходился ни один Новый год моей жизни в стенах родного дома; бабушкины заводные часы, чье сердцебиение не останавливается уже 40 лет... Вещи, соединяющие поколения, судьбы, неумолимо текущие века, – это то, что было известным рефреном советской песни «С чего начинается Родина». А продолжение песни, продолжение Родины – в прикосновении памяти. Уходят страны, стареют вещи, а Родина остается: Родина, род, семья... И хочется верить в это продолжение, что для кого-то эти вещи, мысли, песни, образы, принятые и понятые душой и составляющие ее несметное богатство, станут глотком свободы.

6

Кому-то необыкновенно повезло – родиться для светлой жизни и умереть с верой в безоблачное завтра, так и не узнав всей страшной правды, не испытав разочарования от бездарного, предательского скудомыслия вождей, не изведав горечи Великой Победы, не заглянув в зыбкое будущее своих детей и горячо любимой Родины... Кому-то несказанно повезло – родиться и умереть в Советском Союзе...

МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ

Хорошо в Марциальных Водах! Хорошо снежной зимой и звонким комариным летом. Хорошо и поздней осенью, когда остывает солнце и ватную сонную траву сковывает иней. Еще не подул вольный северный ветер, не намел непролазные сугро-

бы, не укрыл белой шубой заиндевевшую позолоту. Бело-зеленое кружево обрамляет шуршащую, накрахмаленную инеем тропинку. Будто сама Земля, белолицая невеста, протягивает украшенный дивным подзором рушник могучему великану – триобхватному сосновому кряжу. Теплая червленая кора – кольчуга древнерусского воина. Красные бугристые сапоги. Облитый солнцем богатырский шелом. Ветви, как заткнутые за пояс мечи. Поднята на плечо тяжелая палица. Плащ сверкающей смольной лавиной стекает в распадок с журчащим ручьем. Тихо на сердце. Тихо в природе. Спит за зеленым косогором северный ветер. Дышит спокойствием и силой карельская сосна...

Отпуржила зима, отряхнула от рыхлого снега дороги и взгорки. Приготовилась к встрече весны. И задумалась, замечталась. Не торопится дальше на Север...

Пока не раскрылся ледяной озерный цветок и верба на стылом ветряном берегу не брызнула ввысь пушистыми почками, я иду навстречу одиночеству – вербному острову, затерявшемуся посередине заснеженного лесного озера. Загостившаяся стужа сковала ивовые кусты, защемила сердцевину, не пустила живительный сок навстречу скупому мартовскому солнцу.

Наломав хрупких ледяных веточек, поставлю их в банку, расшторю кухонное окно!.. Исполнится радостью душа, когда нежный весенний пух станет белее снега и тонкие ветки коснутся мокрых соленых щек, и – мне будет с кем поговорить... в Вербное Воскресенье.

...Налетевший северный ветер разыгрался как ребенок с прошлогодней листвой! С ветки на ветку прыгают яркие алые мячики – снегири. Засмотревшись на них, забыл о своей игре ветер, уронил листья в заледеневший ручей. Выпятил губы, захныкал, закружился в обиде на глупых птиц и дунул что есть силы в самую снегириную стаю. Полетели в белое небо легкие юркие пташки.

Стало холодно. Пойду домой, отогрею пред белым тетрадным листом озябшие руки... Наступил март, но по-прежнему стоят морозы и кружится снег. Обиделся на нашу землю северный ветер. Чудак! Играть с юной липкой листвой, трепать первоцвет не менее интересно, чем студить лужи и поднимать в небо снегорей. Осади! Не гони на солнце снежные тучи! Дай земле проснуться...

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА УЛИЦЫ ДЕТСТВА

Семья, двор, школа... Ощущение себя в мире и мира в себе у всех складывается по-разному. У каждого есть свой взгляд на одни и те же вещи, свои игры, пристрастия, музыка, книги, свой круг общения, свое вырастание из детских фантазий...

Мир моих детских фантазий стал предтечей непреходящего подросткового романтизма. Детсадовские игрушки, первые детские киносказки, книжки и пластинки сформировали мое самоощущение, выпестовали воображение и мечтательность, подтолкнули к более красочному, живому, образному осмыслению фильмов и телепередач, книг и радиопостановок, кляссера с марками и жестянки со старинными монетами, которые частенько заменяли мне товарищей по играм и занимательным беседам. Не скажу, что я был необщительным ребенком. Но я не знал тогда другого внешнего круга существующего вокруг меня мира, не ограниченного циркулярной линией очерченного рекой и дорогами городского района – двор, семья, школа...

В школе круг общения замыкался двумя-тремя приятелями и тесной партой, подавляющей волю и вырабатывающей способность воспринимать учебный материал, сиречь – усидчивость. Двор насаждал своих ватажных авторитетов и приучал терпеть незаслуженные обиды. И только дома, открывая книгу, перебирая марки, просматривая дневной фильм, включая радиопостановку или ставя на проигрыватель любимую пластинку, я на мгновение погружался в другие звуки, краски, запахи, истории окружающего меня мира.

Однажды мне подарили старый николаевский пятак. Потом кто-то оставил мне английский пенни. И я начал собирать старинные и иностранные монеты. Увлечение мое было недолгим и несерьезным. Я даже изредка пополнял фонды Карельского краеведческого музея из собственной сокровищницы. Брал потемневшую монетку с царским гербом или советский серебряный полтинник с мускулистым молотобойцем и относил знакомому музейному работнику. Мужчина с серьезными большими очками, рассмотрев предложенные монеты, вручал мне контрамарку на пять (!) бесплатных посещений музея и снова уходил в таинственные фондохранилища. Сколько раз, всматриваясь в остекленные стеллажи с рассыпанными по ним монетами, я пытался разглядеть свои... Но все медяшки

и серебряшки были досадно неотличимы друг от друга. И мне ничего не оставалось, как в очередной раз обходить трехэтажные экспозиции музея, под штукатуркой и глобусообразным куполом которого скрывались стены кафедрального собора, превращенного советской властью в храм культуры. Экскурсия начиналась с зала революции и заводского дела, поднималась в карельскую избу и поселения каменного века и заканчивалась на третьем этаже, где экспонировались обитатели лесов и озер Карелии. Посередине природоведческого зала были выставлены чучела лосей в обрамлении искусственных елочек и рябин. С этой живописной экспозицией был связан один забавный случай. Случай из детсадовского детства...

Летом мой детский сад, находившийся по соседству, на улице Льва Толстого, в полном составе выходил на «Ясную поляну». Так назывался коллективный выход на прогулку в «музейский» парк. На полянах среди высоких деревьев и заросших кустов мы и играли: в ляпы, прятки, белки-собачки, сражались на вицах со сверстниками из старшей группы. А за кустами и деревьями высился таинственный «глобус» музея. И вот однажды нас повели на экскурсию в это величественное колонное здание. Поднявшись по широкой лестнице, стайка дошколят оказалась под притягательным музейным «куполом». Детсадовцы осматривали мохнатых, пернатых, чешуйчатых представителей природы Карелии. За всем происходящим следили дремотные взгляды восседающих у входов и выходов бабушек-вахтеров. Вдруг по гулкому паркету зацокали каблучки экскурсовода: «Внимание, дети! Перед вами экспозиция флоры и фауны Карелии...» Следуя в направлении движения руки решительной и строгой женщины, экскурсия облепила слабо освещенную застекленную нишу. За стеклом высился замшелый карельский лес с птицами, лисами, кабанами. Местами между застывшими лесными обитателями лежал снег. Не утерпев, я спросил тетю-экскурсовода, почему здесь так холодно – даже звери бедные замерзли... «Нет, мальчик, – гневно взглянула на меня экскурсовод, – они не замороженные и снег – не настоящий!.. А теперь плавно переходим из зимы в лето, – продолжала свое выступление тетя. – Видите, в траве – голубые в крапинку яички? Это яички дрозда. А в этом гнездышке – бледно-кофейные в бурых пятнышках – глухаринные... Мальчик, – опять пресекла мои удивленные восклицания сердитый экскурсовод, – ты можешь помолчать хоть минутку? Когда я закончу, разговаривай сколько угодно. И не дави на стекло руками. И носом не дави!.. Во муху, – обер-

нулась она к экскурсантам, – прячет свои бледно-желтые с густым темно-бурым крапом яички куропатка. Яйца серого журавля – оливкового цвета, достигают 97 мм. В центре залы семейство лосей...» Тут уж я не смог сдержать своего любопытства и задал раздосадованной женщине вопрос: «Тетя экскурсовод, а какие у лося яички?»

Некоторые вещи запоминаются на всю жизнь. Воспоминания детства сотканы из таких случаев, приключений, мироощущений, мыслей и поступков. Становление человека как личности, его привязанности, настроения, нравственные ценности – не прерогатива зрелости. Человек формируется до шести лет – по этим первым детским впечатлениям он и проецирует свою дальнейшую жизнь. Конечно, существует судьба, не зависящая от человека обстоятельства, но то, что заложено в нем в детстве, – остается неизменным... Мне повезло. У меня было счастливое детство. И удивительно чуткая детская память. При разговорах с родителями, встречах с дядями и тетями, воспитательницей детского сада Марией Ивановной, помнящих в образах и красках многие связанные со мной происшествия, все снова встает пред глазами, как будто это было вчера: «Что мы умело, надежно растратили, что бы хотели вернуть?.. Тусклый ночник в круглосуточном садике, только не страшно ничуть. Дружно пищат топчаны деревянные, если шалят малыши!.. Жаль, что относится Марья Ивановна в садике к людям большим».

Хорошо думается-сочиняется, когда проходишь улицами детства. Укладываются в стихотворный размер шаги по городским тротуарам и дворовым площадкам. Осыпается желтый дубок на дорожки детсада. Шуршит листва в скверике «музейского» парка, где раньше, до установки на набережной, красовался памятник Петру I. И вот еще одна история о музее. Правда, уже из моей армейской коллекции.

Как-то повел я в краеведческий музей солдат – военных строителей. Контрамарки школьные у меня давно закончились, поскольку лет мне было далеко за двадцать, но военнослужащим полагалась скидка. Такие культпоходы я, тогда замполит военно-строительной роты, базировавшейся в Петрозаводске, устраивал ежепризывно. Подходя к заветным колоннам, увидели табличку «Закрыто на ремонтные работы». Как закрыто? Заранее звонил, договаривался. Поинтересовался у первого попавшегося на глаза ремонтника о причинах неожиданного аврала. Оказывается, «гнездившиеся» под куполом музея лоси проломилли своей рогатой тяжестью старые переборки и, ув-

лекая за собой балки, монеты, прялки, каменные топоры и прочие экспонаты, очутились совсем в другой экспозиции – под знаменем и лозунгами Великого Октября... Ремонт, как водится, затянулся. За время реконструкции канул в Лету Советский Союз. В середине 90-х годов здание музея стало принимать очертания храма. И уже в 2000 году собор Святого благоверного князя Александра Невского освятил патриарх Алексей II.

Коллекция историй оказалась долговечнее коллекции монет. В классе пятом или шестом, накопив изрядное количество «дублонов» и «пиастров», я – по примеру героев своих любимых пиратских романов – пересыпал звонкое сокровище в мешочек и спрятал его в куче битого кирпича за дворовыми гаражами. На дворе была осень, потом, как всегда совершенно неожиданно, наступила зима... Туго пришлось бы пиратам с острова сокровищ зимой в наших северных широтах. Вот и мою кирпичную кучу засыпало снегом и так стянуло морозом, что я волей-неволей «охладел» к монетному кладу... По весне, разобрав по кирпичику наконец-то оттаявший «остров сокровищ», я собрал свое мелкокалиберное богатство в жестяную банку и обменял на несколько удивительных книг. Среди моих первых приобретений оказались: Герберт Уэллс, «Двенадцать стульев», «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, трехтомник Николая Носова и «Дон Кихот» Сервантеса – кладезь моей юношеской библиотеки...

А в ту долгую «пиратскую» зиму, чтобы не ходить караулом вокруг заснеженных гаражей, я нашел себе новое хобби – стал филателистом. Выпросил у двоюродного брата альбом с марками, начал собирать серию «Искусство»: картины, скульптуру и другие горшечно-прикладные поделки. Со временем четыре любовно проложенных калькою альбома пополнились миниатюрными шедеврами Репина, Федотова, Саврасова, творениями мастеров эпохи Возрождения.

Будучи уже взрослым человеком, в Санкт-Петербурге, Москве, Флоренции я лишний раз убедился в пользе этого созерцательного собирательства: я видел многие художественные сокровища человечества задолго до посещения знаменитых музеев – на почтовых марках, особенно это было заметно во время путешествия по Италии: «Капеллы Сикстинской божественный кров, двор Медичи, площадь Сан Марко – явилась воочию страна мастеров, знакомая с детства по маркам...»

Увлечение марками было повальным! Важный продавец магазина «Филателия» кивал ребятам с

нашего двора как старым знакомым. Но не делал никакого снисхождения при продаже объединенных серий, когда паровозиком за Микеланджело или Рембрандтом шли бабочки, самолеты, пароходы и летние Олимпиады. Зато при очередном сборе «клуба филателистов» в соседнем подъезде эти довески обменивались по интересам, и я приобретал нужные мне произведения искусства... После моего возвращения из армии я узнал, что мой десятилетний братишка – доморощенный «искусствовед» – на манер игры в фантики, накрывая одну марку другой, в том же подъезде проиграл мою лучшую графику... С досады я забросил все мои осиротевшие альбомы на самую верхнюю книжную полку! Так я перестал собирать марки – и, дотянувшись, достал с полки томик Есенина...

Определенно, настоящей моей страстью были и остаются книги! Я был записан в нескольких городских библиотеках. Прочитывал по пять толстых книг за неделю. Был постоянным читателем домашних библиотек своих друзей и знакомых. Просчитав свои капиталы и возможности, я сделал план-карту книжных магазинов Петрозаводска, чтобы планомерно в течение месяца обходить святые для истинного книголюбца места... О, какое это было блаженство – найти под спудом букинистических развалов нечаянную книгу или оказаться у прилавка как раз к моменту новых книжных поступлений! Купленный томик, в зависимости от содержания, будь то исторический роман, рассказы Чехова или повесть-сказка, становился в ряд с такими же тематическими произведениями по одному мне известному порядку. Стоя спиной к книжному шкафу, я мог назвать по счету любую книгу, рассказать, о чем в ней говорится, и перечислить ее ближайшее славное окружение. Я собирал книги трудно, хлопотно, вожделенно. Порой это походило на то, как выбирал и оглаживал кирпичи, купленные на Рождество для строительства собственного домика, кум Тыква. Книжки-кирпичики занимали свои места на полке, в моем собственном мироощущении, в безмерно благодарном сердце: «Наивная романтика – бездонная казна! Здесь Тихий и Атлантика, полет и глубина. Здесь под рукою заблещет живое серебро: Сервантес, Киплинг, Стивенсон – Отвага и Добро!»

С каждым годом книг в моей библиотеке становилось все больше и больше, а времени, чтобы их прочесть, все меньше и меньше. Оглядываясь на прожитую жизнь, угадывая смутные чаемые очертания предначертанных мне свыше лет, иск-

ренне огорчаюсь тем, что мне никогда не успеть прочесть всех книг, купленных мною после детства...

А в двенадцать лет, благодаря своей начитанности и просветительскому упорству, я подвиг и своих родственников на повышение личной литературной образованности. Правда, по мере их скромных возможностей. Бабушка Аня, работавшая буфетчицей в Музыкально-драматическом театре, непременно покупала мне книги во время обслуживания партийных пленумов и профсоюзных конференций, проводимых во владениях богини Мельпомены. На такие мероприятия из заромов специальных магазинов доставляли настоящее книжное «золото». Так в моей библиотеке появились романы Купера, Киплинга, Стругацких. Зато бабушка Оля, любившая путешествия, но постоянно путавшая понятия «полезная» и «хорошая» книга, привозила мне из дальних странствий то «Путеводитель по Молдавии», то «Справочник охотника-рыболова»...

Бабушке Оле прощалось многое. Она продавала мороженое в кинотеатре «Сампо». Так что бесплатные мороженое, широкоэкранный просмотр и лечение воспаленных гланд мне были обеспечены. Кроме того, можно было выпросить у бабушки несколько трехкопеечных монеток и в компании увязавшихся за мной друзей-киношников запить «здоровские» впечатления холодной газировкой, автомат по выдаче которой находился на углу нашего гастронома... На условный стук и секретный пароль «Это внук бабушки Оли!» открывалась дверь служебного входа, и под рукой строгой работницы кинотеатра следом за мной проскакивали пара-тройка дворовых пацанят, навострившихся совершать подобные маневры, играя в ромбики и казаки-разбойники... На школьных каникулах родители, перед тем как пойти на работу, сдавали меня бабушке на целый день. Целый день я ел мороженое и смотрел один бесконечный фильм, поставленный на все сеансы. Но чего не сделаешь ради сборника мультфильмов, обязательного спутника Планеты Каникул! Советские мультяшки – бриллианты в миллионы каратов! – шли в 10 и 13 часов. «Внуки бабушки Оли» с замиранием сердца ждали, когда в зале погаснет свет и на экране появятся любимые мультипликационные герои: Винни-Пух и Чебурашка, Малыш и Карлсон, Кентервильское привидение и лев Бонифаций, Витя из Страны невыученных уроков и Вовка, побывавший в Тридевятом царстве, Варежка и Умка, Дюймовочка и принцы-лебеди. На целых полчаса мы погружались в счастливую сказку, в основе которой зачастую была хорошая

детская литература: «Бросил Андерсен в порыве в воздух белое перо!.. Жаль, что огненной крапивы не хватило на крыло...»

На отлете брежневских времен в Парке пионеров проводились лотереи подписных изданий. Все желающие вставали в длинную очередь за номерками, дающими право поучаствовать в розыгрыше дефицитных многотомников классиков и современников. Однажды я поставил в очередь своих дорогих бабушек. И при оглашении выигравших номеров победил номер, оказавшийся как раз между двумя воркующими кумушками: хотя его там не стояло!..

В следующем розыгрыше участвовали все мои многочисленные домочадцы, включая круглощечного братишку – смышленного подвижного бутуза. Брат отработывал ежедневную сказку, которую я ему читал перед сном. Но счастливый номер оказался в моей руке! Так в нашей семье появился четырехтомник Виктора Астафьева.

Кстати, маленький братишка был не первым полусонным слушателем моих «спокойной ночи, малыши». Будучи воспитанником круглосуточного детского сада, дождавшись, когда дежурная нянечка закроет за собой дверь спальни, оставив для полной таинственности тусклый синеватый ночничок, я рассказывал нетерпеливым одноклассникам необычайную историю, историю с продолжением. Сидя на подушке, как в кресле волшебника, я призывал в помощники все свое воображение, переплетая и сталкивая в забавных, невероятных сюжетах известных книжных и мультяшных персонажей... Быть может, из этих детсадовских выступлений и выпросталась моя способность к сочинительству: «Не проживешь те мгновения заново, то замиранье души... Но остается Марья Ивановна все человеком большим. Двери закроются за воспитателем: полнится сказками сад!.. Нянечка щелкнет в ночи выключателем: все ее деточки спят...» И нередко мои придумки росли за соседним забором.

Да, никогда больше не было у меня такой уверенности в себе, как в дошкольные годы! Уверенно я мог забежать в крапиву или соскользнуть с мокрой доски, брошенной через глубокую лужу, уверенно говорил, произнося все шипящие через букву «с». И мыслил благодаря прослушанным первым детским сказкам и просмотренным мультфильмам вполне самостоятельно. Мог часами сидеть у ящика с игрушками, обыгрывая с пупсами и кубиками известные только мне одному представления о жизни. Я не боялся чужих дворов и хулиганов. Мог запросто прыгнуть с вы-

сокой сарайки в сугроб между двух поленниц или забраться по шаткой лестнице на крышу двухэтажного дома. Играя в войнушку, не отступал перед противником из подготовительной группы детского сада, подняв с земли длинную увесистую палку. Разобравшись с подготовишками, я смело забирался на детсадовский забор, за которым находились грядки и клумбы пришкольного участка, и вместе с другими малышами кричал копошившимся в земле школьникам: «Пионеры юные – головы чугунные, сами оловянные, черти окаянные!» И мне было совсем не больно, когда коварные пионеры, подкараулив меня на участке, надрали мне уши и запихали в штанишки только что сорванный со школьной клумбы букетик цветов. А потом милостиво позволили «удрать» от них через лаз под забором. Утерев кулачком слезы обиды, я все равно подарил слегка помятые маргаритки Марье Ивановне.

Я не боялся никого и ничего, я восхищался жизнью! Рядом были папа и мама. Рядом были справедливость и сила Советского Союза, вместе с которым и я, нарядный, с красным бантиком на груди, встречал 100-летие со дня рождения Ленина...

Сейчас многого нет рядом. Исчезла Великая страна. Ушла эпоха. Снесен бабушкин кукковский дом. Разрушен кинотеатр «Сампо»... Сейчас я самостоятельный, сильный, образованный мужчина – становлюсь все более осмотрительным, мудрым, общественным, все более... сомневающимся в себе человеком. Сопоставляя себя с окружающим социумом, я все более убеждаюсь, что неуверенность общества определяет его разумность. Осторожность. Государственность. Скрытность. Живучесть... Кто бесстрашно, весело, ухарски уверен в себе – не владеет разумом, сиречь – смел, уязвим и незащищен, как рожденный для первого, второго, третьего и последующего самостоятельного шага в неизвестность, не боящийся говорить правду малыш... Но зачастую присутствие детской непосредственности, творческой фантазии и некоторого житейского опыта укрепляют веру в собственные силы! Охваченный писательским замыслом, прокручивая в голове новую стихотворную строку, я снова превращаюсь в мечтательного мальчишку, глядящего поверх давно открытой страницы: «На белый лист ложится стих, на припечь – каравай: найдется в памяти для них и соль Земли, и – край...»

Поэтическое вдохновение – вот что сравнимо с умением читать книги полями! Это упоительное, ни с чем не сравнимое чувство подарили мне

детские годы – скользя взглядом по обрзу прочитанной страницы, уноситься мыслями вперед завершенного действия, придумывать свое продолжение и окончание захватившего меня сюжета! И нередко концовка придуманного мной приключения была веселее и неожиданнее авторского замысла. И было немножечко досадно, что этими удивительными способностями – вклинивать свои собственные фантазии в тесные рамки предложенного повествования – не с кем было поделиться. Родители были заняты своими делами. У редких школьных и дворовых товарищей мой «театр у микрофона» не пользовался спросом. И, наверное, поэтому я начал кое-что записывать в тонкую трехкопеечную тетрадь, куда-то потом запропастившуюся...

И все же кое-что осталось. Во второй, третьей, четвертой тетрадке. В трех моих собственных книжках. В разговорах с сыном... С рождением сына у меня появился даже свой собственный сказочный герой – Пупи-Друпи. Приключения с продолжением этой смешной тряпичной куклы с характером бесстрашного дворового мальчишки я рассказывал по дороге в садик или на дачу своему подрастающему малышу. О содержании этих уморительных историй знаем только мы вдвоем...

Остался Пупи-Друпи. Осталась романтика семидесятых... Я жил прочитанными книгами, а книги продолжают жить во мне. Умение переиначивать известные истории на новый лад переросло в потребность писать самому. Мечты и фантазии – суть творчества, погружение в бескрайний океан чувств и волнующих образов, объединяющее многих и многих пишущих и ждущих их литературных трудов людей: «И за что не будет стыдно, что не растерял – все по строчкам будет видно, скрепам бытия».

Была еще одна волнующая хрупкая ценность детства – домашние пластинки... Появились они в моей жизни не сразу. Первый проигрыватель, который приоткрыл для меня двери в неведомое, стоял в музыкальном зале круглосуточного детского сада. Запомнилось священнодействие воспитателя, когда после ужина мы, оставленные на ночь дошколята, рассаживались на маленькие скамейках и Марья Ивановна, поставив новую пластинку, совмещала голоса артистов с прокручивающимся на стене диафильмом.

Фильмоскоп с пластинками... Удивительная пора детства! Все в ней происходит впервые: первая улыбка, первый шаг, первая игрушка. Каждый день ты узнаешь что-то новое, важное... или вля-

паешься в такое... взять хотя бы историю, когда мне подарили первый ручной фильмоскоп.

А началось все с того, что в возрасте трех с половиной лет я провалился в уличный туалет. Провалился не один, а с Сашкой Зассыхой. Сашка – наш сосед по дому на улице поэта Некрасова, долговязый восьмилетний мальчишка – ходил в первый класс, но до сих пор умудрялся прудить в штаны. Оттого, видать, его и прозвали Зассыхой. Как ни смотрела за мной бабушка Паша, в чьей скромной квартирке под лестницей мы тогда и обитали, я все-таки убежал на второй этаж к своему старшему дружку. Сашка мне приглянулся тем, что мог ловко ловить тараканов, в большом количестве водившихся в ящике его кухонного стола... Так вот, в один солнечный воскресный денек устроили мы с Зассыхой танцы на щитах выгребной ямы. И при очередном батмане крышки «сцены» разъехались в разные стороны. В отличие от того, что плавало вокруг, и Сашки, которому это было по грудь, я сразу ушел на дно... Вытащил меня из этого приключения папа, заслышав Сашкину иерихонскую трубу. Целого и невредимого.

Очистили меня, отмыли, отполоскали, от Сашкиного влияния оградили, а от дизентерии не уберegli... Попал я в инфекционную больницу. Палата на десять коек. Таблетки, уколы, горшки, анализы – это неинтересно. Интересны были ребята, с которыми, благодаря известным обстоятельствам, мне довелось пообщаться. У каждого была своя история, ну, не болезни, конечно, а – приключенческая. Из книг, фильмов, рассказов взрослых. И очень уж нас тогда занимала одна тема – про лунатиков. Мальчишки наперебой рассказывали случаи, происшедшие с их знакомыми. И по карнизам-то люди ходят, и по веревкам, и по перилам мостов. Потом и в нашей палате чудеса происходить стали. То один, то второй пациент среди ночи меж коек бродят, тумбочки задевают. А утром, хоть убей, ничего не помнят! Лунатизм, оказывается, – штука заразная. С мылом не отмоешь. Ну, думаю, теперь и моя очередь настала лунатизмом болеть! Проснулся среди ночи, ноги с кровати скинул и сквозь слегка прищуренные глаза вижу – не спит кто-то, на меня смотрит, ждет, что дальше будет. Я встал, походил туда-сюда вокруг кровати с поднятыми руками, на манер медведя в цирке, и спать завалился. Утром сюжет о моей уникальной ненормальности в ребячьих новостях прозвучал одним из первых! А тут еще мама с папой мне фильмоскоп ручной через приемный покой передали: купили-таки, не забыли о моей мечте детсадовской! Теперь, кроме до дыр зачитанных больничных кни-

жек, был у нас настоящий маленький кинотеатр. Серый, гладкий, с трубкой для просмотра. Совсем-совсем ручной! Бери его в руки, как маленького зверька, вставляя диафильм, смотри в трубку и крути, крути колесико... Как это здорово – хотя бы одним глазком заглянуть в тайну Золотого ключика или во дворец Снежной королевы! Фильмоскоп с коробкой диафильмов переходил от кровати к кровати и на ночь возвращался в мою тумбочку. Для сохранности, мало ли кто пленку порвет али колесико открутит и потеряет. Но одного «лунатика» мы все-таки прозевали. Мальчишка, привезенный откуда-то из района, ночью вытащил из моей тумбочки коробку с диафильмами и... слизал сладкую краску со всех бесценных сказочных пленок. На следующий день хнычущего «сладкоежку» с коликами в животе перевели в отдельный бокс. Поделом, конечно, но смотреть в чудо-трубку было уже нечего... Через две недели меня выписали домой. А «заразный» фильмоскоп пришлось оставить в больнице.

Дома было хорошо. Дома было радио. Телевизор «Рекорд». Целая стопка детских книжек и ящик с игрушками... Однажды, играя в бабушкиной кухне в «милисейских» и «спионов», я посадил в тюрьму хитрого «претупника» Буратино. Баба Паша пришла из магазина, затопила печь и вскоре почувствовала – пахнет жареным. Заглянув в духовку, она достала оттуда закопченную деревянную куклу. То был мой бедный Буратино. На этот раз он не смог проткнуть своим длинным любопытным носом печную дверцу... Меня не ругали – мне посочувствовали. И обещали, если я больше не буду «наказывать» свои игрушки, отвести меня в «Детский мир» и купить новую куклу... Спасибо, папа, спасибо, мама! Спасибо за фильмоскоп, за Буратино, за торт «Сказка» на такой желанный, такой редкий День Рождения! Спасибо за год, за день, за минуты подаренного мне счастья! Завтра надо будет безропотно съесть кашу и выпить чашку чая. Прослушать «Пионерскую зорьку». Успеть в садик, в магазин за новыми сандалиями, в бабушкин театр на премьеру детского спектакля... Успеть сказать слова благодарности родным, горячо любимым людям – при жизни...

И вновь в мой рассказ врывается цоканье виниловой пластинки... Первый домашний проигрыватель я увидел в доме маминой сестры тети Аллы. Семейные застолья чаще всего сопровождались песнями «Черемшина», «Наш сосед» и «Мне нужна жена». Как я потом узнал, последняя песня – Александра Градского на стихи Роберта Бернса. Как так! У кого-то есть сосед, есть жена, а у

нас даже проигрывателя нет! Тут уж я насел на родителей основательно, и они купили «Кантату» на длинных лакированных ножках. «Кантата» ловила все нужные мне радиоволны и могла с любой скоростью раскручивать взрослые пластинки. Само собой разумеется, первым делом папа и мама принесли из музыкального магазина пластинки на свой выбор: Мария Пахоменко, ВИА «Самоцветы», Эдита Пьеха, Муслим Магомаев, Львы – Лещенко и Барашков. И не было в этой пестрой стопке только запомнившегося мне с 70-го года Валерия Ободзинского...

Впервые я услышал песни Валерия Ободзинского после памятного перелета, когда все наше семейство около двух часов тряслось на «кукурузнике» между Петрозаводском и Питкярантой. Мы спешили на свадьбу папиного брата дяди Славы в поселок Салми. Тягостные впечатления от воздушной болтанки скрасили удивительные мелодии и чарующий голос артиста, идущие от клубного проигрывателя, установленного временно в дядином доме: «Восточная песня», «Эти глаза напротив», «Письмо», «Карнавал». Эти пластинки стали для меня – тогда шестилетнего пацаненка – настоящим откровением. Как душевно и красиво можно соединить голос, текст и музыку в одном небольшом по звучанию произведении! После я узнал, что в начале 70-х Ободзинский был запрещен и вскоре ушел с эстрады. Пластинки его перестали продаваться. В 90-х годах он вернулся к своим слушателям благодаря любви одной женщины, вытащившей его из небытия какой-то сторожки. Валерий снова запел, не потеряв своего уникального голоса. Записал несколько альбомов. И даже собирался приехать с концертом в Петрозаводск вместе с Тамарой Миансаровой. Но – перед самым выступлением у него внезапно остановилось сердце. Билеты в кассу филармонии никто возвращать не стал...

Помимо запрещенного Ободзинского не водились в нашем доме пластинки «Битлз» и советских бардов. Об их существовании я узнал уже после окончания школы. Сказывался «циркулярный» круг моего подросткового общения. По телевизору и радио Леннона и Визбора не передавали. Не говорили о них во дворе и в классе. Зато на слуху были «Четыре танкиста и собака», «Неуловимые мстители», «Радио-театр», «В стране литературных героев», «Клуб знаменитых капитанов». По рукам шли книги Джека Лондона, Фенимора Купера, Стивенсона, советская и зарубежная фантастика. Но прежде, конечно, сказочные повести Николая Носова, Александра Волкова, Астрид Линдгрэн и Джанни Родари.

С появлением проигрывателя «Кантата» в моем доме появились новые – виниловые приключения! Потихоньку росла сокровищница домашних пластинок: «Доктор Айболит», «Буратино», «Чиполлино», «Приключения Незнайки», «Старик Хоттабыч», «Площадь Картонных часов». К сокровищу – и подход был особый. Каждый виниловый диск, вложенный в две обложки, аккуратно вынимался, укладывался на место, протирался специальной ваткой, и после проверки игла осторожно ставилась на краешек пластинки. После легкого шороха внутри полосатых колонок комната наполнялась удивительными историями, одушевленными голосами Николая Литвинова, Валентины Сперантовой, Алексея Консовского, чудесной музыкой и доброй шуткой.

А еще были советские киносказки. Нынешних детей, воспитанных на «Гарри Поттере» и «Властелине колец», не удивишь наивной Бабой Ягой или добродушным Морозко. Но после просмотров сказок Птушко, Фрида, Роу смешные фразы и узнаваемые образы уходили в народ, и можно было узнать человека своего поколения по емким и зримым выражениям сказочных персонажей: «Ты естествен, а я колдовством», «Надену свою шубейку и пойду в лес замерзать», «Что я в своем царстве-государстве не знаю?», «Ты должен быть счастлив, что тебя съест правительство!», «Не принцесса – королева»... Первый раз, когда мне не было и пяти лет, я смотрел фильм-сказку Александра Роу «Огонь, вода и медные трубы» в кинотеатре «Строитель» на Старой Кукковке, недалеко от которого мы и жили. Потом родители купили телевизор «Рекорд». Уже на новой квартире поменяли «Рекорд» на «Весну». Правда, стоял телевизор в комнате родителей. И только один раз «Весна» поменяла свой обжитый угол, чтобы попасть в мою следующую историю...

Телевизор перенесли в мою комнату на время ремонта. Родители, чтобы не гонять по квартире пыль, закрыли все комнатные двери и, по-видимому, улеглись спать. А время было где-то около одиннадцати часов вечера. Проходя мимо скачущей «Весны», я, конечно же случайно, включил квадратную кнопку на телевизионной панели и... сел на кровать с открытым ртом. Темой очередного выпуска передачи «Очевидное-невероятное», идущей в столь поздний час, была природа смеха. Так я впервые увидел отрывки из фильма Леонида Гайдая «Деловые люди» по рассказу О. Генри «Вождь краснокожих». Природа моего дикого захлебывающегося смеха переполошила родителей и наверняка разбудила соседей. Вбе-

жавшая в детскую мама подумала, что меня убивают. А я смеюсь, безумно тыча пальцем в мерцающий экран. Полчаса я не мог успокоиться, схватившись за живот, катался по полу. Еле-еле, обесточив черно-белый источник моего хорошего настроения, израсходовав графин кипяченой воды, папа и мама привели меня в чувство... Нашупанная Капицей тема передачи, замечательная игра актеров Алексея Смирнова и Георгия Вицина – разбудили дремавшую досель природу моего смеха, впоследствии облаченную в форму и стиль моих будущих негрустных рассказов. Несколько гайдаевских отрывков, показанных в передаче, основанных на хорошем художественном материале, подарили мне встречу с шедевром мирового кинематографического искусства, стали настоящим открытием моего второго «я», исполненного самоиронией и добрым юмором, послужили толчком уже недетского творческого сознания. Воистину, очевидное-невероятное... Многими годами позже, читая Стругацких, натолкнулся на строчку, в которой один из героев раскрывает свое жизненное кредо: «Ирония и Жалость». «Ирония и Жалость» – единое противоречие человеческой природы... А что бы я вывел девизом своей жизни? Какие слова ярче, точнее всего ложатся на сердце, когда я оглядываюсь на пройденный путь?.. И, как ни крути, все сводится к двум негромким словосочетаниям: «Мягкий Юмор и Ненавязчивая Мудрость».

В школе я задавался вопросом, что бы я взял с собой в дальние края в случае каких-нибудь непредвиденных обстоятельств: книгу, марки, любимую пластинку? И оказалось, что таких драгоценностей набрался целый чемодан. И здесь я ясно осознал, что ни одна отобранная драгоценная вещь не пригодится мне в дороге и неподъемный чемодан будет досадной обузой... Все самое дорогое – остается в сердце.

В окружении разложенных по полочкам сокровищ я забывал о скуке, нудной учебе, дворовых обидах. Я был не один. Со мной были Дон Кихот и Мальчиш-Кибальчиш, Гулливер и Одиссей, Том Сойер и Джим Хокинс, Чиполлино и Мальчик-звезда – удивительный мир домашних пластинок, живописных марок, мудрых книг и добрых кинофильмов, от которых я не ждал подвоха, назидания и тумачков. Я учился у них слушать и принимать добро внешнего, необыкновенного, мудрого, бегущего по виниловым царапинкам, открытым страницам, полотнам Айвазовского стремительного круга жизни, чувствуя постепенное слияние двух огромных миров – детского и взрослого. Че-

рез эти круги и миры мы проходим разными дорогами, увлечениями, судьбами. И важно – не растерять в пути восторженных ощущений детства: «Через радуги, площади, реки, сколько будет планета вертеться! – сквозь устало прикрытые веки – возвращайтесь на улицы детства!»

ВРЕМЯ ЖИЗНИ

Приходит зрелость. В сорок пять начинаешь ощущать свой возраст, непокоренные вершины, болячки... Зрелость – это еще одно необходимое, драгоценное время жизни, которое состоялось благодаря действию целительного сиропа детства, когда, глотая содержимое заветного пузырька, зажмуриваешь глаза и снова возвращаешься к нестареющим чувствам и запахам окружающего мира. Наверное, поэтому промелькнувшие мальчишеские годы кажутся одной долгой длинной дорогой, по которой, как в замедленном кино, движутся люди, дома, события... И редкие остановки – посещение лесной чащи или тихого озера – врачуют Душу, позволяя освободиться на время из цепких жизненных обстоятельств.

Завораживает взгляд, замешивает лечебное снадобье на алых ягодах и белых мхах карельская тайга. Будто древняя таинственная сила подняла лес в высокое Небо, прочно сплетя его корни с Землей. В разные времена года лес увлекает извилистой лыжней, пением птиц на вешних болотах, летней прохладой, грибной осенней сыростью... Осенью, когда умирают листья, холодят сумерки и согревают краски, настаиваются настоящие чувства. В эту пору они по-особенному жгутся, не рана кожи, не жалея горла. В эту пору обостряется ощущение уходящей жизни... И, как рыбий жир в болезненно-чутком детстве, как госпитальную микстуру в застуженной караульной юности, как дух сосновой коры, я пью из ложечки – осень. Горько. Жизненно. Незабвенно...

Однажды темным сентябрьским вечером на даче я наблюдал над кромкой дальнего безмолвного леса необычайное природное явление – Белую Радугу. От линии серого горизонта она была отделена ровным черным полукругом, сверху – венчалась серебристой мерцающей короной. Вдруг венец дрогнул и – ввысь устремились косые, прямые, острые лучи! Взвилась пики, полетели стрелы! Словно приоткрылась дымная печная заслон-

ка. Свет наполнял звездное небо мерцающей, напалзающей на сентябрьскую тьму белой огненной сферой, вбирал и смешивал бьющие в густую черноту лучи. Клубящееся жаркое свечение достигало середины небесного свода. Иногда из переливов нежной парной дымки выпрастывался ухват Большой Медведицы. И казалось, будто в гигантской вселенской печи печется белый горячий хлеб будущего солнца. Жар вырывался наружу, видение пузырилось и брызгалось, дышало чудной пленительной силой! Перебегая к левому и правому концу полукружья неровными щетинистыми всполохами, свечение остывало. Наконец, охладившись, затвердело пышной полосатой сдобой на черной звездной скатерти ночи. Таким вот сахарным, облитым сладкой патокой караваем выходит из духовки Бога – Северное Сияние!..

Живая Земля. Недолго осталось спать в белом теплом тумане берегам и дорогам. Ощущая стылое предзимье, Земля дышит, ухает зелеными кругами по зыбким карельским топям, глотая камни, заваливая сушины. Теряются в болотной ряске скользкие замшелые гати... В глухую осеннюю пору мне кажется, что я снова бреду по краю исчезнувшей дороги. Сделав крюк до сухого безжизненного островка, возвращаюсь назад, теряя силы, погружаясь по пояс в черную дрожащую жижу, пытаюсь обойти неоглядное дышащее пространство по топкой опасной дернине и – только кружу, кружу болотом, отчаявшийся, пустой, заблудший... Ночью на воде появляются звезды. Днем они тонут в серой облачной зыби. Ни звука, ни эха... Сколько еще сможет прижимать к груди любимого, неразумного ребенка Мать Сыра Земля?.. Ах ты, дыма сыть, сухарей мешок! Не бойся идти своей дорогой. Не важно, короток или длинен будет твой путь, важно – осознание пути и готовность проделать его до предначертанного тебе срока... До вешки, до кромки леса... Дорога – это пояс Земли, и иногда его расшивают звездами, чтобы не потерять Неба...

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Смутное время России. Прорицатели и кликуши все время назначают новую дату всемирной катастрофы. Ледники ползут. Комета приближается. Просыпаются вулканы. Накатывает цунами. Смещаются земные пласты. Потепление. Похолодание... Недавно Пулковская обсерватория объявила, что вскоре Земля покроется толстым ледяным пан-

цирем и уже в 2014 году в Сахаре ляжет метровый слой снега... В ожидании конца света, запутавшись в сроках и предзнаменованиях, закопавшись в газетных вырезках, популярных сайтах, телевизионных интервью – многие не доживают, пропуская очередную премьеру фильма-катастрофы, объявление по радио или метеорологическую сенсацию из-за банальной земной кончины... Как ни крути, а выходит, что «конец света» у каждого свой... У меня нет ни малейшего желания заглядывать за тот предначертанный неизбывный рубеж... Хочется лишь ненароком приоткрыть страницу, взглянуть одним глазком в завтрашний день, надеясь только на свои силы и опыт, хочется успеть осуществить свои сокровенные мечты... Как не хватает мне сейчас близких людей! Отца. Мамы. Бабушки Ани. Не хватает их мудрости и беззаветной любви. Гадая на картах на любовь, на работу, на мечту, бабушка лишь ненавязчиво утверждала меня в правильности выбранного пути, отметала сомнения, успокаивала житейские страсти. Бабушка ждала меня всегда. Утром. Днем. Ночью. Будь то мои многомесячные пребывания в детских оздоровительных лагерях и санаториях, годы срочной службы или долгие командировки в стройбате. В своих письмах ко мне она находила самые теплые и нужные слова, а в трогательно свернутом уголке я неизменно находил аккуратно сложенную трешку. Она ждала меня, как ждут родную душу, пред которой нет тайн и недомолвок. Вечера-откровения, за чаем и непременно пирогами, затягивались за полночь. Бабушка рассказывала мне о том, как ее семью, родителей, трех сестер и маленького брата, сослали в Карелию за то, что дедушка – зажиточный вологодский крестьянин – не сдал продналог. В местечке Орзеге, где сейчас находится родительская дача, в 30-е годы 17-летняя девчушка Анечка Беляева валяла лес на лесоповале. Во время войны семью эвакуировали на Урал. Там в 1944 году ее и нашел мой дедушка Михаил Мошников – инвалид войны, которому болезнь оставила еще 15 лет жизни. Было все: и нужда, и оговор, и потеря близких людей. Была и радость материнства, и любимая работа в театральном буфете. Жаль, что душевных откровений было так мало ввиду извечной занятости нашей... В один из таких вечеров бабушка рассказала мне историю про сапоги, тронувшую меня своей простой житейской глубиной.

*Бабушка, милая, полною меркою
Жизни отдала ты пироги...
Первой в деревне была пионеркою,
Дали на слёте тебе сапоги.*

*Долго потом любовалась обновою:
Ай да сапожки – изящны, легки!
Не по селу бы ходить за коровою...
Да записали отца в кулаки.*

*Версты – не обувь удобную мерили.
Мерзли в опорках с отцовской ноги.
Семьи крестами осели в Карелии,
А всё равно оставались – «враги».*

*Бабушка, милая, память неверная –
Все ли оплачены нами долги?..
Первой в деревне была пионеркою.
Дали на слёте тебе сапоги.*

Люблю пересматривать бабушкин альбом. На оборотах старых пожелтевших фотографий еще можно различить драгоценный, канувший в небытие вместе с изображенным на снимке человеком – почерк. Неумелые, трогательные стихи: «Помни иногда, чем никогда»... И удивительно, как в одно мгновение эти наивные, искренние слова подсвечивают черно-белый фон, выразительные красивые лица молодых родителей, бабушек и дедушек. И моих горячих щек, увлажненных глаз и осторожных пальцев касается робкое дыхание их неушедшей юности, непроходящее очарование родственных душ. И все мое взволнованное существо не оставляет чувство, что оно здесь, в комнате, в прочитанных книгах сына, в любимых игрушках внуки, на страницах семейного альбома, оно никуда не исчезало, это сильное, никогда не стареющее чувство – любви.

*За уличным окном термометр закапал.
Не отрывая взгляда от окна,
Я видел – чистая – шкалу ломала капля:
Ну, наконец-то, Господи, – весна!*

*Не заведет постылую волюнку
Метельный снег, стена и моля...
Под стать весне – в дареную бутылку
Сливала рюмки бабушка моя.*

*И недопитых слез не оставалось,
И было что в шкафу на черный день.
Присев на лавочку, щеки моей касалась,
Рукой со лба отбрасывала тень,*

*Все говорила: «Редко навещаешь.
Вот-вот отмажусь: вспомнишь ли когда?»
И сколь горючих слез ни утираешь –
Все горестней соленые года.*

*Отгостевало в доме утешенье:
Мгновенны лета, сумерки длинны...
Остывшие чаи прощанья и прощенья
До замиранья сердца холодны.*

*И разговор на кухне затихает.
И ничего не надо обещать...
И в вешнюю капель заболеть стихами,
И между строк прощаться и прощать.*

...Предъявив свидетельство о смерти и домовую книжку, получил последнюю бабушкину пенсию, заработанную за долгий вдовий век, которой едва хватило на еловый венок и пару конвертов, всунутых, вместе с распиской, в узкое почтовое окошко. На сдачу... Вот и всё. Всё, что причиталось бабушке Ане за годы лишений, ссылки, войны, эвакуации. За все пережитое бабушкой, страной в годы, когда по злому оговору примерила она серые тюремные одежды. Потеряла мужа. Пережила детей...

Как прекрасно она знала людей! Сопоставляя разные судьбы, раскидывала карты и – легонько подталкивала мудрым ласковым словом друг к другу пылких молодых и завидных женихов.

Прошел первый сентябрьский дождь. Нагрудный карман рубашки оттопыривают свернутые в трубочку бабушкины конверты... Я напишу! Напишу тебе, бабушка, историю не узанной, не увиденной тобой жизни! Все сбудется. Уйдут худые карты. Червоная дама возьмет за руку бубнового короля... Проступят на опавших листьях строки этого долгого неровного письма.

*На даче времени с избытком.
И дождь не кончился пока.
На полке найденной открыткой
Моя взволнована строка –*

*Чей это круглый ровный почерк?
И удивленно вижу – мой...
Свою открытку, не на почту,
Отнес я бабушке домой.*

*И положил ее с надеждой
На стол, где книга и очки:
Бабуля, – выведено нежно, –
Ты о любви моей прочти!*

*Словам любви в открытке тесно,
И многократно посемя
В щеки морщинистое тесто
Уткнулся с носом поцелуй!*

*И снова маленький проказник
Читает, выпятив губу,
И веселит семейный праздник
Твою осеннюю судьбу...*

*Под дачным пледом не согреться.
Все небо в тучах. Дождь идет...
А может – это плачет сердце
И кто-то эти строки ждет?*

Как быстро схлынула весна, подкралась осень. Казалось, само время подгоняло ее на быстрине, выносило вместе с талой водой на солнечные берега пену беспечных дней, размокшие бумажные кораблики, сложенные из листов ученической тетради, щепки забытых болячек... Как скоро в зеленых, рассветных берегах отгорело лето, откипела в полях, цехах, конторах горячая работная пора. Когда еще увидим плоды трудов своих, воплощенную в детях, домах, деревьях, собранных книгах вдохновенную, кропотливую работу ума и рук, души и сердца... Путь далек... Размытые дождем дороги осыпает пожухлая листва. И мои глаза замутила дождливая пелена. Пройденного не вернешь... Появилась первая седина. Зима наступает. Все короче день, дольше и темнее вечера. Но – это еще не конец света. Свет исходит от сияния первого выпавшего снега, от благодарной памяти. Осенние дороги жизни укрывают мудрые снега... Бабушка и запыхавшийся малыш накатывают снежный ком для будущего снеговика, соединяют, прихлопывают рукавицами приставшие к липкому кому опавшие листья, зазимовавшие под снегом зеленые травинки – общие судьбы и святые надежды.

УЧИТЕЛЬ

Огорчила, очень огорчила супругу, врача санатория «Марциальные воды», сердечная болезнь ее педагога, известного в Карелии руководителя туристического клуба. Сколько интересных походов, организованных студентами и преподавателями Петрозаводского государственного университета, горных троп и дорог в экзотических местах Советского Союза прошагали они вместе... Прибыв в санаторий морозной зимой, больной и погрузневший, учитель не мог подолгу сидеть на месте: нагрузил себя процедурами, старался больше двигаться, общаться с соседями. И однажды зашел в кабинет суп-

руги: «Поедем на Спасскую гору! Я со всеми договорился. Песен поюем...» Песен туристских он знал предостаточно и гитарой владел виртуозно... Но высок и снежен был подъем на горнолыжную трассу, которую открыл еще один его ученик-медик, а здоровье старика внушало опасение... Да любые возражения организатором похода не принимались всерьез... Утром в выходной на двух машинах доехали до Спасской. Затем пешком. По узким тропам, крутому склону... В домике, где гоняли чай и вострились лыжи за всегдатаи накатанной трассы, суета и оживление: «Все на гору! Там сейчас такое будет!» На самой верхотуре выстроились, снаряженные по всем правилам лыжного спорта гости – спортсмены из Москвы. Ну наверняка чудеса синхронного скольжения увидим, подивимся... Вдруг откуда-то сверху на нас навалился ураганный звук: прямо на гору шел военный самолет! Пролетев над головами ликующих лыжников, сереброкрылый красавец прошел низко-низко над ледяным озером, подняв в воздух молочную снежную замять. Взвился ввысь, раскрутил гулкую «бочку», сделал две мертвые петли и исчез в ясном морозном небе... Что это? Откуда? А отсюда – из Бесовецкого гарнизона. Командир полка истребительной авиационной дивизии – давнишний приятель владельца горнолыжного комплекса. Вот и захотел бывший студент для тренера-педагога сюрприз сделать, чтобы «сушка» во время учебного полета класс свой лихой показала, аккуратно над Спасской горой... Потом было чаепитие. Обещанный концерт. Звучали то разом, то сольно – три «боевые» гитары... И удивительным, удивительным был человек, сидевший с нами за одним столом, побледневшими губами негромко, проникновенно исполнявший на походной гитаре любимые песни... Прodelавший по глубокому снегу, в синих зимних сумерках путь на высокую гору, где светилось окно гостеприимного лесного домика... Попытавшийся еще раз прикоснуться золотым, мягким, разбитым сердцем к своим ученикам – дрожащим голосом, влажными глазами, лопнувшей струной...

СТРАНА ГОЛУБИНОГО ДЕТСТВА

«Последний лист осени – дождался первого снега зимы...» Так запечатлел их на холсте художник, описал на тонкой рисовой бумаге поэт, подметил фотограф, наиграл саксофонист в задумчивом регтайме. Такими их создал Бог: чувственными, близкими, земными. От сопричастности всего живого и бывшего на земле, рани-

мых переживаний и нежных соприкосновений – возвышается человеческая душа. Явление Господа – отлетевший лист и опускающиеся на ладонь снежинки – будут жить в веках, повторяясь и одновременно оставаясь неповторимыми – в момент именно этого тихого утасяющего кружения...

Осень. Зима. Удачно схваченные фотоаппаратом картины природы находят свое красное место среди других семейных снимков... С детства, особенно будучи в гостях у многочисленной родни, не найдя для себя привычных ребячьих занятий, укрывшись в тихом уголке, любил пересматривать старые фотоальбомы. Детское восприятие незнакомых и чем-то неуловимо похожих на папу и маму «дяденек» и «тетенок» никак не связывало меня, самого по себе существующего человека, с этими погнутыми, поблекшими, застывшими картинками. Мог ли я подумать, что с течением времени фотографии многих родных, живущих вместе со мной людей превратятся в «застывшие картинку»? Неизбывная горечь утраты приходит на смену бесконечным удивлениям детства...

В детстве все казалось огромным. Маленький дворик. Узкая улочка. Яблоня за забором детского сада. Крутой спуск к порожиистой обмелевшей речке. А сама река казалась океаном, увлекающим к неоткрытым островам пущенные по воде бумажные корабли. Двадцатилетние папа и мама – представлялись большими. Многоопытными. Взрослыми людьми. Бабушки и дедушки – такими пожилыми, добрыми и мудрыми, что отказываешься верить сейчас сохранившимся семейным фотографиям, на которых им не было и пятидесяти... Наверняка такими же большими и недостижимо высокими, как пятиэтажный дом и раскидистая береза за окном, любимыми-прелюбимыми бабушками и дедушками видят нас подрастающие внуки. Не наглядеться в эти искрящиеся, смеющиеся, сияющие во все небо ребячьи глаза! В эту счастливую пору отраженная в них река кажется океаном, дом – горой, береза – неохватной, папа – великаном, а жизнь – огромной!

Посещая городское кладбище, подходя к могилкам родных людей, бабушек и дедушек, мы невольно ощущаем себя малышами. И вновь, как в повторяющемся детском сне, робко озираясь, мы боимся заблудиться на незнакомых улицах, среди гигантских домов и скверов, проходя... мимо крестов и памятников, сквозь заросшие кладбищенские участки. Провинившимися, маленькими, любящими детьми мы подходим к их увитым искусственными цветами могилкам. И не кажется, а видится на самом деле, что за тихими могильными оградками деревья стали большими...

Печалится сердце о сердце, и – тут же! – всколыхнется радостью воспоминаний и застучит, застучит с прежней неумемной силой, вырывая из небытия глаза, улыбку, руки, почерк милого родного человека.

Нет-нет да загляну на Старую Кукковку. Место, где раньше стоял бабушкин дом, застолбил сосед, живущий здесь с 50-х годов. Огородничает. На 20 сотках – смородиновый куст и две высокие березы – свидетели первых шести лет моей жизни. Разговорились. Стали вспоминать. Многое мне было в новинку. То, что казалось незыблемым, крепко-накрепко отложившимся в детском сознании, в представлениях о жизни взрослого мужчины – оказалось неточным, придуманным, закутанным в цветной туман. Ложная память... Таких домов здесь не стояло, такие люди здесь не жили, а детские ясли находились совсем на другой улице... А я помню! Помню высокую голубятню посередине двора. Помню цветущий яблоневый сад за картофельным огородом. Образы, милые образы стоят перед глазами, как образ Господний на бабушкиной иконе, как фото мамы и папы на развороте семейного альбома. А бабушкины калитки? Их толокняный вкус не затмят самые изысканные блюда мира! А чернота осенних сумерек, скрывающая шумящие деревья, соседские домишки и дощатые сараи? А наш бревенчатый дом, по вечерам наполняющийся голосами, шорохами, скрипичной музыкой деревянных ступенек и щелястых половиц? А вкуснота компота из ягод черной смородины с прилипшим ко дну и краям кастрюли иззубренным листом, сорванных мамой на огороде, вкуснота, вскипевшая, настоящая на дымной дровяной печи? Это тоже ложная память? Память, опустившая мне на ладонь белое голубиное перышко...

В стране моего голубиною детства идет снег. Снег в моей стране – легче птичьего пуха. Он невестом, нежен, тепло его прикосновений чувствуешь сердцем... Этим пухом не набьют подушки олигархов. Его не пустят по ветру над мусорной свалкой, бывшей когда-то огромной страной, где хозяйничают, наводят порядок сытые чайки и вороватые вороны... Не купить, не загадить убеленных мягким небесным светом площадей и улиц. Снег в моей стране – это перья архангелов. Заснеженные замки – крыши дворовых голубятен. Облепленные перышками ладони... Шум заполнившей небо белокрылой стаи... В стране моего детства стоят белье-белые дни. В стране моего детства гуляют люди, которые покинут ее с моим последним вздохом.

Я – БУКВА «Ж»

По стечению обстоятельств меня, пятидесятилетнего отставника, призвали в «партизанскую» армию в те сентябрьские дни, когда я перечитывал «Избранное» Эрнеста Хемингуэя. По-видимому, неожиданность данного предложения и авантюрные военные перипетии американского писателя и подтолкнули меня поставить подпись в получении повестки военкомата, а затем и явиться на призывной пункт, едва успев положить в пакет зубную щетку, зарядку для сотового телефона и томик Эрнеста. Котелок, сапоги, «пятнашка», бушлат, цигейковая шапка и нательное белье были выданы конвейерным способом солдатами-срочниками. Прикосновение к коже нового, жесткого, знобкого белья возвратило мне забытые ощущения восьмидесятых – годы службы в Советской армии. Арзамасскую учебку. Казахский спецназ...

По прибытии в Арзамас 21 апреля 1983 года петрозаводскую команду повели в нетопленную баню. Отобрав гражданское барахлишко, проведя дезинфекцию новобранцев холодной водой, выдали – на глаз и вырост – солдатское обмундирование. После распределения по ротам началось наше шестимесячное обучение на радиотелеграфистов. «Мочить СЭС!» – средства электронной связи – к концу учебки должен был каждый обучаемый военный связист. Обучение было по-военному жестким и по-человечески интересным. До сих пор без запинки могу отстучать «на ключе» цифровую и буквенную телеграмму. Точки и тире сами складываются в забавные и легко запоминающиеся приговорки, обозначающие цифры и буквы: Од-на бе-жа-ла, Дай-дай-за-курить, Ай-да, Ба-ки тек-ли, Ви-да-ла, Го-во-рит, Да-чни-ки и т.д. и т.п. Прошедший многочасовые тренировки радиотелеграфист без труда узнает в этой абракадабре, набитой «на ключе», цифру «7» или букву «А». Непросвещенному человеку тут делать нечего. Но была одна буква, состоящая из трех точек и одного тире, которая, без ложной скромности, воспевала самую себя: Я-бук-ва-Ж!

С этой буквой я был неразрывно связан всю свою дальнейшую службу в десантной бригаде, базировавшейся под Алма-Атой, в городе Капчагай. В Капчагае – одной из самых отдаленных спецназовских точек, куда поставляла радиотелеграфистов арзамасская учебка, – я просидел год в штабе бригады на боевом дежурстве. При-

нимал боевые сигналы на радиостанцию – из Алма-Аты, Душанбе, Фрунзе. А для настройки радиостанции и использовалась кричащая о своей значимости комбинация точек и тире: Я-бук-ва-Ж, Я-бук-ва-Ж, Я-бук-ва-Ж... Монотонность настройки и ночная штабная тишина не раз спалили мои бдительные веки, и голова водружалась на стол – до сотрясения оной папкой зашифрованных сигналов, которая неизменно была под рукой дежурившего по штабу офицера. А спать хотелось всегда. Дедушка-сменщик не спешил на дежурство ни днем, ни ночью. Изредка, после обеда и обеденного перекура, он добирался-таки до штаба, радуя офицеров своим подтянутым, бравым видом, и говорил, направляясь к пишущей радиостанции: «Иди погрызи что-нибудь в столовой. Через час жду...»

А в столовой – хоть шаром покати. Лавки убраны. Столы вытерты. К повару – нельзя. Он из другого подразделения. Возьмешь из его рук пайку – зюфелем станешь. Что означает слово «зюфель», я не знаю до сих пор. Может быть, это выражение пришло в часть вместе с переселенными в степь немцами, которых призывали в ряды Вооруженных сил из казахстанских поселков. Не знаю. Но быть зюфелем – все равно что быть стукачом. Тут и перевод в другую часть не поможет – молва следом пойдет. Вообще, подобных табу и негласных традиций было в бригаде предостаточно. И первогодкам надо было крутиться, приноравливаться, «летать», как называли старослужащие подобные «закаляющие» меры, превращавшие «духа» в настоящего десантника. А на деле – настоящая «зековская» дедовщина... Поэтому чаще всего приходилось мне возвращаться в штаб и слушать букву «ж» с пустым брюхом.

Однажды ветреной бесснежной зимой я спрятал под бетонным блоком – на месте строящейся за штабом казармы – купленный в солдатской чайной чебурек. И когда после двенадцатичасового прослушивания ж-ж-жужащей радиостанции я вырвался на волю – сочный чебурек превратился в окаменевшую на морозе хлебную глину, которую я рвал зубами, изредка утирая бесильные слезы и сплевывая под ноги кровь, сочащуюся из расцарапанных десен...

Закрытые столовые. Холодные бани. Прошедшие мимо меня праздничные клубные концерты и воскресные кинофильмы лишь укрепили мое желание не писать, не вспоминать долгие годы мое незавидное десантирование в степи Краснознаменного Среднеазиатского военного округа. Прописанные уставом внутренней службы «тяготы и лишения» казахстанского спецназа начисто

отбили у меня – нынешнего кадрового офицера – охоту в день ВДВ, лихо заломив голубой берет, налившись хмельной бравадой, погружаться в воду городского фонтана, живописуя картину Петрова-Водкина «Купание пьяного меня»...

По этой же причине я ни разу не написал об индийском кино, казахской кухне, узбекской песне. И вот накатило... Как ни старался, так и не смог оторвать от сердца армейские записные книжки, которые я обязан был носить с собой как молитвенник во внутреннем кармане хэбэшки и бубнить, бубнить про себя бесконечные колонки цифр: сколько осталось дней до приказа, сколько положено съесть «дедушке» до одного срока яиц, порционных котлет, сантиметров рыбы, использовать бритвенных лезвий, выкурить сигарет с фильтром и без фильтра, сколько фильмов посмотреть в солдатском клубе. Обновляемые цифри должны быть отсчитаны точно и выдаваться индивидуально каждому подошедшему к салаге дембелю, без запинки, в любое время суток. И так же тщательно, со вкусом должны были отутюжены и ушиты парадки, разрисованы и покрыты шинельным «бархатом» дембельские альбомы. Иначе – зюфель, иначе – залет и – «фанеру к бою»... По ночам «духи» шили, клеили, утюжили, грели на кострах сляззенную со склада тушенку, недружно подхватывали выученные между профилактическим мордобоем азиатские песни, чтобы «дедушки», в ожидании примерки или живописания их подвигов на альбомных страницах, не скучали... Не раз меня разбирала мысль написать поперек цветастой, покрытой десантными парашютами кальки: «Сволочи!»... Но я аккуратно, отложив в сторону фломастеры и карандаши, иголку с ниткой или миску с приготовленным «солдатским» пловом, заполнял дальше разлинованную таблицу, занося в соответствующие графы яйца, бани, фильмы, в основном индийские, так как мои старшие товарищи-сослуживцы по казахстанскому спецназу – узбеки, киргизы, казахи – были без ума от неподражаемого Митхуна Чакраборти...

Сляззенная тушенка... Не будь Капчагайской бригады, равнодушно цокающей буквы «ж» и вынужденных поисков какого-нибудь пропитания – не познакомился бы я с начальником продовольственного склада части прапорщиком Анатолием Петровичем Киселевым. Случай свел меня с этим крепким коренастым человеком, фронтовиком, аккурат в дверях продсклада, куда я незаметно прошмыгнул вместе с кухонным нарядом и уже пытался покинуть заставленное разнообразной снедью складское помещение, прижимая к груди

две банки тушенки. Прапорщик Киселев, не отпуская мое худенькое плечо из ласковых железных пальцев, потянул неумелого воришку в подсобное помещение, в свою чистенькую каморку. Посадив меня перед собой на табурет, спросил: «Есть хочешь?» Я, еле сдерживая слезы, кивнул головой. Тогда хозяин открыл взятые тут же из ящика под столом рыбные консервы, банку персикового компота, наломал хлеб и, отвернувшись к маленькому зарешеченному окну, добавил: «Ешь... А на склад больше не лезь. Залеты эти ни к чему. Лучше так заходи, по-простому. Подсобка моя теперь знаешь где. Что-нибудь придумаем...»

Думал я недолго и заглянул к Анатолию Петровичу на следующий день. И после бывал у него каждый свободный от смены час. Помогал таблицы отчетные чертить, графики рисовать. А то и в чайную за папиросами сбегать. О книгах прочитанных рассказывал. Книги мне на дежурство замполит нашего батальона связи капитан Барт приносил: Пикуля, Ремарка, Хемингуэя. Как-то мы с Петровичем о Карелии заговорили. Оказывается, рядовой Киселев недалеко от моих родных мест воевал – на Кольском полуострове, под Норвегией рубежи Родины защищал. Призвался на фронт в 1942-м – восемнадцатилетним мальчишкой. «В твои лета хлебнул я лиха немерено. Война. Да товарищество друзей-разведчиков не раз выручало, – напутствовал меня Анатолий Петрович. – Ты, я смотрю, все один ходишь. Узкий специалист... Связь не только в штабе налаживать надо, но и в казарме. Товарищами обзаводиться. Бьют? Когда «летать» перестанешь? Через полгода... Ты погоди, может, за это время в училище военное поступить задумаешь, все ж за жизнь зацепка. Я вот сорок лет форму не снимаю. После войны в своем подразделении на сверхсрочную остался. До старшины дослужился. Потом, как в армию звание «прапорщик» вернули, – стал прапорщиком. Поколесил по ближним и дальним гарнизонам – от севера до юга – пока в Капчагае не оказался. Уж скоро шестьдесят годков стукнет, а все в строю, все при погонах. Прапорщички, как генералы, срока службы не имеют». Говорил со мной Петрович на полном серьезе, а глаза – улыбались.

Как-то рассказал мне Анатолий Петрович один фронтовой случай. А рассказчик он был, надо сказать, от бога: сам говорит просто, ровно, словно без выражения, а у меня перед глазами короткометражный фильм крутится... Из края в край низкое серое небо. Порывистый с присвистом ветер, словно метла дворника, гонит алмазную крупитчатую поземку по-над чахлой оледе-

нелой тундрой, со злостью отскребая следы взрывов и копоты, присыпая развороченную траками тонкую нежную кожицу заполярной почвы. После майской оттепели и вчерашнего первого ливня, когда морской десант в ходе внезапного наступления, пытавшегося упредить планы врага по перекрытию железной дороги на Мурманск, занял плацдарм на побережье губы Большая Западная Лица, вдруг подморозило, и со стороны гулко штормящего Баренцева моря гигантским растревоженным ульем налетела пурга. Бушевала пурга трое суток. Морские пехотинцы не были обеспечены теплой одеждой, о палатках и печках оставалось только мечтать, когда продрогшие, окоченевшие солдаты ждали своей очереди протянуть скрюченные пальцы к огню редких костров, так быстро пожиравших узловатые стволы карликовых березок, ящики из-под снарядов, деревянные приклады и даже ручки излишних на каменистых сопках саперных лопат. Прятались от непогоды в ущельях, снежных норах. В большой пещере организовали госпиталь. Так было ночью. Днем же немцы беспрерывно и остервенело атаковали, автоматные и пулеметные очереди, орудийная канонада, разрывы снарядов и мин, рев пикирующих юнкерсов, за особую свою жуткую мелодичность прозванных шарманщиками или певунами, сливались в леденящую душу музыку боя, рев, скрежет, грохот которого делал неслышными крики и мат отчаянно цеплявшихся за жизнь вчерашних мальчишек. Наступление было парализовано, смято, как лист циркуляра, брошенного догорать в генеральскую пепельницу... Очнулся Киселев от резкой боли, пронзившей убаюкивающую сладость сонного забытья замерзающего тела. Яркие пятнышки рвущегося к свету сознания сливались в причудливые узоры, кружились, превращались в крылышки бабочки – «это бабочка Адмирал, это бабочка Адмирал!» – послышался Анатолию восторженный голосок младшей сестры, бегущей по ярко-зеленому солнечному лугу в розовом платице. Платице росло, темнело, наливалось кровью и вдруг вспыхнуло жарким огнем. Огонь был от взрыва разорвавшейся мины, осколком ударившей в плечо. Словно бумажный, горел маскхалат из искусственного шелка, его необходимо быстро скинуть, что и в учебке получалось совсем непросто. Но разведчиков учили мыслить нестандартно. Из последних сил левой рукой он вытащил финку... «Миленький, не умирай, лапочка, не умирай!» Киселев открыл глаза – трясла его молоденькая медсестра, которой перед десантом он шутливо преподнес прозрачно-голубой

колокольчик подснежника. Вечерело, звуки боя стихли, и тишина казалась давящей, неприятной. Сестричка суетилась, перевязав рану, она стала натирать колючим снегом оковевшие, почти не чувствительные руки. Остатки бригады уже сняли транспорты, отступление прикрывал разведывательный отряд Северного флота, которому, исходя из оперативной обстановки и необходимости спасения бригады, приказано было стоять до последнего. «Чудом услышала я твой стон, кругом убитые, замерзшие, – плакала девушка, – мне говорят, чтоб не ходила от берега, если и был кто живой, так замерз наверняка, а ты жив, жив!» На воде стоял большой плавучий госпиталь, к которому и ковылял Киселев, стараясь не давить на казавшиеся хрупкими плечи медсестры, но ежеминутно спотыкался и терял равновесие, удивляясь, как стойко девушка удерживает его тяжелое мускулистое тело. На берегу их ждало разочарование: шлюпку капитан не спустил, заявив, что нет у него ни времени, ни места. Сестричка умоляла, кричала, что тяжело раненому необходима срочная операция, что он не протянет долго – все было напрасным. Корабль, снявшись с якоря, уже медленно набирал скорость, вся его палуба была плотно забита перебинтованными солдатами, глядевшими на эту сцену устало и равнодушно. Там были врачи, теплый ужин, уход, здесь – ледяная пустыня, усеянная небурными телами погибших. «Как тебя звать?» – спросил пехотинец пригорюнившуюся медсестру, проваливаясь в забытие, и услышал, или ему так показалось, что он услышал в ответ: «Настя...» Через несколько дней в мурманском госпитале доктор с чеховской бородкой и в пенсне сказал ему: «Ну-с, молодой человек, поделитесь, какой ангел вас бережет, ни ожога на вас, ни обморожения, ну а ключицу, разбитую осколком, мы вам собрали. И я почему-то уверен, что срастутся ваши косточки быстро и хорошо!» Позже от навестившей его Настеньки Киселев узнал, что подобрал их малый сторожевой катер. В море остервенелые немецкие бомбардировщики, вытягивая душу сиреной, пикируя, сбрасывали фугасы на корабль с красным крестом на белом полотнище, и плавучий госпиталь, расколовшись надвое, мгновенно пошел ко дну, унося с собой сотни искалеченных, израненных людей. Затем, развернувшись, один из юнкеров спикировал на маленький катер. Он рос, казалось, долго и страшно, и гул его нарастал от тонкого свиста и рева до раскатистого грохота, и пронесся над катером так низко, как только мог опуститься немецкий летчик, наслаждаясь стра-

хом беззащитных людей, бравируя перед другими асами люфтваффе. Он прошел на бреющем полете, на миг заслонив все небо, качнул крылами со свастикой и взмыл к облакам, не сделав ни выстрела...

Десант, хоть и не выполнил своей основной задачи, собрал на себя все силы врага, сорвав наступление на Мурманск. Далось это, как и почти всегда у нас, огромными жертвами, личным героизмом, никому не интересным в мирное время, так что и поведать о том многие старики стыдились, боясь, что сочтут их свистунами. Да и сейчас вот весь этот рассказ оказывался лишь необходимым коротким пояснением к той долгой мучительной боли, которая оставалась с Киселевым на всю его жизнь и которой он так хотел поделиться: Насте, своей медсестричке Насте, он больше никогда не увидел и отыскать, как ни старался, не смог...

От нахлынувших воспоминаний ветеран разволновался. И – в продолжение рассказанной истории – поделился со мной одной мыслью... Беспомощному маленькому человеку – в его естественном страстном желании жить, в полной безнадёжности, беспросветности, гибельности окружающего его одиночества – помогает Его Величество Случай: маленького человека спасают подоспевшая санитарка и незаметный катерок, до которого нет никакого дела хищнику-юнkersу. Маленький человек выживает, а большие корабли идут ко дну...

Помню прапорщика Киселева – с благодарностью сердца. Помог он мне тогда сильно... Через полгода в Отарской учебке под Фрунзе, куда прибыла выездная комиссия учебных вузов Министерства обороны, я сдал экзамены и поступил в Свердловское военное училище. Через четыре года прикрепил на погоны первые лейтенантские звездочки. Слова Анатолия Петровича вспоминались мне и во времена славного офицерства, когда я «воевал» с азиатским и освободившимся из мест не столь отдаленных контингентом военно-строительной роты и когда, будучи сотрудником пожарной охраны, участвовал в тушении и расследовании пожаров, после ликвидации которых близко, чрезвычайно близко принимал к сердцу беды и отчаянье людей, потерявших жильё, имущество, родных и близких...

И вот теперь, когда я уже не первый год офицер запаса, ветеран противопожарной службы, российской армии понадобились мои знания, опыт и «закаленное» здоровье, чтобы принять мучительные роды «партизанского» полка... Хлопнувшая дверь армейского вещевого склада отсекала «За-

коном о мобилизации» последние вольные гражданские мысли... В туманной утренней дымке в шуйских полях под Петрозаводском, где и развернулся кадрированный мотострелковый полк, выросшие за неделю тридцатиместные палатки выстроились в ряды причудливых китайских пагод. Меня и еще полсотни «партизан», приехавших в тот день со сборных пунктов, ожидали ожидаемые сюрпризы беспрекословного военного «героизма», палаточной сырости, чадающей буржуйки, открытой дождям и ветру отхожей ямы, нарядов и полевых выходов – за сухим валежником и скупым северным солнцем... С каждым днем, прожитым на вытоптанном картофельном поле, все окружающее меня бытоустройство и бескомпромиссные повороты брызжущей осенней грязью «военной машины» все больше напоминали капчагайское вечное «ж» и павкикорчагинское – «Смены не будет»... Бессилье что-либо изменить не доходило до крайности благодаря шутникам и балагурам, способным разрядить любую тягостную обстановку. Знатоки анекдотов – карельские Тёркины и прапорщики Шматко – были душой осенне-шуйской кампании и как могли скрашивали прелести уставного армейского быта. Наличие в палаточном городке штабной культуры, как само собой разумеющееся, предполагало отсутствие воды в помывочных баках, тепла и света в местах временной дислокации личного состава. По этой же причине «Избранное» Хемингуэя благополучно пролежало на дне выданного мне вещмешка.

Лишь однажды при проведении занятий в парке соседней воинской части перед моими глазами прогрохотали ожившие картины хемингуэевской «Фиесты». По деревянным платформам и подъемам проехали и водрузились на тягачах 42-тонные махины – танки Т-80, застоявшиеся на хранении в армейских боксах. Стадо боевых «быков», ревуших самолетными двигателями, отправлялось на вилговский танкодром, чтобы показать проверяющим из Минобороны мастерство водителей-механиков, призванных на военные сборы. Правда, в строю нашего танкового батальона – под сотню штыков! – набралось всего с десяток специалистов, имевших представление о танках... После посещения технического парка мне был понятен и близок восторг Эрнеста от шума, блеска и мощи испанской корриды! И так же мне были понятны истоки его безысходной окопной тоски, обреченности каждого следующего бездумного дня и усталости, отупелой усталости от войны, от которой не избавляет и вздох облегчения: «Прощай, оружие!» Пусть даже заверше-

ние серого промозглого дня приветствовалось нестройными возгласами «In vino veritas!», доносящимися после отбоя из соседней пехотной палатки... Ощущение реальности невоевавшего «танкиста» было и в бессмысленных построениях оцепленного Приказом военного городка, и в шуйской «резне» бензопилой сырых осиновых бревен, и в бесполезном тепле насквозь промокшего бушлата, и в колючих взглядах армейских чинов, и в приравненной к дезертирству жестокой простуде, и – в дрожкой отдаче автомата Калашникова, прижатого к небритой щеке, поражающего поставленные родиной цели на старом войсковом стрельбище... И было стремление маленького человека, попавшего волей судьбы в случайное, подчас bestолковое скопление народа, затянутого обстоятельствами в горнило войны, метельную степь, махровую дедовщину и промокшую сквозную палатку – «не пойти ко дну».

«Родина нас не забудет...» – с этой мыслью и застаревшим бронхитом через две недели я вернулся в родную петрозаводскую квартиру. Призвет. Обует. Оденет. Научит артиллериста управлять танком. Танкиста – сбивать самолеты. Десантника – понимать словосочетание «летающие лопаты»... С этой мыслью я налил себе рюмку водки и поставил на привычное пустующее место на полке так и не открытую мною книгу о мужестве и любви. Горький осенний напиток обжег воспаленное горло. И мне вдруг показалось, что все это было не зря – и неожиданная повестка, и рев «быков», и сборы «партизан» – в компании новоиспеченных танкистов, простых веселых ребят. В компании с Хемингуэем. И в задумчивую однокомнатную тишину гражданского бытия ворвался звук отбиваемой мною ногой о бутылочное стекло морзянки: Я-бук-ва-Ж, Я-бук-ва-Ж, Я-бук-ва-Жизнь!

ЭТО – ЖИЗНЬ

Я давно хотел написать про это. Открывая другие сокровенные лирические ладанки – придуманные мной житейские прозаические миниатюры, так или иначе, я нащупывал крупницы этой темы. Многие хотят знать и страшатся этого знания. Завершения пути. Конца света. Жизни и смерти. Вот и последнее в этом столетии сочетание календарного числа 12.12.12 осталось позади. Следующее совпадение чисел ожидается в двадцать втором веке. Эта дюжина тоже – веха,

история, жизнь. Именно жизнь, бесконечность жизни. Итожить прошлое глупо и скучно. Вот будущее – интересно, ибо таинственно, неисчерпаемо, неизвестно. Лучшее, что может произойти, – происходит неожиданно.

Многие ставят себе цели, добиваются достатка и положения. И вскоре разочаровываются в достигнутом, равнодушно перебирая нитку жемчуга или многочисленные журнальные публикации. Спрашивается: стоило ли желать необязательно-го успеха или вещи? Неожиданность – существует вне навязанной мысли. Не предугадаешь любви, нежности, сопричастности к твоей судьбе другого человека, внезапно охватившего все твое существо поэтического образа. Об этом не задумываешься, пропуская мимо себя выгодную должность, баснословный барыш, сочетание цифр в календаре и пророчество индейцев майя, потому что вокруг есть то, от чего ты никогда не откажешься: есть отчая земля, друзья, близкие, возможность трудиться, книги, музыка, зазывный лист белой бумаги...

Мне интересно жить! Интересно торить новые дороги, благодаря солнечным вспышкам детства, горниту армии и всполохов пожарных будней, радости дружбы, материнской заботе, отцовской улыбке, пониманию и близости любимой, нахлынувшему волнению творчества и – глазам, глазам благодарных слушателей, глазам сына и внучек, которые неожиданно открывают в себе – меня...

И я снова сажусь за письменный стол, положив перед собой черновик будущего рассказа, стихотворения или эссе, которые долгое время существовали отдельно от меня в разговорах, историях, музыке, образах весеннего пробуждения земли, осеннем лесу, озерном плесе. И после того как эти ожившие звуки, мысли, запахи и круги пройдут через мое сердце – это останется жить на обратной стороне отрывного календаря, в изданной книге, аудиозаписи, пространствах Интернета, чтобы наполнить другое сердце добротой и участием, силой и мудростью, сопричастностью ко всему происходящему на этой земле.



Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске.

В 1988 г. окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище.

Подполковник внутренней службы в отставке.

На данный момент продолжает трудиться в одном из подразделений регионального МЧС.

Публиковался в журналах «Север», «Карелия»,

«Урал», «Уральский следопыт», «День и Ночь»,

интернет-журнале «Пролог», «Юность»,

еженедельнике «Литературная Россия».

Автор трех книг стихов и книги прозы.

Член Союза писателей России.





**Константин
ГНЕТНЕВ**
г. Петрозаводск

СТАЛИН на Беломорканале

Конец июля 2013 года. Берег Невы. Жарко... От гранитных плит парапета и от белоснежных бортов многопалубных красавцев веет зноем и ещё чем-то машинным, чем всегда пахнут теплоходы, – знакомая из далёкого детства смесь краски, мазута и отработанного соляра. Палубы пусты, пассажиры томятся в экскурсионных автобусах и магазинах, и только женщины из команд лениво курят у борта, оглядывая невскую воду, знакомые окрестные дома и автомобили, летящие по проспекту.

Речной вокзал Санкт-Петербурга совсем рядом с Володарским мостом. Отсюда берут начало дороги на Север – автомобильная «Кола» и водная. Нева делает здесь очередной виток. Отсюда, вверх по течению, можно быстро попасть из городской тесноты к Ладожскому озеру.

Вокзал прямо в городе – ни ворот, ни проходных. Вот «Валериан Куйбышев» ошвартовался у края стенки, отдыхает перед дальним рейсом. Острый форштевень чуть не под кроной старого дерева, будто спрятался от зноя в тенёк. У борта стелются по течению ярко-зелёные длинные водоросли.

По-домашнему всё, близко настолько, что мож-

но потрогать руками. Это неудивительно: в прежнее время пристань называлась по-дачному тепло – «Озёрной». Сажу на горячей причальной тумбе и пытаюсь представить, как выглядела пристань в этот день ровно 80 лет назад. 18 июля 1933 года, в 17 часов пополудни, здесь получило начало событие, во многом определившее стратегическое положение Севера и страны.

1

К 1 мая 1933 года строительство Беломорско-Балтийского канала в Карелии в основном завершилось. Гидросооружения – шлюзы, плотины и водоспуски – за два неполных года выросли, будто среди пустыни, – ни дерева, ни кустика на обширных пространствах. Только битый камень вокруг да ровные, в нитку, откосы по берегам вчерашних озёр и рек.

От взбаламученного донного ила и иольдиевых глини вода, набранная в шлюзовые камеры, приобрела цвет дефицитного ячменного кофе. В округе не слышно птиц, не встретишь даже зайца –

птицы и звери покинули зону канала. Оглушенные шумным многолюдьем и тысячами взрывов, они откочевали на восток и вернутся только года через три, не раньше.

Окончание громадной стройки далось чудовищным напряжением воли. О том, чтобы превратить ББВП – Беломорско-Балтийский водный путь – в гордость большевистского гидростроительства и ставить рекорды, никто не помышлял. Ни руководители «Беломорстроя», ни инженеры, ни строители-заключённые – никто не хотел завершить стройку весной 1933 года. Изошрённая система принуждения к ударному труду, которую внедрили на ББК сотрудники ОГПУ, к исходу второго года работы дала серьёзный сбой. Нормы выработки для бригад оказались настолько завышенными, что их не выполнял практически никто. А соблазн выполнять и даже перевыполнять был налицо – зачёты рабочих дней, реальное сокращение срока заключения, повышенное питание, газетная похвальба и почёт. И родилось такое явление как туфта. Туфта – это приписки. «Без туфты и аммонала не построить бы канала...» На бумаге работы выполнены, на деле к ним даже не приступали...

К «красному» дню календаря 7 ноября 1932 года новые сотни липовых ударников получили сокращение сроков и награды, а не получившие льгот оказались недовольны. В результате весь Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь оказался морально разваленным. Как вспоминал инженер Орест Вяземский, «самые честные специалисты думали, что всё лето можно будет ещё строить, а к осени – закончим... Люди стали смотреть так, что «авось доковыряем».

15 февраля 1933 года вернувшийся из Москвы заместитель начальника ГУЛАГа и руководитель лагеря Семён Фирин собрал специалистов и объявил, что в Кремле темпами крайне недовольны. Приказано завершить строительство к 1 мая. Начался 100-дневный штурм, окончившийся для одних орденами и невиданными доселе льготами, а для других инвалидностью или тихими могилками в замороженной карельской земле.

Родившиеся на «Беломорстрое» туфта и штурмовщина на многие десятилетия будут устраивать всех в советской стране – и простых работяг, и власти. Рождённые самой системой, они станут её символами, нравственно порочными, разлагающими души и экономику и в результате подточившими основание самой системы.

Взглянуть на новенький канал – гордость первой пятилетки – решил его идейный вдохновитель, руководитель партии и государства Иосиф Виссарионович Сталин. Только от его личной

оценки зависело, какой резонанс в стране и мире получит только что завершившаяся стройка. Да и получит ли вообще.

Напомню: на ББК ещё не было специалистов государственной приёмочной комиссии, сюда не звали писателей и членов Карельского ЦИКа. Здесь ещё не было чужих глаз. Сталин должен быть первым...

Спустя две недели после окончания строительных работ о планах Сталина узнал первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии С.М. Киров. Он был первым руководителем территории, ему предстояла непростая миссия встречать Хозяина.

Следует сказать тут, что памятник Сергею Мироновичу на площади в Медвежьегорске перед зданием известной гостиницы ББК стоит не зря. Киров не только хорошо знал, как идёт строительство, он вникал в детали и серьёзно помогал. Сотрудник Смольного Николай Федорович Свешников перед войной вспоминал, что, когда проекты строительства канала были рассмотрены и утверждены в ЦК партии, Киров пригласил специалистов-гидротехников и профессоров:

«...Они пришли тогда с громадными альбомами, с колоссальной величины проектами, и Сергей Миронович очень подробно знакомился, рассматривал эти чертежи, на столе расположиться было трудно, и они ушли в другую комнату, где стоял большой длинный стол. Затем было устроено специальное совещание, на котором обсуждался этот вопрос.

Сергей Миронович интересовался технической стороной, поскольку здесь подавляющее большинство было технических работников, специалистов своего дела. Затем вскоре была прислана карта, длинная синька-разрез профиль самого канала. Эта карта висела в старом кабинете, в задней комнате...»

Интерес этот не был праздным и разовым. Н.Ф. Свешников вспоминал, что «когда шла постройка Беломорско-Балтийского канала, то Сергей Миронович очень сильно углублялся в эту работу... Он обыкновенно разговаривал со специалистами, вызывал профессоров, знающих людей, работающих в этой области, и, кроме того, сам много читал...»

С. М. Киров внимательно следил и за тем, как ББК работал в первый год судоходной навигации. В.Ф. Свешников припомнил, что ещё до официального открытия Беломорканала «много военных судов было направлено по трассе канала на Север, и Сергей Миронович очень исправно следил за этим. Мы очень часто получали сводки,

открытые, незашифрованные, где говорилось, что военная единица прошла такой-то этап...»

Киров вызвал парторга Северо-Западного пароходства Якова Михайловича Карпухина. «Сергей Миронович... сказал, чтобы никаких, как он выразился, потемкинских вещей не было, – вспоминал Карпухин, – а чтобы в Пароходстве всё было как до приезда Иосифа Виссарионовича...»

Чтобы избежать неожиданностей (вдруг Сталин захочет приехать в Ленинград на автомашине?), Киров проверил состояние автотрассы и 14-15 мая лично проехал на автомашине до Москвы и обратно. И угадал. Через два месяца, ранним утром 18 июля 1933 года, три автомобиля выехали из Москвы на ленинградскую трассу. В одной автомашине были Сталин и Ворошилов, две других принадлежали Оперативному управлению ОГПУ СССР, с сотрудниками охраны во главе с первым заместителем председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой (Енохом Гершеновичем Иегудой).

В Смольный Сталин не заехал, автомобили остановились у Строганова моста. Здесь к высоким московским гостям подсел Киров, и вместе они поехали к Озёрной пристани, у причальной стенки которой стоял пароход «Анохин».

«Приезжают наши «потребители» на машинах, – вспоминал судовой повар И. П. Кузьмичёв. – Смотрю, едет Сергей Миронович и Иосиф Виссарионович Сталин. Я как-то сразу даже напугался, так как раньше не сказали, кто едет... Вижу, сзади идут еще товарищ Ворошилов и еще один гражданин, которого теперь нет¹... Я почувствовал себя неудобно и стал нервничать. Очень уж «потребители» были у меня серьезные... Когда они зашли в салон, у меня уже всё было распределено. Они попросили обед, и пароход через 10 минут отошёл».

К слову, И. П. Кузьмичев вовсе не простой судовой кок. Он хоть и не состоял в партии, но был проверен годами ответственной работы и пользовался особым доверием С. М. Кирова. Представьте себе, каких только «потребителей» он «питал», будучи заведующим всех столовых Смольного с 1926 по 1928 год, а затем с 1931 по 1938 год...

Около 17 часов пароход «Анохин» отошёл от стенки Озёрной пристани Ленинграда и взял курс на Ладожское озеро. Пока высокие гости обедают и пароход «Анохин» неспешно идёт по Неве и Ладожскому озеру к Свири, а потом борется с течением и поднимается через речные перекаты к Вознесенью, я позволю себе небольшое отступление и расскажу о пароходе и некоторых членах его команды. Только благодаря им мы сегодня знаем то, что знаем.

Своего «звёздного» часа пассажирский пароход «Анохин» ждал более полувека. Спущенный на воду в 1872 году под названием «Царица», он в полной мере испытал радости и неудачи, выпадавшие на долю судов, созданных для мелей, узкостей, речных порогов и перекатов. Несколько раз менял он и своё название. В середине 1920-х годов пароход в очередной раз подвергли реконструкции и сменили название. В 1927 году бывший «Олонец» вышел на линию Вознесенье – Повенец – Медвежьегорск (по воскресеньям – с заходом на Кондострой) под названием «Анохин».

Приписали «Анохина» к пристани Вознесенья, водил его капитан Иван Васильевич Мошников, уважаемый судоводитель-речник, в будущем депутат Верховного Совета СССР.

Конструктивно пароход рассчитывали исключительно для удобства пассажиров. Причём отнюдь не простых, а высокопоставленных. Просторная палуба под тентом; справа и слева за капитанским мостиком выносные площадки-«крылья», из-за которых пароход спереди казался похожим на хомячка, набившего щёки орешками...

В июле 1933 года «Анохина» без объяснений сняли с линии, поставили к ремонтной стенке, проверили до самой последней заклёпки и покрасили в белый цвет. Так же без объяснений его перегнали в Ленинград к Озёрной пристани.

Зачем? Для кого? Этого не знал никто, даже капитан...

Обстоятельства и некоторые детали рейса «Анохина» на Беломорканал со Сталиным, Ворошиловым и Кировым на борту – рейса чрезвычайно важного для будущего развития всего Северного края, мы могли бы не узнать вовсе, если бы не трагический случай. Как известно, 1 декабря 1934 года у дверей кабинета в Смольном выстрелом в затылок некто Николаев убил руководителя ленинградских коммунистов С. М. Кирова.

Это убийство до сих пор остаётся одной из загадок советской истории. Версий о причинах, об

¹ Воспоминания И. П. Кузьмичёва записаны 6 июня 1939 года. Менее года назад, 15 марта 1938 года, генерального комиссара государственной безопасности Г. Г. Ягуду осудили и расстреляли по статьям УК РСФСР 58-1а (измена Родине), 58-2 (вооруженное восстание), 58-7 (вредительство), 58-9 (диверсия), 58-11 (контрреволюционная деятельность). Вполне освоивший в коридорах Смольного навыки тогдашней политкорректности, повар назвал Ягуду «гражданином, которого теперь нет».

участии в нём Сталина и чекистов множество. При этом два обстоятельства известны наверняка. Первое и главное состоит в том, что Ленинград заплатил за расправу над главным большевиком очень большую цену. 29 декабря 1934 года, через час после оглашения приговора, расстреляли убийцу Николаева, 10 марта 1935 года расстреляна его жена Мильда Драуле. Всего же по делу об убийстве Кирова 17 человек расстреляли, 76 посадили в лагеря и 988 человек отправили на поселение в ссылку. Этого показалось мало. И тогда для «устрашения» классовых врагов выслали еще 12000 человек – из числа «социально чуждых»: царских сенаторов, чиновников, офицеров и прочих «бывших».

Известно и второе обстоятельство. С. М. Киров, как принято говорить, не пропускавший ни одной юбки, спал с женой Николаева, служившей при нём в Смольном. Таким образом, сексуальным контактам не могли помешать ни суетливые товарищи по партии, ни бурное течение рабочего дня. Подобный контакт с Мильдой Драуле как раз и произошёл за несколько минут до убийства. Что же делать молодому, сильному и здоровому мужчине при такой-то нервной работе, если жена больна? Правда, Сергей Миронович допустил ошибку и почему-то уволил мужа Мильды из Института истории партии, превратив в безработного. В своём дневнике самолюбивый Николаев указал на увольнение как на причину для мести. Если, конечно, считать эту запись подлинной...

Весьма показательно и другое. При загадочности, которая окружает убийство Кирова многие десятилетия, при повышенном общественном интересе к этому факту, оказавшему серьёзное влияние на формирование власти, дневник Николаева почему-то рассекретили только 1 декабря 2009 года.

Итак, Кирова убили. Отгремели митинги и призывы «расправиться» и «раздавить». Партия большевиков оплакала смерть верного большевика-ленинца. Но этого мало. Нужно подумать, как увековечить его образ для потомков. И через год Ленинградский обком организовал совещание, которое вёл некто Быстрозоров. Он заявил, что предполагается издать ряд материалов, книг и документов о том, какой Киров вождь, организатор масс и вдохновитель, а также непосредственный руководитель «социалистическим освоением Кольского полуострова». Тогда же, в 1934 году, было принято решение об увековечении памяти С. М. Кирова, а в 1937 году сформировали Кировскую комиссию по сбору материала и 7 ноября открыли музей.

– Именно в ходе работы комиссии и была собра-

на подавляющая часть материалов о С. М. Кирове, – рассказывает директор музея Татьяна Анатольевна Сухарникова. – Львиная доля материалов собрана до войны и после её окончания. Что касается воспоминаний о поездке по ББК, то они по-своему уникальны, поскольку содержат менее всего официоза, а, напротив, полны интересными деталями...

Собранные в фондах музея-квартиры С. М. Кирова воспоминания приобретают сегодня чрезвычайную важность. Прежде всего потому, что записаны они от обычных людей, отнюдь не стремящихся непременно «попасть в историю»: судового повара, парторга Северо-Западного пароходства (пусть вас не смущает заурядное название должности – парторг: в 1933 году в пароходстве трудились 35000 человек), судового радиста и не крупного партийного чиновника из аппарата Смольного.

Воспоминания позволяют нам не только почувствовать атмосферу в окружении вождя, но и разобратся в некоторых мифах, рождённых вокруг канала в связи с поездкой Сталина.

3

Пароход «Анохин» дымит высокой чёрной трубой и неспешно везёт на Север высоких гостей, а гости смотрят с высоких бортов на сосны по берегам, курят и ведут неторопливые разговоры чрезвычайной государственной важности...

Но не менее важны хлопоты и у тех, кто гостей сопровождает. Вот что вспоминал судовой повар И. П. Кузьмичёв спустя три дня после того, как пароход отчалил из Ленинграда:

– Все закуски уже как-то надоели, всё копчёности, я решил дать им традиционное русское блюдо – печёный картофель с солью и селёдкой. У меня был очень хороший картофель. Иосиф Виссарионович был очень весёлый, между собой они шутили и видят, что закуски в этот раз не столько, сколько раньше. Мне как-то Сергей Миронович сказал:

– Зачем столько закуски ставишь?

Сели они за стол, и, когда эту сковороду принесли, я просто ужас как боялся: ну, думаю, что сейчас скажут, что ты лучше ничего придумать не мог. И вдруг Иосиф Виссарионович таким взглядом смотрит и спрашивает:

– А что это такое?

– Я полагаю, что вам закуски надоели, и я решил подать традиционное русское блюдо – печёный картофель с селёдкой.

А Иосиф Виссарионович и говорит:

– Это сверх всяких ожиданий.

Сергей Миронович рассмеялся. Они ели с та-

ким удовольствием, что пришлось повторить несколько раз это блюдо. Этот картофель облегчил всю мою работу...

Между прочим, вернувшись с Севера в Москву, Сталин отдал распоряжение готовить печёный картофель на даче «Ближняя» – так он ему понравился.

Плавание по Онежскому озеру от Вознесенья до Повенца породило первый миф. «По пути к ББК Сталин остановился на острове Киж и осматривал Преображенскую церковь», – утверждают сегодня некоторые историки. Уже есть свидетели из местных островных жителей, публикации, собран материал для формирования так называемой «доказательной базы».

Всё есть для подтверждения мифа, нет только документально подтверждённого факта и – главное – в событии не просматривается реальный смысл. То, что Сталин учился в семинарии, то есть получил минимальное богословское образование, не сделало его, как мы знаем, не то что поборником православия, но даже верующим человеком. Напомним: шёл 1933 год. У Сталина в карьере всё ещё было впереди. Подставляться перед товарищами и паровой командой, предаваясь экскурсионному умилению 22-главой церковью, он ни за что бы не решился.

Да и зачем ему терять драгоценное время и делать крюк в Кижские шхеры, если в Вытегре можно было полюбоваться 24-главой церковью, построенной на шесть лет раньше Кижской, в 1708 году?

И последнее. Разве могла остаться без внимания наших «мемуаристов» сталинская экскурсия по острову, если бы она состоялась на самом деле? Не пять минут и не полчаса «Анохин» простоял бы у острова. И не только Сталин ступил бы на кижскую землю.

Вот и Повенец. «Утопающим в лесах» и «древним» назвал его свидетель. Пароход встал в створ первого шлюза Беломорско-Балтийского канала. Сталину указали на нижние ворота 1-го шлюза – вот тут вход в долгожданный Беломорско-Балтийский водный путь. А выход уже в Белом море. Дальше только Арктика...

Всё тот же повар И. П. Кузьмичёв рассказывает: – Когда пришли в Повенец, Иосифу Виссарионовичу, видимо, очень понравилась постройка Беломорского канала. Остановили пароход, он подошел к Сергею Мироновичу, трясет ему руку и поцеловал его.

И тут же Иосиф Виссарионович распорядился дать несколько бутылок вина, чтобы угостить капитана, что он очень хорошо провел рейс, а пароход был старый, ему столько лет, сколько мне, – 50.

Иосиф Виссарионович всех поздравил и мне налил вина. Сергей Миронович крепкого коньяка и вина не пил, а все выпили крепкий коньяк с лимоном. Я снес капитану, а Иосиф Виссарионович и говорит – я посмотрю, снесешь ли ты. А я несущу на подносе. Он видит и рукой машет и поздравляет всех. Он тогда был очень веселый. Отпраздновали открытие Беломорского канала и пошли дальше. Начали нас спускать и поднимать...

Здесь я хочу остановиться на втором мифе, получившем весьма широкое распространение: «Сталину канал не понравился. Он сказал: «Мелкий и узкий».

Кому это сказал Сталин? Где? Когда?
Неизвестно...

Мне не удалось обнаружить никаких документально подтверждённых свидетельств этому. Спрашивал и у директора музея-квартиры С.М.Кирова Татьяны Сухарниковой. Она почти 30 лет служит в музее, один из авторитетнейших российских специалистов по тому времени сегодня.

– Да, я тоже слышала, что Сталин якобы остался недоволен каналом. Но не знаю, откуда это пошло. Никаких источников нет. Вероятно, цель таких слухов-мифов в том, чтобы скомпрометировать не идею даже, а сам канал...

Слух о «мелком и узком» оставим на совести функционеров карельского «Мемориала» начала 1990-х годов. Равно как и о «бесполезности», о которой охотно и много говорили представители интеллигенции, претендующие на звание совести нации. Когда на читательских встречах меня спрашивают об этом, я задаю встречный вопрос: неужели кто-нибудь всерьёз считает, что Сталин, Киров и члены Политбюро не знали, что за канал строят в Карелии? Какова его ширина и глубина? Суда какого типа смогут по нему проходить?

Как же тогда они изучали и утверждали проект грандиозного строительства?

Если бы Политбюро, а точнее – Сталину не понравились проектные размеры, канал бы построили другим – таким, каким бы он указал. И ни на сантиметр меньше. Поэтому ни удивляться, ни разочаровываться на ББК Сталину было нечему. Он получил в точности то, что заказывал.

И именно поэтому после поездки и с его, Сталина, подачи поднялся тот пропагандистский шабаш, отзвуки которого бередят общество уже 80 лет. И ордена, и невиданные для той поры (да и для этой тоже) льготы, и досрочные освобождения – всё это можно считать реальной оценкой Сталиным сооружения Беломорско-Балтийского канала.

В качестве косвенного доказательства сталинского неудовольствия приводится известный факт об охлаждении к Г. Г. Ягоде. Из Мурманска Сталин вообще отправил его обратно: «У меня здесь есть охрана, поезжайте в Москву». Согласитесь, унижительно для заместителя председателя ОГПУ в устах вождя оказаться всего лишь одним из охранников...

Подобное доказательство очень натянуто. Да, Г.Г.Ягода курировал строительство канала. Именно он организовал пропагандистское обслуживание итогов строительства. Его, а не чьим-то другим портретом через год открылась шикарная монография-панегирик чекистскому методу «перековки». Но реально отвечали за работу другие высокопоставленные чекисты – Лазарь Коган, начальник «Беломорстроя», и Семён Фирин, начальник Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря и заместитель начальника ГУЛАГа.

И что, Сталин опять об этом не знал?

Думать так применительно к Сталину очень наивно...

Есть ещё одно документальное доказательство о настроении вождя после поездки на Север. Высокие гости в Соробе (нынешнем Беломорске) пересели на поезд, добрались до Мурманска и поездом же вернулись в Медвежьегорск, где их ждали автомобили. Приехали в Повенец и снова взошли на палубу парохода «Анохин». 25 июля в 5 часов утра обратным рейсом пароход ошвартовался у причала в Шлиссельбурге.

– Подходит ко мне Сергей Миронович, – вспоминает И. П. Кузьмичёв. – И говорит: всё очень хорошо, все довольны...

Согласен, доказательство так себе. Слова Кирова можно отнести исключительно к содержанию меню и качеству приготовления блюд. Но и всё-таки... Будь Сталин разочарован тем, чего ждал два с половиной года и на что так надеялся в военном и экономическом укреплении приполярных и приарктических рубежей СССР, никакая печёная картошка настроение бы не спасла. А может, и многие головы тоже...

К слову, прямую искусственную судоходную дорогу из центра России на Север Сталин не забывал и позже. Первый секретарь ЦК Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянов вспоминал о встрече со Сталиным во время XVIII партийной конференции 15 февраля 1941 года:

– При этом разговоре Сталин повторил то, что я уже не раз слышал от Жданова, что нам надо подумать над тем, чтобы параллельно прорыть второй канал, через который можно было бы пропускать все современные морские суда, не снимая вооружение...

Напомню, что задание на этот счёт содержалось ещё в постановлении правительства от 17 августа 1933 года. «Пункт 6. (На Белбалткомбинат возлагается...) ж) разработка проблем сооружения второй линии шлюзов на Беломорско-Балтийском канале и углубления и расширения его, а также постройки канала Кандалакша – Мурманск».

«Начали нас спускать и поднимать...»

Это всё, что отложилось в памяти рядовых участников рейса от прохождения парохода «Анохин» с 1-го по 19-й шлюзы Беломорско-Балтийского канала 19-21 июля 1933 года.

Ничего другого и отложиться не могло...

На что там было смотреть? Чему удивляться? Всё, во что был вложен титанический труд более чем полутора сотен тысяч людей, скрыла мутная вода. Эта вода, наполнившая бьефы и шлюзовые камеры, не отстоится ещё много лет. А деревянные арки, украшенные еловым лапником и торжественные здравицы и лозунги, выложенные на откосах плотин и дамб из дерна и веток, – кого они могли умилить? Вся страна была в таких здравницах.

4

А теперь давайте попробуем разобраться, что сделал на Беломорско-Балтийском канале Климент Ефремович Ворошилов? Почему именно он составил компанию Сталину в поездке в северные пределы Отечества? Киров – да, понятно, Ягода – тоже, но Ворошилов?

Как известно, Ворошилов возглавил военное ведомство СССР сразу после кончины М.В.Фрунзе. С 6 ноября 1925 года по 20 июня 1934 года он народный комиссар по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР (через год после поездки, в 1934 году и до 1940 года, станет наркомом обороны СССР). И забот на этом «фронте» он получит целую охапку. В том числе флотских...

От Российской империи новая большевистская Россия получила только два флота – Балтийский и Черноморский. На Дальнем Востоке и на Севере со стороны океанов морскими силами границы не прикрывались вообще. Подобное положение справедливо оценивалось как угрожающее национальным интересам страны. Север уже натерпелся от англо-французских грабителей во время Крымской войны в середине XIX века и от войск Антанты в первой половине 1920-х годов XX века...

В 1932 году ВКП(б) и правительство приняли решение о создании морских сил Дальнего Востока. Однако возможности укрепить оборону За-

полярья не было. С нетерпением ожидали ввода в строй Беломорканала, который позволил бы быстро и скрытно от чужих глаз перевести часть кораблей с Балтики в бассейн Северного Ледовитого океана. Уже в апреле 1933 года К. Е. Ворошилов отдал приказ начальнику Морских сил Балтийского моря Л. М. Галлеру о переводе из Кронштадта в Мурманск по ББК целого отряда кораблей. В его составе находились:

- эскадренные миноносцы «Урицкий» (командир А. С. Мельников) и «Рыков» (переименованный уже на Северном флоте в «Валериана Куйбышева», командир С. С. Рыков),
- сторожевые корабли «Смерч» (командир В.А.Фокин) и «Ураган» (командир Г. А. Визель),
- подводные лодки «Декабрист» («Д-1», командир Б. А. Секунов) и «Народоволец» («Д-2», командир Л. М. Рейсер).

Вместе с обеспечивающими средствами, катерами, буксирами и баржами отряд получил наименование «Экспедиции особого назначения № 1» (ЭОН-1). Командование отрядом возложили на командира бригады эсминцев З. А. Закупнёва, начальником штаба назначили И. С. Исакова. Лодки шли под командованием М. П. Скриганова.

Боевые корабли ЭОН-1 стали ядром созданной 1 июня 1933 года Северной военной флотилии. Флотилия существовала около трех лет. Постоянно пополняясь новыми боевыми кораблями, укрепляя ремонтную базу и береговую инфраструктуру, она с полным основанием была переименована в Северный флот 11 мая 1937 года.

Таким образом, перевод боевых кораблей по ББК становился событием чрезвычайной государственной важности. Ответственному за него наркомвоенмору Клименту Ефремовичу Ворошилову было на что посмотреть и чему поволноваться лично.

Глубокой ночью 18 мая 1933 года отряд кораблей вышел из Кронштадта. Перед тем как прозвучала команда «отдать швартовы», на пирсе прошёл небольшой митинг. Моряки испытывали странное ощущение: впервые корабли ложились на курс не в открытое и привычное Балтийское море, а в глубь материка, в русло Невы...

Хотя перед выходом в рейс с кораблей сняли всё артиллерийское и торпедное вооружение и до предела сократили составы экипажей, идти было очень трудно. В. И. Платонов в «Записках адмирала» (М.: Воениздат, 1991) вспоминал, что особенно трудно оказалось на реке Свирь: «На Сиговских порогах «Декабриста» тащили четыре огромных колесных буксира, «запряженных» цугом. Сильное течение бросало лодку от одного берега к другому, и, чтобы она не села на мель, её с обоих бортов

подпирали маленькие винтовые пароходики. Мы продвигались вперед так медленно, что подчас казалось, будто стоим на месте. Уверенность вселяло лишь спокойное, непроницаемое выражение лица капитана-наставника Шмакова...»

С завершением строительства ББК начнутся работы и на Свири. Там будут построены шлюз, две плотины и гидроэлектростанция. Проблемы с судоходством на Свири устранят. Правда, для этого потребуется уложить в тело свирских гидросооружений бетона больше, чем израсходовали на весь Беломорско-Балтийский канал...

Корабли ЭОН-1 пришли к Повенцу на месяц раньше, чем открылся канал.

«Мы вынуждены были стоять в гавани, ожидая, пока проруют перемычку канала, – вспоминал В.И. Платонов. – Занимались боевой подготовкой, изучали условия предстоящего плавания, штудировав карты Выгозера. Навигационные пособия были исполнены еще только на синьке, но по искусной отработке деталей чувствовалась рука специалиста высокого класса. По подписи, стоявшей под лощией, я узнал её автора – бывшего старпома «Коминтерна» И. Д. Ковтуновича...»

В это время на канале спешно заканчивали основные строительные работы. Земляная перемычка, отделявшая нижний напорный фронт шлюза №1 от Повенецкого залива Онежского озера, ещё была на месте. Ранним утром одного из дней первой недели июля корабли ЭОН-1 вошли в канал. В. И. Платонов вспоминал: «Перед нами уступами шлюзов возвышалась «Повенчанская лестница». На каждой такой «ступеньке» нас встречала команда хорошо натренированных рабочих-заключенных, стоявших на ручных розмахах лебедок и на клапанах кингстонов затопления и осушения камер. Действуя согласованно, они наполняли камеры и открывали ворота.

Мы поднимались все выше и выше по водяным ступеням. В каждом шлюзе нужно было заводить швартовы, гасить ими инерцию корабля, затем травить их по мере подъема корпуса на новый уровень, отдавать и убирать концы, подбирать и крепить буксир.

Моряки швартовых команд обливались потом, старпомы и боцманы охрипли от подачи бесконечных приказаний и команд. Отдыхать было некогда, за нами уже стояла очередь торговых судов, направлявшихся в Белое море...»

Сегодняшнему судоводителю и в дурном сне не может присниться, каким образом вели боевые корабли их коллеги летом 1933 года! Да, большая часть из них проводила в сухих доках. Но что это

меняет, если лоции нет, а судовой ход прочерчен от руки на синьке? Если ещё не везде выставлены вехи и бакены, обозначающие фарватер, и отсутствует большинство створных знаков?

Кошмар!

Уже после проводки ЭОН-1 плавание по каналу стали осваивать гражданские судоводители. Один из первых капитанов, а затем и лоцман Иван Николаевич Никифоров вспоминал:

– С вводом канала в эксплуатацию мы плавали по нему по картам, составленным М. М. Григоровичем. Условия для судоводителей были экстремальными. Фарватер местами был узок, извилист, и надо было прикладывать все свои знания и опыт, чтобы благополучно пройти по каналу. Шлюзы освещались керосиновыми лампами, береговая и плавучая обстановка была ненадёжной, источник света – слабый...²

Михаил Григорович – вчерашний мальчишка, 20-летний студент-воздухоплаватель, отправленный на Беломорканал по обвинению в заговоре с целью угона самолёта за границу (следователю НКВД, видимо, лень было придумать что-либо поубедительнее). На самом деле его отправили в лагерь только за то, что ещё раньше арестовали отчима, бывшего царского офицера, переводчика и журналиста Сергея Константиновича Шварсалона. М. Григорович работал вместе с Альфредом Андреевичем Бэкманом, таким же заключённым, в прошлом блестящим моряком, прошедшим ещё и Соловки.

Как морские офицеры И. Д. Ковтунович и Б.Н.Чигаев на Выгозере, так А. А. Бэкман и опекаемый ими вчерашний студент «из дворян» М. М. Григорович и другие «бывшие», они трудились в «службе пути», обеспечивали безопасность судовождения. Таких было много. И те, кто уже носил лагерную робу, и те, кто еще был на воле, могли встретиться на ББК глаза в глаза. Участник ЭОН-1, бывший начальник боевой части 1-4 подводной лодки «Народовец» С. И. Кожевников вспоминал:

– Однажды на мостик поднялся И. С. Исаков (*начальник штаба ЭОН-1, будущий адмирал. – К. Г.*), стоял довольно долго и не успевал раскланиваться, правда, молча, со своими знакомыми. Так, среди заключённых он встретил бывшего профессора Военно-морской академии Томашевича...

К слову, и сам С. И. Кожевников вскоре оказался на золотых приисках Колымы... С борта корабля узнал бывшего начальника и учителя и В.И.Платонов. В недавнем прошлом старший помощник капитана крейсера «Коминтерн»

И.Д.Ковтунович стоял в группе других заключённых на одном из шлюзов. Вот каким увидел его будущий адмирал:

– На нём были сделанные из арестантской одежды гимнастерка, стянутая в сборку на талии резинкой, широкие, по-флотски расшитые брюки и брезентовые полуботинки. Из-под лихо сдвинутой на затылок фуражки все так же задорно выбивалась прядь густых, но уже пепельно-белых волос.

Илья Дмитриевич жадно рассматривал боевые корабли, взгляд его скользил по ходовым мостикам, видимо, он надеялся увидеть кого-нибудь из бывших сослуживцев. Лицо старого моряка, казалось, светилось счастьем, то ли от того, что он снова увидел боевые корабли, то ли от сознания, что он не зря отдал флоту лучшие годы жизни. Кто знает?

20 июля (по другим источникам – 18 июля) последний корабль ЭОН-1 вышел из шлюза №19 Беломорско-Балтийского канала в Сорокскую губу Белого моря и встал к причальной стенке. Долгий и изматывающий переход по внутренним путям закончился. Вода за бортом уже была солёной. На следующий день, 21 июля, отряд догнал пароход «Анохин» со Сталиным, Кировым и Ворошиловым на борту.

– Мне помнится одно утро на 19-м шлюзе, – вспоминал в октябре 1949 года Дмитрий Федорович Фролкин, радист с «Анохина». – Тов. Ворошилов принимал парад краснофлотцев, на котором выступал и тов. Киров. Сергей Миронович, подчеркнув огромное значение строительства ББК для страны, сказал об исключительной способности большевистской партии перерабатывать сознание людей – из преступного элемента, «людей, имевших плохое прошлое, в настоящем ставших полезными членами общества, выковать людей, построивших ББК, способных заслужить и удостоенных высоких правительственных наград».

И далее:

«Будучи очевидцем, когда со свойственной ему душевностью и простотой Сергей Миронович похлопал по плечу механика парохода, встававшего каждый раз, когда тт. Сталин, Ворошилов и Киров проходили мимо, сказав: «Садись, садись, старина, и больше никогда не вставай».

Вам не кажется, уважаемый читатель, странным обстоятельством, что на митинге военных моряков не выступал И. В. Сталин? Или стоявший в строю судовой радист прослушал выступление вождя?

² Ленинская правда, 1983, 29 июля.

Следует сказать тут, что поведение Сталина на 19-м шлюзе породило кривотолки и новый миф. Ведь официальная хроника того времени сообщила миру о том, что выступление было. Вот это сообщение, датированное 21 июля:

«...И. В. Сталин выступает на митинге краснофлотцев с речью о задачах Северного флота. После митинга И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и С.М.Киров посетили миноносец «Урицкий» и Н-скую подводную лодку». (Лев Балаян. «Сталин: хронология жизни и деятельности»)

Мнения разделились полярно. Те, кому и Сталин, и Беломорканал, и все тогдашние советские проекты всегда были поперёк души, радостно подхватили миф: мол, большевики в очередной раз попытались мир обмануть. Знакомый нам подводник С. И. Кожевников так вспоминал о митинге:

«... Захар Александрович (*Закупнёв. – К. Г.*) командует: «Равняйся... смирно... равнение на...» Отдал, значит, рапорт, поприветствовали наркома. Он поздравил нас с переходом, рассказал что-то о значении Северного флота. Затем выступил Киров, который больше про экономику края говорил. В общем, выступили они, и... пауза. Сталин стоит и курит, даже чуть отвернулся от нас в сторону. А строй, как и положено, поедает их глазами.

Пауза затягивается уже до неприличия. Тут за нашими спинами засуетились флотские политработники, шепчут: «Вызывайте, вызывайте товарища Сталина». А как вызывать? Мы же в строю стоим. Вот дали бы команду, мы бы гаркнули. Тут уже и Ворошилов отступил на шаг, за спину Сталину, показал на него пальцем и ручонками машет, дескать, надо поаплодировать. Кто-то хлопнул, кто-то буркнул: «Товарищ Сталин, скажите речь...» Но как-то вяло всё это, а потом и опять прекратилось.

Они недалеко от меня стояли, и вот я вижу, как Ворошилов пригнулся к Сталину и что-то шепчет ему на ухо. Тот вдруг вынул трубку изо рта и сердито так, довольно громко сказал: «Нэ буду!» Повернулся и пошёл...» (И.И. Чухин. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990, с.24)

Существуют свидетельства других участников митинга. Вот что вспомнил В. И. Платонов: «Для встречи высоких представителей команды кораблей выстроились на стенке шлюза. И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и С. М. Киров обошли строй, поздоровались с командирами и личным составом экипажей.

Первым произнес речь К. Е. Ворошилов, призывая нас бдительно охранять морские границы Родины. Затем выступил С. М. Киров. Он поздравил

моряков с началом освоения сурового заполярно-го края, его безграничных морских просторов.

Во время выступления ораторов И. В. Сталин, одетый в светлый полувоенный костюм и высокие черные сапоги, стоял поодаль. Он, казалось, был недоволен, когда выступавшие подчеркивали его заслуги и роль в создании канала и образовании флота на Севере, и не собирался произносить речь. Однако овация, которую устроили моряки, и возгласы «Просим товарища Сталина» заставили его сказать несколько слов.

– Вам может показаться, – говорил он с расстановкой, – что вас посылают на войну. Так никакой войны нет и, я думаю, в скором времени не будет. Посылаем на всякий случай. У вас очень усталый вид, вы много работали, вам надо хорошо отдохнуть. В создании флота большая заслуга товарища Ворошилова...»

Другой непосредственный участник митинга на шлюзе № 19 И. С. Исаков, тогда начальник штаба ЭОН-1, а впоследствии Адмирал Флота Советского Союза рассказывал писателю Константину Симонову: «... Стали просить выступить Сталина. Сталин отнекивался, не хотел выступать, потом начал как-то нехотя себе под нос.

А перед этим, надо сказать, все речи были очень и даже чересчур пламенны, говорили, что мы теперь здесь встали по воле Сталина и отсюда никуда не уйдём, что море наше, что мы завоеваем Север, что мы разобьём здесь любого врага и т.д. И вот после всех этих речей Сталин как бы нехотя взял слово и сказал:

– Что тут говорили: возьмём, победим, завоеваем... Война, война... Это ещё неизвестно, когда будет война. Когда будет – тогда будет! Это север!.. – и ещё раз повторил: – Это север, его надо знать, надо изучать, освоить, привыкнуть к нему, овладеть им, а потом говорить всё остальное...» (К. М. Симонов. Глазами человека моего поколения. М., 1988, с. 440)

Сторонники мифа о том, что никакой сталинской речи не было, а было неуважительное «нэ буду», иногда в доказательство приводят воспоминания парторга Северо-Западного пароходства Карпухина. Напомню, что расспрашивали его 6 июня 1939 года на специально собранном совещании под председательством директора музея Кирова С.И.Авакумова. И, судя по всему, вопрос возник уже тогда.

Авакумов детально расспрашивал о выступлении Сталина и Кирова перед краснофлотцами на 19-м шлюзе ББК и ссылался на документальный фильм,

фотографии, опубликованные в прессе, публикацию в журнале «Огонёк» (1939, №4). Так было или не было? Кроме того, речь опубликовала главная военная газета «Красная звезда».

«Я этого не могу сказать, – ответил Яков Михайлович. – Доехав до Беломорской губы, товарищ Сталин и товарищ Киров сошли с парохода «Анохин», и таким образом всякая связь с Севзаппароходством теряется. Северная флотилия создана благодаря Беломорско-Балтийскому каналу, когда мы перевели туда боевые корабли. Но к пароходству это никакого отношения не имеет, так как это морской военный флот».

Вот видите, говорят оппоненты, – не было никакой речи!

Но ведь Карпухин ничего не говорил об этом. Он сказал ясно: мы, гражданские речники, довели корабли до моря и на этом точка. Всё, что касается моряков военных, – это к нам не относится, это в другую дверь...

Собственно говоря, на этом можно было бы завершить повествование о Сталине на Беломорканале. Однако мне хочется привести еще один фрагмент из воспоминаний адмирала И. С. Исакова о том, как понимал Сталин значение для страны Беломорско-Балтийского канала и Северного флота:

– В Полярном, в кают-компании миноносца, глядя в иллюминатор и словно разговаривая сам с собой, Сталин вдруг сказал:

– Что такое Чёрное море? Лоханка. Что такое Балтийское море? Бутылка, а пробка не у нас. Вот здесь море, здесь окно! Здесь должен быть

Большой флот, здесь. Отсюда мы сможем взять за живое, если понадобится, Англию и Америку. Больше неоткуда!

А боевые корабли по каналу всё шли и шли на Север. Поодиночке и группами. В сентябре 1933 года из Кронштадта в Мурманск тем же путем прибыл второй отряд особого назначения (ЭОН-2). В его составе были: эскадренный миноносец «Карл Либкнехт» (командир К. Ю. Андреус), сторожевой корабль «Гроза» (командир А. Е. Пастухов) и подводная лодка «Красногвардеец» («Д-3», командир К. Н. Грибоедов). Переходом второго отряда кораблей, который продолжался 28 суток, руководил знакомый нам И. С. Исаков.

Корабли шли и много лет потом – своим ходом, на понтонах и в сухих доках. Я помню их из далёкого детства. Непривычные и даже странные корпуса под серой шаровой краской, стремительные обводы рубок, турели пулемётов и малокалиберных пушек под глухим строгим брезентом...

Среди узостей Беломорканала, когда, казалось, ветки деревьев можно потрогать рукой с палубы, боевые корабли были похожи на диких хищных птиц, случайно залетевших в курятник. Нам уже было кого на Севере «брать за живое».

□

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

родился в 1947 году,

окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета

и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии.

Член Союза писателей России,

автор очерковых и публицистических книг,

заслуженный журналист Республики Карелия,

лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы 2008 года.



Евгений
ИВАНИЦКИЙ

г. Фрязино



«Движение жизни неизъяснимой...»

ДОМ

Дом — живая душа. Память лестниц, перил...
Он заждался тебя, занемог, захандрил.
В темных окнах его — погрустневших глазах —
Отблеск старой любви, одиночества страх.
Дом так верил тебе, вдаль смотрел столько дней
И мечтал, словно пёс, о хозяйке своей.
Буду с ним говорить — заговаривать боль.
Так и сходят с ума, отыграв свою роль.
Ни единой звезды за квадратом окна,
А звериная нежность проста и темна.
Дом тихонько скулит, и бывает, поверь,
Что сама по себе открывается дверь,
Но стучат каблучки и не то, и не так —
Той мелодии нет, а она не пустяк...
Спит кирпичная плоть, и зеркал западня,
Где печаль с каждым днём размывает меня.
Как строги зеркала, как бесшумна волна!
О тебе — скрип дверей, о тебе — тишина.

Евгений Константинович ИВАНИЦКИЙ

родился в 1956 г.

Окончил МИНХ имени Г. В. Плеханова.

Автор трёх книг.

*Публиковался в «Литературной газете»,
в журналах «Юность», «Невский альманах».*

Член Союза писателей России

и Московского клуба афористики.

В журнале «Север» публикуется впервые.

СОЛДАТИКИ

*Всё в будущем,
за морем одуванчиков.
Мне кажется, что я — один из мальчиков.*

Александр Кушнер

Нам снились воины, бои в развалинах.
Кричали воины: «Вперёд! За Сталина!»
И прорастали мы из камня битого,
Из фотографии отца убитого.
Ах, сны огромные, послевоенные!
По нашим улицам шагали пленные.
Наш бедноватый рай трещал атаками.
Мы всё татакали, а мамы плакали.
В солдатиков играли мы, в солдатиков!
Катали пулечки из липких фантиков.
Война опять звала в свои пожарища,
Где у солдатика — лицо товарища...
И сами мы судьбу свою накликали.
Стальные скрипки вволю попиликали.
Не оловянные сражались лейтенантики.
В чужой земле гниёт зерно романтики...
Так далеко от мам своих зарытые,
Изломанные мальчишки, забытые —
Не вспомнить имени, не вспомнить отчества.
Служить отечеству — путь одиночества...
В руинах времени не спят мечтатели.
Царица-боль взошла, и снится матери, —
Звездой мальчишка стал. Любви! — не мщения.
Дух захватило от высот,
Высот прощения...

ПОПЫТКА ОГЛЯНУТЬСЯ

Колелется пламя, дрожит, угасая,
Свеча затухает... Займётся ль другая?
И что же запомнилось, что же осталось?
Был шарик воздушный, надежда и жалость,
Мишень паутины и тонкие струны
Над пентаграммами пыльных петуний,
Июнь первых ягод и дачного чая,
Июнь, что сломался, как ветка сухая...
Шатается память, ведь ей не по силам
Обратный отсчёт, возвращенье к могилам,
Тот запах лекарств и молчанье кукушек,
Кардиограмма еловых верхушек.

Слоняется память в толкучке больницы,
Она не забыла угрюмые лица.
Не тешься надеждой, не жалуйся другу:
Несчастье – кругами, несчастье – по кругу...
Так дайте мне время! Забуду о яме.
Трава эту глину скрепляет корнями,
Скрепляет – не может. Стою в чистом поле
С душою озябшей, а глина глаголет...
Но были не только несчастья, больница.
Я видел другие, счастливые лица,
Улыбку мальчишки на площади скучной,
Взлетающий в небо шарик воздушный.
Был в храме гудящем огонь нисходящий,
Огонь нисходящий над жизнью пропащей.
Дыхание Бога, дыханье любимой,
Движение жизни неизъяснимой...

ДАМА С СОБАЧКОЙ

Стояли, прощались до позднего часа...
Мерцал равнодушно фонарик баркаса,
Смотрел полусонно: ему надоело –
Опять кто-то плачет. Обычное дело.
А сколько их было – курортных романов,
Надежд, обещаний, беспечных обманов!
Мужчина, целующий женщине руки,
Смычок, что поднялся над скрипкой разлуки, –
Так было, так будет, – луны безмятежность,
Прибой и его исполинская нежность...
Но двое боялись и ждали развязки,
Воруя у счастья последние ласки.

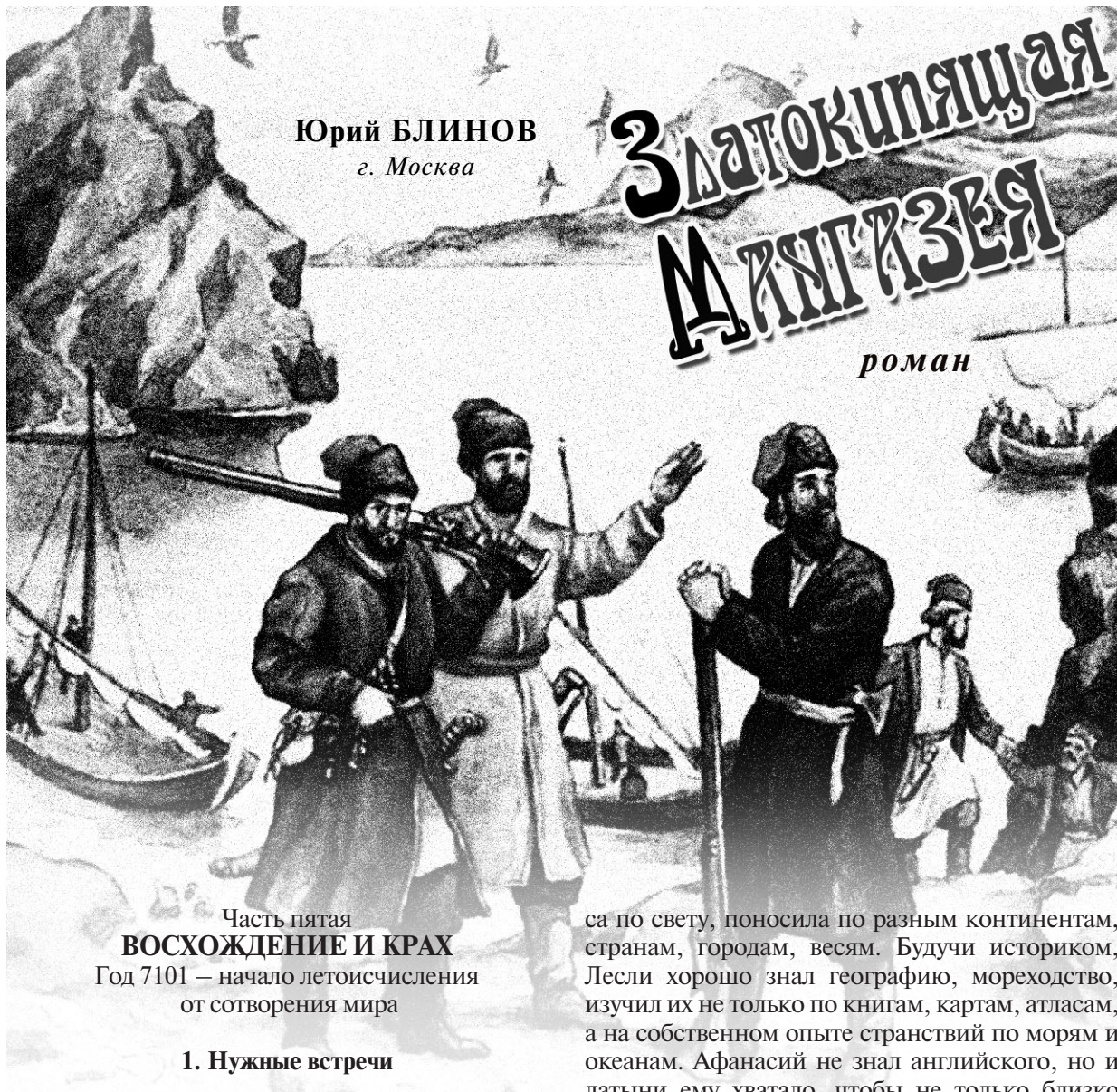
И были безумье, тоска и отрада,
Познание неба, предчувствие ада.
Пустые мечты и печальная кода
В темнеющем небе, в гудке парохода...
Но люди, решаясь, тянули неволью –
Рвануть по живому и страшно, и больно...
Шпиц слушал хозяйкины вздохи и охи
И думал: «Пустое! Вот если бы... блохи!»
Пушистый, весёлый, носился у моря,
То чаек пугая, то с крабами споря, –
Пёс чистый душою, пёс белый, как пена,
Не знавший сомнений и слова «измена».
С хозяйкою милой он будет навеки:
«Зачем расставаться? Эх, вы, человеки...»
А люди прощались, округа дремала.
Собачка смотрела и не понимала...

Юрий БЛИНОВ

г. Москва

Златокупящая Другизья

роман



Часть пятая
ВОСХОЖДЕНИЕ И КРАХ
Год 7101 — начало летоисчисления
от сотворения мира

1. Нужные встречи

В остроге у Острожского Дмитрий долго не задержался, вскоре уехал в Польшу, оставив Афоню наедине с книгами и гостями князя. Проявив большой интерес к мореплаванию, Афоня большую часть времени проводил в библиотеке, изучал историю морских походов, открытия новых земель, путей, исследовал морские карты. В библиотеке он познакомился с весьма интересным англичанином, учёным и мореплавателем Томасом Лесли. Судьба помотала Тома-

са по свету, поносила по разным континентам, странам, городам, весям. Будучи историком, Лесли хорошо знал географию, мореходство, изучил их не только по книгам, картам, атласам, а на собственном опыте странствий по морям и океанам. Афанасий не знал английского, но и латыни ему хватало, чтобы не только близко сойтись с англичанином, но и вести беседы на разные темы, в том числе и философские.

Афанасий спросил, что привело Томаса в Киев.

— О-о! — протянул англичанин, благодушно улыбаясь. — Это длинная история. Я и не думал сюда ехать. Я путешествовал по Франции, где подвергся преследованию, мне удалось бежать в Моравию, но и там от меня не отстали, приш-

Окончание. Начало в журнале «Север» № 3-4, 5-6 2014 г.

лось удирать в Польшу, а уж оттуда сюда, в Киев. Меня преследовали, из-за веры в том числе. Я, мой юный друг, весьма любознателен. Люблю тайны, секреты, даже такие, которые строго охраняются. Вот сейчас очень интересуюсь Россией. И вот что я тебе скажу: Россия насчёт веры относительно свободная страна, не то что Польша или Франция. Польша вообще страна одних католиков, другие веры они не очень-то приветают либо относятся очень настороженно. Во Франции за отстаивание своей веры можешь остаться без головы. Русским без разницы, кто я, какой веры, лишь бы был человеком и не мешал интересам России. Зато в России можно потерять голову просто так. «Не за фунт изюма» — как у вас говорят, — усмехнулся Лесли.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Афанасий и весь будто напрягся.

— Ну, например, заподозрят, что шпион, и сразу, без суда и следствия — на плаху.

— Насчёт плахи сильно сказано, — засомневался Афанасий. — Я не знаю, так ли? Знаю, что при Иоанне Грозном чужестранцев-соглядатаев-шпионов топили в проруби. Зима у нас длинная, реки широкие, топи сколько душе угодно.

Томас чуть нахмурился, размышляя о своем, и спросил:

— Я вижу, ты хотя и юн, но в некоторых вещах сведущ. Любопытен, должно?

— Наверное, — охотно согласился Афанасий. — Книги вот читаю запоем, имею интерес к старине, к берестяным грамотам, мореходством сейчас увлёкся.

— Книги — это хорошо. А сам путешествовал когда-нибудь? Бывал ли в других странах? — выяснял англичанин, наблюдая за новым знакомым.

— В других странах — нет, а в своей стране мы с другом Гришаней от Ярославля до Киева пешком дошли.

Лесли остался доволен ответом:

— Выходит, определённый опыт имеешь. Я тоже с этого начал, прошёл пешком от Стирлинга до Лондона.

— Так ты не англичанин? Ты из Шотландии? — с удивлением воскликнул Афоня. — Все думают, что ты оттуда, из Британии.

В голосе Томаса зазвучала гордость за свой народ:

— Нет, нет, я коренной шотландец. Есть такой независимый и неуступчивый народ на севере Британских островов. Нашу страну ещё называют Скотланд, страна скотоводов. Мой народ не только выращивает скот, лошадей, овец, он высоко в горах строит замки, крепости. И всю свою многовековую историю воюет за свободу и независимость с англичанами.

— Русские тоже всю жизнь воюют с поляками, татарами, шведами... — невесело вставил Афоня.

— К сожалению, во всём мире так, — с огорчением подытожил Томас. — Я был во многих странах — везде одно и то же. Везде войны, борьба за свободу, за земли. И всё из-за богатств, из-за наживы, людям всё мало, хочется больше: царствовать, повелевать, купаться в роскоши. И везде льётся кровь, сеется смерть. Разве этому нас учит Господь Бог, разве в этом смысл существования на земле?

— В чём же? — спросил вдруг Афоня.

— В чём?.. — задумался Томас. — В спасении души от поползновений дьявола.

— И только?

— Разве этого мало? По-твоему, Христос не прав, спасая нас от наущений сатаны?

— Безусловно, прав, но, согласись, смысл существования и борьба Господа с дьяволом — разные вещи.

— Не разные! — в голосе англичанина мелькнул гнев. — Подрастёшь — поймёшь. Ты сказал, что увлёкся мореходством, пешком путешествовал, а ходил ли ты на больших кораблях? — переключил тему Томас.

— Не только не ходил, но и корабль никогда не видел и море тоже. Катался по Днепру и Волге на лодках, вот и всё, — с грустью признался Афоня и развел руками.

— Впрочем, зачем я спрашиваю, ты и хотел бы, да не смог, — рассудил Лесли. — У вас в стране нет настоящих кораблей, всё больше струги да насады. Я плавал на них, они слабо держат атаки морских волн: трещат, сыплются, перевёртываются. Словом, не годны для плавания по морям, океанам. Паруса у них не противостоят даже среднему морскому ветру.

Афоня даже чуть приобиделся за державу:

— Неужели всё так плохо?! Выбьюсь в люди, обязательно начну строить настоящие корабли! В какой стране они лучшие?

— В Англии, конечно. Англия первейшая на море — владычица.

— Ясно, — вздохнул Афоня. — А ты сам много ходил по морям, океанам?

— Больше чем достаточно, — покровительственно и с долей гордости ответил Томас. — Началось всё с известного в мире первооткрывателя Себастьяна Кабота. Он основал «Общество по открытию стран, земель, островов, народов». С кораблями его Общества я ходил в Северную и Южную Америку, в Перу, Боливию. В Африку не собирались, но нас занёс туда шторм и тёплое течение. Однако самое интересное произошло со мной ещё раньше, в счастливой юности. Я тогда впервые тайно проник на палубу корабля.

— Как? — загорелись глаза у Афанасия.

— Слушай, — начал Томас свой рассказ. — В поход тот раз готовились три королевских корабля. Я пролез на главный и затаился. Это было, как сейчас помню, в мае 1578 года. Три корабля под командованием сэра Мартина Фробишера вышли в море. К ним примкнули ещё суда купцов и предприимчивых дворян. Получилась целая эскадра из пятнадцати, если не больше, кораблей. Везли людей и инструмент на разработку золотых рудников, открытых сэром Фробишером в Скандинавии в колонии «Neta Inkoqñito».

Только мы вышли в море, я сразу вылез из укрытия и предстал перед командующим Фробишером. Получил изрядную выволочку, обещание, что на первом же по пути острове, пусть и необитаемом, меня с корабля высадят. Пока, то есть до острова, определили под опеку боцмана и поставили драить палубу. Я и такому был рад, молил только Бога, чтоб не попало на пути острова. Спустя три недели мы достигли берегов Гренландии, около которых встретили больших китов...

— Китов?! — с восхищением воскликнул Афоня. — Я читал про них. Хочется хоть одним глазом на них глянуть. Что это за рыба?

— Киты — это тебе не рыба, это зверь! Матки китиха вскармливает китёнка молоком. Киты известны мореплавателям с древних времён, даже в Библии, в притче об Иове, есть. В древности вообще считали, что Земля держится на трёх китах. Киты разные, есть небольшие, относительно, конечно, например, кашалоты. Огром-

ные синие — они в длину достигают пятнадцати саженей, а то и больше.

Глаза Афони округлились.

— А головой киты разве что на налимов похожи, морда точь-в-точь такая, только в сто раз больше, — продолжал Томас. — Значит, встретили мы большое стадо китов, прошли около них, хотели взять одного-двух, нашлись охотники, но сэр Мартин запретил. Куда такую тушу? На судно под разделку не возмёшь — некуда. За собой по воде тащить — испортится. Пльвём, значит, дальше, подошли к заливу сэра Фробишера, залив на нашу беду оказался весь забит льдами, причём огромной толщины. Пройти в гавань оказалось невозможным. Один смельчак нашёлся, повёл судно по расщелинам. Расщелины как будто ждали его. В определённый момент сошлись и, как яичную скорлупу, раздавили. Хруст корабля и крики гибнущих людей по всему заливу разнеслись. И, наверное, чтоб не мучить пострадавших людей, льдины тут же разошлись, и море поглотило корабль вместе с людьми. Этим дело не кончилось, это было только начало. Тут же налетела на нас страшной силы буря. Ветер дул с залива, и на корабли с трёх сторон угрожающе пошли льдины огромные. Корабли бросились удиравать от них в открытое море. Наш корабль тоже кинулся вслед за остальными, мы успели оторваться от льдин и взяли на гитовы.

— Что значит «гитовы»? — с жаром и огнём в глазах, слушая историю о крушении, спросил Афанасий, как будто сам вот сей момент уходил от айсбергов.

— «Взять на гитовы», значит, лечь в дрейф — идти совсем малым ходом при спущенных парусах. Многие тогда корабли замешкались и не смогли вовремя совершить манёвр, и, хотя укрывали борта тюфяками, досками, не помогло. Льды ломали их как щепки, мяли, крошили и отправляли на дно. Треск, рёв, стон, крики о помощи! Этот ужас происходил на моих глазах, и ничем нельзя было помочь, — Томас мрачно поджал губы, глаза его потемнели, будто он снова переживал трагедию. — Кинься наш корабль подбирать людей — и льды бы самих не пощадили, раздавили за милую душу, — тяжело вздохнул он, словно оправдываясь. — Единицам удалось спастись, из уцелевших многие оказались ране-

ными. Простояли мы тогда у залива целый месяц в ожидании, когда льды растают, и только в конце лета вошли в бухту. Корабли оказались в таком плачевном состоянии, что пришлось весь материал, привезённый для строительства фактории, использовать на восстановление парусников. На это дело ушло больше месяца, и только глубокой осенью мы вернулись в Англию. Так бесславно закончились поход сэра Мартина Фробिशера и моё первое плавание, которое, однако, оставило глубокий след в моей памяти, — Лесли умолк и опустил голову.

Афанасий помолчал, пораженный этой историей, а потом спросил:

— Что стало с найденным золотом? Бросили, неужели больше не пытались освоить золотые залежи?

— Все дело-то в том, что мы вообще зря туда ходили. Золото оказалось совсем не золото, а пирит — огненный камень, очень похожий на золото. Пирит по ценности много уступает золоту. Такое случается: ищешь одно, а находишь другое.

— Вот бы мне тоже в море. Очень хотелось бы это испытать, так хочется попутешествовать, себя найти, открыть что-нибудь! — вновь мечтательно и восхищенно загорелись глаза у Афанасия.

— Успеешь ещё. Ты пока вот что: не теряй время, изучай, переписывай труды учёных людей, мореплавателей. Пригодится. Есть у меня список с рукописи Гемскера о его плавании по северным морям. Ты-то, должно, с северных начнёшь, у России на юге пока нет ничего, тебе этот список очень пригодится. Ещё есть перевод рукописи известного мореплавателя Вильяма Берентсона, тоже о северных морях. Я сам перевёл с голландского на английский.

— Ну и как я прочту, я же не знаю английского? — расстроено спросил Афанасий на латыни.

— Английский не так труден, как кажется. Не то что латынь. Латыню же ты овладел. На меня посмотри — я владею девятью иностранными языками, как-то же смог. Теперь вот русским занялся, а он весьма сложен. Честно признаюсь, плохо он идёт у меня. Поможешь?

— Конечно! — с пылом воскликнул Афоня, ему не терпелось подсобить учёному — умному человеку, тем более — путешественнику, мо-

реплавателю. — Томас, а в каком чине ты ходил по морям?

— Я сначала и довольно долго был простым матросом, потом помощником капитана, до капитана так и не дотянул. Зато стал миссионером и известным путешественником, повидал кое-что.

Афоня был вдохновлён.

— Путешествовать, особливо по морям — моя мечта! — с воодушевлением ответил он. — Мне страсть как хочется повидать другие земли, открыть что-нибудь.

— Приложи усилия — всё получится. У меня ещё есть карты и описание путешествий мореходов древнейшей истории периода Карфагена, это аж две тысячи лет назад. Есть карты, описанные Геродотом, есть «География» Птолемея на греческом языке. Есть сведения о путешествии Марко Поло, который в своих странствиях достиг Индии, куда англичанам до последнего времени был заказан путь Великой Армией испанцев. Ты, должно, слышал о Христофоре Колумбе? — Афоня отрицательно покачал головой. — О-о! Это великий человек, — увлеченно продолжал Томас. — Он открыл Америку. Это очень большая земля, больше России, состоит из двух материков: Северной Америки и Южной. Португальца Васко де Гама ты, должно, знаешь? Он первый по морям дошёл до Индии. Тебе бы в первую голову надо научиться читать морские карты. Ты пробовал?

— Нет. Как можно читать то, чего в глаза не видел? — робко пояснил Афоня, даже будто удивившись своего невежества.

— Понятно, — усмехнулся Томас. — Значит, договорились, ты меня учишь русскому, я тебя — читать карты.

Всю весну и лето свободный от дел Афоня изучал английский язык, учился читать морские карты, знакомился, штудировал списки, записи Томаса Лесли. Английский язык, сдобренный пояснениями Томаса, порой грубыми, а то и непечатными шотландскими выражениями, давался ему легко. И вскоре он сносно мог общаться и переводить с английского на русский.

Осенью им пришлось расстаться, князь Константин отправил Афоню и Дмитрия от греха подальше в Дерманский монастырь. Соглядатаи сообщили королю Сигизмунду, что

Острожский пригрел у себя беглого угличского царевича, наследника Иоанна Грозного, оставшего, как в сказке, из мёртвых. Сигизмунд не то чтобы запретил, а заинтересовался и послал лазутчиков. Предупрежденный Острожский заблаговременно принял меры.

Дмитрий, продолжая налаживать связи и ища сторонников, то и дело уезжал из монастыря, иногда отсутствовал по месяцу. Возвращался усталый, разбитый и грязный от пыли, пропахший конским потом. Экипажей он не признавал и носился по Польше, как истинный шляхтич, в седле, с длинной саблей на боку. Иногда приезжал обзолённый, иногда неумеренно весёлый, всё зависело от того, как его приняли, что пообещали поляки. Константин не вмешивался в его дела, предоставив определяться в этом вопросе Адаму Вишневецкому.

Дмитрий за время общения со шляхтой, с простыми людьми, с двором научился хорошо говорить по-польски, даже общаясь с Афанасием, незаметно для себя иногда переходил на чужой язык, не понимая, почему друг неприязненно морщится.

— Я что-то не то сказал? — спросил как-то недовольно он, когда друзья были в своей комнатке. — Не пойму, чего ты кривишься?

— Не смешивай русский с польским, не пшикай, — поджал губы Афоня.

— Я что, по-польски тарабанил? Не заметил, — рассмеялся Дмитрий. — Эх, Афоня, сидишь ты тут и ничего не видишь, а какие панночки в Варшаве, в Кракове. Как изысканны, как благородны, начитанны. Куда нашим! Я представляю, что делается в Париже, Вене, Риме, как там бурлит жизнь, — мечтательно заливался Дмитрий.

— И чёрт с ними, пускай бесятся, — буркнул в ответ Афанасий. — Нам ли, русским людям, на них оглядываться. И у нас есть чем гордиться! Наши девицы — писанные красавицы, а не напыщенные, расфуфыренные иноземки. Такких, как наши, нигде нет.

— Тебе ли о них судить! — в запале крикнул Дмитрий. — Сидишь сиднем в библиотеке, дальше своего носа не видишь. Погоди, западёшь на какую-нибудь панёнку, будешь просить меня сосватать.

— Упаси боже! — перекрестился Афоня. —

Лучше я схиму приму и обратно на Русь подамся, если не в угличский монастырь, то в скиты ярославские пойду.

— Ладно, эвон куда тебя занесло. Ты, как я заговорю о бабах, начинаешь волком выть, огрызаться. Скажи лучше, что стоящего накопал в библиотеке?

— Так, больше для себя, и для тебя кое-что есть интересное.

— Вот это разговор. Так, что именно? — живо заинтересовался Дмитрий. Он умудрялся всё, что его действительно интересовало, схватывать на лету. Если Афанасий и незначительные задачи решал основательно, доходя до мелочей, нередко прибегая к совету умных людей, учёных, то Дмитрию достаточно было внимательно выслушать её, чтобы найти способы её решения. Умен был, смекалист. Помимо быстрого мышления, он ещё и был крут в делах, поспеивал всюду. Только вот сейчас вернулся из деловой поездки в Краков, кажись, вусмерть усталый. Глядь — а он уже сидит за бумагами, читает то, что, казалось, не нужно вовсе.

— Знаешь, что за люди на Константина трудятся? — вроде как ни к чему спрашивает Афоня он. — Одних евреев двести с лишком семей. Пожалуй, столько жидов на всю Московию не наберётся.

— Им там не климат, — обстоятельно рассуждал Афоня, — в Киеве, в Польше не в пример теплее, чем в Москве и Новгороде. Тем более в наше время, сейчас там войны и голодуха. Ляхи их привечают, поскольку евреи грамотны, толк в деньгах знают, с детства этому обучены. Потому и берут их панове в поместья экономками, барышниками. Евреи — народ коллективный, ушлый, стоит одному устроиться, обжиться, он сразу роднёй обзаводится, родственников к себе тащит.

Дмитрий, расположившийся на лавке, лениво почесал затылок и выдал:

— Я слова Еремея до сих пор помню. «Жиды, — говорил он, — тараканье племя». Что у них не отнимешь, так это толк в финансах, здесь им равных нет. В Москву не едут, оттого что учиться негде — ни школ, ни синагог там.

— При Иоанне Грозном стояла одна, так опричники и её похерили: подожгли, разграбили. Годунов ни одну не открыл. Он только о себе и о

своих чадах беспокоится. Для сына Фёдора учителей из Европы нанял, которые и его дочь Ксению учили грамоте. Фёдор, говорят, хорошо учился, речную карту Московского государства собственноручно выпустил, — Афанасий испытующе глянул на друга.

Тот мигом вспыхнул:

— Ты мне не говори ничего про этого Годунова, будь моя воля, я бы его на первой берёзе повесил.

— Что ты злишься? Я к тому, что Фёдор, в отличие от своей безграмотной семьи, начитан, образован. Врага, чтобы победить, надо изучить до тонкостей, знать, чем дышит? А насчёт повесить, у тебя, я думаю, ещё будет время. Придёт срок, — успокоил Дмитрия Афоня.

— Будет ли? Доживём ли? Тихо всё идёт, волокита кругом. Я только что из Кракова, — стал рассказывать о последней поездке Дмитрий. — Люди, шляхта, примерно половина — за меня, за мою правоту, половина — против. Обещают помощь, а чем конкретно — не говорят. Тянут kota за хвост.

— Главное, чтоб король Сигизмунд был за тебя, там и шляхта подтянется, — толковал Афанасий, попутно проверяя свои писчие перья, разложенные на столе.

— К королю я пока не вхож, но скоро смогу и до него добраться. Хочу ещё папе Клименту в Рим письмо написать. Может, он поможет.

— Это ты хорошо придумал, — Афанасий поднял глаза на приятеля, — но учти: папа за просто так помощь никому не оказывает.

Дмитрий привалился на стол и мечтательно произнес:

— Погоди... Мне только на трон сесть... Воздам сполна и ему.

Афоня покачал головой:

— Я же тебе говорю, у него аппетиты больше, чем ты можешь себе представить.

— Ничего. В Москве богатств немерено, — знай гнул своё строптивый друг.

— Золото, драгоценности, что ли? Нужны они ему... Как же! Главное богатство для него не по сундукам спрятано. Главное богатство у папы — люди, их души. Смекаешь, о чём я?

— Запросит людей повернуть к вере католической, к костёлам? — зевая, соображал вслух Дмитрий.

— Конечно, именно это и нужно папе! — воскликнул Афоня, отложив свои перья.

— Ну и чёрт с ним! — махнул рукой Дмитрий, давая понять, что ни перед чем не остановится. — Пообещаю ему костёлы построить, пусть тешит себя. У меня от обещаний язык не отвалится.

— С папой шутить думаешь?! — повысив голос, предостерегал Афоня. — Выкинь из головы. Если пообещаешь, придётся строить. Ксендзам, католикам придётся дорогу открыть, они из всех щелей попрут, Московию заполонят. Острожский с каким трудом от них отбивается, всё равно как саранча лезут.

— Эх, Афоня, Афоня! — Дмитрий подпер подбородок ладонью и снисходительно посмотрел на друга. — Не бери душу, не рви сердце. Главное — трон завоевать, а там посмотрим! Что делать, кому давать, что для страны важнее — костёлы в Москве или нужники в тайге?

Афоня аж вскочил и нервно начал ходить вдоль стола.

— Ещё четырёхста лет назад, когда свободной от монгол оставалась лишь одна червонная Русь, князь Даниил Галицкий отверг предложение Папы Римского о принятии католичества. В обмен папа обещал помощь в борьбе с татарами, сулил дать войско и золото, говорил, что поможет освободить Киев, тогдашнюю столицу Руси, от орды. Даниил сознательно не пошёл на это, потому что Русь до корней волос страна православная и сильна этой верой! — В запале Афоня даже схватил рукой свой нательный крест.

— Я это помню и знаю, и Еремей говорил нам об этом. Папа хотел тогда полного и повсеместного для Руси католичества, — лениво зевая, говорил Дмитрий. — Сейчас об этом речь не идёт, я пообещаю ему только то, что не стану препятствовать ксендзам править службы на нашей земле. У нас ведь много иноземцев сейчас живёт, работает, те же поляки, шведы, англичане, немцы, голландцы. Все они веры католической, все хотят в своих храмах молиться, надо дать им эту возможность, пусть по своему обряду Господа славят.

Афоня сдерживал себя, чтобы вконец не вскипеть:

— Ох, Дмитрий, вижу я, нутром чую, что добром твои начинания не кончатся. Уж больно ты католиков желаешь приблизить, похоже,

что и сам готов в их веру перейти. Ездишь по Польше, с поляками целуешься, милуешься, вино с ними хлещешь, не дай бог ещё католическу себе в жёны возьмёшь.

— Перестань мне глупости говорить. Я православным родился, православным и умру. Сомневаешься? Я тебе что, дал повод? — попытался отговориться Дмитрий.

— Пока нет. Ты себя тешишь, что не будешь зависим, — внушал самонадеянному другу Афоня. — Но история о другом говорит. Власть, как и деньги, никто даром не даёт и в долг без роста, без процентов не предложит. За всё, Дмитрий, надо платить, иногда цену непомерную. Католикам, исторически известно, дай только палец — они по локоть руку откусят, запрягут и поедут. Они умеют мягко стелить, да жёстко спать потом. Католицизм — самая хитро-мудрая, коварная, беспощадная вера, — горячо толковал Афанасий.

— Не каркай понапрасну, — не желал его слушать Дмитрий. — Давай поменяем тему. Мне на днях надо в Краков съездить, не желаешь ли со мной? Засиделся ты, я вижу, в библиотеке, наверное, уже и верхом ездить разучился.

Афоня мгновение помялся и начал:

— Если я тебе не особо там нужен, то позволь остаться. Лесли обещал вернуться. Увлёк он меня морским делом. Сплю и море вижу. Особливо интересно мореходство, путешествия по морям, океанам, открытия новых земель, стран, путей. От него можно многое из перечисленного узнать. Ты представляешь, у него морские карты с древнейших времён! — Похоже, Афанасий не на шутку погрузился в новое увлечение.

— А-а, это тот англичанин, точнее — шотландец. Что же, дело полезное, — немного подумав, без особой радости согласился Дмитрий. — Мне хорошие мореходы нужны будут. В таком случае оставайся, если, конечно, не хочешь на польский высший свет посмотреть, узнать, чем они живут, что о России думают.

— Ты не обижайся. В другой раз я обязательно поеду, — приобнял его преданный Афоня, уже позабыв про стычку.

— Ладно, чего ты, — отстранился от него Дмитрий. — Я сейчас ещё заплачу. Пойду, однако, надо в дорогу собираться.

Дмитрий уехал, зато Томас Лесли не заста-

вил себя долго ждать, сразу почти и появился на пороге.

— Худые дела в твоём государстве, Афанасий, — подливая в кубок медовухи, привезённой из Острога, начал с недобрых вестей он, пряча от Афонаи взор. Но тут же спросил с улыбкой: — Как думаешь, не накажет меня монастырская братия за любовь к Бахусу?

— Пей, не бойся, — успокоил его Афанасий. — Меня здесь за монаха не числят, значит, тебе нечего волноваться. На меня местная братия смотрит как на еретика, — усмехнулся он.

— Почто так? — сделав глоток из кубка, спросил Томас.

— Крещусь не так, как они! Не шепотью. Мне вот почему-то всё едино — что двумя, что тремя перстами, а они морду воротят, морщатся.

— Разве такое разумно? — недоумевал англичанин. — Каждый волен молиться по-своему, лишь бы верил истинно.

— А пошли они! Налей мне тоже. — Афоня подставил Лесли и свой кубок. — Ты что-то о худых делах в Московии заикнулся?

Сделали по глотку, помолчали.

— Я сейчас из Киева еду, встречался там с паломниками из Москвы. Они-то и поведали, что в Москве страшный голод, — поделился Томас новостями.

— Я про то слышал. Отчего, почему не говорят?

Томас помедлил, подбирая слова, и начал:

— По-разному, но в основном на царя Бориса грешат. Он, когда восходил на трон, посулил народу золотые горы, манну небесную, однако никаких запасов на случай худых времён не сделал. И первый же неудачный из-за проливных дождей и заморозков год привёл к голоду. Не родился хлеб. Пришел мор такой, что никому мало не показалось. Народ умирает тысячами.

Лицо Афанасия изменилось — встревожился не на шутку:

— Тысячами? Не слишком ли? Может, слухи?

— Я тоже склонился к тому. Однако не одни паломники такое говорят. Встретил я также группу оборванцев, худых, заморённых донельзя. Бежали из России от голода, от мора, они такое порассказывали, что передавать страшно.

— Раз начал, договаривай, замахнулся — так бей! — нетерпеливо воскликнул Афоня. — Замах, говорят, хуже удара.

Томас Лесли словно ком в горле сглотнул и с болью в голосе ответил:

— Родители бросают в колодцы детей, чтобы не слышать их голодные вопли. Отцы убивают детей, жён, чтобы не мучились, а следом себя. По дорогам ходят толпы озверевших, изголодавшихся вконец людей. С их губ стекают зелёные слюни от поедания травы-лебедеы, глаза у них гнойные, они едят собственные испражнения. Процветает людоедство, в цене маленькие дети.

Услышав это, Афанасий словно обмер.

— Боже милостивый, спаси и помилуй, — обратился истово Афоня к Господу, вспомнив родных, которых уже много лет не видел, о которых ничего не знал. Про себя прошептал: «Живы ли? Может, давно на погост снесли?» — он стиснул зубы и, не сумев сдержать себя, судорожно, почти беззвучно зарыдал, роняя слёзы прямо на пол, но почти сразу взял себя в руки, хрипло спросил: — Борис-то хоть что-нибудь для несчастных делает?

Томасу ничего не оставалось, как признаться, что слышал:

— Говорят, что начал раздачу денег. Включили печатный станок и возами вывозят на площадь деньги. Но чем больше напечатают — тем деньги дешевле, а цены, наоборот, дороже, и растут не по дням, а по часам. В Москву, привлечённые дармовыми деньгами, стекаются толпы народу, идут со всех сторон, даже из иных государств. Деньги — в драку, участились грабежи, убийства, воровство. В результате стало ещё хуже, вместо того чтобы уменьшить число голодающих, он добился обратного. Людям ведь не деньги — бумажки нужны, а хлеб. Где его взять, если скот подчистую вырезан, огороды вытоптаны, перерыты не на один раз, овощи с землёй съедены. В Московии всё выметено подчистую, как в пустыне.

Пил после слов Томаса Афанасий Тучков крепкое вино, пил медовуху и не пьянел, только гонял желваки по скулам, зло смахивал с лица солёную слезу, обхватив свою буйную головушку руками. Злость поднималась изнутри на бездушного, безуспешного царя Бориса, на его бояр и подданных, правящих Россией. С отрочества мечтали они с Дмитрием покончить с Годуновым и его приспешниками, а теперешние вести о бездарном царстве Годунова ещё больше возмутили его.

Томас Лесли сидел рядом и сопереживал Афанасию, не забывая подливать в кубки медовухи и рейнского вина, привезённого им в достаточном количестве.

— Не убивайся, Афоня, в Европе сейчас тоже не слаще — чума, холера, голод, мор во многих странах, где нет голода, там войны, что тоже не лучше. Голод и войны — сёстры, за ними следом идут смуты, разбои, грабежи и, как следствие, гибель народов.

— Не утешай меня, Томас. Тошно мне, душа болит. И помочь ничем не можешь. Выдюжит ли Россия, не вымрет ли? — тяжело выдохнул изгрававшийся Афоня.

— С твоей страной не впервые такое. В Англии такое уже при мне случилось. Когда я вернулся из первого похода, то нашёл свою страну, семью в страшном разорении и нищете. Чума всю гуляла по стране, пожирала людей, не щадя ни старого, ни малого. Не было дома, куда бы ни заглянула она. Вслед за ней, как второе нашествие, пошли мытари с солдатами, выгребая из домов за неуплату налогов оставшееся. Всё подчистую. Известно: чем труднее народу — тем больше лютует власть. Все деньги, полученные от сэра Мартина Фробишера, я отдал за выкуп земли, отобранной за недоимки. Так хотел построить свой дом, осесть на земле, жениться, завести детей. Ничего не вышло! — он помолчал и продолжил. — Пей вино, Афанасий, в вине — суть, в нём — истина. Чем крепче вино — тем крепче забываешься, — произнёс уверенно Томас, встал с трудом и начал прощаться. — Быть тебе мореходом, Афоня, — сказал напоследок он. — Я по глазам твоим вижу, что крепко заразил этим тебя. Но я доволен. Быть посеми. И на этом прощай. Неизвестно, увидимся ли. Я уеду на Кавказ, а оттуда хочу в Россию, но, естественно, тогда, когда там хотя бы мало-мальски жизнь наладится.

2. Запорожская Сечь и вольная вольница

Дмитрий вернулся из очередной поездки только поздней осенью. Приехал разбитый и усталый, но в приподнятом настроении. Афоня находился в своей келье, занимался перепиской — размножением свитков, что Томас ему оставил. Стол его, как обычно, был зава-

лен писчей бумагой, книгами, заставлен чернильницами из плошек, пучками отточенных и свежеччищенных гусиных перьев в высокой ступке. В келье, хотя и горели свечи, стоял сумрак, бросая широкие тени на голые выбеленные извѣсткой стены.

— Здоровеньки булы, Афанасий! — поприветствовал на этот раз по-украински Дмитрий своего дружка.

— Здравствуй, Дмитрий, — радостно ответил Афоня, оторвавшись от своего занятия.

Дмитрий устало присел на лавку и вытянул ноги.

— Помоги раздеться, устал невмочь, ноги не держат. Как ты тут без меня?

— Денно и ночью работаю, до тех пор сижу, пока глаза не устанут, пока в них темнеть не начинает. Чувствую, скоро отчаливать. Побольше успеть хочется, — ответил, поднимаясь из-за стола, Афоня.

Он подошел к другу и стал помогать стягивать кафтан.

— На свет хоть белый выползаешь, свежим воздухом дышишь? — устало спросил Дмитрий.

— Иногда, но редко, — кратко ответил Афоня. — Хочется успеть научиться хотя бы самому важному. Как у тебя дела? Вижу, продвигаются.

— Немного лучше, чем первый раз. Начали помогать мне паны по-настоящему, не все же Москвы боятся. Есть те, которые рады ей перца в одно место насыпать, но немало и тех, которые остерегаются. Главное, сам Сигизмунд начал над моими предложениями задумываться, — не без гордости сказал Дмитрий.

— Ты встречался с самим королѐм? — Афоня удивленно заглянул в лицо другу.

— Нет пока. Но думаю, что это не за горами. У меня уже есть свои люди в его свите. Я хотел о Московии переговорить с тобой, Афоня. Из Москвы поступают худые вести. Худые-то они с одной стороны, а что касаемо нас, то как поглядеть, — подмигнул Дмитрий. — Страшный голод идѣт по стране, охватил почти все города и веси. Единственно, средняя Волга, Казань держится, да Урал под Строгановыми, они — с урожаем. У остальных — голодомор.

Афанасий погрустнел и весь напрягся, вспомнив свои думы о родных.

— Я уже слышан. Приезжал Лесли, рассказал.

— Да ты что?! — не сдержался Дмитрий. — Ну и что он говорил?

— Страшное поведал. Люди звереют, сходят с ума, гибнут тысячами. Родители съедают детей. Дети убивают родителей. Едят траву-лебеду, собственный кал. За что, за какие грехи наказывает Россию Господь? — в голосе Афанасия звучала боль, которую ничем не унять.

— Не знаю, Афоня, не знаю. Сейчас лето, а что станет зимой, когда даже лесных даров, да той же крапивы, другой зелени не будет... — начал было Дмитрий, но Афанасий переменял тему, боясь и представить такое.

— Скажи лучше, что в Польше говорят о нашем царе, Годунов что-нибудь предпринимает? Проснулся?

— Я сколько раз тебе говорил — не называй его царѐм! — мигом вспыхнул Дмитрий и даже раскраснелся. — Самозванец он, хитростью и подлостью завоевал трон! Не может цареубийца царѐм числиться. Преступник он! — закричал в бешенстве Дмитрий, но опомнился — не на того «полкана» спустил, через минуту остыл и уже спокойно, без крика поведал: — При таком людском горе что он, этот низкородный потомок татарского мурзы, делает! Он пиры на весь мир закатывает. Недавно выкинул, устроил такую штуку — пир для войска, ты только представь — на полмиллиона человек. Пили шесть недель кряду. Даже при Иоанне Грозном, который как никто из царей любил устраивать празднества, таких пиров не закатывали. А этот при разрухе и голоде устроил такое. В голове не укладывается. Вино черпали бадьями, ковшами, представляешь, из золотых, серебряных бочек, хмельной мѣд из таких же тазов. Персидский шах Аббас, присутствовавший на пиру, известный жестоким отношением к своему народу, и тот удивлялся — народ, мол, у него мрѣт тысячами, миллионами, а царь пьянку на весь мир закатывает. Но, испробовав русского вина, заказал для себя пару винокурных заводиков. Бориска нет чтобы запросить за это денег, муки — на восстановление страны, отдаѣт заводы бесплатно. Но Бог видит, не дал свершиться безумию. Затонули заводы по пути в Персию. Преступник он, повторяю, и цареубийца! — Дмитрий в гневе негромко ударил кулаком по столу.

— Ты-то цел, — брякнул невпопад Афанасий.

— Потому что не дали. Других наследников — всех в могилу свёл. Сейчас денежными своими подачками только усугубил и без того катастрофическое положение. Помог иудам наживаться на этом. Те же Строгановы поставляют хлеб в Москву по таким бешеным ценам, что никаких денег, даже мешками раздаваемых Бориской, не хватает. Богатеют на людском горе, сволочи. Ничего, ничего! Сяду на Москву, прижму им хвост, — не на шутку разошелся Дмитрий. — Ладно о них. Возьми-ка у меня из сумы бумаги.

— Так они же чистые! — удивился Афанасий, развернув завёрнутые в холстину листы.

— Ты что хотел! Писать будешь. Сейчас я приведу себя в порядок, умоюсь, перекушу с дороги, и приступим.

Афоня сел за стол, выбрал перо получше и вопросительно поглядел на Дмитрия:

— Что писать?

— Пиши указ. О том, что я сын государя Иоанна Васильевича кланяюсь... — ответил Дмитрий и задумался, почесал затылок. — Сейчас сложится... Впрочем, я додумаю и сам напишу. Тебе в дорогу собирать с письмами в Сечь. Отсюда до неё не так далеко. В Сечи письма передашь, кому скажут князя Острожские, а казакам на словах объяснишь, кто я есть, чего хочу. Если встанут за нас, пообещаешь волю. Старого вояку Копыто помнишь? Мы с тобой его отпевали. Его сыны знают дорогу — тебе подскажут.

— Помню, как не помнить... — неуверенно ответил Афоня безрадостно.

А Дмитрий продолжал:

— Копыто в своё время слыл там лихим казаком и боевым атаманом. И вообще, отношение к роду Копыто на Сечи, на Кубани, Дону очень уважительное. Я об этом почему говорю, что твёрдо знаю — мне без помощи казаков трон не завоевать. Поляки дадут войско, но на его содержание нужны деньги, и хорошие. Я больших поручительств, а следовательно, и денег не добыл, значит, и помощь будет хилая, а казаки сами прокормятся, им не привыкать. Им только не препятствуй. Если и чего взамен потребуют, так всё волюшкой окупится.

Афоня прикинул в уме:

— С Москвы что возьмёшь сейчас, сам же сказал, голод, разруха...

— Я же не говорю, что мы завтра в поход выхо-

дим, — гнул своё Дмитрий. — Сначала надо собрать все силы в один кулак, побольше найти сторонников, а уж потом, благословясь, жажнуть.

Афоня оглядел свои пожитки, думая, что брать с собой.

— Когда мне прикажешь выезжать? — спросил он.

— Завтра с утра и поедешь, сначала в Киев к Острожскому. Письма к тому времени будут готовы. Острожский даст серебра на поездку и для дела. Он обещал. Даст в провожатые сына Копыто Миколу и казачков в сопровождение. Переоденься в кафтан цивильный, богатый, чтоб товар лицом...

— Не лучше ли в рясе? — засомневался Афоня. — Я думаю, лучше и правильной. В ней больше веры. Расскажу казакам всё про тебя, как ты едва жив остался, как от смерти, подготовленной Годуновым, спасся, как, будучи нищим сиротой, натерпелся, как лихо тебе было, как преследовали, точно зверя, как мы еле ноги унесли из России в Киев, к Острожскому под крыло...

Дмитрий замахал руками:

— Не надо! Я думаю, не надо всё рассказывать, есть такое, что и утаить не грех, только на пользу пойдёт. Главное, посея зёрна о моём воскресении, а то ведь им головы забили, что я мёртв. Говори просто, чтоб поверили, а я урожай казацкими саблями жать начну. Убеждай тонко, пылко, не жалея красных слов, нажимай на чувства, чтоб проняло до глубины души. Слово много значит, посеянное в благодатную почву — прорастёт обязательно.

Афанасий глубоко задумался. Что он знал о казаках, об их образе жизни? Мало, очень мало, разве что со слов Еремея, их учителя. Так же мало соприкасался с ними, не жил рядом. Самые яркие впечатления остались от казака Кочубея, что увёз их с Дмитрием из Углича в сиротскую жизнь, оторвав от отца с матерью. Хоть и неплохой оказался казак Кочубей, но всё равно ни дна ему, ни покрышки за это. Знал он от того же Кочубея, что казаки живут в основном разбойной жизнью, что люди они вольные, что большинство не имеет своего двора, своего хозяйства. Есть среди них такие, которые бежали из неволи с туретчины, от татар, некоторые — от панов, помещиков, некоторые скрывались в Сечи от наказания за разбой, за убийства. Было много та-

ких, которые потеряли семьи от набегов татей и врагов. Было и немало таких, кому скакун, сабля остра и вольный ветер дороже жизни. В общем, люди разношёрстные, оторви и брось люди, говорящие больше на русском языке, веру предпочитающие православную.

Взяв письма Дмитрия, Афанасий на следующий же день выехал в Киев к Острожскому. Здесь неожиданно встретился с тем, с кем попрощался навсегда, но с кем успел сродниться — с путешественником Томасом Лесли.

— Афанасий, ты ли это? — увидев Тучкова, въезжающего во двор князя, закричал по-русски шотландец.

— Я, конечно, я, — ответил по-английски образованный Тучков.

Он соскочил с лошади и крепко обнял Томаса.

— Надолго ли сюда?

— Завтра снова в путь-дорогу.

Друзья сговорились вечером встретиться за кружкой крепкой медовухи в гостевой палате.

Афанасий хотел было спешиться, но подоспел сопровождавший его казак Миколо Копыто, он попрдержал коня, буркнув коротко: «Не надо».

— Едем, что ли? Куда, зачем? — недоуменно спросил Афанасий

— Ко мне в хату, монах. Князь приказал, — сухо ответил казак и направил своего коня со двора.

Афанасий не стал перечить, молча последовал за ним.

Не успели они привязать лошадей и зайти в дом Миколы Копыто, как Афанасий опять неожиданно для себя предстал перед Янушем Острожским, братом князя. Везло Афоне сегодня на неожиданные встречи. Януш пребывал в горнице, сидел за столом в одной сорочке, кафтан вместе с саблей лежал рядом, на лавке. Он что-то быстро писал на большом листе бумаги, рядом стоял Казимир и подсыпал песку на бумагу.

Князь поднял голову и уставился на Афанасия по-змеиному — немигающим взглядом. Афоня, не ожидавший такого приёма, онемел, робко поклонился и застыл на месте, стараясь стряхнуть оцепенение и привести себя в чувство. Он раньше видел Януша, но даже не беседовал с ним ни разу.

— Подь сюда, монах, — начал хамовато, не церемонясь, как с подчинённым, князь.

Афанасий не стал лезть на рожон и молча повиновался.

— Где твой господин? Дмитрий где? — бесцеремонно допрашивал он.

— Уехал по делам, — не стал распространяться Афоня, силясь держаться предельно спокойно.

— Интересно, что за дела у него?

— Мне не докладывают, — безразлично пожал плечами Тучков.

— Ладно, не о нём сейчас речь. О тебе. Тебе надо немедля, завтра же отбыть в Сечь, — приказал князь. — Там встретишься с гетманом Хлопко, передашь ему моё письмо. Читать умеешь?

Афоня держал себя в руках, лишь ответил:

— Обижаете, князь, монахи — народ учёный!

— Не вздумай вскрыть, — князь погрозил ему пальцем. — Сразу узнаем, оно опечатано. Головы лишишься. Понял? — угрожающе рявкнул он.

Афанасий, видя, что Януш не потерпит возражений, не стал на грубость отвечать грубостью, благоразумно промолчал. Януш запечатал письмо восковой печатью с помощью поданной Казимиром свечи и протянул его Тучкову, с интересом рассматривающего высородного пана.

— Спрячь подальше, в нём твоя судьба, монах, — проговорил он многозначительно, повернулся к Казимиру и повелительным тоном приказал: — Принеси денег, выдай ему золотом пятьсот флоринов и серебра двадцать талеров. Хлопко отдашь только письмо, флорины и письмо — атаману Кобылкину, серебро — тебе и Копыто на дорогу. Атаману на словах скажешь, что я ничего не забыл, оставшуюся часть он получит, когда со своими хлопцами прибудет в Киев. Ничего не упустишь?

— Как можно, князь. Всё передам, — склонил голову Афоня.

— Смотри! Если что, головы не сносить! Ступай! — Януш указал на дверь.

Вечером, как и договаривались, Афоня встретился с Лесли. Разговор зашёл о поездке в Сечь к казакам.

— Слово «казаки» пришло, по-моему, из Индии. Я слышал, казаками в той стране зовут конных разбойников, — поведал о казаках по просьбе Афони Томас после распитого жбана медовухи. — В Турции же это слово обозначает бродягу,

вора. В Крыму это имя носят полукочевые татары, занимающиеся разведением скота, и, как у них водится, опустошают окраины России. Грабят, захватывают людей, потом продают их евреям в Кафку. Позже так стали называть славяне свои шайки, банды, занимающиеся преступным промыслом. Но я встречал и тех, что служат верой и правдой царю, хлеб выращивают. Среди них есть осёдлые, есть кочующие, большинство — бобыли. Есть такие, которые не подчиняются никому, только ветру вольному, атаману своему и кругу казацкому. Я так понимаю, ты едешь именно к ним, в Дикое поле, в Сечь?

— Точно, к запорожцам, — кивнул захмелевший было Афоня.

— Там весь сброд, есть русские, поляки, чехи, меньше немцев, жмудинов — литовцев и сербов. Запомни, всяк встречный для казака — добыча. Остерегайся. В большинстве своём они христиане, другой веры не признают. В Сечь с другой верой не берут и относятся к таким враждебно. Нет креста на гайтане — значит, недруг. Очень боятся их персы, татары, турки, ну и прочие мусульмане, евреи.

Томас Лесли поведал, что польские магнаты издревле привечали казаков. Разорившиеся, обедневшие шляхтичи не гнушались сами служить в Сечи, с удовольствием шли в казаки. Поучаствовать в набегах, разжиться на дармовщину каждому хочется. Били, грабили всех подряд, лишь бы у жертвы товар либо деньги были. Англичанин рассказал, что главный стан запорожцев — на невеликом острове Хортица на Днепре, а называют его по-разному: Сечь, Кошь, Дикое поле. С острова на материк, оказывается, ходят на судах, называемых «чайка». Очень удобное средство, на нём можно разместить до шестидесяти человек, и строится такое судно быстро, всего-то за пять-шесть недель. На постройку используют в основном липу. На судне два руля, спереди и сзади, шестьдесят пар вёсел, что даёт судну большую маневренность и быстрый ход, гораздо быстрее, чем у военных турецких галер.

— Вот, собственно, и всё, что я знаю о казаках, — закончил свой рассказ англичанин. — Вот ещё что, чуть не забыл: обязательно возьми с собой Библию. Быстрее уверуют, что ты истинный православный, больше надежды, что не обидят.

— Не беспокойся, они меня не тронут, я под защитой Миколы Копыто, — успокоил Афоня своего друга.

— А-а, — протянул Лесли, глотнув из кружки медовухи, — знаю Миколу — достойный воин. С ним будет спокойней. Его отец был атаманом в Сечи, имел немалый вес. Мне хочется дождаться твоего возвращения, послушать, как сейчас живут разбойники, чем дышат, как тебя приняли.

Скоро друзья расстались, тепло распрощавшись.

До самой Хортицы — островного разбойничьего гнезда, из которого в своё время выпорхнул Дмитрий Вишневецкий при покровительстве Иоанна Грозного, Афанасий не доехал. Отряд казаков под предводительством Янко Кобылкина встретился им сразу за днепровскими порогами. Здесь, в лесах, богатых зверем, птицей, казаки охотились, готовили запасы к предстоящей зиме. Этот год для них оказался неудачным, пошли на Крым, но в устье Днепра натолкнулись на засаду — на турецкие хорошо вооружённые галеры, понесли жестокий урон и спешно бежали, рассредоточившись по камышовым плавням. Собрать побитое войско оказалось непросто. На восстановление его ушло немало времени, о всяких других походах не было и речи, пришлось отложить их на следующее лето. Шибко об этом разбойники не тужили, поскольку учены были — в загашниках на чёрный день у них всегда брэнчало серебро, а у многих и золотишко.

Прибрежные дубовые леса славились большим количеством дикого зверя, особенно кабана, оленя, лося. На них казаки и охотились. Пернатую дичь не стреляли — косачи, глухари, рябчики сами лезли в петли.

Встретили гостей неласково — взяли в кольцо и нагайками заставили спешиться, но узнали Копыто, извинились, устроили радушный приём. На Афанасия в монашеской рясе сначала поглядывали косо, но Библия и компанейский характер сделали своё дело — попривыкли, приняли в свой круг. Некоторые даже подходили поговорить, посоветоваться о трудноразрешимых личных и религиозных делах.

Жили казаки непритязательно, в стане находилось с два десятка куреней, представляющих собой низкие, вросшие в землю срубы, сложенные

из толстостенных дубовых брёвен. В каждом курене посредине — очаг из камней, обмазанных глиной, на котором готовили пищу зимой и в непогоду летом. Возле очага собирались вечерами потолковать, попить горилки или вина, попеть протяжных, берущих за сердце песен, поиграть в карты на серебро. Куреня предназначались не для семейной жизни, а для общего проживания казаков. Казаку независимо от положения в отряде выделялось одно небольшое место на глинобитном полу, застеленном соломой или сеном.

В стан прибыли поздно, пожилой казак провёл Афоню и Копыто в курень, указал места в правом углу и, ухмыльнувшись, сказал:

— Здесь вам, хлопцы, почивать. Три аршина в длину, один в ширину — каждому. Котомку и седло — в голову, шашку — под бок заместо жены. Тебе, монах, тяжелее, у тебя и сабельки-то нет — греть некому.

— У него не только сабли, у него и жены нет — монах же, — улыбнулся первый раз за дорогу Копыто, который, встретив старых друзей, приободрился.

— Не мало ли места для одного? — усомнился Афоня. — Я видел у вас детины больше сажени есть и в ширину что бочка.

— Мало? Ну, ты даёшь, монах! Когда помрёшь, без меры выделяют, а тут курень — в тесноте, да не в обиде, — успокоил старый казак и убрался восвояси.

Афанасий бросил на сено перемётную суму, пристроил в головах седло. Покрутил головой, ощупал взглядом курень, ища надёжное место для сумы, в которой лежали мошна с флоринами, письма к гетману и атаману.

Микола уловил его взгляд, усмехнулся, покрутил длинный чёрный ус.

— Не бойся, здесь никто не возьмёт. С этим зело как строго. За воровство без суда сразу в бочку с кипячёной смолой, — известил он и хохотнул в ус.

— Как без суда?! — воскликнул поражённый жестокостью Афанасий. — Может, не он украл!

— Чего цацкаться? — посуровел Микола и строго добавил. — Пасюков сразу топить надо или в смоле варить, чтоб не успели расплодиться. Ты, вижу, устал с дороги, не думай ни о чём, отдыхай пока. Атаман появится позже, ближе к ночи, а может, вообще завтра.

С атаманом Янко Кобылкиным не должно было возникнуть непонимания, он был давним соратником Миколы Копыто. Высокий, жилистый, слегка грузноватый, суровый, даже диковатый на вид, он заслуженно пользовался уважением казаков, был невысокомерен и прост в общении. Последние десять лет Кобылкин при поддержке Острожского не единожды водил своих ребят на ратные и разбойные дела, участвовал в восстании казаков под руководством Наливайко, имел много побед, и били его не единожды, но благополучно избегал смертной участи, выходил сухим из воды. Везунчиком слыл. За что и любили его казаки — везло с везунчиком-то.

С недавнего времени он присоединился к гетману Хлопко и разгуливал, наводил шорох как в родной степи, так и в чужих землях. Пользовался доверием своих товарищей, имел первое слово. Со слов Копыто Тучков знал, что за видимым спокойствием Кобылкина, его приветливой улыбкой скрывается очень жёсткий и дерзкий человек.

Не успел Афанасий прилечь, как тут же появился тот же старый казак и коротко бросил:

— Тебя к атаману, монах.

Афанасий без рассуждений быстро поднялся, прихватил суму и двинулся за старым казаком.

— Ты от Константина прибыл? — сразу в лоб, даже не поприветствовав, начал допытываться Янко Кобылкин.

— самого магната я не видел, меня направлял к вам его брат Януш — краковский кастелян.

— Весьма умный шляхтич. У него жена очень красива, правда ли это или болтают? — непонятно зачем увёл в сторону разговор Кобылкин.

— Что есть, то есть — недурна панночка, — без эмоций подтвердил Афоня. — Я видел её всего один раз, полгода назад на пиру в Остроге. Так что, может, и ошибаюсь. Я-то не за этим сюда... Мне велено письма передать, вот они, — достал он свернутые листы из-за пазухи. — Одно — от Януша Острожского, другое — от Дмитрия-царевича, сына Иоанна Грозного.

— От Дмитрия? Разве он жив? — удивился неподдельно Кобылкин. — Люди брехали, что зарезали его подручные Годунова. Впрочем, другие говорили, что спасся. Кому верить, сам чёрт не разберёт.

— Жив, жив, спас его дядька Нагой, — успокоил Афоня, — подставного убили, сейчас Дмитрий собирает войско в Польше, на Украине, чтоб трон Московский, незаконно занятый, освободить. На вашу подмогу очень рассчитывает. В письме всё должно быть сказано. За поддержку Дмитрий обещает вам волю и никаких податей, поборов, притеснений, — добавил Афоня от себя. — Вот ещё флорины, тоже вам. Здесь ровно пятьсот от Острожского.

— Что на словах передал мне Януш? — спросил Кобылкин, прочитав письма. Небрежно, не считая, он бросил мешочек с флоринами на стол и уже с нескрываемым уважением посмотрел на Афанасия.

— Сказал, что всё обещанное выполнит позже, как только явитесь перед его светлые очи в Киев.

— Ясно, — коротко бросил он Афоне. — Пока отдыхайте, потом видно будет, что с вами делать.

— Нам отдыхать некогда, нам Хлопко нужен. Ему тоже есть что сказать, что передать.

— А я что говорю: отдохнёте и на Дон. — Кобылкин перебирал письма, попутно что-то обдумывая.

— Зачем нам Дон, нам Сечь нужна, — стоял на своем Афоня, стараясь говорить твердо, но уважительно.

— Дам казаков для охраны, и в путь, — продолжал гнуть своё Кобылкин, как будто не слышал слов Афанасия.

— Куда? В какой путь? Нам надо в Сечь! — чуть повысив голос, упёрся Афоня.

— Ну и скатертью дорожка, — безразлично ответил Кобылкин. — Только кого ты там найдёшь? Хлопко на Дону сейчас гуляет.

— Тогда конечно, — сдался наконец Афанасий, понимая, что дальше спорить себе во вред.

— Вижу, супротивный ты монах, — недобро, предостерегающе сверкнул глазом Кобылкин. — Смотри, нарвёшься на кого буйного, вмиг рога поотшибает. Я и то еле сдержался. Ты учитывай, с кем разговариваешь. Как-никак с атаманом казацкого войска, — задрал нос Янко.

— Если задел или обидел чем — ненароком. Видит Бог — не хотел, — спохватился Афоня. Не хватало ему ещё ссориться, не в его положении просителя было затевать свары.

— Вот это похвально, — взгляд Кобылкина стал миролюбивым, — хоть и монах, а умеешь,

видно, за себя постоять. Значит, повторяю: пока отдыхайте, охотьтесь. Твой проводник Копыто все уши мне прожужжал, кабана хочет завалить. Пусть попытает счастья, походит, поищет с нашими охотниками секача покрупнее, поярее. Попробует взять на пику — пусть удаль проявит, а? Ты-то сам как?..

— Я не против, — пожал плечами Афоня. — Пусть попытается. Что касается меня, то мне быстрее дело сделать, а уж потом развлечения.

— Ничего, ничего, потерпи чуток, всё к лучшему, — успокоил Кобылкин и пояснил: — К Хлопко я вестовых послал, чтоб разрешение спросили вас принять. Вернутся с ответом — тогда и поедете.

И пошло, и поехало — почти каждый день Копыто, казаки звали на охоту Афанасия и уезжали в лес. Охотились с луками, пиками, рогатинами, ружья ещё только в Сечи появились, им не особо-то доверяли, считали ненадёжным оружием. Обычно кабана выгоняли на открытое место (поляну, лужайку), окружали и забивали стрелами, копьями. Однажды напали на огромного секача, который, несмотря на то что был в нескольких местах прошит стрелами, кинулся на лошадь Копыто, вспорол ей живот, завалив наземь, и ринулся на казака. Его дружки-охотники не успели и рты раскрыть, как зверь одним прыжком оказался перед Миколой Копыто. Казак не растерялся, ошетинился копьём, сосредоточился, готовясь попасть секачу в глаз и, если удастся, пропороть его насквозь. Секач с налитыми кровью глазами, обнажив большие жёлтые клыки, бросился вперёд. Копыто ударил, попав в глаз, но копьё упёрлось в кость и дальше — внутрь не шло. Он, с трудом сдерживая напор зверюги, упёрся в круп лошади, покраснел от натуги, но не выдерживал, скользил вместе с лошастью назад, оставляя глубокий след пропаханной земли. Копыто, из последних сил сдерживая навал кабана, побледнел, глаза от напряжения вылезли из орбит, и, наверное, ожидая неминуемой смерти, попрощался с жизнью. На счастье подоспел Афоня, он тотчас спрыгнул с лошади, выхватил саблю и ударом двух сцеплённых в замок рук, которому научил его старый Ерёма, вогнал клинок под лопатку зверя, проколов его толстую, крепкую как броня, шкуру и сердце. Кабан постоял, по-

шатался чуток и вскоре рухнул всей своей огромной тушей так, что сотряслась рядом земля.

— Спасибо! — не сразу придя в себя, тихо, дрожащими губами проговорил казак. — Век не забуду. Теперь должник твой.

— Ладно, чего там! Любой бы так, — отговорился смущённый Тучков.

Кабана еле-еле шестером забросили на круп лошади, тяжёл оказался зверь и мясист. В стан возвращались с крупной добычей, Копыто то сиял лицом, то хмурился, вероятно, снова и снова переживая минуты смертельной опасности. Вечером по случаю богатой добычи и охотничьего везения закатил шумный пир у кострища, который продлился с хвастливыми разговорами до полуночи. У подвыпивших товарищей разговор, как обычно, шёл о невероятных, небывалых случаях на охоте, на войне, о стычках, о сражениях. Как, где, кто и сколько зверей, врагов, татар, турков побил, заколол, проявив неимоверную храбрость, стойкость и удаль. Разговоры переходили в споры о том, кто больше выказал сноровки, героизма. Ссорились, сшибались, но тут же, растащенные друзьями, мирились, запивали споры медовой, вином, горилкой, горланили песни, вспоминали погибших друзей, пили за них, плясали с криками, уханьем то краковьяк, то вообще не пойми что, вминая траву в землю каблуками сапог. Только далеко за полночь, когда забрезжил рассвет и на небе появились лучи ещё не взошедшего солнца, угомонились, и то только после окриков атамана, и расползлись по куреням спать. Кто посвежее, крепче — уходили без слов и нареканий в дозор, на пересмену.

Как бы широко и лихо ни гуляла вольница, но дело своё знала. Казаки строго блюли дисциплину, вовремя уходили в дозоры, надёжно стерегли свой лагерь так, что и комар носа не просунет, не то что враг. Они постоянно совершали мелкие походы, набег, устраивали игрища в самой Сечи, вели дружбу, вступали в сношения с тёмными, разбойными личностями. Нередко тайно навевывались к ним и знатные вельможи, о чём-то судачили с атаманом и скрытно, чаще ночью, уезжали.

Наконец, когда терпение у Афанасия лопнуло и он вознамерился потребовать ответа за задержку у Хлопко, их, хорошо снарядив, отпра-

вили в путь. Афанасий с Копыто и приданные им шесть всадников с запасными лошадьми тронулись в путь — переправились по льду через Днепр и ушли на восток в сторону Дона.

До Дону долго добирались. Приходилось отвлекаться, то отбиваться от степняков, то сами казаки устремлялись преследовать, как им казалось, богатую добычу. Прибыли только зимой, в дикий холод. Сильный порывистый ветер дул в спину, пробирал до костей. Хорошо — Копыто додумался взять с собой зимнюю одежду: полушубки, валенки, а то бы отдали богу душу, так бы не добрались до цели.

На Дону в стане атамана Семёна Снитко встретились с гетманом Хлопко, который уже не одну неделю уговаривал Снитко на совместный поход следующим летом в Туретчину. Гетман принял Афоню в своём походном шатре вполне радушно. Для разговора пригласил в шатёр уважаемых, именитых казаков. Слух о том, что приехал посольный царевича Дмитрия, обогнал приезжих, и в шатёр набилось столько народу, что яблоку негде упасть. Сидели кто на лавках, поставленных плотно друг за дружкой, кто на корточках, кто познатней, вероятно, вожаки и есаулы, — за столом, рядом с пылающим очагом. Замёрзший с дороги Афанасий на правах гостя придвинулся ближе к очагу, протянул для сугрева руки и только после того, как пальцы отошли и начали сгибаться, передал гетману письма, коротко сказав, от кого они. Гетман, внимательно осмотрев целостность печати, вскрыл послания одно за другим и углубился в чтение. Афанасий напряжённо застыл у очага, ожидая реакции Хлопко, с надеждой глядя на его непроницаемое, не выражающее никаких эмоций лицо. Последним гетман прочитал письмо Януша Острожского и сразу стал приветливее, уголки губ слегка поползли вверх и в стороны, выражая некоторое подобие улыбки.

— Садись, монах, за стол. Что вынули с печи — в рот мечи. Оголодал с дороги-то, поди? Ну-ка, хлопцы, сдвиньтесь, дайте место послу. Садись и ты Копыто, чего остолбенел, чай не бедный родственник.

— Благодарю за честь, господин гетман, — проговорил Афанасий. Сбросил с себя шубу, кинул её на стожок верхней одежды гостей гетмана, присел к столу, подвинул к себе се-

ребряный поднос, отломил кусок хлеба, взял говяжий мосол и набил соскучившийся по еде рот жирным мясом. Копыто примостился рядом и первым делом наполнил кубки себе и Афанасию, поднял свой и, без приглашения поддержать, осушил его, только после этого навалился на еду.

— Давно ли, уважаемые послы, покинули Киев? — начал издалека и вполне по-светски гетман.

— Порядочно, уже зима, а мы летом из Киева выехали, — не скрывая недовольства, ответил Афоня.

— Как здоровье старого князя? — сделал вид, что не заметил ворчания монаха гетман, но лёгкое недовольство затаил.

— Слава богу, находится в полном здравии, — ответил Афоня, беря еще ломоть хлеба.

— Дмитрий, царевич, просит в письме о помощи, — подошел к делу гетман. — Сиё нам лестно, узнать бы сперва, каков он сам из себя? Поведай, людям интересно, — обвёл он рукой собравшихся. — Похож ли на Грозного? Не лже ли Дмитрий, не хлюпик, не брехун ли? Может, и не стоит из-за него огород городить?

— Не хлюпик, не обманщик. О чём вы?! — в голосе Афанасия послышались нотки возмущения. — Вылитый отец и статью, и характером. В него, Иоанна Грозного, покладистой если только, не так горяч, не рубит сплеча. Слово данное крепко держит. Что ещё: грамотен, много языков знает, за народ простой — горой, переживает крепко. Сейчас вот голодает народ, он шибко расстраивается, что ничем не может помочь. Вам вот волю, сказал, даст. На лицо пригож. Что ещё...

— Красоту его ты для девиц оставь, — перебил гетман, — а нам знать надобно, крепок ли характером, сдюжит ли в таком деле, как царство на Руси?

Афанасий твердо успокоил:

— Крепок, смел, силён — это от него не отнимешь. Подковы гнёт. Без седла может день на лошади скакать, от трех сабель только так отобьётся.

— Ой ли! Подковы гнёт, саблей от троих... Не врешь, монах? — нарочно подзадорил молодого посла гетман, будучи уверенным, что заликает посла. Для красного словца говорит, дабы своего повелителя возвеличить!

— Я вру?! — снова возмутился Афанасий. — Хотите — я согну? Принеси со двора подкову, Копыто, — не дождавшись ответа, живо среагировал Тучков. — Я покажу им, как он это делает. Если бы я не гнул, как он, то царевич меня близко бы к себе не подпустил.

Копыто на охоте успел убедиться в непомерной силе рук Афанасия, потому с готовностью вышел.

— Где так монахи брехать наловчились, не скажешь? Не в монастыре ли? — продолжал злить Афанасия гетман, мстить за проявленное нетерпение.

— С детства не брешу, брешут собаки да люди, на похвальбу падкие. Я за слова отвечать привык, — сердито отчеканил Афанасий.

— Горяч ты, однако, монах! — повернулся Хлопок к казакам, внимательно и с усмешками наблюдавшим за спором, и подмигнул им, сейчас, мол, увидите, как опозорится монах.

Копыто вскоре вернулся, отряхнул с сапог снег, протянул Афанасию заиндепевшую с мороза подкову:

— Держи, Афоня, покажи им, кто тут пустобрёх.

Тучков слегка размял пальцы, взял подкову, посмотрел в напряжённо внимательные лица собравшихся, напрягся, вогнав все силы в ладони рук, и с усилием разогнул подкову. Вышел из-за стола и с достоинством подал её гетману, коротко бросив:

— Дмитрий без усилий такие гнёт. Не только сгибает, но и разгибает.

Гетман сдержал вздох удивления, повертел подкову в руках, с интересом рассматривая, и передал её на стол для удовлетворения любопытства казаков.

— Что же, молодец, гарный хлопче, могёшь железяки гнуть, — признал гетман. — Только этим на Руси никого не удивишь, в каждой боевой ватаге такой найдётся. А вот умеет ли твой хозяин боем руководить, сам, если туго придётся, сражаться, саморучно отпор дать? Коль кашу заваривает, то этим делом ой как надо хорошо владеть, — покачал головой он.

— Да я с ним с малых лет, из одной чашки толлокно хлебал! — тут же отозвался Тучков. — Нас вместе воинскому делу учили. Полководец он каких поискать! А саблей, пикой владеет гораздо лучше меня.

— Тебя?! Хм-м-м... А ты что, сражаться умеешь? — с удивлением поднял бровь гетман. — Правду говоришь?.. Монах, и оружие держать может — хоть убейся, а не верится.

Афоня гордо расправил плечи и приосанился:

— Эка невидаль, Ослябя и Пересвет на Куликовом поле татар только так били, и не голыми руками.

— Видишь, куда махнул. То Ослябя и Пересвет, а ты простой монах. Может, покажешь, как ты саблюкой владеешь? Ха-ха, может, утрёшь нос нашим казачкам, а? Василько! — гаркнул гетман. — Ты где? — искал он глазами боевитого казака.

Василько встал из-за стола, отирая рукавом кафтана длинные висячие усы, и, поправляя смоляную чёлку на совершенно голом, как яйцо, черепе, прошамкал:

— Слуш-ш, пан гет-тма, — набитым ртом с трудом ответил он.

— Дай монаху саблю да проверь, умеет ли он, как хвалится, в руках её держать, — сказал и зашёлся от своих мыслей залиvistым смехом. — Да присмотри за ним, чтоб не порезался. Она же точёная. Ха-ха, — и снова подмигнул друзьям-товарищам. Казаки дружно прыснули, потирая руки, в ожидании потешного представления.

Афанасий понимал, что казаки, уверенные в победе своего хлопца, над ним потешаются. Понимал и другое, что они не собираются его убивать, казакам скучно, не хватает им развлечения, а тут случай представился над монахом посмеяться, потешиться. Потому особо не обиделся, ответил на шутку шуткой:

— Смотри, гетман, как бы твой воин без усов не остался. Что за казак без усов — баба!

— Ну-ну, поговори мне ещё, — погрозил пальцем гетман. — Распетушился! Не только без волос, без башки останешься. Айда, хлопцы, на улицу. Чего здесь тесниться!

Не успел Афоня толком отогреть руки, как его, не дав одеться, оттащили от очага и вытеснили, подталкивая и подмигивая, на улицу. На дворе так же свирепо мела позёмка, холод пробирал до костей. Казаки, видимо по привычке, встали в круг, так что Афоня и Василько оказались в центре.

— Видишь! — крикнул Василько. — Одной дли-

ны, — и поднял обе вынесенные из шатра сабли над головой, наложил их друг на друга, сверкнул озорно глазами, прокричал, перекрывая выюгу. — Тебе которую? Левую или правую?

— Давай любую! — крикнул в свою очередь Афанасий. — Слушай, брат Василько, может, оставим, нам чего делить? Подумай, Василько, — притворно жалобным голосом проговорил Афанасий. Знал он, что стоит противнику внушить жалость к себе, убедить, что перед ним слабак, неумеха, как тот забудет про осторожность, про защиту, полезет напролом.

— Что, поджилки затряслись? — усмехнулся казак. — Не бойсь, монах, я тебя в капусту рубить не буду. Ха-ха! Маленько укорочу только, чтоб много не болтал. Выбирай, откуда тебя срубить: снизу, сверху? Ха-ха! — залился Василько уничтожительным смехом.

Его шутку поняли, казаки, дружно оскалив зубы, залиvistо, оглушительно заржали так, что присели неподалёку стоявшие лошади.

Василько сделал шаг назад, залихватски выхватил саблю из ножен, ножны отбросил не глядя под ноги переминающимся на морозе казакам и изготовился. Афанасий обнажил саблю, ножны уронил в снег и тоже принял боевую стойку. От куреней к ним в круг спешили казачки-зеваки, всем хотелось поглазеть на представление, на бой местного казака с послом самого царевича Дмитрия. Круг пополнился, разросся, передним огромных усилий стоило его сдерживать — всем хотелось подойти поближе, поглядеть на рыцарский поединок.

Афанасий, будучи на постое у князя Острожского, не забывал про боевые упражнения, в свободное от чтения время упорно тренировался, повторял уроки, данные наставником Ерёмой. Его занятия частенько поддерживал Лесли, который мастерски владел любым видом оружия, особенно саблей — жизнь научила, не раз приходилось отбиваться от пиратов. От Лесли Афанасий тоже много чего взял.

— Начали! Сходитесь! — крикнул Хлопко и хлопнул звучно ладонями.

Афанасий остался стоять на месте, лишь крутанул в воздухе саблей, чтоб почувствовать её вес и центровку. Сабля оказалась что надо, хорошо пришлась к руке. Василько же, заглотив наживку о ничтожности противника, без оглядки бросил-

ся вперёд, думая одним махом уложить сосунка-монаха. Афанасий легко отбил его выпады, сам сделал несколько уколов, чтоб прощупать казака.

Обступившие бойцов казаки не дремали, криками и свистом, улюлюканьем подзадоривали, подбадривали противников.

— Давай, монах! Руби, монах! Дай казаку перца! — кричали зрители, особенно старались Микола Копыто и его друзья.

— Давай, Василько! Жми, Василько! Порви чернецу рясу! Порежь на куски! — кричали те, кто был за Василько, особенно приближённые гетмана.

— Не подрезай его, Василько, не укорачивай, долбани плашмя по голове, — кричали сердобольные. — Не задирайся чтоб, на казака саблю не поднимал.

Василько после первых неудач ощерился, оскалил зубы, пытаясь испугать Афанасия зверской мордой, и ужесточил нападку, ускоряя ход сабли до того, что её не видно — слышно было одно только вжиканье. Она так свирепо пела и свистела около Афанасия, что впору бежать, сверкая пятками. Афанасий же, наоборот, приосанился, опасность его не ослабила, а по-хорошему заводила, злила и настраивала на бой. Он увлёкся, напрочь забыв обо всём, максимально сосредоточился, совершая внезапные финты, ловкие уклоны от сабельного жала.

Гетман, не ожидавший подобного от монаха, застыл на месте как изваяние, не кричал, не подбадривал своего казака, а, прищурясь, наблюдал за Афанасием и думал, откуда взялся такой прыткий, с блеском обученный сражаться монах. Опытного в сабельном бою воина обмануть же невозможно, по первым ответным ударам и выпадам Афанасия он определил в нём опытного, искусного бойца.

Василько после усердного возлияния в шатре быстро вспотел, да так, что пот лился по лицу рекой, попадал в глаза, мешая бою, дыхание отяжелело, стало прерывистым, рука тоже подустала, сабля летала уже не так стремительно и быстро. На лице же молодого чернеца не имелось даже испарины, дыхание оставалось ровным и спокойным, сабля как ходила, так и ходила: без огрехов, без сбоев.

— Давно знаешь его? — кивнул гетман на монаха, обращаясь к Копыто.

— Два года, мабуть, боле.

— Где он так наловчился лихо сражаться?

— Чёрт их, монахов, знает! — резко бросил Копыто. — Я второй раз его в деле вижу. Он кабана с толстой шкурой саблей запросто проколол. Сабля как в масло вошла.

— Ты посмотри на него, что делает, что творит! — в волнении выкрикнул, не сдержавшись, гетман. — Надо же!

Афоня просто перехватил инициативу у Василько и наседал. Молниеносно сделал несколько обманных ударов, ловким ударом выбил саблю у Василько из рук, и та, описав дугу, зарылась в снег. Афанасий стремглав подвинулся вплотную к Василько и ударил локтём в грудь так крепко, что казак завалился в снег, задрав ноги. Потянулся было к рукоятке рядом лежащей сабли, но Афанасий наступил сапогом на кисть руки, вдавливая её в утопанный бойцами снег. Острые сабли упёр казаку под горло и со смехом посмотрел в лицо. Порывы ветра несли казаку в глаза хлопья снега, но, посрамлённый, он не замечал этого — от злости, стыда, слабости только рычал что-то непонятное себе под нос. Снежинки таяли на лице, припорошивая лихой чуб на бритой голове.

— Сдаёшься? — крикнул ему монах. — Ну! А не то заколю! — свирепо для потехи вытаращил глаза Афоня.

— Сдаюсь, — тихо проблеял Василько, поняв по металлическим ноткам в голосе, что с ним не шутят. — Отпусти, чего держишь, чёрт тебя дерит! Знал бы, что ты за монах, не связывался. Прикинулся мочалкой, чтоб тебя!..

— На, держи, — подал Василько выбитую саблю Афоня. — Не пристало казаку саблю в бою терять. Ну, кто ещё хочет руку монаха испробовать? Никто, то-то. Был бы здесь царевич, мы бы и от дюжины отбились.

— Довольно, — рявкнул пристыженный гетман. — Подурили, и будет, не то доведёшь их до кипения, не посмотрят, что царевича посол — изрубят. С кем мы тогда на Годунова пойдём?

Хоть и приказал гетман, но казаки не расходились, не унимались, им по душе была задиристость монаха, его неуступчивость и, что говорить, хотелось продолжения праздника, уж больно лих и умел оказался монах во владении их родным оружием — саблеюкой.

— Ай, молодец, монах! Ай, добр! — кричали, приветствовали они. — Покажи ещё что-нибудь.

— Кто у тебя учителем был? — спросил немного погодя гетман. — Ты саблю у Василько жмудским ударом выбил. Знаменитый удар — литовский. Его знают единицы, да и то только те, кто с ними не единожды схватывался. Так кто? — уже требовательно повторил вопрос Хлопко. — Не хочешь — не говори, — и повернулся к Василько. — А тебе стыдно не знать этот удар. Что с тобой говорить, какой ты казак, монаху проиграл, — и снова уставился вопросительно на Афанасия. — Так и не скажешь, кто твой учитель? Пойдём тогда в шатёр, там и договорим. Что тут на этом холоде сопли морозить!

— Тут никакой тайны нет, — спокойно ответил уже отдышавшийся от схватки Афоня. — Ерёмой звать его, в монастыре, что под Ярославлем, сторожем служит. Он всю свою жизнь в битвах провёл, Русь от турок, крымчаков, литовцев защищал. Он нас с Дмитрием и учил.

— Что ж, убедил ты меня, — значительно произнес гетман, огладив усы. — Своей победой заставил поверить, что царевич боец добрый, по крайней мере, не хуже своего слуги — монаха, а?

— Лучше, господин гетман, гораздо лучше! — с радостью отозвался Тучков.

— Верю, верю, монах. Тебя самого-то как звать?

— Афанасий Тучков, господин гетман, — представился тот. — Я, к сведению, схиму не принимал, хожу в послушниках.

— Вот как! — усмехнулся гетман. — Теперь понятно, почто так лихо саблей махал — в войны, а не в монахи готовишься. Что ж, вижу, что сабля, а не монашеский наряд тебе по чину. Брось его, переходи к нам. Огнём и мечом будешь веру утверждать. Хошь, монахом к нам иди. Монаху жена не положена, будешь с саблей заместо жены спать. Ха-ха! — рассмеялся гетман, довольный своим каламбуром. Запорожцам, видимо, шутка тоже пришлась по вкусу, они загоготали так, что дрогнул шатёр, в который дружно вслед за гетманом возвратились, чтоб вино некисло, чтоб продолжить веселье. Ржали так долго, что Афоня не смог удержаться и тоже рассмеялся от всей души. Один Василько кривил рот и кусал ус, который хоть и обещал ему Афоня отрубить, но пожалел, не срезал.

Почти два года по казачьим станам и ставкам бороздил Афанасий Тучков, всюду сеял правду о Дмитрие, вербовал в свои заступники казачью вольницу. Прошёл, считай, по всему Дону, заглянул на Кубань, побывал в междуречье Кумы и Маньча, откуда степями доехал до Астрахани. От Астрахани подался вверх по Волге, дошёл до Камы. Побывал на солеварнях Строгановых, получивших в своё время от Грозного право прибавлять к своему отчеству окончание «вич». Не сын, скажем, Михайлы, а знатно и веско «Михайлович».

Всюду он доводил до казаков и до прочего люда воззвание Дмитрия — идти на Московию, чтобы утвердить на престол законного наследника, а Бориску, душегуба татарского, басурмана ненавистного, скинуть с трона. Объехав, обскакав всё, что под копыта коней легло, что велено и не велено, вернулся в Киев.

Дмитрия в Киеве не было. Доложил князьям Острожским обо всём, что сделал, спросил про Дмитрия. Они сказали, что Дмитрий в Польше, собирает войско, его ждёт давно. И он, не раздумывая, не отдыхая, поскакал в Польшу.

3. Поход на Москву

Пока Афанасий созывал казаков, простой люд, чтобы идти на Московию, Дмитрий тоже зря времени не терял, объезжал шляхту, коронованных особ, гетманов, заручаясь их поддержкой. Побывал и надолго задержался он вместе с гетманом Вишневецким у сендомирского воеводы Юрия Мнишека. Юрий тепло принял их, сразу усадил за стол, закатив пир на весь мир. Родовитые паны много пили, ели, поднимали кубки за могучую, непобедимую Польшу, за Речь Посполитую. Дмитрия посадили на почётное место рядом с Мариной Мнишек. С Мариной Дмитрий накоротке до толе знакомился. Невысокий, сухощавый, со слегка рыжеватой шевелюрой, с лицом смуглым, не сказать, что красивым, но источающим львиную мощь и энергию, с крупным орлиным носом с широкими ноздрями, что свидетельствовало о мощных лёгких и неукротимой жизненной силе, о волевом неуступчивом характере, Дмитрий притягивал к себе женщин особ-

ливо породистых, знатных. Голубые, с двойным дном глаза, то участливые, приветливые, то пронизывающие насквозь, холодные, как льдинки, приковывали внимание к гостю, непроизвольно заставляли поклоняться.

Марина, о чём нетрудно догадаться, дочь воеводы Мнишека, прелестнейшее создание — красавица писаная, волосы как вороное крыло, чёрные, гладкие. Глаза тоже чёрные с блеском, как ягоды черёмухи, подчас тоже холодные, бросающие в отчаяние, подчас горячие, кидające в жар, озноб так, что можно, не сходя с места, влюбиться без памяти на всю оставшуюся жизнь.

Дмитрию, искущённому в любви, битому, не привыкать охмурять красавиц. Тут же сам только посмотрел, только окунулся в её глазамуты и пропал, влюбился по уши. Дмитрий хоть и не был красавцем, но чем-то брал женщин, и Марина-шляхтичка, гордячка не устояла, не скажешь, что пропала, втрескалась без ума, без памяти, но равнодушной не осталась, увлеклась царевичем.

Она с детства росла властным ребёнком, легко подчиняла окружающих. Марина себе ещё ребёнком дорогу наметила — стать властительницей, повелевать миром, ей мужчина нужен не как супруг, муж, по которому бы она страдала, сохла, мучилась, а который привёл бы её на престол к безграничной власти, к преклонению. Она спала и видела себя королевой, царицей, и не меньше.

Пока молодые люди переглядывались, думали, как ближе сойтись, поближе познакомиться, за столом продолжались чревоугодие и тоскы, хвалебные речи в честь короля и Польши, знатных шляхтичей. Наконец все высказались, пришла очередь Дмитрия, и он не заставил себя ждать, взял слово:

— Когда Бог с помощью великого польского народа и его правителей поступит по справедливости и восстановит меня на родительский престол, я выведу Московское царство из варварства, поведу его к просвещению, цивилизации, могуществу. Польша и её суверены будут для меня примером и первыми наставниками. Пусть живут и процветают великая Речь Посполитая и Русь-матушка!

Марина такими словами вдохновилась. «Вот он — тот мужчина, о котором я мечтала так

долго. Он поведёт меня к власти, к престолу. И не важно, что я на троне буду вторая, я так окрочу царевича, так поставлю дело, что буду единолично править и повелевать большой и великой страной, — думала меж тем она и строила планы. — Надо непременно завоевать его, покорить во что бы то ни стало».

Марина не привыкла откладывать задуманное на потом и с этого дня задействовала все свои чары, всё своё обаяние, свою неземную красоту, образованность и изощрённый, коварный ум. На следующий после приёма день в огромных владениях Мнишека, как и водится, устроили охоту на диких зверей. Затравили не одну свору собак и били из-под них волков, лис, зайцев — всё, что под руку попадёт. Дмитрий гарцевал тут же на коне, но не принимал участия в разудалых погонах и стрельбе по зверю, он был задумчив и отрешён.

Внезапно из чащи, преследуемый лайками, выскочил большой медведь, он разбросал по сторонам собак и кинулся на подвернувшегося Дмитрия. Беду заметили загонщики, и к царевичу на выручку поскакали конные с Вишневецким и Мнишеком во главе. Дмитрий не растерялся, не пустил лошадь наутёк, наоборот, твёрдой и властной рукой подтянул удила и направил коня на медведя. Конь оказался не робкого десятка, он не раз участвовал в сражениях, охотах, всхрапнул только, передёрнул недовольно крупом, но послушался хозяина. Медведь встал на дыбы и изготовился к прыжку. Царевич поднял двустольный пистолет, заряженный пулями, и прицелился. Медведь издал устрашающий рёв и прыгнул, Дмитрий тотчас же выстрелил и в прыжке достал зверя, но не убил, а только ранил. Раненый медведь не смог долететь до коня, приземлился рядом и, от боли заревев ещё оглушительней, пошёл, шатаясь, на обидчика. Дмитрий не стал дожидаться, пока косматый распорот брюхо коня и завалит его вместе с седоком на землю. Он соскочил с лошади, выхватил клинок, в один момент оказался рядом с хищником и, не мешкая, всадил саблю ему в грудь, под сердце. Хотел отскочить, но не успел и оказался подмятый зверем. Разъярённый донельзя зверь на последнем дыхании навалился всей массой на врага, грозясь раздавить обидчика. Давя Дмитрия, медведь тяжестью собственной туши

вдавил саблю так глубоко, что продырявил себя насквозь и тут же издох. Дмитрия, крепко помятого, провонявшего звериным духом, но невредимого, с трудом вытащили из-под туши. Пришлось лошадию с царевича мишку сдёргивать — тяжёл оказался хозяин леса. Воевода Мнишек утверждал, а он знал в медведях толк, что более сорока пудов будет.

Охоты, пиры у Мнишеков потянулись бесконечно, Дмитрию не терпелось, хотелось быстрее начать дело, и он взял в оборот хозяина. Мнишек, найдя в царевиче боевого хлопца, благоволил к нему и согласился помочь, устроить встречу с королём Польши Сигизмундом III. Заинтересованный в женитьбе дочери на царевиче, Мнишек хорошо постарался и вскоре добился аудиенции у короля.

Дмитрий был зван к королю Речи Посполитой буквально через неделю после прославившей его охоты. Он вместе с семьёй Мнишеков, с монсеньором Ронгони, близким ко двору итальянцем, четой Вишневецких прибыл в Краков. Перед этим долго перебирали, как предстать, во что одеться. Наконец после десятков, если не больше, примерок платьев, кафтанов, сапог оделись подобающе приёму у самого знатного лица. Сели в выездные, роскошные, специальные для таких случаев кареты и поехали в королевский дворец. Здесь их ждали, пропустили через сторожевые ворота, и они чопорно вошли в приёмную залу.

Сигизмунд, не оправдывая тревожные ожидания Дмитрия, встретил их как самых высоких гостей. Царевич тоже не ударил в грязь лицом, он для такого случая приготовил торжественную речь. Полный решимости, он, выдвинув вперёд крупную челюсть, только прикоснулся губами, но не поцеловал, как того хотел король, протянутую для лобызания руку. Сверкнув глазами, в которых одновременно присутствовали и горделивая прохладца, и душевная приязнь, твёрдым, властным голосом, которому нельзя было не внять, заговорил:

— Ваше королевское величество, я не кто иной, как наследник Московского престола, сын великого Иоанна Грозного, лишён злодеями трона, пришёл просить вашего покровительства и защиты от аспидов. На протяжении

длительного времени я вынужден скрываться и скитаться по белому свету как изгой. Вот уже больше десяти лет я прячусь как затравленный зверь, боюсь назваться тем, кто я в действительности есть, боюсь своего имени. Ваше величество, сделайте царский жест, помогите восстановить справедливость, освободить Московию от рук вора и расхитителя. И Бог возблагодарит вас. Народ мой стонет под ярмом и гнётом Бориса, ждёт законного, Богом помазанного наследника. Только вы можете помочь мне, только вам сие под силу. Помогите, Христом Богом прошу, — Дмитрий опустил ся на колени и чуть склонил голову. — Дайте мне войско. Я войду с ним в пределы Московского государства, и ко мне сразу же пойдёт народ, меня поддержат все: и простолюдины, и бояре, и армия, все ждут не дождутся законного царя. Я, ваше величество, не преувеличиваю, клянусь, что так и будет. Я родился царём, и мне грешно обещать невозможное. Я в порфире пеленался, из порфиры, прикрытый рубищем, выброшен на гноище, на задворки моего отечества. Где справедливость, ваше королевское величество?! — вопрошал, глядя в глаза Сигизмунду, Дмитрий. — Помогите восстановить её, я в долгу не останусь. Дам всё, что пожелаете, всё, что пожелает польский народ!

Сигизмунд многозначительно молчал, он сделал вид, что глубоко задумался, хотя сам уже решил, что поможет царевичу. Это в его интересах — ослабить когда-то могущественную, расположенную под боком державу. Он думал над тем, что потребовать взамен.

Так и не дождавшись от короля ни да ни нет, заручившись только дружеским участием, Дмитрий вышел из приёмного зала с опущенной головой, уголки губ его нервно подёргивались. Только через несколько недель король вновь соизволил пригласить Дмитрия к себе. Тогда, положив руку на плечо царевича, высокопарно заговорил:

— Мы, наше царское величество, в моём лице, первое, что делаем, признаём тебя наследником Московского государства. Берём тебя как изгнанника под покровительство и кладём на твои нужды сорок тысяч золотых. С сегодняшнего дня ты находишься под нашей опекой и защитой.

— Благодарю вас, ваше величество, за участие в моей судьбе и за оказанную милость. Я всё сполна возвращаю с королевской точностью. Дайте только срок, — ответил как можно вежливее Дмитрий, а про себя ругался. — Ни слова, дьявол тебя дерн, о поддержке похода на Московию. Справляйся, мол, сам. Как сможешь. — А вслух с надеждой спросил: — А как же помощь войском, ваше величество?

— Будет тебе и войско. Подожди, не торопи, дай разобраться с немцами. Утихомирим их и тебе поможем.

Окрылённый выходил Дмитрий из королевских палат, а когда коляска с ним и Мнишекком выехала из дворца, его ожидала ещё одна радость. Коляску окружили и взяли в почётный караул казаки во главе с Афанасием. Казаки, как водится при почестях знатных людей, стали во фронт, скрестив пики и обнажив сабли. Среди них выделялся и сразу бросился в глаза статный, рослый монах. Дмитрий пригляделся к нему и не сразу, но узнал в нём своего друга, побратима и верного слугу Афанасия Тучкова. Афанасий слез с коня и низко с почтением поклонился царевичу.

— Государю нашему многие лета здравствовать, — поприветствовал Афанасий царевича.

— Здравствуй, Афанасий, здравствуй, дорогой, — поприветствовал также радостно монаха царевич. — Без мала года два тебя не видел. Возмужал. А это что за народ вокруг тебя? Вижу, что казаки. Ты привёл? С чем пожаловали, станичники?

— Мы — атаманы Запорожской Сечи! Мы казаки славного войска Донского! Мы — кубанские казаки! — отвечали степенно друг за другом лихие усачи. — Челом бьём тебе, государь, просим взять в твоё войско. Клянёмся идти с тобой на Москву. Не хотим Бориску, хотим законного наследника.

— Почему же не взять? — не скрывал радости Дмитрий. — Что взамен хотите, паны атаманы?

Мужики чуть погалдели, и один побойчее выкрикнул:

— Волю, государь. Дай нам волю, и мы всех врагов положим к твоим ногам.

— Волю так волю, почему не дать? — важно отвечал Дмитрий. — Берите до скончания царствия моего. Больше даю, берите завоёван-

ные грады и сёла на два дня в полное владение. С вас за то требую дисциплину и повиновение, храбрость и стойкость в сражениях! Таковую вы являете при защите своих станиц и своей Сечи, — повысил он голос, давая понять, что перечесть ему нельзя.

— Клянёмся! — грянули дружно казаки. — Не посрамям честь свою, прославим казацкую вольницу.

В 1604 году Дмитрий, поддерживаемый поляками и казаками, пересёк границы и уже в 1605 году 20 июня вступил во владения Московского государства. Поход его начался удачно, в целом был успешен и довольно скор. Спротивления почти не было, слух о законном наследнике, о его намерениях взять престол в свои руки давно разнёсся по России. Только единожды его войско побили, но они быстро поправились, поскольку его самого давно ждали, на него молились. Жестокость Бориса, разразившийся голод, а за ним голодомор способствовали этому. Ему без боя сдавались грады и сёла. Народные дружины вливались в его войско. Знатные бояре предавали царя и переходили на сторону Дмитрия.

Чуть ли не вся Москва вышла встречать объявившегося наследника, сына великого Иоанна Грозного. На него возлагали большие надежды и чаяния. К тому времени злейшего врага Дмитрия — Бориса Годунова не стало, он умер собственной смертью за два месяца до входа царевича в Москву. Годунова захоронили в Архангельском соборе Московского кремля, престол занял его образованный сын Фёдор, но и ему не удалось долго побыть у власти. Бояре, как только прознали о подходе Дмитрия к Москве, стоворились с Дмитрием, предали Фёдора, ворвались к нему в палаты и задушили, тем самым расчистив дорогу законному наследнику. Дмитрий, войдя победоносно, с триумфом в Москву, возомнил себя вторым Александром Македонским. 21 июля, венчаясь на царство в Успенском соборе, объявил себя «непобедимым» императором. В мае 1606 года к нему с почестями прибыла к тому времени уже жена Марина Мнишек.

4. Бесславный конец

Надежды Дмитрия на своё долгое, крепкое царствование, как известно, не оправдались. Наобещал он всем и всюду непомерно много. Обещанное — известное дело — надо выполнять, порой платить большой ценой, гораздо большей, чем обещал. Опьянённый первым успехом, он с самого начала правления сотворил немыслимое — отдал на разорение полякам родную землю, великую Москву. Поляки в ней бесчинствовали, грабили, насиловали, оскверняли церкви, святые места, насаждали везде и всюду свою католическую веру. Простому народу, боярам, прочему люду такое бесчинство, естественно, не нравилось. Люди возмущались, роптали, грозили свергнуть, казнить обманувшего их надежды правителя. Не нравились это и его другу Афанасию.

— Что ты творишь? — возмущаясь, останавливал его Афанасий. — Отец твой, предки твои собирали Русь по частичкам, по кусочкам, крепили её, а ты разбазариваешь, отдаёшь на расхищение. Разве это по-хозяйски, по-державному? Полякам служишь? Это не я говорю, народ твой говорит.

— Молчи! Что я могу сделать, я же обещал! — огрызнулся Дмитрий, понимая, что не прав.

— Да, обещал, но ты же и говорил, что надо только сесть на престол, а там всех взашей. Что, кишка тонка? — не стеснялся в выражениях Афанасий, болея за поруганную державу. Тучков уже всю корил себя, совесть его точила: зачем связался с царским сыном, чужая душа — потёмки, ненадёжная она.

— Говорил, — будто оправдывался Дмитрий, а у самого было на уме, — но дальше носа, видеть, не видел. Он упивался близостью безграничной власти, престолом великой державы. — Попробуй поляков сейчас выгони, Сигизмунд сразу нам войну объявит.

— Ну и что! Лучше война, чем надругательство над Родиной, над её святынями, над народом. Остановись! Иначе плохо кончишь, — чуть не сорвался на крик Афанасий.

— Умолкни! Ты как с царём разговариваешь?! — рявкнул Дмитрий, захлестнуло, понесло его. — Не лезь не в своё дело! Моя стра-

на, что хочу, то и делаю! — кричал он, свирепея. — Своего места не знаешь! Я укажу! Я царь тебе. Ты меня не учить должен, а молить, просить, исполнять что велено.

— Дмитрий, опомнись, — попытался умерить пыл раскрасневшийся Тучков. — Мы друзья с тобой, с детства вместе. Для тебя нет вернее друга, чем я. Кто тебя остановит, кто ещё нужный совет даст? Тебя Марина против меня, против страны настраивает. Опьянённый любовью к ней, ты не видишь, что она тебя губит.

— Замолкни! — пуше прежнего рассвирепел и выкрикнул Дмитрий. — Не смей даже всуе тревожить имя её. Она жена мне — и этим всё сказано, — бушевал он. — К тому же в государственные дела ей ходу нет, я сам страной руковожу.

Неправду говорил Дмитрий, кривил душой. Стыдно признаться, но всё наоборот шло, Марина-то как раз всем и руководила. Чем дальше, тем больше она прибирала власть к рукам, лишала самостоятельности Дмитрия. Собственно, к этому она всю жизнь стремилась. Хитрая, обладающая острым, изворотливым умом, она далеко смотрела вперёд и ещё при помолвке заставила Дмитрия поклясться, что он поменяет веру православную на католическую. Требовала поменять самое святое, что есть у русского человека! Мало того, она потребовала, чтобы он принародно короновал её, дал ей полную власть и возможность единолично править Российским государством. Слеплённый любовью, Дмитрий не сразу, но и тут уступил. И на венчании, которое происходило в Москве, в Грановитой палате, они обменялись кольцами, Дмитрий короновал её. А знатный, изворотливый — чистый оборотень боярин Василий Шуйский произнёс пагубные для страны слова:

— Великая государыня! — сказал он, избранный и поддерживаемый такими же предателями, как он, боярами. — Великая сей час царевна всея Руси Марина Юрьевна, его царское величество желает взятии вас себе в цесаревны. Извольте вступить на свой цесарский престол и быть сего дня царевной.

Специально подобранный, сговорчивый священник подошёл к ним, дал поцеловать крест и благословил обоих на царствие.

Меж тем разговор на высоких нотах между бывшими друзьями разгорался. Дмитрий, опьянённый любовью, отравленный радостью завоевания престола, мнил себя великим полководцем и мудрым политиком, он — цезарь, он как великий князь Владимир Красное Солнышко, ему не надо ни к кому прислушиваться.

— Чем ты недоволен, Афоня? — полуласково спросил он, всё-таки вспомнив прежние вместе прожитые годы. — Чем тебе не угодна Марина? Она умна, деловита, в делах государственных знает толк. Ты тоже не обижен — получил дворянское звание, стал именованным. Тебе присвоено воинское звание, теперь ты не монах Афонька, а воевода Афанасий Тихонович Тучков. Она была не только не против этого, наоборот, это сделали по её настоянию, — соврал Дмитрий. — Что ещё тебе не хватает?

Тучков с болью отвел глаза:

— Дмитрий, спасибо тебе за звания, но я за них не держусь. Можешь их забрать обратно. Хоть сейчас. Не люблю мне сегодняшнее положение. Посмотри, вокруг нас одни католики, как будто здесь не российский двор, а западный. Вспомни князя Острожского, он видел в тебе государя Московии, государя мощной православной державы. Что на деле? Поляки ходят по кремлю как по Кракову, а по Москве — как хозяйка или того хуже, как ненаказуемые воры, грабители. Ты лично мне обещал, что им не будешь потворствовать.

— Я же тебе сказал, я не могу всё сразу. Подожди, дай срок. Всех поставим на место, — пытался договориться Дмитрий, умасливая друга.

Но не вышло. Афанасий был прозорлив.

— Ты не думаешь, что, пока срок закончится, латиняне застроят костёлами не только Москву, но и всю нашу землю? — предостерегал он. — Их ксендзы чёрными псами шныряют по русским городам, всеям, лезут, словно тараканы, туда, куда их не просят, где их не ждут. Ты же русский царь, сын великого Иоанна IV, так будь достоин отца. Изгони их, — требовательно заглянул в глаза Дмитрию Тучков.

Голос Дмитрия лился патокой:

— Ещё раз говорю: не суетись, не спеши. Придёт время...

— Когда? — резко перебил разгневанный Тучков, сверкая глазами. — Нет мочи больше ждать. Может, всё дело в том, что ты говоришь одно, а сам по наивности надеешься, что Россия станет католической? У тебя жена — католичка, в твоих советниках одни иезуиты-католики. Запомни, этого никогда не будет, не может быть по определению. Напрасно считаешься. Русский народ никогда не примет католичества! — веско произнес Афанасий. — Ты выйди к народу не объявляясь, кто ты есть, и послушай, что говорят простые люди о тебе, о Марине Мнишек. Поймёшь, как народ тебя любит и хвалит, чтит как последнего иуду, как предателя Марину...

От таких слов губы у Дмитрия в бешенстве задергались, глаза метали молнии:

— Что?! Что ты сказал? Предателя? Во-он с глаз моих! — звенел его голос.

— Я уйду, — как-то сначала будто сник Афанасий, переживая за бывшего друга. — Мне самому противно с тобой рядом быть. Запомни — ты плохо кончишь. Виселица тебе уготована! — не сдержался наконец Тучков.

— Во-о-н! — взревел Дмитрий и швырнул в Афанасия подсвечник. Афанасий легко уклонился и с достоинством покинул царские покои. Вышел, вытирая холодный пот со лба, с высоко поднятой головой, мимо лыбящихся рынд и польских прихвостней.

На другой день он не вышел на службу, стал готовиться к наказанию: в лучшем случае — к отлучению от двора, в худшем — к заточению. Он всю ночь не сомкнул глаз, перебирал дословно разговор с Дмитрием, его обидные слова, переживал, что не смог переубедить его изменить политику. Только под утро задремал, не успел, кажись, прикоснуться к подушке, как его разбудили требовательным и настойчивым стуком в дверь. «Пришли, — подумал он и прошептал: — Скор на расправу оказался дружок». В покои ввалился пьяный польский дьяк Адам Визиевский, что был при свите государя.

— Спишь, монах? — начал уже с утра хлебнувший спиртного и осведомлённый о ссоре развязно дьяк. — Почто службу не несёшь?

— Тебе что за дело! — огрызнулся Тучков. — Я отстранён и к тому же плохо себя чувствую.

— Притворяешься? — дыхнул хмельными парами дьяк. — Некогда сегодня б-болеть! Государь с государыней требуют тебя. Приказали в палаты доставить ж-живым или м-мёртвым.

— Нет у меня желания к ним — ни живым, ни мёртвым, — хладнокровно, с вызовом ответил Тучков. — Если убрать решили, так давай прямо в казематы. Нет? Тогда належ для бодрости вина. Вон там в шкафу стоит. Пропадать, так с музыкой. И себе плесни.

— Что же, веди, — сказал Афанасий, после того как опрокинул баклажку.

Дмитрий встретил его так, словно вчера они не повздорили, словно не разошлись крупно во взглядах на устройство России. Дмитрий тоже не спал, думал, понимая, что возврата к старым добрым отношениям у них нет, хотел, однако, поладить миром, не доводить до крайности и нашёл, что только одно их может помирить — это расставание. Как бы там ни было, но только под утро принял это решение.

— Помнишь ли ты, как мы год назад обсуждали пути из России в Индию и Китай? — начал издали он.

Тучков помедлил, он готовился к худшему.

— Конечно, помню, — наконец ответил он. — Ты говорил, что северный морской путь из нашего Архангельска через Мыс Доброй Надежды куда приемлемей и выгодней, чем караванный земной путь.

— Верно, — как ни в чем не бывало подтвердил Дмитрий. — Значит, надо подготавливать его. Но прежде — навести там порядок. Английские купцы жалуются, что терпят большие убытки из-за мздоимства архангельских таможенных дьяков, а также от разбойных людшек, которые грабят их обозы, и не только их, но и наших купцов. Это мешает торговле, а главное — добрососедским отношениям наших стран.

— Да и чёрт с ними, с английскими купцами, — отрезал Тучков, видно, заговорила в нем ещё вчерашняя обида. — У них и без того прибыли такие, что впору нашим купцам своё дело закрывать и к ним в слуги наниматься. Ты же этих англичан совсем освободил от податей. Разве не помнишь?

— Да, освободил! — начал по новой заводиться Дмитрий. — Но временно. Дай оправиться

— и вернёмся к старому. Сейчас не об этом речь. Сейчас, я уже сказал об этом, надо среди тамошнего самоуправства навести порядок. Я для этого и вызвал тебя, — смягчил он тон. — Так вот мы собственным волеизъявлением направляем тебя в Архангельск воеводой!

— Воеводой? — переспросил ошарашенный Афанасий. Тюрьма, ссылка — ко всему готовился, но что его пошлют воеводой, он никак не ожидал. — Почему, отчего? Я в воеводских делах мало чего смыслю.

— Да, воеводой, — подтвердила и Марина Мнишек, которая подошла к мужу и чуть загородила его собой, всем своим видом давая понять, что это её воля. — Не каждому мы оказываем такую честь. Целуй руку за то государю.

— Это лишнее... Скажи, кто кроме тебя?! — смягчил её слова Дмитрий. — Тебя я хорошо знаю, ты к морскому делу ещё в Киеве прикипел. Вспомни. И наконец, я тебе как никому доверяю, надеюсь, что ты верой и правдой будешь служить государю и его державе и не посрамишь честь свою.

Через неделю, получив все необходимые грамоты из Разбойного, Посольского и Казанского приказов, Афанасий Тучков в сопровождении полутора сотен казаков отбыл в Астрахань. С той поры разошлись его пути и дороги с государем всея России Дмитрием, сыном Иоанна Грозного.

Совсем недолго продлилось царствование на Руси Дмитрия. Народ, дворянство, купечество чем больше приглядывались к нему, тем больше понимали, что Дмитрий не настоящий, не наш — подкидыш, не русский совсем. Чужой, подставной — Лжедмитрий он, и чем дальше, тем больше становились недовольны им. На то были веские основания: женился на польке, ладно бы одной веры, а то чуждой, не приемлемой народу. Пускай бы и так, взял бы и перекрестил, заставил принять нашу православную веру, так он нет, в церковь её ввёл, причастил, возложил венец. Тем самым церковь осквернил, порушил веру в самого себя. Во-вторых, иноверцев-поляков в Москву пустил, казну, город на разорение отдал. Те, под собой ног не чуя, грабили, убивали местных жителей, насиловали женщин, девушек, пили до сраму, облик человеческий теряя, оскверняли святыни.

Видя возмущение людей Дмитрием, влиятельный, умнейший и в то же время изощрённый, кровавый политик на Московии князь Василий Шуйский подобрал момент, когда недовольство дошло до кипения, и призвал людей:

— Готовьте, люди добрые, топоры, ружья, сабли. Идём бить поляков, а с ними и самозванца поганого, Лжедмитрия. Пора всем воздать по заслугам!

В мае 1606 года Дмитрия низложили и сначала посадили в тюрьму. Поляков, им приведённых, кого побили, кого выгнали за пределы Государства Российского. Дмитрия в застенках жестоко пытали и после отречения от него родной матери привязали за ноги и поволокли на верёвке по лестницам через весь Кремль на Красную площадь.

На площади собирался народ, к Дмитрию вторично подводили мать Марию Нагую, просили подтвердить свои слова для всего собравшегося люда. Она с хрипом и желчью выкрикнула так, чтоб люди слышали:

— Не мой! Не Дмитрий это.

Дмитрия сначала четверговали, потом привязали к столбу, обложили сучками, поленьями, хворостом и сожгли. Пепел собрали в кучку, заложили в жерло пушки, ствол повернули на Запад, туда, откуда пришёл, и отдали приказ: «Пали!»

Пушка, заряженная двойным зарядом, выстрелила со страшной силой так, что пепел разлетелся по всей площади, и от Дмитрия следа не осталось. Какой бы он ни был, но надо отдать должное мужеству Лжедмитрия. Ни одного стога, ни одной жалобы, ни одной просьбы о помиловании не услышали ни палачи, ни народ, собравшийся поглазеть на казнь как на представление, как на потеху.

16 мая к его жене Марине Мнишек в её женские покои ворвалась разъярённая толпа, царицу схватили, изнасиловали, как звери, как голодные до сношений псы, всем стадом. Когда счёт дошел до нескольких десятков, её «пожалели» примчавшиеся на потеху бояре и освободили. Дальше её судьба закрутилась ещё хлеще. Сначала Марину сажали в темницу, потом, боясь мести Сигизмунда, освободили и отправили в Польшу. До Польши она

не доехала, её по дороге догнал Лжедмитрий II и склонил стать его женой, объявляя всем, что он есть Дмитрий I, сын Иоанна Грозного, якобы уцелевший, чудом спасшийся от казни. Авантюрная насквозь Марина согласилась и снова уже, с Лжедмитрием II, поехала завоевывать Москву.

Москву на этот раз они не взяли, были разбиты и бежали. Нового Лжедмитрия настиг потомок ногайских князей Пётр Урусов и отсек самозванцу голову. Марина уцелела, мало того — она в промежутке этого страшного, смутного времени успела забеременеть и родить потомка. Оставив сына на воспитание, сама бросилась в новую авантюру, связалась с атаманом Иваном Заруцким и занялась грабёжом русских градов и деревень. Разбойничала до тех пор, пока на русский престол не сел законный царь Михаил Романов.

Смутное время кончилось, Заруцкого с Мариной прижали, они бежали на Север и оттуда организовали новый поход на Москву. Их опять разбили, они снова бежали, казаки из шайки же Заруцкого, сговорившись, их предали, схватили и передали стрельцам. Заруцкого, чтоб неповадно было, посадили на кол, уже четырёхлетнего сына Марины повесили, а саму Марину утопили в Москве-реке. Так бесславно закончилась жизнь одной из самых красивых, самых трагичных и авантюрных женщин Европы Марины Мнишек.

Часть шестая КОНЕЦ ПУТИ

Год 7126 — начало летоисчисления
от сотворения мира

1. Служение главному богу Севера Сэру Ирику

На следующий день стан мореходов пришёл в бурное движение: корабелы, мореходы, казалось, носились как угорелые, не зная, что хватать, куда бежать, что делать. Однако это только видимость, каждый знал своё дело, к вечеру шатры, инвентарь и прочие вещи были убраны в трюмы кораблей, тщательно уложены, упакованы, увязаны. Пушки, пи-

шали, до того снятые с кочей, водружены на место, большую пушку вернули на большой коч, поставили рядом с форштевнем, смотровую вышку разобрали, материал от неё перенесли на корабли. На кочи закатали бочки с засоленным мясом от добытых морских тюленей и моржей, а также бочки с жиром от этих же животных.

Сторожевую охрану, однако, не снимали. Мало ли, надо всегда быть начеку, да и сихиртя — народ, ещё до конца не понятый. Афанасий, конечно, не сомневался, что вождь сихиртя Засон пойдёт на какую-либо авантюру, но уж слишком хитро-мудрым и изворотливым показался он ему. Кто знает, что у этого подземного царя на уме. Конечно, большой беды он хоть и захочет, но не нанесёт, да и дочка его теперь здесь. «Единственное: может, до того им нанесли обиду люди, похожие на русских, — размышлял воевода и гнал эту никчемную мысль. — Вряд ли!»

Ближе к вечеру Афанасий получил сигнал от Тар Ямала, что можно приходить на камлание. Взял с собой своих первых помощников и охрану — шесть человек стрельцов. Их встречали так же радушно, как и в первый раз. Возгласы приветствий слышались отовсюду, но происшествие в сопках, ранение Тэмзу Наречи всё равно наложило отпечаток на лица, на приглушённую речь людей. Состояние раненого не спешило улучшаться и не давало повода для бурных эмоций.

Вождь сам вышел встречать их, пожал руки всем без разбору, по очереди и взволнованно сказал:

— Я должен идти в свой священный чум, поэтому оставляю вас на попечении Хаулы. Сегодня я могу встретиться с Сэру Ирику. Я это знаю.

На стойбище уже всюду пылали предварительно разведённые костры, в их свете мелькали разодетые сообразно торжеству ненцы, тут же появились и пастухи с двумя жертвенными белыми оленями, приведённые ими на заклание. Жертвенные животные вздрагивали, передёргивали шкурой, протестуя хоркали, они поголовно носили клеймо на боках, припечатанное шаманской тамгой.

— Как чувствует себя Тэмзу Наречи? — в пер-

вую очередь задал волнующий всех вопрос Афанасий.

— Спит. Не просыпается, — ответил Хаулы.

— Весь день спит?

— Один раз проснулся. Шаман его напоил отваром, и Тэмзу снова уснул. Спит — это хорошо, сон лечит. Быстрее выздоровеет.

— Ты думаешь, обойдётся без последствий? Вдруг калекой останется? — тревожился Тучков.

— Не должен. Пока всё складывается на пользу. Должен полностью восстановиться, так думает Тар Ямал, — заверил Хаулы и перевёл разговор на главное. — Видишь белых оленей?

Афанасий кивнул:

— Вижу, даже понимаю, почему они здесь.

— Эти — для подношения жертвы Сэру Ирику, — показал рукой ненец. — Это лучшие жертвенные олени шамана, шаман их отдаёт на заклание, чтобы тот не отказал в разговоре о тебе и твоих делах.

На поляну меж тем высыпала толпа женщин, они сноровисто начали расстилать в священном чуме и около него олени шкуры.

— Вон там в стороне новый чум видишь? — махнул рукой вправо Хаулы. — Это приехала молодая шаманка, очень уважаемая гостя. Она будет помогать тадибею и вместе с ним лечить одного тяжело заболевшего вогула, которого она привезла с собой.

— Первый раз слышу, чтоб бабы шаманили, — усмехнулся Тучков.

— Редко, но бывает, — подтвердил Хаулы. — Есть очень способные, всё лечат, камлают сильно.

— Неуж как Тар Ямал? — никак не верилось воеводе.

— Нет, таких нет. Он самый-самый, — не без гордости заметил ненец. — И этой пока далеко. Она молодая, у неё всё впереди. Несмотря на молодость, она многое успела, она может уйти в царство духов, говорить с богами, но выйти без последствий пока не может. Вернуться — самое трудное. Этому надо долго учиться. Слёту не возьмёшь. Тар Ямал тоже не сразу усвоил. Зато теперь он выдута, то есть могучий шаман. Он может всё! Он может даже убить себя, а потом воскреснуть. Так же, как это сделал русский Бог Христос. Только тот

ушёл на небо, а Тар Ямал остаётся с людьми.

Воевода сдержал улыбку:

— Тар Ямал не Бог и не из царствия Божьего. Интересно, как его допускают к себе боги? — спросил он с деланным удивлением.

— Он летает, — серьёзно ответил Хаулы.

Воевода глянул на небо, пожал плечами:

— Как это летает? У него даже нет крыльев.

— Он не на крыльях. Он в мыслях летает, душа его... Сам здесь, в чуме, тело здесь, а душа летит туда, где духи. А где духи, только большому человеку — тадибею известно. Конечно, чтоб улететь, надо подготовиться, соблюсти ритуал, одеться соответственно, идолов накормить и прочее, прочее. Один только шаман знает, что духам — богам надо.

— Душа бестелесная, можно, поди, и без одежды... — подковырнул Тучков, лукаво улыбаясь.

— Нет, голым нельзя, — толковал Хаулы с благоговением. — Надевают одежду и обязательно священную: малицу, пивы, пояс, шапку шаманскую. Иначе духов не вызовешь, надо быть наравне с ними, а они любят наряжаться. Ещё обязательно нужен бубен и колотушка.

— Они зачем? Объясни, интересно, — искренне любопытствовал Тучков.

Хаулы помолчал, словно подбирая слова, как объяснить такому далекому от их мира человеку, и начал:

— Бубен — брат шамана, его первый помощник. Бубен живой, он не предмет, а живое существо. Он только вчера надел на себя новую шкуру, которую выделали бабы, он поёт, он бубнит, он звенит колокольчиками, говорит человеческим голосом, в зависимости от того, нравится ему, не нравится то, что происходит. Колотушка тоже живая, только она как баба, всё ворчит, всё стучит, всё брякает, и чем ритмичнее, быстрее стучит она, тем быстрее шаман достигнет до духов.

— Всё как у наших попов. Без облачения, без паникадил, распятий, икон, прочих причиндалов — никуда, — подметил стоящий тут же Корней, внимательно слушавший разговор воеводы с самоедом, и спросил: — Хаулы, ты, я знаю, был в нашей церкви, скажи, а что общее между попом и шаманом?

Ненец почесал затылок, беззвучно шевеля губами, и ответил:

— Мало чего. Разве что посох. У вас попы с посохами службу несут. У нашего шамана тоже есть посох, у ваших посох с набалдашником и на нём вырезана голова нюня¹ — священной птицы. Скоро, уже совсем скоро тадибей принесёт в жертву священного быка, которого сам выберет.

— Почему именно эти два священные? Что, других нет? — опять встрял Корней.

— Других нет. Только они. На них пал взор шамана ещё тогда, когда они были ягнятами. Их подложили, они не работали, на них не ездили, не запрягали, с ними только игрались, баловали. У Тар Ямала для пожертвований их много, но когда он собирается к Сэру Ирику, то выбирает самых лучших, чтоб лоснились, были крупными, жирными, ручными.

— Ясно, откармливают, как наши люди поросся, — съязвил Корней. — Чем больше следишь, бережёшь, холишь, тем вкусней мясо, тем больше шансов ихнему языческому Богу понравиться.

— Трэм. Если олень плохой, то и хозяин не лучше. У Тар Ямала как ни у кого олень хорош. Мясо сочно, нежно, — почмокал губами, улыбаясь, Хаулы, — как у вас говорят, язык проглотить.

— Что-то шаманство затягивается. Когда хоть начнётся? — загозил нетерпеливый Корней.

— «Когда, когда»! Когда надо, тогда и начнётся, — урезонил Афанасий. — Шаман сам знает. Вон уже его помощница вышла. Это та молодая девка, которую я показывал.

— Ты хоть и показывал, а я всё-таки сомневаюсь, чтоб баба у шамана в помощниках ходила. У нас в церкви ни одной бабы за алтарём не увидишь. Бабья дорога с печи до порога, — снова съязвил Корней, не унималось ему — шлея сегодня попала.

— Трэм. Шаман сказал, что сегодня только она помогать сможет, — ответил Хаулы и с осуждением посмотрел на ведущего себя непристойно Корнея.

— Ты язык попридержи! — толкнул Корнея в бок локтём Афанасий, так что у того рёбра охнули. — Что ты лезешь с подковырками? Это их обряд, их обычаи, это святое для них. Понял?

— Понял, господин воевода, — виновато опустил голову Корней. — Прости, Хаулы, не из-за пакости я, плохого не чаял, любопытства ради. На таком представлении первый раз как-никак.

— Бог простит, — ответил сурово Афанасий. — Будь порядочен. Не срамись и нас не срами!

Наконец сам Тар Ямал вышел из чума, направился к лёгким священным нартам, стоящим отдельно от грузовых. На голове шамана была необычная шапка с опущенной на лицо чёрной маской, казавшейся настолько чужеродной, какой-то не от мира сего, даже заgrabной, зловещей, что невольно наводила на неприятие, даже на ужас, заставляла сжиматься, оглядываться, вздрагивать. Одеянию шамана, особенно его шапке, уделялось самое пристальное внимание, поскольку она, как считалось, вместе с головой первая проникала в мир иной, в мир духов. Края её были неоднократно прошиты жилами и длинными волосками кожи из шеи оленя и отдавали, в противовес маске, яркой белизной. Края же были украшены бахромой и кистями беличьих красноватых лапок, наполняли саму шапку цветом багряной ровдуги². По колпаку шапки сверху вниз змеились серебряные монеты и маленькие, размером с напёрсток, колокольчики. Прорези для глаз в маске оторочены теми же жилами и волосами. Так же ярко, чудно и пёстро разукрашена малица, она, кроме того, подшита соболиной или песцовой опушкой и разноцветными лоскутами из цветастой материи. Эта же бахрома спускалась по шву рукавов от плеча до запястья. Кисы³ тадибея тоже не обделены: расшиты и разукрашены искусным орнаментом, к их голенищам пришиты медвежьи клыки-обереги и такие же, как на шапке, серебряные колокольцы. На руках — семипалые священные рукавицы из тщательно выделанной белой как снег ровдуги.

Тар Ямал словно на крыльях подлетел к матавшемуся, вероятно почувствовавшему смерть, оленю, которого едва удерживали трое молодцев, что-то шепнул ему на ухо, и тот как заговорённый успокоился, покорно опустил голову до земли. Шаман ловко накинул на шею поданную шаманкой верёвку, стянул удавку и в один присест задушил жи-

вотное. Со стороны казалось, что он не совершил никаких насильственных действий и усилий, но это было далеко не так, просто это приходилось делать часто, действие было отработано до совершенства. Кроме того, немалую роль здесь играли ловкость и сноровка шамана. Сначала всё шло привычно, однако почти после удушения шаман никому не собирался предлагать ни кровь, ни мясо жертвенного оленя. Ненцы знали об этом, и никто не разевал рот, не ждал угощений. Тар Ямал опять же ловко и быстро снял шкуру с оленя, разделал его и, велев собрать кровь, возвратился в чум. Вслед за ним с головой оленя скользнула туда же шаманка. Спустя немного времени она высунула голову из чума и что-то властно выкрикнула на своём языке.

— Нас в чум зовут, — перевёл Хаулы и направился туда, вслед за ним пошли гости, а затем — местные.

Воеводу на правах старшего запустили первым, за ним, низко склонив голову, проник в чум Корней, потом Севрюк — все по чину, Хаулы стоял у входа и любезно приглашал каждого.

— Садись, воевода, и вы, уважаемые, садитесь, — показал на шкуры, расстеленные на полу около очага, Тар Ямал (не принято у кочевников иметь в доме сидений). — Слушай внимательно меня, воевода, повторять не буду. Внемли и вникни в речь мою. Не усни, не отключись, не расслабься, прошу, настаиваю. Процесс длительный, тяжёлый, для тела и духа затратный. Ты можешь дойти до такого состояния, что сам услышишь голос Сэру Ирику, можешь услышать и другие близкие тебе голоса.

В чуме жарко горел очаг, белые струи дыма поднимались высоко вверх под купол и уходили в дымоход. В проёме — в оконце смутно просматривалось серое с повисшими грозовыми тучами небо.

Тар Ямал принялся за дело: скинул рукавицы, взял бубен, подвесил его на специальную яркую ленту над очагом. Указал шаманке на котелок, и та, налив в котелок воды, подвесила его над костром, вода вскоре заурчала, забулькала. В такт бульканью запел и бубен, издавая заунывные, мелодичные звуки. Тар Ямал бросил в котелок извлечённые из-за па-

зухи сухие листья травы и коренья. Вкрадчиво сказал, приложив палец к губам:

— Слушайте. Слышите: бубен говорит с вами, он доволен, он сыт, ему нравится обстановка и люди, пришедшие к нему.

И тут же, пятась, заспешил в затемнённое условное место, находящееся в правом дальнем углу — к священному алтарю с истуканами, божками, сядаями, выговаривая что-то ему одному понятное и переставляя, целуя, оглаживая своих идолов — духов. Его серебристые колокольцы, тонюсенько звеня, что-то нежно и непрерывно пели, что-то такое благозвучное, умиротворяющее, ласкающее душу и сердце. Пробыл там, в затемнённом пространстве у алтаря, недолго и так же внезапно, как и исчез, появился вновь, присел на корточки к костру и посадил около себя большого идола, по объяснению Хаулы, самого Сэру Ирику.

— Этот идол из камня, он с острова Белый, он жертвенный, священный, — пояснил Тар Ямал. Похлопал по бокам ноздреватую, с глубокими выемками и кровавыми подтёками каменную породу и сказал. — Камень — наш помощник, он не даст сбиться с пути.

Меж тем шаманка, знавшая ритуал наизусть, не дремала, поднесла Тар Ямалу чашу с жиром и кровью от жертвенного оленя. Шаман торжественно, тонкой струёй вылил подношение в углубление камня, смазал жиром губы истукана, протянул чашу шаманке обратно через костёр, та не глядя, изогнувшись, ловко подхватила её. Только тут шаман снял бубен, потрогал подсохшую и натянувшуюся кожу, остался доволен, сел на шкуру и стал постукивать костяшками пальцев по бубну, всё убыстряя и убыстряя темп. Вместе со звуками бубна всё громче и громче звучали голоса серебряных колокольцев. Тар Ямал под эту, казалось, потустороннюю мелодию, в такт бубну начал раскачиваться, наклоняться назад-вперёд, медленно вставая и выпрямляясь. При этом тут же одновременно свиваясь, развиваясь, ломаясь, будто тело его не имело костей, состояло из хрящей и шарниров.

От завораживающего ритма музыки, изворотливых движений тела шамана ненцы медленно входили в транс, покачивались в такт

бою барабана, закатывая отупленный взгляд. Из kloкочущего котелка поднимались клубы пара, распространяя в тесном помещении чума дурман. Шаманка, несмотря на это, всё подсыпала и подсыпала в котелок своих крепко пахнущих снадобий. Добиваясь, видимо, того, чтобы запах всё время менялся и всё больше затягивал людей в тягучий дурман. Над очагом поплыл жёлтый дым с тяжелым запахом.

— Это снадобье самого шамана. Только он может приготовить с таким ярким цветом и острым запахом, — пояснил через усилие, еле шевеля языком, Хаулы. — Это порошок для самого Сэру Ирику. Запах его он любит, знает и должен выйти на связь с Тар Ямалом.

Шаман же, не переставая бить теперь уже колотушкой в бубен, запел на одной ноте что-то протяжное, заунывное, тягучее. Хаулы, собрав волю в кулак, с силой тряхнул головой, приводя себя в чувство, и перевёл Афанасию:

— Шаман спрашивает бога, доволен ли тот твоей жертвой.

— Почему «моей»? Олени не мои, — удивился тоже разомлевший Афанасий.

— Шаман жертвовал от тебя, говорил «твой», — уверенно ответил Хаулы. — Не забудь заплатить за оленя.

— Интересно, сколько стоит жертвенный олень? — поднял бровь воевода.

— Я не знаю. Спроси у шаманки, она знает. Или дай ей белую денюгу. Она хорошо стоит.

Воевода согласно кивнул.

В чуме становилось всё жарче и жарче, по спине Афанасия потёк липкий пот, голова кружилась, глаза слипались, в цепкие лапы захватывала дрёма. Афанасий боролся, только с большим усилием преодолевая наваждение, не засыпал, тёр глаза, но веки всё равно смыкались. С окружающими происходило то же самое, некоторые уже спали стоя.

Вдруг Тар Ямал прекратил бить в бубен, поднял его высоко над головой одной рукой, весь задрожал, закружился, закривился, на устах появилась пена, неожиданно выхватил нож и поднял его над головой так, чтобы все видели. Люди замерли. В чуме повисла гробовая тишина. Все затаили дыхание, со страхом ожидая дальнейшего. Тар Ямал пронзительно что-то выкрикнул и вонзил нож себе в грудь. Му-

жики ахнули, бабы завопили, запричитали. Афанасий, стоящий рядом, отчётливо видел, как отточенный до блеска клинок вошёл в грудь, как из груди засочилась кровь. Шаман вздрогнул, передёрнулся всем телом, колокольцы жалобно звякнули. Все ждали, что он упадёт и забьётся в предсмертных муках, он же неожиданно снова запел, встряхивая и колотя неистово колотушкой в бубен. Пел, изредка поглядывая на нож в груди, по рукоятке которого стекала, капая на шкуры, алая кровь. Было странно видеть нож в груди, его зловеще торчащую белую рукоятку из кости мамонта и не ощущать ужаса происшедшего, как будто всё происходящее само собой разумелось, будто ничего страшного, запредельного не произошло. Шаманка по его велению взялась семипалой рукавицей за нож и осторожно выдернула его. Так же осторожно взяла из рук шамана бубен и колотушку, а шаман как ни в чем не бывало продолжал петь.

— Как, на чём он держится, почему не падает? — ошарашенно спросил шёпотом Афанасий у Хаулы.

— Я сам не знаю. Такова сила шамана, — чуть слышно ответил тот.

Тучков был встревожен не на шутку. «Он, конечно, говорил мне, что может без последствий проткнуть себя ножом, но я не верил, — думал Афанасий, беспокоясь за жизнь шамана. — Любой смертный на его месте давно бы загнулся. Я же стою рядом и всё вижу, здесь нет никакого обмана — нож действительно пропорол грудь. Да, чудеса!» А вслух у Хаулы спросил:

— О чём он поёт сейчас? В чём смысл?

— Он объясняет произошедшее, что нож, как ему и положено, легко и без боли вошёл в грудь и без боли и последствий вышел из груди. Значит, у Сэру Ирику есть возможность встретиться с Тар Ямалом и пустить его в свой священный чум на острове Белом. Он хвалит шаманку, говорит, молодец — помощница, она всё сделала правильно, она с сегодняшнего дня сама может говорить с Сэру Ирику, может вылечить привезённого больного и без помощи шамана, — старательно в подробностях переводил Хаулы.

Тем временем шаманка сама начала разма-

шисто и ритмично бить в бубен, а шаман продолжал петь что-то протяжное и заунывное. Остановился, взял нож из рук шаманки, тщательно рассмотрел следы крови, куда направлены, какой формы, что-то прочитал по ним и запел ещё громче, а кровь продолжала сочиться из груди. Наконец он словами песни стал передавать разговор с могущественным богом Севера — с Сэру Ирику.

— Сэру Ирику говорит, — переводил взволнованно Хаулы, — луця пришёл на Северную Землю, на землю великого ненецкого народа не просто так. Он пришёл по большому, важному делу. В знак этого луця получит от ненцев дарственного идола с жертвенника Белого. Тар Ямал, вождь ненцев, должен передать идола, должен помогать луця, дать оленя, дать рыба, дать в помощь людя. Тяжело будет луця, смерть ходит рядом. — Хаулы непроизвольно вцепился в рукав кафтана Афанасия и вслед за убыстряющейся песней шамана стал переводить быстрее: — Не здесь смерть, не здесь неприятности — далеко отсюда, в главном городе луця, там, откуда он пришёл, — в Москве. Три или две зимы пройдёт, пока воевода закончит своё дело. Но ходить по построенной воде через Ямал в Мангазею будут не большие, а средние и малые лодки. Дальше Сэру Ирику видит большую рыбу, она однажды, много лет вперёд, пойдёт той же дорогой, что и нынче идут купцы — через Камень. Страшная рыба, большая рыба, шайтан-рыба! Её зовут Нёй. Воевода должен передать людя, идущим за ним, чтоб боялись её. За ним не сразу, но придут плохие людя, они разбудят чёрные подземные силы бога Нга и выпустят наружу Нёй, а от неё Большой огонь. Сейчас Большой огонь рыбы Нёй спят под семью слоями земли, от неё нет беды, но я вижу, она придёт. Поскольку люди возомнят себя выше бога Нума, Главного бога на свете, подарившего миру Солнце, Небо и Землю. Сэру Ирику видит огонь над Нарзямским, Мангазейским морями, над тундрой, такой огонь, что покраснеет небо от края до края, а смрад, дым, яд не дадут дышать. Всё это вижу, говорит Сэру Ирику, в близком будущем. Не пройдёт и четыре сотни лет, как рыбу Нёй освободят из-под земли и она вылезет наружу.

— Спроси Тар Ямала, что будет тогда с Землёй, она погибнет? — шепнул Афанасий Хаулы.

— Не могу спросить, — пожал плечами самодед. — Его нет здесь. Тут только тело, а душа шамана говорит с Сэру Ирику на острове Белом. Сэру Ирику через уши тадибея говорит для тебя, воевода. Слушай внимательно. Не отвлекайся. Сейчас он говорит, что воевода должен принести в жертву белого оленя. Тогда он спасёт Ирину Тучкову и её семью. И ещё: в скором времени путь у Афанасия лежит домой, он должен завести свою семью.

— Я не понял. Какой дом, только что говорил, что здесь дел на две зимы, — не понял Корней.

— Ну и что, для него даже четыре сотни лет — и то небольшой срок, — ответил Хаулы.

Неожиданно шаман перестал петь, застыл изваянием, а потом совсем уж неожиданно не своим голосом, а звонким, молодым, чисто, внятно, без акцента, по-русски сказанул:

— Афанасий, Шуйский убил меня не в бою, а предательски. Душа моя не может найти покоя и места, — и уже своим голосом добавил: — Афанасий, бойся Джеймса.

— Боже, при чём здесь Шуйский? — прошептал стоящий рядом Василий Севрюк. И быстро несколько раз перекрестился. — Шуйский получил своё — и по заслугам ему.

Тар Ямал вскинул высоко голову, протяжно застонал и, выронив нож, рухнул на землю. Звук от падения тела показался таким протяжным и глухим, что у присутствующих захолонули сердца, застыла кровь в жилах. Шаман не остался неподвижным, он забился в судорогах, маска съехала с лица, и люди увидели, как побелело оно, как покраснели глаза, как с губ закапала пена. Никто даже представить себе не мог, каких нечеловеческих усилий стоило ему камлание.

— Что он, как? Выживет? — первым не выдержал сердобольный Севрюк.

— Не знаю. С ним всегда так после встречи с духами. Никто не знает, что дальше будет, — на удивление спокойно ответил Хаулы.

Судороги, стенания в красном свете раскалённых, догорающих углей, покрытых серым пеплом, продолжались, а по бледному как сама смерть лицу шамана гуляли отблески очагового пламени.

Ненцы были не в первый раз на таком представлении — они и то не сразу, но малопомалу приходили в себя, тихо меж собой заговорили, обмениваясь впечатлениями.

Афанасий стоял рядом с шаманом, пытался и никак не мог осознать смысл сказанного. Его поразило всё, а особенно то, что поведал шаман о таких личных подробностях из его жизни, о которых он никогда никому не рассказывал. А когда в конце камлания шаман заговорил молодым, не своим, а знакомым ему с детства голосом, вообще ошеломило, едва не убило его. Ведь Афанасий знал этот голос, пытался вспомнить, кому он принадлежал, но сразу, будучи в возбуждённом состоянии, не смог.

Тем временем шаман очнулся, шаманка помогла ему встать, усадила заботливо на шкуру, подперев длинным чурбаком спину. Набрала из котелка травяного отвара, напоила его. Тар Ямал пил жадно, взахлёб, видно, что изнурён без меры, что израсходовал все внутренние силы и резервы, что на восстановление потребуется много-много времени.

Ненцы, видя крайнюю утомлённость вождя, потихоньку, чтобы не мешать восстанавливаться, покидали чум.

— Воевода, — подошла к Афанасию шаманка. — Шаман обессилен и очень слаб. Ему нужно время на восстановление. Всё, что ты хотел услышать от него, он сказал, даже больше — луща помощь будет! Так повелел Сэру Ирику.

— Хорошо, я понял, — ответил воевода. — Главное, что он остался жив. — И дал своим людям отмашку покинуть чум. Сам у полога шатра обернулся посмотреть ещё раз на великого человека, и его словно пронзила молния. «Голос, которым говорил в конце шаман, это же голос царевича Дмитрия, — вспомнил он. — Что же этим хотел передать он? Что душа Дмитрия не на месте, мечется? А что я могу? Тут я бессилен. Он сам продал душу дьяволу. Что же касается Шуйского, то он не избежал такой же, как у царевича, участи. Главное сейчас не в них, — думал воевода. — Главное, что мы добились расположения ненцев. Они не против, а за нас и будут помогать в строительстве канала».

2. Начало нового пути

В тот же день, подняв паруса, кочи с отрядом отправились навстречу своим друзьям — соратникам Фёдору Устюгову и Тимофею Глазову. Сначала обратным ходом зашли в реку Зелёную, в её устье, в нём не задержались. Отобрали два лучших коча, а остальные оставили в Зелёной под охраной, подались к озёрам Ней-то и Ямбу-то, чтобы вместе с соратниками отыскать и разметить на местности очертания будущего канала и наконец начать его рыть. Необходимо досконально ознакомиться с местностью, промерить длину трассы, разбить её, закрепив вешками, просчитать глубину канала, поглядеть на грунт, определить протяжённость и глубину мёрзлого слоя, в общем, сделать многое — всё, что требовалось при таких работах. И самое главное: завезти на место будущего канала плавник — лес для растопления мерзлоты.

Чтобы не перетаскивать вновь по волоку кочи, обогнули полуостров, пройдя оттаявшей береговой кромкой между ним и островом Белым, зашли в ту же реку, что и в первый раз, прошли вниз по течению и вошли в озеро Ней-то с оговорённой для встречи стороны. Место для стоянки кораблей Севрюку в этот раз искать не пришлось, его на восточном берегу озера Ней-то и без того все знали, там в воду уходили уложенные ещё ушкуйниками много лет назад брёвна из лиственницы. Именно по ним корабли вытаскивали из воды и далее по каткам перетаскивали в озеро Ямбу-то. Именно здесь воевода и его помощники надеялись встретить старых боевых друзей Тимофея Глазова с Фёдором Устюговым.

Мореходы ещё издали заметили корабли на знакомой стоянке, а когда подошли поближе, то насчитали у берега восемь судов, девятое уже было вытасчено на берег. Рядом с причалом стояла небольшая низкая изба, словно вросшая в землю, и несколько войлочных зимних татарских нарт.

— Вблизи Тимошкин лагерь, не иначе, — определил Тучков. — У иноземцев привязанность к другим шатрам. У них шатры со стенами из шести или даже восьми граней. А вон и они — за бугром, — махнул он рукой в сторону шатров.

— Похоже, что так. Поморов нет, они больше к корабельной избе склонны, чем к шатрам. В ней и мошки меньше набивается, — рассудительно добавил Севрюк.

При упоминании мошки лицо Афанасия передёрнулось, он поёжился. Не любил он эту тварь, порой она его так доставала, что хоть волком вой. Увидел, что Севрюк исподтишка, с ехидной улыбкой смотрит на него, сам в ответ ухмыльнулся и с подковыркой процедил:

— Чего зубы скалишь? Погоди, дай сойти на берег, я посмотрю, как ты от этого сволочного мошкарья будешь отмахиваться.

— Не впервой. Стерпится — слюбится, — спокойно ответил толстокожий Севрюк.

Меж тем народ, завидев подошедшие кочи, побросал работу, другие дела, высыпал на берег, столпился у причала, загомонил, засудачил, высматривая знакомых, друзей, родных. Встречающие, конечно же, сразу по стягам узнали, что идут к ним военные корабли архангельского воеводы, потому незаметно для себя внутренне и внешне подтянулись, посерьёзтели.

— Ну как, Василий, не осрамятся твои ребята? — подначивал теперь помощника Афанасий.

— В чём это? — прищурился Василий, будучи всегда горой за своих поморов.

— Понятно в чём. Когда чалиться зачнём?

— Нашёл чего. Смотри, волна слаба, берег не размыт, воду стережёт крепко. Причалимся! Как по маслу пойдёт. В лучшем виде сработаем, — ответил весомо Василий. — Мои ребята, господин воевода, не осрамят твою честь.

— Чалиться-то некуда. Причал весь занят... — незлобно подразнивал Тучков.

— К чужим бортам притрёмся. Как ушлый жених к невесте подъедем, — бесшабашно ответил кормщик. Сам в преддверии предстоящей схватки напряжился, весь взведённый, наполненный задором и бурлящей через край силы.

Причалили и правда ловко, даже красиво. С бортов чужих кочей неслись хвалебные возгласы, с них же по команде полетели концы чалок, чалки приняли без потерь, притянули к бортам и тут же развели судна, чтоб не бились друг о друга, чтоб не тёрлось дерево о дерево, не задирались чтоб и не рвалась обшивка. С кораблей по привычке перебрасывались солёны-

ми шутками, прибаутками, спешили узнать о знакомых, родных, делились новостями.

— Господин воевода! — окликнул с берега Афанасия стрелецкий десятский из Обдорска Тимофей Глазов, выделяющийся из толпы высоким ростом и крепкой статью, он махал рукой, широко улыбаясь, рядом с ним, тоже размахивая руками и белозубо улыбаясь, стоял Фёдор Устюгов, присланный из Тобольского приказа.

Афанасий поправил пояс с прицепленной саблей, заломил чуть набок шапку и первым ступил на скрипучие, почерневшие доски причала. Он пожал руку Фёдору, потом Тимофею, затем крепко обнялся и расцеловался по очереди с обоими.

— Как добрались до наших мест? — спросил Афанасий, обрадованный встречей.

— Всё удачно, почти без потерь. Обдорск стоит. Тебе есть письма от тамошнего воеводы. Здесь тоже обжились. В Нейтинских озёрах встретили весну. Нарыбачились вволю, рыбки наелись на всю жизнь, — первым ответил Тимофей.

— Что у тебя, Фёдор? Какие новости? — повернулся Тучков к Устюгову.

— Тоже неплохо, — бодро сказал тот. — Тоже имею письма от тобольского воеводы. Под печатью.

— Понятно. Ну что же, ведите куда надо, — окинул взглядом стан Тучков. — В юртах обосновались?

— Конечно, — удивился вопросу Фёдор. — Мы ведь по зиме добирались. Без юрты не обойдёшься — холодно. Останавливались там, где река плавуна натаскала. Очаг в юрте разведешь — и тепло, как дома. И здесь их легко обжили, они привычные. На край, конечно, и без них обойтись можно. Нам не привыкать.

— Понятное дело, — согласился Афанасий, — бродяги есть бродяги. Наслышаны про вашу удадь. Рыбалкой, а ещё чем занимались, пока мы не пришли?

— Деньгу заколачивали, — первым ответил Тимофей. — Помогали купцам кочи и грузы перетаскивать. Они деньгой не обидят. Да вон они сами к нам спешат. Услышали, что воевода приехал.

Действительно, навстречу Тучкову и его

свите степенно шли купцы, впереди — иноземные, чуть позади — наши, приблизившись, разом стянули шляпы и склонились в поклоне. Тучков ответил им тем же. Многих он знал по прошлым годам совместных походов в Мангазею, среди них были и неизвестные, что радовало — торговля ширилась.

— Здравствуй, господин воевода, — выступил вперёд хорошо знакомый английский купец Джеймс Коллинз. Тот, на кого после пыток указал монах Козьма как на врага. Джеймс Коллинз стоял как ни в чём не бывало, держа шляпу с перьевым плюмажем в руках и дружески улыбаясь.

— Здравствуйте, господа купцы, — твёрдо, без улыбки ответил Афанасий. Знал он: с иноземцами нельзя расслабляться, положишь палец в рот — руку откусят. К тому же сразу пришли на память слова Тар Ямала, сказанные во время камлания: «Бойся Джеймса!» После этих слов Афанасий приказал найти и доставить к нему монаха Козьму. Тучков как бы к месту на днях вспомнил, что тогда, по зиме, на торге в Москве его выслеживал весьма похожий на Козьму муж.

Козьма не успел далеко уйти, его быстро нашли, схватили и доставили в стан на Чумовой. Афанасий велел привести его на большой коч, там под пыткой Козьма признался, что завербовал его ещё в Москве Джеймс Коллинз, английский торговец. Велел следить и докладывать о каждом шаге воеводы архангельского. Велел в походе сеять смуту среди мореходов, разрушать дружбу и торговлю с местными. Чем, собственно, за большие деньги и занимался продажный Козьма. Афанасий повелел довести до мореходов, казаков и стрельцов весть о предательстве монаха и приказал казнить его через повешение на рее и не снимать два дня, чтоб другим неповадно было. Суровые шли годы!..

Сейчас Афанасий стоял перед купцами и думал, что делать с Джеймсом, как-никак английский мореплаватель, торговец, подданный самой могущественной на то время морской державы, в то же время лазутчик, враг Московии.

— Господин воевода, просим быть нашим гостем, — меж тем приглашал к себе его

Джеймс. — Нет ничего лучше, чем беседа за накрытым столом.

— Гостем быть не могу, — сухо ответил Афанасий. — Дел накопилось невпроворот. Как закончу с ними, прошу по одному ко мне в юрту. Там и побеседуем.

— Хорошо, — вынужденно согласился Джеймс. — У нас, собственно, один вопрос, хотим поговорить относительно дальнейшего плавания в Мангазею.

— Я сказал: попозже, — отрезал Афанасий, зло закипало внутри, а он всё не находил решения относительно судьбы Коллинза. Перегнёшь палку — жди непонимания, а то и нагоняя от самого царского двора. Повернулся к своим и не удержался, зло прорычал: — Ну что встали, ведите в свой чум.

— В юрту, господин воевода. Чумов нет, — робко напомнил Тимофей.

— По мне один чёрт, что чум, что юрта, лишь бы комаров не было, — рявкнул Тучков. — Чую, дымком несёт. Травили, знать, эту тварь? Вытравили?

— А как же! Всех — за порог, еле ноги унесли. Без дыма тут каюк. Юрта большая, пока всех вытравишь, сам дыма нахватаешься до рези в глазах, — будто оправдывался Тимофей.

— Большая-то большая, да не очень пригодная, — вроде как успокоился после вспышки гнева Тучков. — Войлок при здешней погоде не совсем гош, намокает, сыреет, прееет. Оленьи нюки у самоедских чумов куда пригоднее. Не так ли, Тимоха?

— Зато зимой теплее! — голос Тимофея стал веселее. — Вот придёт зима, тогда увидите.

— Больно рано о зиме заговорил. До неё дожить надо, — махнул рукой Тучков.

— Лишь бы не поздно было, — хохотнул Фёдор и приласкал бежавшего рядом Полкана, успешшего сбежать с корабля и найти в толпе хозяина.

Переступив порог шатра, Афанасий поискал глазами икону, не нашёл и ступил внутрь.

— Где иконы у тебя? — спросил строго, поднеся руку ко лбу. — Ты что, безбожник?

— Помилуй бог! Вон за занавеской, — указал Тимофей на кусок ткани, натянутый вдоль стены.

— Иконы открытыми должны висеть, ликом

к входящим, — строго отчитал Тучков Тимофея.

В юрте возле самого входа и по всей площади пола были настланы сплошняком доски, посредине, как и в чумах, выложен очаг, вокруг него разбросаны оленьи шкуры и несколько потёртых ногайских кошм. Приятная прохлада и полумрак царили вокруг. От недавно горевшего очага терпко пахло дымом, над очагом висел котёл.

— Ты дверь-то открой, не видно ни черта после дневного солнца, — попросил Афанасий, усаживаясь за небольшой столик.

— Комары ползут. Может, свечи запалить? — предложил Тимофей.

— Не надо, вроде попривык уже. Скажи своим, чтоб есть принесли, да к делу давай, — распорядился Афанасий и скрестил руки на столе.

— В Тобольске хотят епархию открыть, — встрял в разговор Фёдор. — Сибирь же под руку томского воеводы отдать, — продолжил он далее с новостями, принимая одновременно из рук вестового чаши с холодной ухой и расставляя их перед Тимофеем и Афанасием.

— Про епархию, конечно, важно, — остановил его Тучков, — но давай про неё опосля и с толком. Сначала о мирском. Набрали ли вы людей, где их оставили? Пригнали ли лошадей? Вот что главное! В Тобольске нет ли какой болезни, сюда не завезли ли?

— С людьми, с лошадьми всё в порядке, — с расстановкой держал ответ Тимофей. — Оставили в верховьях Зелёной, у озера Ямбу-то, прямо у волока, там обустроиваются. Кров для себя, конюшни и корма для лошадей готовят. Что касается Тобольска, там всё вроде ладно, болезней, хворей, каких других напастей нет. Я другого боюсь: появятся здесь самоеды, как бы копытку или сап со своими оленьями не завезли...

Тучков согласно кивнул головой и отдал приказ:

— Сделай загон хороший, чтоб лошадей к оленям не пускать, не смешивать. И всё в порядке будет. Для людей — бараки тёплые, ну, избы длинные надо. По берегам моря, рек лесу выброшенного полно, его свозить и из него строить. Лесу, я чувствую, нам в эту зиму без

меры понадобится. Во-первых, для строительства острожка, складов и прочего. Острог-то будем не здесь, а в устье Зелёной ставить. Там сподручнее, незаметно, мимо нас в Мангазею никто не пройдёт, вся Губа как на ладони. Там и таможду поставим, — вслух рассуждал воевода. — Во-вторых, для строительства канала. А то сплошь мерзлота, её одним кайлом не возьмёшь. Растоплять придётся, вот где лесу потребуется — горы. Вozить не перевозить. И не один лес надобен, жир тюлений, моржовый, он и в дождь и холод хорошо горит. Его запастись надо, и чем больше — тем лучше. Ты о копытке заговорил... Что, есть заражённые олени стада поблизости?

— Нет, не слышать. Бог миловал, — успокоил Тимофей.

— Тогда зря не чеши языком, а то беду накличешь. Ну что сидишь, давай ложки, ушицу хлебать будем. Ни крошки с утра во рту не завалялось. Заварзин одной копчёной рыбой потчует, закармлил уже — воротит. Кстати, где он, куда сбежал, с нами ведь шёл? — встревожился Тучков, вспомнив про соратника.

— Пошёл укрепления смотреть, о безопасности беспокоится. Да кто тут на нас налетит, — беспечно махнул рукой Тимофей. — Некому. Самоеды, что ли? Так кишка тонка.

Но Тучков не успокоился, помнил, что береженого Бог бережет. Сказал:

— Правильно делает. Вы тоже близко к причалу шатры разбили. Вас любой иностранец из пушки в два счёта расколошматит. Надо их подальше от причала отодвинуть.

— А корабли что, без присмотра оставить?

— Зачем. Поставить караул, чтоб и ночью и днём глаз не спускали. Никого, особливо к пушкам и зарядам, не пускать без особого на то моего или старшего кормщика распоряжения, — твёрдо отчеканил Афанасий.

— Подальше — понятно, а отчего шатры в стороне, зачем от людей отбиваться? — задал вопрос Фёдор, далёкий от военных дел.

Тучков нахмурился:

— Чтоб чужого за версту разглядеть: как он идёт, куда, с каким намерением. И требовать, чтоб посторонние не шлялись рядом с нашими судами, особенно рядом с грузом. Я зачем усиления охраны и порядка требую? Стало

нам известно, что среди иноземцев есть враги, недоброжелатели, которые спят и видят, как бы наши отношения с самоедами и прочие дела испортить.

— Не очень строго ли? — попробовал сказать Тимофей. — Люди соскучились друг по другу, особенно те, кто с нашими купцами промышляют. Есть среди них родственники, односельчане...

— Я разве против свиданий, встреч, обмена? — голос Тучкова стал мягче. — Надо разболтанности не допустить. Особенно среди казаков, стрельцов, этим ребятам только дай волю. Дисциплина прежде всего. Особенно это тебя, Корней, касается, у тебя в подчинении они, — напомнил он Заварзину, только что вошедшему с улицы в шатёр.

— Может, ты и прав, тебе видней, — согласились помощники с доводами Афанасия. — Раз нужен порядок, будем добиваться. А почему вина нет на столе? — возмутился Фёдор.

— А можно? — покосился на воеводу Тимофей.

— Сегодня можно, — согласно кивнул головой Афанасий. — За встречу полагается.

Выпили по ёмкой чарке доброго вина, закусили и опять к делу. Фёдор нырнул в закуток, открыл замок сундука и принёс кожаную суму со свитками опечатанных бумаг, вытащил кипу и начал объяснять:

— Вот этот — от обдорского воеводы, эти два — от Тобольского приказа.

— Это что? — прежде всего заинтересовался Афанасий двумя отложенными в сторону бумагами.

— Это от подьячего из Тобольского приказа, — пояснил Тимофей.

— Ну и чего тянешь? Говори, что там подьячий? — не терпелось Тучкову.

— Тебя обрадовать собирался, вот и растягивал удовольствие. Подьячий-то не кто иной, как твой брат Тучков Бажен Тихонович, от него и грамота, — лукаво улыбнулся Тимофей.

— Вот это да! Надо же, не ожидал, — несказанно удивился и обрадовался Афанасий. Братья-то не условливались, что старшой в Тобольск подастся. — И ты что же, с ним виделся?

Тимофей, довольный реакцией Афанасия, засиял:

— Мало виделся, жил у него с зимы и до самого отъезда. На второй день по приезде в город познакомились. Он меня сам признал, по твоим словам, видать, определил. Отозвал в сторону и стал расспрашивать о тебе, о наших совместных делах. Я-то сначала, поскольку он не назвался, всё вокруг да около водил. Чёрт его знает, что подячему этому надо. Может, сведения пакостные против тебя собирает, изжить хочет. Он увидел, что я в кошки-мышки играю, и открылся, что он брат твой. Тут уже легче стало, я вздохнул свободно и рассказал ему, что знал о тебе. Всё, конечно, что можно. Потом уже, когда стал жить у него, ещё ближе сошлись, о многом и разном толковали, особенно о пользе задуманного вами дела, то есть канала на месте волока.

Обрадованный вестью от брата, Тучков расслабился и заулыбался:

— Он с семьёй в Тобольске?

— Да, даже дворню с собой привёз. Его по царскому указу туда направили, и, вероятно, надолго. Полномочия большие, даже дела самого губернатора и его ближайших подопечных велено проверить. В последнее время, видишь ли, резко сократились поставки пушной рухляди из Тобольска. Есть подозрения, что воруют, в казну царскую руки запустили. Брата-то твоего сильно там бояться, но и он под огнём ходит. Могут и порешить, если что.

— Во-она как!.. — протянул Афанасий и усмехнулся. — Но ничего, у нас, Тучковых, заваска крепкая, нас запугать не просто. Думаю, выдюжит. Насчёт девки сенной Аглаферы ничего тебе он не сказывал? — спросил как бы вскользь Афанасий, а сам неожиданно для себя покраснел.

— Как же, как же, сказывал, — Тимофей понизил голос, придав ему особую доверительность. — Отвёл от глаз чужих подальше и передал. Скажи, мол, брательнику, что Аглафера, девка его, с нами, ждёт его не дождётся, все глаза проглядела. На других парней и не заглядывается. По просьбе самой Аглаферы начал де он её грамоте учить. Скучает она, видишь ли. Хочет сама письма писать и с попутными, если таковые будут, отправлять.

— Вона как! — воскликнул от полноты чувств Афанасий и призадумался: «Я-то хоть и час-

тенько мыслил о ней, а насчёт писем не подумался. Коль так, то надо обязательно написать и вместе с братовыми отправить», — только подумал о любимой, она тут как тут перед глазами встала: сочная, крутобёдрая, с грудями наливными, как яблоки, этакая краса-девица, каких поискать. Вслух же спросил про другое:

— Что с наследниками у Бажена, они вроде о пополнении мечтали?

— Трое у них теперь.

— Трое, во даёт! — ахнул от радости за брата воевода. — Когда я на Москве заезжал к ним, то только один числился. Молодец Бажен! Ай да брат! И баба его лихая, неуж сразу двойню родила?

— Так и есть, сразу двух девок принесла, — подтвердил Тимофей.

— Девоч... — чуть замешкался воевода, но тут же добавил: — Ну, всё равно, молодец баба!

— Ты погоди хвалить её, — осадил его Тимофей. — Бажен жаловался, да я и сам видел, она власть в семье целиком к своим рукам прибрала. Бажен-то по натуре мягкий, она и пользуется. К тому же из высокого дворянского рода она, не в пример вам, помещным, козыряет этим. Она, видишь, собирает твою кралю замуж выдать. Мужика ей подыскивает. Афоня пускай, мол, себе ровню ищет, из дворянского рода жену берёт. Нечего с простолюдниками-де связываться. Так что тебе туда ехать надо, разбираться, а то упустишь девку, отдадут насильно, потом покусает локти.

Лицо Тучкова побагровело, на виске забилась жилка, он изменился в лице.

— Это надо же! Ну, стервь! Никогда бы не подумал. Коварная!.. — со злостью сжал кулаки Афанасий. — При мне такая шёлковая, а тут что завькидывала, воле мужика своего, моим желаниям перечит. Придётся точно ехать туда, на место ставить. Как только улажу здесь всё, так и выеду. Это надо же, что творит! — не мог Афанасий успокоиться, нервно ходил по шатру из одного конца в другой, сверкал глазами, ругался про себя: «Уеду, а здесь кого оставлю? Она же, гадина, не думает, что делу нашему вредит, палки в колёса ставит», — походил, пометался, мал-мал успокоился, спросил: — Ну а у самого Бажена как дела? Уличил кого? Вывел на чистую воду?

— Ты горяч больно. Он же только приехал, но по нему не скажешь, что дело на месте стоит. Значит, движется, хотя сразу скажу, что козней достаточно, они же там все местные, сплочённые, не так-то просто этот улей раздавить. Он не робеет, из Москвы в подмогу ещё выпросил нескольких проверяющих. Добьётся своего, всех на место поставит, ваша кость — Тучковых, — твердо ответил Тимофей.

Афанасий вроде чуток успокоился.

— Это верно. Бажен с детства с головой дружил и упорным был. Если цель поставит, то обязательно добьётся. С бабой вот только подкачал — волю ей большую дал.

— Бажен с письмом старинную церковную грамоту тебе передал, для себя сделал с неё список. Она-де тебе интересна станет, особенно если ты в мангазейские земли собираешься. Он и мне дал её почитать. Она о том, кому на ум пришло град Мангазею закладывать. Что вроде как Филарет, отец нынешнего царя, к этому руку приложил. Само слово «Мангазея» якобы от слова «магазея»⁴ тоже он придумал, вероятно, собирался в ней амбары и лавки держать для торговли и хранения пушной рухляди. А я слышал, что названа она так в честь местного племени под названием «мангазей», они будто стояли ранее в верховьях Таза. Теперь на том месте настоящий богатейший град вырос, впрочем, ты это и без меня знаешь, правят им, для меня непонятно почему, аж два воеводы. Известно, что два медведя в одной берлоге не уживаются. Так и тут, воеводы мангазейские друг с другом мирно не живут, ссорятся. Этого ты не знаешь, а знать должен, когда пойдёшь с ними договариваться. Есть в грамоте отрывок весьма интересный и спорный.

— Где, ну-ка прочти, — живо заинтересовался Тучков.

— «На севере за Югорской землею, у Мангазейского моря живут люди самоедь, зовомыи мангозеи», — с охотою взялся за чтение Фёдор. — Вот видишь, я же говорил, откуда пошло название града, — довольно проговорил он. — «Ядять оне мясо оленое, рыбу, да межи собою друг друга ядять. Гость к ним откуда прииде, оне яго ядять, съядять яго, кости в землю не хоронют, или умрёт в неволе кто, своих також

не хоронют. Сии людя не велики, плоски лицом, носы малы, но до речи вельми охочи и стрелки споры и горазды. Ездить на оленях и на собаках, платье из оленых шкур носят, торг ведут песцом и соболем».

— Ладно, хорош, остальное опосля прочтём. Есть поважнее дела, — остановил его Афанасий. — С писем начнём. Ты посиди пока, я прочту, вдруг вопросы появятся.

Он в первую голову сорвал печать с письма обдорского воеводы, быстро пробежал глазами по тексту, хмыкнул удовлетворённо, взялся за второе. За час с небольшим просмотрел всю почту. Везде и всюду в помощи и содействии его делу пока не отказывали. Он от удовольствия растянул рот до ушей и задорно взбил шапку на затылок. Ещё бы, не зря же он все грамоты, отсылаемые воеводам, царским повелением заверил. Прихватил несколько писем с собой, намереваясь прочитать их повторно и более внимательно, и вышел с помощниками наружу.

— Ну, куда мой шатёр поставили? — спросил Фёдора, зорко осматривая место разбивки лагеря.

Вновь прибывшие с ним люди заканчивали устройство нового стана. Те, кто прибыл раньше с купеческим караваном, суетились около большого коча, облепив его, как муравьи, занимаясь разгрузкой.

— Что, тяжёл коч? Чей он? — спросил Тучков, разглядывая тяжело груженный коч.

— Железа купец Захарий загрузил под завязку, пожадничал. Из-за него, говорят, весь караван буксовал, еле полз по морю, — пояснил Тимофей.

— Мог и затонуть.

— Мог, — согласно кивнул головой Тимофей. — Кто не знает жадности купеческой! Беспредельна она. Кормщик тоже хорош. Купец ему дал вдвое больше, он и жабу распустил, ум потерял, согласился корабль перегруженный вести.

— С купцом и кормчим понятно, на заметку их. Ты мне вот что скажи, чего иноземцы хотят? Мне бы заранее их думки знать не мешало... — выяснял Тучков про чужаков.

— Они ждут не дождутся твоего разрешения и нашей помощи в перевалке через волок из

озера Ней-то в Ямбу-то. Разрешим, поможем, как ты смекаешь? — вопросительно посмотрел на воеводу Тимофей.

— Не торопи меня,— сурово ответил воевода. — Я с каждым из них беседовать отдельно буду, каждому дам задание, а уж тогда посмотрим. Ты что, уже предварительно столкнулся о волюке с ними? Так, нет?

— Так, — виновато склонил голову Тимофей.

— Наперёд батьки в пекло лезешь. Кто просил?! — рявкнул Тучков. — Ты давай не своевольничай. Начальник один здесь, он царём поставлен. Давай отбой, — хлопнул его тяжело по плечу Афанасий, Тимоха аж присел. — Ну-ка, пошли обратно в шатёр. Ты вот что, Тимофей... — не мог простить своеволия Афанасий, добавил строго, войдя в юрту: — Ты хоть и друг мой, но впредь такого не допускай. На корабле капитан один. Ясно?

— Ясно, господин воевода. Впредь не повторится. Я ведь не знал о твоих планах и предполагал, что вы ещё не скоро придёте. Только в твоё отсутствие и позволил...

— Ладно, замнём, — смягчился воевода и продолжил расспросы: — Какие ещё новости из Тобольска или больше нет ничего?

— Не знаю, заинтересует ли тебя, но перед самым нашим походом стало известно, что в Тобольск сослана княгиня знатного рода Марья Ивановна Хлопова. Княжну до того обручили с Михаилом Романовым. Всё вроде шло пугём, и вдруг подписали указ о её высылке в Сибирь, в далёкий Тобольск. Вместе с нею подверглись выселению и её родственники.

— Чем же она провинилась? — дивился Афанасий. — Не соблудила девичью честь?

— Нет, с этим строго. Занедужила она. Не беременела, — негромко ответил Тимофей.

— Причина серьёзная... — покачал головой Тучков. — Царю нужны наследники, причём здоровые. На кого же теперь опустилась милость божья?

— Говорят, на княжну Долгорукову, вроде как сам царь на неё свой взор оборотил. И ещё одна неприятная новость есть. Говорить, не говорить? — замялся Тимофей.

Афанасий сурово зыркнул на него:

— Я тебе что, красна девица, вопить от неприятности начну? Ну, что за неприятность?

— Жив якобы Воронёнок — сын Марины Мнишек...

— Да полно тебе, его же принародно казнили, — не дал договорить Тимофею воевода.

— Говорят-де, другого казнили, а его успели спрятать, — развел руками тот. — Скрывался у днепровских казаков. Сейчас якобы живёт в Бресте при монастыре иезуитов.

— Враки! — рявкнул Тучков. — Не верю! Любит наш народ распускать слухи и сам в эти слухи верить. Что ещё говорят, пишут?

— Вот ещё новость, это уже хорошая и достоверная. Филарет вернулся из польского плена.

— О-о! — протянул Афанасий. — Вот это действительно новость так новость. С неё и надо было начинать. А наша матушка-кормилица где? Как поживает?

— Матушка опять в монастырь ушла, теперь есть кому сына направлять, оберегать.

— Храни её Господь! — троекратно перекрестился Афанасий. — Теперь в нашем государстве всё по-другому пойдёт. Как-то на наших делах это отразится? Неизвестно ещё.

— Нам-то что из того? — развел руками подошедший к говорящим Фёдор. — До Бога — высоко, до Москвы — далеко.

— Экий ты недалёкий. Вот прикажу плетей насыпать, будешь знать, как языком сорить. Филарет в кознях, заговорах силён, что касается дел государственных, то тут ещё посмотреть надо. Возьмёт и вообразит, что мы зря деньги на канал тратим, и прихлопнут наше дело в один присест. То-то! А ты: что нам до него. Ладно, будем надеяться на лучшее. Что у тебя ещё? Давай быстрее всё выкладывай. Мы просеивать будем, отделять зёрна от плевел.

— У меня... У самого есть кое-чего, — замялся Фёдор. — Я это... Не знаю, как сказать. Ну, словом, жениться хочу, — наконец выпалил он.

— Жениться — дело доброе. Жениться не напасть, как бы самому не пропасть. Женись, коли хошь. Что же тут плохого?! И на свадьбу не забудь позвать.

— Так и зову. Будьте посаженным отцом, господин воевода, — попросил Фёдор.

— Обожди, жених, — умерил пыл Тучков. — Ты что этим сказать хочешь, свадьба здесь намечена, стало быть, и невеста здесь? Здесь, значит, и жить собираетесь?

— Так точно, господин воевода. Здесь, — снова опустил голову Фёдор, будто стесняясь.

— Вот это «добрая» новость, — от недоумения Тучков округлил глаза. — Ну, «угодил». Ты что, детинушка, опупел вконец? Мы здесь сами пока никто, ни кола ни двора у нас. Известно, что завтра с нами станется, места необжитые, неизвестные: жилья нет, замёрзнем в снегах, от цинги перемерём либо чужеземцы местных подговорят, объединятся и нас перебьют. Живём словно на пороховой бочке. Неуж ты нюх потерял, не чуешь, что мы в чужом краю? Я не думал, что мой самый близкий помощник такой простофиля, — разочарованно проговорил Афанасий. — Так вот слушай, данной мне властью приказываю: никаких баб, никаких невест до тех пор, пока не поставим острожек на Зелёной, пока канал не выроем. Пойми меня, Фёдор, верно: пока сами не обустроимся, не обживёмся — никаких семей, никаких женщин здесь не должно жить. Словом, обвенчаются, и мы её попутным кочем — в Архангельск, вместе с девкой из братства сихиртя, что нам их вождь всучил или подарил, что правильной — бог знает. Я не ведал, как её, куда пристроить, уже хотел на Ивашке женить. А тут ты со своей кралей поспел. Пускай твоя невеста её в Архангельск везёт, пригляд за ней там устроит. Денег им на жизнь дадим, не обидим. А, Фёдор? Я тебе не рассказывал, девка-то под землёй жила, дикая, нашей жизни совершенно не знает. Она-то тут ни при чём. У них, у сихиртя-то, всё племя так, под землёй полжизни проводят, в норах, в пещерах живут. Вылазят на рыбалку да на охоту, воздухом свежим подышать. Я тебе на досуге подробно об них расскажу. Насчёт женщин, согласишься, так лучше, как я велю.

Фёдор молчал, понимая, что Тучков прав.

3. Каналу — быть!

Уже на следующий день снарядили отряд для разведки водораздела между озёрами Ней-то и Ямбу-то, чтобы изучить рельеф местности и грунт на месте существующего волока. Задача, поставленная воеводой Тучковым, состояла в том, чтобы предельно рельеф-

но и поглубинно изучить и разметить на местности трассу будущего канала. Также проложить её по наиболее короткому и наименее трудоёмкому для рытья пути, что значило задействовать для канала такие участки и места, как русла заросших рек, ручьёв, стариц, озёр, где либо нет мерзлоты, либо она находится в вялом, легко разрабатываемом состоянии.

Отряд не мешкая ушёл на задание под командованием Фёдора Устюгова — опытного бродяги, путешественника. Фёдору в помощники дали самого башковитого кормчего Ивана Иванова, который умел читать и рисовать морские карты, маршруты морских путей, береговых отмелей, схемы вновь открытых земель. Фёдору также выделили двух замерщиков — землекопов, для отбора грунта по оси и глубине канала. Описанием и определением вида грунта занялся сам Фёдор, который, будучи в Обдорске, занимался такими делами при закладке фундаментов церквей. К отряду приписали двух лошадей с конюхом для транспортировки людей и оборудования: рыла, кольев, вешек, реек, кирок, пешней и прочего инструмента. К отряду, кроме того, причислили самоеда с семьёй и упряжкой оленей с двумя нартами: грузовыми и ездовыми. В обязанности самоеда входило ставить и перетаскивать чум для ночлега и отдыха людей, снабжать отряд мясом, рыбой и выполнять прочие хозяйственные работы.

Севиюку поставили другую, не менее важную задачу: снарядить пару боевых кочей, в том числе из оставшихся на Зелёной, и вплотную заняться промыслом моржей, тюленей, малых китов, белых медведей для заготовки жира. В количествах неоговоренных, но существенных, по принципу: чем больше — тем лучше. Как уже говорилось, жир собирались использовать для улучшения горения деревьев при растоплении мерзлоты по трассе канала, ну и для бытовых нужд тоже.

Заварзину, его казакам и стрельцам вменялись в обязанность охрана лагеря и организация гужевого транспорта и оленьих упряжек самоедов для сбора и привоза на трассу канала плавника, леса с берегов рек, речушек, ручьёв, озёр, стариц — словом, со всех доступных мест острова.

Тимофею Глазову поставили задачу переправлять по волоку грузы и корабли, в том числе и иноземные, но за корабли не сразу братья, хотя в Ней-то скопилось их больше некуда.

— Сначала, слышь, Тимоха... — толковал Глазову Афанасий. — Я уже говорил тебе, что буду сначала говорить с каждым купцом в отдельности, каждому давать задание, а уж после его выполнения ты за своё приступай. Что ты на меня вылупися, каждый, невзирая на происхождение, на чин, должен отработать на канале положенное, поскольку каждый опосля будет им пользоваться. Понял?

— Как не понять, — видимо, за ночь хорошо поразмыслив, уже по-другому начал рассуждать Тимоха. — Ты, как всегда, прав, только таким путём мы сможем достичь цели. А то, что задача сложная, трудновыполнимая, дураку понятно.

Тучков по-доброму усмехнулся и хлопнул Тимофея по плечу:

— Молодец, Тимоха, крупно мыслишь. И вот ещё что: Джеймсу Коллинзу, их главному, передай, что его принять не можем. Что путь в Мангазею для него закрыт. Он должен в двадцать четыре часа покинуть остров Ямал и вообще нашу страну. Я уже говорил, что он супротив нашей державы шпионил и занимался подрывной деятельностью, вот и поплатился. Поскольку он в России представлен ещё и как посол, мы его арестовать не можем, а выслать — всегда пожалуйста. Хотя вообще-то его мало на кол посадить, — гневные искорки мелькнули в глазах Тучкова. — Остальных давай сюда в шатёр, и по одному. Ломиться толпой станут — поставь пару здоровых стрельцов на входе, а лучше четверых — с внутренней и внешней стороны шатра для солидности и острастки. Надёжней чтоб.

Спустя время, когда подготовили шатер, первым в него ворвался раскрасневшийся от гнева английский купец третьей гильдии Ившто Бранец

— Как это пониматьф, гасподин воевода! — кричал он. — Намс стало известноф, дошлис разговоры, что нас задержатьс. По какому такому праву-с?

— Намереваюсь и задержу, — твёрдо отчеканил Афанасий. — По праву, данному мне царс-

кой властью, самим государем Михаилом Романовым. Он повелевает каждому, невзирая на сословия, чин и страну обитания, оказывать мне всяческое содействие и помощь при строительстве и прокладывании морского пути из Москвы в Мангазею. Всем: купцам, мореходам, прочим людишкам — придётся отработать на строительстве канала, связывающего три Нейтинских озера: Ней-то, Ямбу-то и Луце-Хавы-то, — спокойно толковал Тучков. — Канал заменит волок, и нам, и вам в дальнейшем не придётся здесь торчать месяцами, ждать, когда вас перетащат. Вы тоже сможете ходить в Мангазею и дальше — в Сибирь не раз в два года, а ежегодно. Понятна выгода? Коль понятна, то вот ваша и других купцов задача: каждому необходимо доставить на берег озера Ней-то два полных судна сухого леса.

Англичанин живо смекнул свою выгоду, но вкладываться в общее дело не спешил. Он картинно вытаращил глаза и развел руками:

— Помилуйте, гасподинс воеводаф, где мы его возьмёмс?

Тучков и бровью не повёл, не теряя равновесия, ответил:

— По берегам рек, озёр, морей полно выброшенного волнами, течением плавника. Оттуда и возьмёте.

Англичанин пытался протестовать.

— Но мы жес стоим с грузомф. Как с ним бытьф? — развел он руками.

Тучков тоже развел руками и обреченно улыбнулся:

— Надо так надо. Разгружайтесь и договаривайтесь с моим помощником Тимофеем Глазовым о его переброске на берег Ямбу-то.

Бранец визгнул, раскраснелся еще больше, на виске его запульсировала жилка.

— А не кажется вам, гасподинс воеводаф, что это произвол! Мы будем жаловаться через своих послоф самому царскому величеству. Вы не имеете правас...

— Имею! — хладнокровно осадил чужака Тучков и развернул на столе свиток. — Вот царская грамота, если моих слов недостаточно. Она подписана самим царём Михаилом Романовым, — подал он свёрнутый в трубку лист. — Ну! Убедился? — через несколько минут спросил Афанасий у купца. — Что же те-

перь — жаловаться царю на царя? — усмехнулся воевода. — Ха-ха! Так всем своим и передай, — тут уж насел на купца Афанасий, не стал больше церемониться: — Тот, кто первым выполнит задание, того вперёд всех и перетащат, тот первым уйдёт в Мангазею. Тот, кто задумает хитрить и уйти проливом около Белого, тот будет схвачен и примерно наказан. Для сведения знайте: пролив заторочен льдом, его пройти сейчас невозможно. Кроме того, в устье Зелёной нами поставлена застава так, что ни один корабль мимо не прошмыгнёт. Остановят и арестуют, и тогда вам мангазейских торгов не видать как своих ушей.

Тучков помедлил с минуту, Бранец переваливал услышанное.

— Всё ли понятно господину негоцианту? — с иронией спросил воевода и сам ответил: — Всё, тогда за работу. И ещё раз прошу: объясните доходчиво своим людям нашу цель. Если же кому-то непонятна она, прошу к нашему шалашу.

И пошла работа, закипела, забурилась стоянка. Афанасий сам во все дела вникал, контролировал, подгонял, торопил, если нужно было, заставлял переделывать. Через две недели маршрут между озёрами под руководством Фёдора был изыскан, начерчен на карте и вынесен на местность. Длина волока оказалась не такой уж и великой (менее четырёх миль), к тому же в середине перешейка, как уже говорилось, расположилось маленькое, достаточно глубокое озеро Луце-Хавы-то. В переводе — «озеро умерших русских». Озеро-то действительно небольшое, с виду спокойное, мирное, но временами как будто кто подменит его: разбуянится, рассвирепеет, начнёт всё, что по его хребту ползает, переворачивать, топить. Так и потопило как-то раз всё тех же ушкуйников — бандитов новгородских, воздав им, видимо, по заслугам. Так вот маршрут протащили через него, что уменьшило объём земляных работ вместе с найденными заросшими руслами рек чуть ли не на четверть. Сразу же, пока зима не нагрянула, растоплять землю начали, жгли деревья, обмазанные жиром, разложенные строго по оси канала, долбили растаявшую мерзлоту пешнями, грузили в тачки и отвозили её, укладывая прямо на берег канала.

Афанасий, как только увидел, что дела наладились, идут бойко и уже не требуют его повседневного вмешательства, переправился вместе с кочами в устье Зелёной, чтобы там тоже взяться за организацию строительства острожка, таможни и посёлка. Зима уже стучалась в двери, прихвачивала морозцем пятки, пора было подумать об устройстве жилья для людей, остающихся с ним на зимовку. Заложили два барака из брёвен, срубили большую конюшню для лошадей, соорудили загон. За загоном поставили несколько стожков сена, рядом же уложили выброшенные волнами копны сена. За загоном, чуть в отдалении, ненцы поставили пять чумов, в которых проживали присланные Тар Ямалом пастухи оленного стада.

Посёлок поставили недалеко от Губы, как раз на высоком мысу меж Зелёной и самой Губой. Выбор делал Севрюк, его слушали, поскольку дело касалось жизни кораблей, а корабли для мореходов — как небо для земли. «Корабли, — говорил со знанием дела он, — должны находиться рядом с острожком, на виду у поселенцев». Севрюка в этом отношении прежде всего занимала пристань, её удобства и наилучшие условия причаливания и стоянки кораблей. Он излазил местность вдоль и поперёк и установил, что при впадении реки в Губу есть обширная отмель, заливаемая водой при приливе. Отмель подходила по всем параметрам, она сбивала большую волну при шторме, тем самым оберегая суда при стоянке, корабли в эту отмель легко из реки вытаскивались, а по весне при высокой воде кочи самостоятельно сползли бы в русло реки, а там и в море — в Губу. Стрелецкую заставу расположили рядом с пристанью, вокруг высокого холма, господствующего над округой. На вершине холма монахи, посоветовавшись с Афанасием, решили заложить часовню. Сначала, однако, поставили всё-таки таможню, к ней несколько жилых домов, амбаров и дом — контору для воеводы, таможенников и писцов. Здесь же собирались на утреннюю разнарядку все жители заставы — острожка.

Ближе к ледоставу решили, пока не поздно, сходить в Мангазею. Требовалось заключить договор с обоими воеводами о содействии в

начинаниях мореходов и оказании помощи в строительстве канала меж озёрами. В Мангазее, в быстро и мощно развивающемся граде, как уже сообщалось, было два воеводы. Один командовал городом, другой уездом. Поход в Мангазею также необходим стал для пополнения жизненно важными продуктами на зиму — такими как соль, мука, сахар.

Вышли на двух кочах рано поутру, шли на полных парусах и попутном ветре и уже к полудню пятого дня достигли Тазовской Губы («Тасу-Ям» по-ненецки). Поднялись вверх по Губе, и к вечеру следующего дня на высоком мысу, меж рек Осетровка и Таз, перед мореходами предстала златокипящая Мангазея во всём своём великолепии. В великом граде выделялся своей мощью и основательностью прежде всего кремль, прямоугольником опоясывающий поселение, состоящий из прочной крепостной стены шириной в полторы сажени и высотой в две, сложенной из заострённых вертикальных брёвен. По углам, как и положено, — деревянные из лиственницы четыре башни: Спасская, Успенская, Зубцовская и Давыдовская. В центре кремля выделялись своей красотой и степенностью Троицкий собор и церковь Успенья Божьей Матери, выложенные из красного кирпича. На стенах кремля — вооружённая до зубов охрана из стрельцов. В их арсенале, кроме сабель, мушкетов, пищали — пушки, находящиеся в нижних ярусах бойниц, не менее двадцати штук, из них четыре больших, стреляющих колотым дробом. Кроме того, в арсенале есть и самая большая на то время бомбическая пушка. Ни один губернский город не мог похвастать таким мощным вооружением. Град ломился богатствами, особенно пушной рухлядью, стекающей сюда не только с Ямала, но и со всей восточной Сибири. Было чего охранять и беречь мангазейцам!..

Зашли в устье и, спросив разрешения, причалились. Афанасий, дав наказ своим помощникам отыскать и закупить у местных купцов необходимые съестные запасы, инструменты и прочую мелочёвку, сам вместе с Севрюком поспешил к городскому воеводе, архистратигу Григорию Кокареву. Расспрашивать, где он обосновался, не приходилось, Афанасий по

прошлым посещениям и житию в златокипящей знал, где проживает главнокомандующий на Мангазее. Хоромы Кокарева издали радовали глаз — пятистенный двухэтажный дом, срубленный из толстых брёвен лиственницы, кряжист и основателен. Диковинные узоры из зверей, птиц, вырезанные на ставнях, ветровых досках, на облицовках массивных дверей, придавали ему весёлости и сказочности.

— Смотри, не иначе как творец Григорий-то, — махнул рукой на узоры Севрюк.

— Сейчас увидим, кто есть кто, — охладил его пыл Тучков. — Я смотрю, он без охраны живёт, никто нас не останавливает, не встречает со взведённым мушкетом.

Поднялись на крыльцо, постучали, вошли в прихожую, а из неё сразу в gridницу⁵, не успели порог переступить, а Григорий с раскинутыми руками уже тут как тут.

— Здравы будьте, гости дорогие. Милости прошу Афанасия Никитича и тебя, Василий, к нашему столу, — указал на длинный, заставленный яствами, вином стол. — Чем богаты, тем и рады.

— Премного благодарны, — не стал отнекиваться Афанасий от приглашения, повернулся к образам Христа Спасителя и святителя Николая, архиепископа, покровителя мореплавателей, перекрестился троекратно, прочёл шёпотом молитву во славу Николая Чудотворца: «О святителю Христов Николае! Услыши нас, грешных раб Божьих, молящихся Тебе, и моли о нас недостойных Создателя нашего и Владыку. Избави нас угодниче Христов от зол, укроти от страстей и бед. Да не обмет нас напасть и не погрязнем в пучине греховней. Душам же нашим дай спасение и волею милость ныне и присно, и во веки веков. Аминь!» — прочитал и не спеша уселся за стол, как раз напротив хозяина. Севрюк, перекрестившись, тоже, но более кратко и более склоняясь к мору, прочёл ту же молитву и сел рядом.

Хозяин поднял ендову, сказал: «За приезд» и выпил, не церемонясь, чашу до дна. Гости только слегка отхлебнули сладкого фряжского вина. Закусили, и Кокарев предложил по второй, но Афанасий положил руку на чашу и отрубил:

— Извини, Григорий, но мы к тебе не гулять

пришли, а по важному делу. Сначала оно, а потом уже, ближе к вечеру, если всё уладится, можно и позволить.

— Коли так, тогда не настаиваю, — не стал уговаривать гостей Григорий. Отодвинул чашу, спросил. — Ну, так что привело вас ко мне? Слушаю внимательно, гости дорогие.

— Прежде чем о деле говорить, — начал не торопяся Афанасий, — спрошу, дошёл ли до вас царский указ о строительстве канала на месте волока на полуострове Ямал, остро необходимого при походах судов из Холмогор в вашу Мангазею. С одной целью — оживления торговли, увеличения оборота товаров и доставки их, особенно пушной рухляди, в стольный град Москву.

— Ходил об том слух, но самого указа мы не видели, — уклончиво ответил Григорий.

— Вот она, грамота. С собой возим, читай, — подал ему свёрнутый в трубку толстый лист жёлтой бумаги Афанасий.

Григорий бережно взял грамоту, развернул и углубился в чтение. Прочёл, свернул аккуратно и подал обратно Афанасию.

— Всё ли прочёл, воевода? — удостоверился Афанасий. — Надеюсь, из прочитанного ясно, что нашему начинанию надлежит оказывать всяческое содействие и помощь.

— Уж куда ясней. Самим ведь царём заверенная и печать царская... Что же, раз надо, будем помогать и оказывать... Увеличение оборота ведь и нашему граду польза. Ещё больше богатеет, расцветёт...

— Что же, мы весьма довольны переговорами, не пришлось тратить время зря, убеждать, уговаривать. Сейчас зима на носу, больших работ не предвидится. Дайте нам пяток человек плотников для строительства острожка и посёлка в устье Зелёной, доски, какая есть, какой надобно. Вот помощник мой, кормщик Василий Севрюк, у него всё посчитано. А уж по весне, когда тепло придёт, нужны будут люди, много людей с лошадьми, обозами, рылами, носилками, пешнями, палатками. Будем всем миром канал копать, строить.

— Сколько людей? Ты пойми, воевода, я не могу город оголеть... — осторожничал Кокарев.

— И не надо, — успокоил Афанасий. — Во-

первых, нам только мужики надобны, и то те, что покрепче, поздоровей. Землю рыть, причём мёрзлую, сила, упорство, крепость духа нужны. Предлагаю не очень затратный для тебя и приемлемый для обеих сторон вариант, — подмигнул Тучков. — Беглые же есть у тебя, они огонь и воду прошли. Ты их пригрел, вправе не выдавать закону, вот и пускай твою доброту отрабатывают. Так как?

Кокарев вздохнул с облегчением и улыбнулся:

— Это можно. У меня беглых уже через край, до полсотни наберётся. Отправлю их всех к тебе, пускай отрабатывают — граду, тебе послужат.

— Значит, договорились? — обрадовался Тучков, что дело складывается гладко.

— Мы-то договорились, а как насчёт второго воеводы... — замылся Кокарев. — Он у нас капризный. Был у него, не был? — испытующе взглянул на Афанасия. — Он, если что не по нему, быстро в Москву жалобу сочинит. Притесняют, мол, от дел, царским повелением порученных, отрывают. Пригород строить не дают. И прочее наговорное, что не возрадуешься.

Тучков мотал на ус, запоминал все, что может пригодиться для переговоров со вторым мангазейским воеводой.

— Ясно, спасибо, что предупредил, — поблагодарил он. — Осторожнее будем. У него ещё не были. Сначала к тебе, по старшинству, так сказать. Сейчас вот прямо от тебя и пойдём. Посошок только на дорогу примем и отправимся. Посмотрим, что он ответит.

Выпили мужики на посошок, закусили славно и поднялись уходить.

— Вы там, как разговор закончите, в баньку приходите. Я с утра велел натопить. Попаримся всласть, у меня банька духовая, пар лёгкий, — уже на пороге сказал Кокарев.

— Спасибо за приглашение, — сердечно поблагодарил Афанасий. — Не знаю, сможем ли, дел много, а мы торопимся назад в свой острожек, на Зелёную. Уж не обессудь...

На том раскланялись и отправились к дому воеводы Мангазейского уезда, в посадскую часть града, к Василию Кикину. Хоромы воеводы Кикина немного поплоче, чем у Кокарева, оказались. И хотя дом, как княжеский терем, смотрелся красочно, броско, но был

срублен по старому образцу так, как уже давно не строили. Грідницы, комнатушки — одна другой меньше, как клетушки, прямо лепились друг на дружку. Окна в них тоже маленькие, затянутые слюдой, двери низкие, каждый входящий, даже малого роста, должен кланяться, голову чуть ли не под пазуху прятать. Иначе шишек на лбу наставить мог, а то и саму башку расколошматить.

Не успели мужики войти во двор, а Василий с женой и дочерьми уже навстречу гостям катят, с крыльца полным выводком поспешают. Как-то же вызнал хитрюга уездный воевода, что большие гости из Москвы к нему направляются. Впрочем, чему удивляться, град-то хоть и богатый, знатный, но не такой уж и большой, новости быстрее дум разносились. Жена Василия, дородная баба, подбородок тройной, глазки маленькие — щелочки набрякли жиром, телом как колода, обширна, росту великаньего — на голову мужа перепрыгнула. Несла в пухлых белых ручках на вышитом домотканом полотнище каравай хлеба. Сам Василий, мужик шуплый, рябой, с бородавкой на левом глазу, какой-то неказистый, поднес чашу с солью. Девки все в мать: красномордые, одна другой обширнее, что сиськи, что бёдра, что талия — всё одного размера, что поставишь, что положишь — одинаково, несли графин с вином и ендовами.

«Как они в доме таком крохотном помещаются? Подрастут, заматеруют и развалят курятник свой», — про себя со смешком подумал Севрюк.

— Здрaвы будьте, гости дорогие, — низко поклонился Василий Кикин, бородой землю подмёл и елеиным голосом предложил: — Отведайте нашего хлебца с солюю, не побрезгуйте. Примите вина чашу — и прошу в дом. Стол накрыт, угощение ждёт дорогих москвитов.

Гости от хлеба не отказались, отломил каждый по куску, солюю посыпали, в рот бережно положили, чинно сжевали. Оказался ничего хлебец — вкусён, запашист — умели, видать, мангазейские хлебопеки замешивать, не хуже московского выпекали. Взяли из рук румяных девиц и по чаше вина, но пить не стали, пригубили только. Склонив, чтоб не разбить, низко

головы, зашли в дом. Темно, свет едва пробивался из маленьких окон. Свечи не горели. Видать, экономили. С трудом осмотрелись, увидели в переднем правом углу иконы, перекрестились, пожелали мира дому сему.

— Прощу к столу, — тем же елеиным голосом пригласил хозяин. — Чем богаты, тем и рады.

Рады-то, видать, не очень были. Стол оказался накрыт намного скромнее, чем у городского воеводы. Афанасий до похода ещё вызнал, как, за счёт чего живут мангазейские воеводы. Кикин-то, по собранным сведениям, намного богаче Кокарева стоял, поскольку его мытари собирали подати не только с вверенного ему посада, но и со всего уезда. Тут и ненцы, и селькупы, и манси, и другой местный люд. Все в его суму пушное золото несли. Конечно, он не всё себе забирал, только где-то седьмую часть, остальное отправлял в Москву. Ну а кто считал, сколько он брал сверх подати? Никто. На столе стояло всего две штофы вина, квас в жбане, в центре прямо в чугуне дымилась каша, рядом в большой чаше стояли огурцы солёные и тот же каравай, от которого при встрече гости отщипывали. И всё! Как в худом крестьянском доме.

«Прижимист, выходит, воевода-то, — мысленно подытожили враз гости. — Знать, и помощь зажимать будет. Начнёт отбояриваться, уклоняться».

Кикин разлил вино в енды и предложил выпить за приезд, за здоровье гостей.

«Мягко стелет, да не пришлось бы жёстко спать», — подумал Севрюк.

Выпили мужики, закусили. Кикин больше не предлагал, вероятно считал, что и этого достаточно и так много чего вывалил, богато встретил. Он, Кикин-то, не только зажимистым слыл, он, как и его хоромы, за старое ратовал, старым жил, считал его надёжным, проверенным. Ретроградом был, новое почти не принимал. Считал любителей нововведений выскочками, болтунами, что это от нечистого, что от новшеств одно беспокойство, провалы, обрушения, ненужные заботы, хлопоты, которые неизвестно ещё каким боком вылезут.

Вот и сейчас ещё гости не успели рта раскрыть, сказать, зачем пришли, а он уже их просьбы изготовился в штыки принять. То,

что они пришли просить, он не сомневался, соглядатаи, прихлебатели везде имелись, донесли, что москвиты к Кокареву за помощью ходили и много чего выпросили.

— С чем пожаловали, гости дорогие? — не утерпел, начал первый, не дождавшись вопросов, Кикин.

— Мы, господин воевода, пришли с огромной просьбой по оказанию помощи в строительстве канала на полуострове Ямал, на месте сухопутного волока. Для улучшения и ускорения морских походов из Москвы в вашу Мангазею. Канал выроем, в два раза поток груза увеличится. Будет весомая выгода граду и посадским, — почти слово в слово повторил сказанное у городского воеводы Афанасий.

— И в чём же просьба? — сошла приветливость, нашла тень на лицо уездного воеводы.

— Нам прежде всего нужны люди канал рыть, лошади, инструмент и материал строительный, — перечислял Тучков.

— Помилуйте, господа, где я всё это возьму?! — чуть ли не плаксиво воскликнул Кикин. — Всё в руках городского воеводы. У него людей пропасть, а у меня что? Ничего.

— Как это «где»?! Как это «ничего»? — нажал на голос Афанасий. — В вашем подчинении посадские и весь уезд.

Хитрый мангазейский воевода мигом отмахнулся:

— Посадских-то людишек раз-два и обчёлся, к тому же все на важных работах заняты — таких, что не оторвёшь. Кто коров пасёт, кто лошадей, кто строительство к зиме заканчивает. Снимешь, не закончишь, под открытым небом люди останутся. Что касается местных, коренных, то их всего-то с гулькин нос, их ещё пойди найди, они же кочевники, сегодня здесь, завтра там...

— Та-а-ак!.. — растянул Афанасий. — Вы что, не хотите помогать общему делу?.. — покрепче нажал на голос Афанасий, вперившись глазами в Кикина. — Вы что, о развитии града, пригорода не заботитесь? Я же сказал, что товарооборот возрастет, град ещё больше забогатеет. Стремительно развиваться начнёт. Вам этого мало?! — поднял брови Тучков.

— Возрастет-то возрастет, — поначалу замямлил, чуть отступая, Кикин, — но вместе с

этим и беспорядков, преступлений больше станет. Народу понаедет немерено. Куда всех девать? Свободного жилья нет, будут по задворкам, по кабакам шастать, добрых людей грабить, убивать. Пойдут грабежи, воровство, насилие. Нам это нужно? Жили тихо, мирно, а тут бардак начнётся, полный сумбур. Закрывай глаза и беги. Нет, не нужно нам такого, — вновь уперся воевода.

— Значит, не хотите по доброй воле? Что же, придётся по-другому. Не хотел я силой вас понуждать, да придётся, видимо. Вот грамота, — с вызовом выложил на стол Тучков бумажный свиток, — в ней чёрным по белому — царский указ об оказании всем и каждому в нашем деле помощи. Читайте!

Кикин взял дрожащими руками, со страхом, благоговейно царскую грамоту и принялся за прочтение. Прочёл, помрачнел и едва слышно прошептал: «Убили, задушили!».

— Так вот, господин Кикин, — грозно начал Афанасий, — данным мне царской властью правом обязываю сегодня же нам выделить трёх хороших плотников для строительства острожка на Зелёной, дать древесины в количестве, указанном моим помощником, — показал рукой на Севрюка Тучков и уже совсем жёстко добавил: — По весне же — выделить и прислать на земляные работы пятьдесят человек с лошадьми, обозами, инструментом, каким — тоже укажет мой помощник. Всё ясно?

— Ясно, — прошептал испуганный Кикин и не слышно для гостей прошипел: — Чтоб вам пусто было, чтоб вы все провалились в тартары. Кровопийцы!

— И помни: невыполнение царского указа грозит потерей хлебного, насиженного места и должности, естественно. Я лично всё проверю и сообщу об исполнении в Москву. Засим прощаюсь, — Тучков повернулся к Сердюку, приказал: — Василий, я на корабль, а ты задержись, доведи дело до конца.

На том и покинул дом прижимистого хитрого мангазейского воеводы Кикина Афанасий Тучков.

Буквально через два дня, поскольку зима уже не стучалась, а сыпала снегом, решив большинство вопросов и затоварившись про-

дуктами на зиму, погрузив выделенных плотников и материал на кочи, вышли из Мангазеи и двинулись на всех парусах к своей пристани, в устье Зелёной на зимовку.

Пристали к причалу в своём острожке, названном по подобию реки «Зелёным», как раз вовремя, в конце пути уже приходилось крошить лёд носом кораблей и даже помогать баграми. По прибытии кочи разгрузили, вытащили по указанию Севрюка на плёс и подготовили к зимнему хранению.

Как только пришла зима, землю закрыл первый снег, ударили первые морозы. Афанасий, убедившись, что строительство острожка идёт задуманным ходом, собрался, оставив за себя Тимофея Глазова, в поездку в губернский град Тобольск, к брату Бажену, не столько к нему, сколько к своей ненаглядной Аглафере — красной девице. Выручать её требовалось, как упреждал его Фёдор. Сердцем чуял, что дольше тянуть было нельзя, если хотел любовь и невесту будущую сберечь. Для того, был уверен Афанасий, придётся все же хозяйку, своенравную Ульяну, жену брата, хоть и не хотелось, а ставить на место.

Ехать собрался на оленях с каюром — самоёдом, выздоровевшим Тэмзу Наречи, взял с собой ещё паренька Ивашку. Куда же без него! Как-никак Афанасия воспитанник. Поскольку путь был не близок, Тэмзу Наречи запряг на нарту сразу четырёх оленей. Кроме того, взял с собой ещё четырёх запасных, быстрых на ногу быков для смены запряжённых. До Обдорска по Мангазейскому морю (Обской губе) доехали без приключений, здесь отдохнули, переночевали у знакомых Тимофея Глазова и дальше — по Оби, по Тоболу — в Тобольск. Недели за три доехали, могли бы раньше, но по дороге охотились, рыбачили, давали отдых оленям. Свежее мясо и рыба всегда вкуснее копчёного, вяленого.

Сразу — в дом брата, тот и рот раскрыл — никак не чаял, не ожидал, что такое счастье на голову свалится. Обнялись, расцеловались, старшой без обиняков и в первую очередь спрашивает:

— Ну, говори, что там с невестой моей Аглаферой, как она? — и замер, напрягся в ожидании неприятных, убийственных для него слов.

— С Аглаферой-то? — замялся брат. — Видишь ли, Ульяна моя меня не слушает, взбесилась в последнее время совсем, мужика ей нашла. Под венец её погнала.

— Что-о?! — взревел Афанасий, его лицо побагровело, глаза метали молнии. — Когда, в какой! Ну, говори, слизняк! Не мог девку защитить!

— Сегодня... Перед твоим приездом, только что ушли. Я сам туда собирался. Без меня не должны начать, — неуверенно мямлил Бажен.

— А ну, веди, да быстреей давай! — Афанасий вытолкал брата взащей за порог, не дав и шубу надеть.

Ворвался Тучков в церковь, словно зверь разъярённый, зыркнул гневно глазами туда-сюда и в полутьме разглядел свою желанную Аглаферушку — заплаканную, убитую горем, с каким-то пришибленным мужичонкой. Их уже к алтарю вели, венчать собирались. Торопилась, видать, Ульяна, сердцем чувствовала, что-то наперекор её желанию произойдёт. Она почему такое гнусное дело затеяла — да из-за любви всё, из-за неё, треклятой. Как только Афанасий появился в их семье, она сразу и вторилась, позже из-за неразделённых чувств сохнуть начала, влюбилась-то по уши, считала, что судьба обделила её, сыграла злую шутку, за Бажена, робкого, хлипкого, как ей казалось, выдала. Жила с ношей такой непосильной и не знала, как отыграться, чем унять бушующее остервенелое пламя в груди. Тут Бажен ещё взял и поделился с ней насчёт Аглаферы, хотел-то союзницу найти, а нарвался на ярую противницу — врага.

Афанасий же, не мешкая, резко подошёл к алтарю, взял Аглаферу твёрдо за руку и, бросив: «Идём отсюда!», повёл её к выходу. На ходу притормозил, остановился около Ульяны, стоявшей сбоку от обручаемых, высыпал пригоршню серебра ей за пазуху и злобно отчеканил тоном, не терпящим возражений:

— Это тебе, родственница, выкуп за девку сенную. Забудь о ней!

В тот же день, навестив губернского воеводу и поблагодарив его за оказанную помощь, выехали аргием обратно. До Обдорска доехали быстро, там, помня свои слова, что в посёлке «Зелёном» баб, пока не обустроятся, не будет,

у знакомых Тимофея Глазова оставил свою возлюбленную, на прощание сказав:

— Ближе к весне приеду свататься. Жди. Пока извини. Дел в острожке полно — государственных, важных. Их не отложишь.

Два года, два лета канал строили и лишь глубокой осенью второго года закончили. В зиму же второго заканчивали строительство острожка на Зелёной: поставили церковь небольшую деревянную, таможду расширили, складов, амбаров прибавили, крепостную стену из заострённых брёвен по периметру плотно наставили. Невелика защита, но с наскоку не возьмёшь. По весне, как только лёд сошёл, теперь уже по своему каналу отправился отряд Афанасия в обратный путь, сначала на Холмогоры, а потом уже в стольный град Москву с докладом к царскому двору о выполненном задании.

Афанасий стоял на среднем коче, широко, прочно расставив ноги, вместе со своей женой, лебёдушкой Аглаферой, и с некоторой тревогой смотрел вдаль, в бурлящее водой рукотворное русло канала. Его беспокоило, пройдут ли средние, нагруженные под завязку кочи по каналу, хватит ли отрытой ими глубины. Ведь Тар Ямал вместе с Сэру Ирику предсказали, что по каналу будут ходить только малые и

средние лодки. Слава Господу и святителю Николаю, защитнику мореходов — караван кочей, нагруженный пушной рухлядью, рыбой, мясом оленьим, клыками моржовыми, под командованием воеводы архангельского благополучно, не зацепив дно, прошёл по каналу, названному строителями за глаза воеводы каналом имени Тучкова, а самоедами — «самодельной рекой воеводы Фанасия».

Примечания

- 1 Еся нюня — гагара (*ненецк.*)
- 2 Ровдуга — замша из оленьей или лосиной кожи.
- 3 Кисы — зимняя обувь на Севере, сшитая из лап оленя.
- 4 Магазея — амбар, магазин.
- 5 Гридница — большой зал в княжеском доме для дружинников.



Юрий Михайлович БЛИНОВ

родился на Урале в 1946 году.

Окончил политехнический институт и аспирантуру в Твери.

В литературе более 30 лет.

Публиковался в журналах, альманахах, сборниках, газетах:

«Юность», «Урал», «Сибирские огни» и многих других.

Издal двенадцать книг: «Изгой» под номерами 1, 2, 3, «Сын хозяина»,

«Древние мужи Ямала», дилогию «Дороги Чубарова»,

«Медвежий след», «Лесные вольные», «Охолонь»,

в том числе книги на польском и итальянском языках.

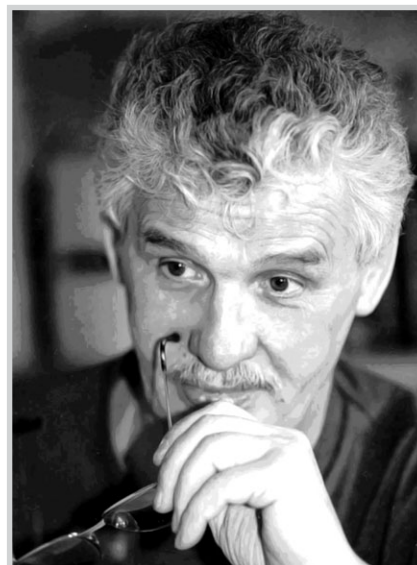
Член Союза писателей России,

член Союза писателей Москвы.

Лауреат премии имени В. Катаева 2002 г.,

имени А. М. Горького 2007 г.

Живёт в Москве, активно работает.



Наталья Александровна ЛУККАРЕВА

родилась в Петрозаводске.

Окончила медицинский факультет ПетрГУ.

*Работала врачом в Кондопоге,
в Больнице скорой медицинской помощи в Петрозаводске.*

С 1982 г. работает преподавателем

и заведует методическим кабинетом

Петрозаводского базового медицинского колледжа.

Автор сборника стихов «Незабудки» (2012).

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Наталья
ЛУККАРЕВА**
г. Петрозаводск



*«Солнце слепило,
мороз согревал...»*

КРАСКИ ПРИРОДЫ

Осень меняет краски природы,
Снова несет сюрпризы погоды,
Радугу леса, палитру дождей
И череду пестро вытканых дней.

Злато и медь — на зеленой листве,
Каплями крови — клюква в траве.
Гриб под ногами рыжеет лисой,
Озеро сизой рябит полосой.

Дымкой туманной сереют поля,
Ржавчиной где-то покрылась земля.
Тучи стальные по небу клинком,
Солнца лучи словно спрятались в нем.

Что за художник пейзажи творит?
Кто грустное чувство боготворит?
Краски природы меняет осень.
Может, об этом мы ее спросим?

ВАЛЕНКИ

Помнишь, как в юности в санках катались,
Валенки где-то в сугробе остались.
Нес на себе ты босую меня,
Я обнимала тебя, как коня.
Снежные звезды летели с небес,
Нас околдовывал сказочный лес.
Солнце слепило, мороз согревал,
Там ты впервые меня целовал.
Валенки те износились давно,
В прошлом остались, как в старом кино.
Помню тот лес, вспоминаю тебя,
Если вдруг мерзну среди жаркого дня.

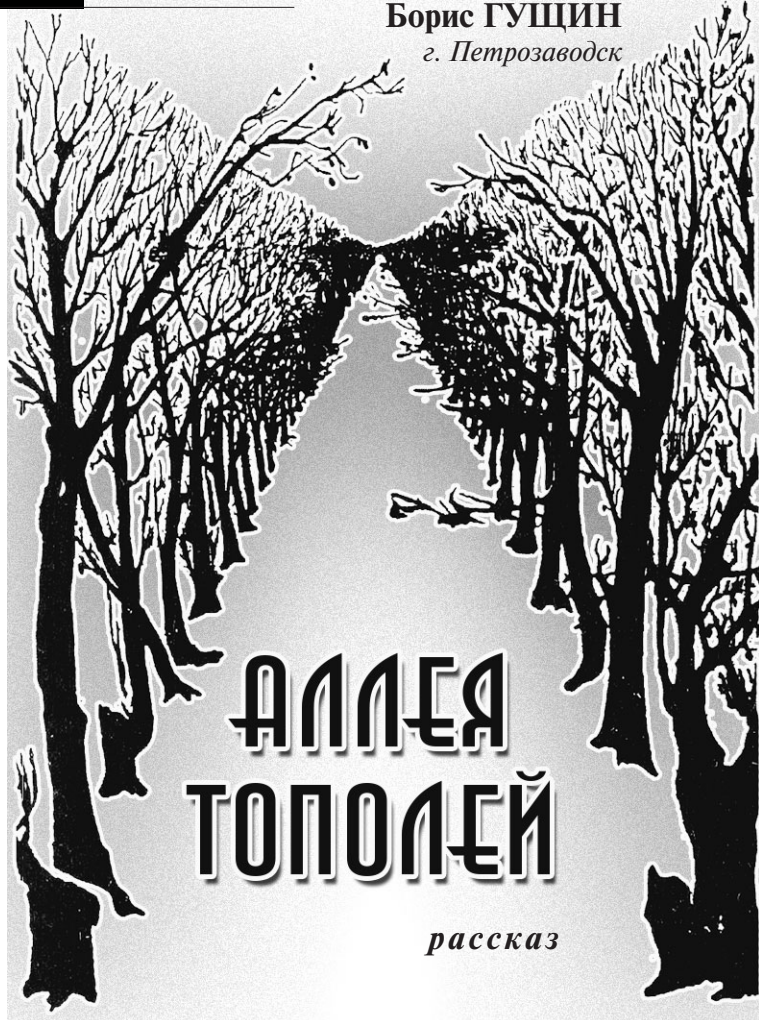
От редакции

*2014 год – год 300-летия Кижской
Преображенской церкви.
В связи с этим событием редакция
журнала «Север»
решила предоставить
свои страницы пишущим
сотрудникам музея «Кижы».
Остров, без сомнения, навевает
на многих живущих там
творческое вдохновение.
Два года работы в Кижях дали
основные темы для творчества
известному карельскому писателю
Виктору Пулькину.
Именно в Кижях жили
поэт и художник Алексей Авдышев
с супругой Валентиной Авдышевой
и прозаик,
бывший главный редактор «Севера»
Станислав Панкратов.
Творческая одарённость
присуща многим кижанам.
Но о чём бы они ни писали –
о Москве или Париже –
их на это вдохновил
остров Кижы,
остров великих былинников
Трофима Рябинина
и Василия Щеголёнка.*



Борис ГУЩИН

г. Петрозаводск



АЛЛЕЯ ТОПОЛЕЙ

рассказ

Ты что, совсем уже?! На поминках не чокаются! Конечно же, и я рада тебя видеть, но как-то всё это не к месту и не вовремя... Со слезами на глазах. Причём слёз-то, Венечка, гораздо больше, чем всего остального. Сорок лет почти прошло после окончания института. Нинка первая из нас ушла. Впрочем... Может, и не первая. Мы с тобой не всё про всех знаем. Ты же на встречи выпускников не ходишь. Вот и я тоже. Всего-то была на одной, наверное, на первой из шести. Если бы не Нинкины похороны, то, мне кажется, Веник, мы никогда бы не увиделись... Конечно, тебе-то все равно, а мне... Хочешь скажу, почему не ходишь на эти наши сборища? Хочешь?.. А я всё равно скажу... Ты боишься встретиться с Викой... Успокойся. Она ни разу не приезжала... А я почему?.. Потому что назы-

вается на «у»... И никогда не догадываешься. Потому что ты никогда меня не замечал, хотя мы иногда и бывали в компании вместе с тобой. Мы же с твоей распрекрасной Викторией подругами считались. Только у меня, в отличие от неё, всегда была и есть совесть. Я на тебя, сволочь такую женатую, и глянуть боялась, хотя, повторюсь, иногда очень мило мы по кафешкам, помнишь, болтались...

Ладно, Нина, пусть земля тебе будет пухом... Ты ведь тоже с нами бывала постоянно. Наша комната была на троих...

Прямо уж и засмеяться нельзя. Да кто знает в этом полупустом кафе, что у нас не свидание двух, так скажем, не очень молодых людей, а поминки. Чего засмеялась?.. Вспомнила, что Вика часто называла тебя «старый, толстый, лысый Веник», хотя был ты тогда молод, строен и кудряв. Извини. Не могла удержаться. Вот бы сейчас Вика тебя увидела. Ухохотка. Ладно. Не обижайся. Да... Красивая пара была у вас. Помнишь, как вы заявились к Толику и Томке на свадьбу, хотя никто вас туда и не приглашал. Вика потом говорила, что свадьба уже на веранде ресторана гуляла и поэтому никак нельзя было мимо пройти. Вы тогда

вальс-бостон выдали. Все даже расступились. А вы... Сбацили — и дёрну. Эпатаж, милая Викуля. Эпатаж. А ты вообще телёнок. Тогда мы и слова такого не знали — «мачо». Мачо, мол, он. Вот ты таким и был внешне — мачо. А внутри — телёнок. Да ещё с говнецом... Не сердись. Дай мне выговориться. Может, больше и не встретимся. Не хочу ходить ни на чьи похороны. А больше нам, Венечка, и встретиться негде.

Вроде чайки кричат. Слышишь? Помнишь, как тогда они кричали? Пронзительно и страшно. Это когда мы с тобой и Ниной Вику насовсем провожали. Ей почему-то вздумалось на туристическом теплоходе уехать. Помнишь? Я до сих пор не могу понять: или это чайки так голосили, или Вика на верхней палубе: «Ве-е-е-ня! Ве-е-е-ня!» Я ведь с тех пор так её и не видела... Знаю,

что ты видел. Можешь не рассказывать. Давно это было. А сейчас... Жива ли она? Вика.

Давай ещё Нину нашу помянем, Венька... Слушай, если напьюсь, довезёшь меня домой на такси? Харэ?... Я, как нитка за иголкой, иногда за вами таскалась... На вокзале в ресторане, помнишь, музыкальный автомат стоял. Жетончик бросишь, нажмёшь кнопку, и пожалуйста тебе — «Аллея тополей» японцев каких-то... Во молодец, вспомнил: японский квартет «Дак дакс». Вика только эту кнопку и нажимала всегда. Поезда проходят мимо. А мы какое-то самое дешёвое столовое вино пьём и бутербродами с сыром закусываем. Выпьешь, закусишь, и снова в «Аллею тополей»...

А что я? Интереснее про тебя. Я слышала, что у вас с женой очень дружная пара. Вы, говорят, неразлучны. Везде и всюду вместе ходите... «Мы с Тamarой ходим парой». Да и тогда ты как-то ухитрился не развестись с ней.

Я поняла, что только сегодня смогу тебя поймать одного без жены... Говорят, кофе в постель, уборка, стирка — всё на тебе. Никогда бы не подумала...

А что ты думаешь, и у меня не хуже. Конечно, замужем. В моём возрасте быть не замужем просто неприлично... Муж кто?... Иван Пихто. Не всё ли равно тебе?! Как и мне, впрочем. Хотя мне раньше казалось, что у меня всё как у тебя, по любви. Он у меня и полы моет, и стиральной машиной управляет, и нестиральной тоже. Шашлычки-пикнички. Всё как у людей. То есть как у тебя, Вэн. Во всяком случае не хуже...

А вот Нина так и не вышла замуж. Давай за её упокой, Венечка...

Жизнь прожита... Ну не вся, так большая часть. Помнишь, Венечка, у Маяковского... «Родился. Со-сал соску. Жил. Работал. Стал староват. А жизнь прошла, как проплыли Азорские острова».

А напоследок я скажу, в чём счастье твоей жены. Все говорят, что она счастлива. Ая-то, дура, всю свою жизнь мечтала быть с тобой. Теперь не хочу. Не хочу быть счастливой. И Вика здесь ни при чём... Вру... В ней-то всё и дело. Оно, всё это бабье завидущее, вам с женой завидующее, не может понять одного. Про жену твою, как и раньше, ничего не могла сказать, так и теперь не могу. Бог с ней. Скажу про тебя... Твоё счастье, болван, заключается в полной слепоте, точнее, своеобразной душевной катаракте. Уж ты меня извини, Веник, за этот офти...офту...офтальмологический термин...

Счастье ваше, сволочь ты такая, прости меня Господи, заключается в том, что в любой женщине ты, Веня, видишь ВИКУ...

Вызови такси, Венечка... Ну, пожалуйста!

СИЦИЙ? СИЦИЙ. ПРЕЗЕЛЁНЫЙ? КРАСНЫЙ ШАР!

рассказ

Кире

Разум памяти возмущённо кипел. В лицах арбатцев, идущих навстречу, была исключительно праздность — как ленивая, так и кипучая. Где была деловитость, озабоченность днём сегодняшним и завтрашним, тем не менее окрашенная постоянной доброжелательностью как к ближнему, так и к дальнему? Дальнему — мне, приехавшему из своей тмутаракани в Москву через сорок лет. Так уж получилось по жизни, хотя когда-то в детстве и ранней юности столица не казалась мне чужой.

Нет, это арбатское офонарение с золотой фонтанной Турандот, конечно же, современно и вроде бы нравится молодым, но почему я не могу пройти в галерею театра Вахтангова, укрыться от палящего солнца и посмотреть афиши и фотографии текущего репертуара, как это было раньше? Оба входа на галерею забраны мерзейшего вида тюремными решётками и закрыты амбарными замками.

Москва была когда-то родней родной. В моём городке во время войны работала москвичка Елизавета Богдановна и жила с нашей семьёй, ещё не родившей меня, в одной коммуналке. Жили, по рассказам папы-мамы, дедушки-бабушки, душа в душу. И когда москвичка уезжала, то искренне и строго взяла со всех домочадцев обязательство — приехать в любое удобное время к ней в Москву в гости в такую же коммуналку на Арбате. Нет, не в такую, а

гораздо лучшую. С газом и унитазом... «У вас, конечно, тоже хорошо, но от удобств отвыкнуть невозможно».

После расставания прошло довольно-таки много лет. Уже был я. Ходил в какой-то, уже не помню в какой, класс. И вот наконец-то папа, мама и я поехали в Москву. Встреча была торжественной. Нам искренне радовались — как сама Елизавета Богдановна, так и её племянница Маша с пятилетней дочкой Иррой, жившие в соседней комнате, и радиолобитель Саша, занимавший комнатку рядом с кухней. Как ни странно, но самой большой, нет, даже не большой, а просто огромной, была тёмная прихожая с парой кресел, сквозь продранную обивку которых виднелась и чуждо пахла пересохшая рогожа, запах которой навсегда связал меня с тем давним Арбатом.

И где сейчас этот запах? А другой? Запах ванили вперемешку с вызывающим слюну ощущением жареных, а то и пережаренных орешков на тёмно-коричневой, блестящей на свету (ну прямо лаковая шкатулочка!) калорийной булочке за 10 копеек...

...Вот здесь и была та кондитерская, источавшая те нежно-пряные сладостные ароматы. И кому она помешала?..

...Гостеприимство Елизаветы Богдановны было поистине безграничным. Спать мы улеглись под столом на полу. Выручили соседские матрасы.

Подарками от нас были три солёные сёмжины: одна, самая большая, — Елизавете Богдановне, вторая поменьше — Маше и самая маленькая — радиолобителю. Ире я оторвал от сердца купленную на перроне в Волховстрое книгу любимого Маршака «Сказки, песни и загадки». Я же и прочёл её Иришке от корки до корки. И не раз. Так что мы оба запомнили её наизусть.

Экскурсия по Москве с Елизаветой Богдановной была на следующий день.

— Мы живём в доме, где всегда останавливался Александр Блок, приезжая в Москву. Здесь же у нас крохотный кинотеатрик арбатский «Арс». Фильмы здесь обычно идут вторым экраном.

Прямо у входа в кинотеатр пахло хорошим кофе. А я сообразил, что герои рыбаковских «Кортика» и «Бронзовой птицы» подрабатыва-

ли именно в этом кинотеатре. Мало того — они и жили в этом доме...

...Так и есть. Сейчас на доме мемориальная доска, посвящённая Анатолию Рыбакову. А вот Блоку — нет...

— ...А здесь рядом впритык дом, где жил после свадьбы Пушкин с Натальей Николаевной.

Вместо памятной доски на боковом входе я прочитал табличку: «Доктор Лурье. Мочеполовые болезни»...

...Сейчас Лурье нет, а Пушкин есть. Причём не один. Напротив своего дома он стоит памятником вместе с Натальей Николаевной...

В прихожей было несколько лампочек. Я их все включил. Иришка принесла большой красный мяч, и мы стали им играть. Плотненькая Иришка в красном купальнике очень ловко ловила мяч. Хотя я старался, чтобы она хоть раз его уронила. И всё это наше детское роскошество шло под Маршака.

— Мы гуляли по Неглинной!

— Заходили на бульвар?

— Нам купили!

— Синий-синий?

— Презелёный?

— Красный шар!

На углу Арбата и Плотникова был магазин «Диетпродукты», а на другой стороне улицы — «Консервы». Несмотря на малоэстетическое название, в «Диете» было всё свежайшее и вкуснейшее. Толстые языковые и телячьи колбасы, слегка припахивавшие копчёным молочные и сливочные сосиски, творожные, молочные и всякие другие кремы...

...Сейчас «Диеты» нет, а есть Окуджава. Наверное, из «Диеты» и вышел такой весёлый. Тогда ещё...

...А в «Консервах» — никаких консервов. Зато редкостные для того времени бананы и ананасы. Море разлитое всяческих соков и фруктов...

— ...А это кинотеатр «Юный зритель». Ты, Миша, будешь туда ходить.

— Елизавета Богдановна, а чего это они?

Я обратил внимание на то, что в арке справа от входа в кинотеатр несколько подростков, косящих под стилияг, стояли, прислонившись ухом к стене, а один смешно кривлялся, явно пытаясь подражать некоему модному стилю.

— Сегодня здесь повторно идёт американская «Серенада солнечной долины». А ребята музыку слушают. Очень хорошо слышно, когда вот так ухом прислонишься.

Я почему-то подумал, что и сама Елизавета Богдановна что-то здесь так слушала.

(А я в то лето в «Юном зрителе» насмотрелся всякой советской киноэкзотики. «Джувльбарс», «Каджана», «Гайчи»... Кто сейчас помнит эти фильмы? Мне тогда они понравились...)

...И вот «Юного зрителя» нет. Пустое место за зелёной сеточкой... Хоть что построят. Но построенное это никогда не заменит мне моего «Юного зрителя».

Слава богу, зоомагазин тот же самый. Правда, маленький какой-то, что ли, стал. И черепахи как бы скукожились. Те самые, наверное. Они ведь долго живут. Привет, черепашки...

— ...В «Прагу»¹ наверх вам, конечно, дорого вато. Зато внизу, прямо на углу Арбата и Поварской (язык не поворачивается назвать её Воровской)², есть кафе «Прага». Зайдите как-нибудь. Пообедайте. Дёшево и вкусно. Попробуйте торт «Пражский». Понравится — можно из кулинарии такой торт и домой прихватить...

...Ресторан и сейчас есть. Цены ещё более неподъёмные. А кафе нет. Вместо него — антикварный магазин с чудовищным ассортиментом. И такими же ценами...

Елизавета Богдановна тогда уделила нам максимум внимания. Мы полюбили столицу от Кремля до зоопарка, где Иришка смело погарцевала на пони. Я почему-то струсил. Наверное, Иришки застенялся...

...Второй раз в Москву я собрался уже лет так через двенадцать, будучи студентом провинциального вуза. С Елизаветой Богдановной мы изредка обменивались поздравительными открытками. И только. А тут она вдруг прислала письмо, написанное изменившимся, несвойственным ей, на редкость корявым почерком, где говорилось, что если я ещё не научился спать на полу под столом, то она будет рада меня видеть. Маша и Ира так же.

В квартире на Арбате почти ничего не изменилось. Разве что Елизавета Богдановна если и выходила из дома в поликлинику, то только с любимой Иришкой, которая в эти дни окончи-

ла десятый класс и собиралась на иняз. На симпатичную Машу годы не оказали никакого влияния, а Иришку превратили в привлекательную девушку, явное обаяние которой было несколько скрыто и защищено от окружающих скромностью, напоминающей равнодушие.

Я общался с Москвой в одиночку, тщетно пытаясь прихватить с собой Иришку, которая вроде бы, правда без особого желания, была бы и не против сходить куда-нибудь со мной, но подступающие экзамены причинно затормаживали все попутные девичьи желания.

Однажды в театральной кассе на Арбате мне предложили два «горящих» билета на взрослый спектакль театра С. Образцова «И-го-го». Спектакль начинался через два часа. Я поспешил домой. Маша с Иришкой готовились к приёму каких-то гостей и в домашних нарядах готовили салаты. Ира, вся в слезах, резала лук. На ней были невообразимо красного цвета бу-мазейные чулки.

— Маша, я хочу пригласить Иру на спектакль «И-го-го» в театре Образцова. Спектакль через час.

— Иришка, хочешь — так иди.

Ира занудила:

— Ой, мамочка! Я бы хотела, да мне долго переодеться. С волосами что-то надо сделать. К тому же я вся в слезах. Глаза отмыть надо да накрасить. Не успею.

Ира сняла фартук. Домашнее платье в горошек в сочетании с ярко-красными чулками было сверхсмелым, но, как мне тогда казалось (да и сейчас кажется), стильным, лично Ириным и на редкость эффектным. Не вдаваясь в детали несуществующей моды, я произнёс:

— Времени у нас нет. Твой наряд, Ира, сногшибателен и произведёт фурор. Пошли!

Маша, критически оглядев дочь, сказала с некоторым сомнением:

— Может, Миша и прав. Да чего ты теряешь-то?! Если тебя на контроле пропустят, то всё в порядке. Я слышала, что спектакль очень интересный. Идите. Умойся только. Хорошо умойся.

И мы пошли.

— Миша, про что хоть спектакль?

¹ Ресторан.

² Поварская в годы советской власти называлась улицей Воровского.

– Не знаю. Наверное, про лошадок.
 – А почему тогда для взрослых, а не для детей?
 – Ну, наверное, не про пони, а про очень взрослых... (чуть ли не сказал: «кобыл») лошадей.

Спектакль действительно оказался совсем не «лошадиным». И-го-го – Институт гомонкулярных гомообразований, нечто вроде НИИЧАВО Стругацких. Только И-го-го, кажется, чуть постарше НИИЧАВО.

Много было в спектакле интересного, но особо ярко запомнился простенький маленький шарик на пальцах влюблённых героев. Шарик этот прозывался Бесом взаимного тяготения и был самым активным действующим лицом спектакля.

В антракте все без исключения с удивлением смотрели на Иришкины ноги. А некоторые мужчины с нескрываемым восхищением. Чего уж там! Ноги действительно были красивыми. И необычного окраса. И-го-го!

Когда после спектакля мы приехали на Арбат и вышли из метро, буквально через несколько секунд загрохотало небо и полилось. Тёплый проливной московский дождь. Ира сняла туфли и, как гусь лапчатый, шлёпала в своих вызывающих чулках по московскому мелководу. Мои же узконосые мокасины промокли так, что завтра, наверное, придётся их выбрасывать. Да. Назавтра я так и сделал. Мы добежали до дома и остановились под аркой. Как хорошо, когда сухо. Под нами моментально натекли лужи. Из «Арса», который стал «Наукой и знанием», неслась маршевая музыка, которая, как мне теперь кажется, сопровождала всю нашу тогдашнюю жизнь.

А мы начали целоваться. Я уж не знаю, как это получилось. Я не спрашивал разрешения у Иры, а она не отталкивала меня, говоря: «не надо». Просто целовались, да и всё тут. Наш диалог вперемешку с поцелуями был следующим:

- Мы гуляли...
- Гуляли...
- Гуляли...
- По Неглинной...
- Заходили?
- На бульвар...
- Ужас какой! А и правда, на бульвар.
- Нам купили...
- Синий?
- Синий...

- Презелёный?
- Красный шар!

С каждой строчкой Ирка припечатывала меня по спине своими туфлями, причём не подошвами, а каблучками (садистка!), и я подумал: «Не дай бог ещё синяки на спине останутся и их утром может увидеть Елизавета Богдановна; начнёт выяснять, что это да откуда взялось».

В общем, мысли мои пошли явно не туда. Как начали, так и кончили. Весьма неожиданно.

Дома, переодевшись, за чаем мы наперебой выражали Маше свои восторги по поводу спектакля. Чуть позже эти же восторги «на бис» я излил Елизавете Богдановне.

Продолжалось моё одиночное общение со столицей. Ира погрязла в учебниках. А я вдруг заметил, что общаюсь-то я с красавицей столицей как бы нехотя, по самим придуманной обязанности, что ли. И решил уехать. Устроил прощальный ужин с «Пражским» тортом и миндальными пирожными. В прихожей все меня расцеловали (Ира в том числе) и проводили. Наказали, чтобы приезжал, как только будет возможность.

К несчастью, возможность эта исчезла. Вскоре умерла Елизавета Богдановна, а переписку с нами поддерживала только она. Маша с Ирой, очевидно, получили новую квартиру, и вполне возможно, что обе вышли замуж. (Кавалер в годах у Маши был.) Я не смог найти их по фамилиям через справочное.

Москва не забылась, но ездить туда я, кажется, перестал навсегда.

В своём городе я как-то зашёл постричься. В ожидании очереди взял в руки лежащий на столе весь замусоленный старый журнал мод. Листал без особого интереса. И вдруг – на одной из страниц: «У московских модниц в этом сезоне наиболее популярны ярко-красные чулки и колготы из натуральных тканей».

Я проржал «И-го-го» и вошёл в мужской зал...

– ...А это один из первых в России кинотеатров. «Художественный». Рядом метро. Старое «Арбатское». Говорят, что этот наземный вестибюль сделан по личному чертежу Кагановича. Он ведь был главным при строительстве метро. Ещё недавно метро его имя носило. Да бог с ним, с этим деятелем...

Какое счастье, что «Художественный» остался. Совсем недавно ещё какие-то горячие головы предлагали его снести.

И зачем я приехал в эту чужую мне теперь Москву. Всё родное исчезло, а если что-то и осталось, то это что-то настолько сусально приукрашено, что пахнет какой-то музейщиной, что ли. А уж Красная-то площадь! Днём там невообразимая «Хованщина» со стрельцами под предводительством Ленина и Сталина, а вечером попсовый концерт с полуголыми девицами, которым, на мой взгляд, хватило бы просто попрыгать. Петь-то зачем?!

Нет. Надо намыливаться из этой поповой столицы.

Пройдусь-ка я по всему Арбату до метро «Смоленская», и «карету мне, карету».

Вдруг среди уличных художников и торговцев началась какая-то дружная суетня. Всё убиралось и забиралось под соседние крытые тенты дорогих забегаловок.

Хорошо хоть, что хозяева пускают. Сейчас начнётся настоящий московский дождь, возможно ливень, приближение которого москвичи чувствуют, наверное, генетически. А до «Смоленской» мне ещё переть и переть.

Вот и жакнуло. Через несколько секунд начался ливень. Публика разделилась на идущих под зонтами, на бегущих спрятаться абы куда и на таких, как я, — просто и гордо идущих, с радостью принимающих на свою голову тёплые струи, дарованные небом. Я шёл, особо не смотря ни вперёд, ни по сторонам. В основном смотрел под ноги, чтобы не ступить в глубокие лужи. Не получалось. Вдруг меня что-то обожгло изнутри, и я поднял глаза. Навстречу мне медленно шла, кажется, уже не молодая, но стройная, хорошо сохранившаяся женщина. Она неожиданно остановилась. Разноцветные струи текли по её улыбающемуся лицу, разглаживая небольшие морщинки и преображая её в ту ещё Иришку. Она начала медленно снимать туфли и чуть слышно произнесла:

— Мы гуляли по Неглинной?

Какое счастье, что я ещё узнаваем.

— Заходили на бульвар!

НАМ КУПИЛИ СИНИЙ-СИНИЙ ПРЕЗЕЛЁНЫЙ КРАСНЫЙ ШАР!

СЕКУНДЫ О ЛЮБВИ

Быль

Страх прошёл. Всё в прошлом. В реанимации меня откачали. Ряд процедур был достаточно неприятен. Да ладно. Кое-что даже приятно вспомнить. Меня, как бравого солдата Швейка (того, правда, в сумасшедшем доме), чуть ли не на руках носили по всему длиннющему коридору в туалет по-большому. Заодно и развлечение: людей посмотреть и себя показать. Хотя на пациентов палаты интенсивной терапии народ смотрит без особой радости. Пожалуй, тут я не прав. Конечно же, с радостью. Вот везут его, болезного, покакать, а ведь запросто и очокуриться мог бы. Но радость эта на лицах встречающихся мимически какая-то, что ли, не очень симпатичная.

Да ладно. Всё это в прошлом.

Через две недели после выписки меня снова теперь уже не привезли, а пригласили на мониторинг сердца. Это значит целые сутки проходить по больнице и пролежать там же не меньше суток. С прибором на шее. Ну и ещё там пару суток анализов всяких. Кровь из вены, естественно, обязательно. В первую очередь. Вечером я получил талончик на кровь от медсестры Тони, которая, увидев меня, одновременно и радостно, и обеспокоенно спросила:

— Значит, снова к нам? Случилось что-то?

— Да нет. Всё в порядке. Спасибо всем вам! Мониторинг.

— Ясно. Утром жду на кровь.

Тоня на несколько секунд задержалась, как будто ещё что-то хотела сказать, но выпорхнула, не сказав больше ни слова. Впрочем, всё это могло мне просто показаться.

Все больные, а мужчины особенно, любили Тоню за то, что она была со всеми какая-то лёгкая, тихая, ласковая и безболезненная в своих вампирских делах. Вену находила моментально, чему я лично особенно удивлялся и радовался. Другие медсестры в поисках нужного со-

суда до конечного результата успевали меня изрядно истыкать. Да и внешне Тоня была хоть и не моделью, но именно той женщиной, на которую оглядываются мужчины. Причём не с возгласом «О!», а с тихой тёплой улыбкой.

Наверное, именно таких медсестёр имела в виду моя племянница Лена, отправляя меня в больницу. Она, зная мою сентиментальность в отношении лиц женского пола, положила мне в карман пальто шоколадку и сказала:

– Иван Сергеевич, не закармливайте медсестёр шоколадом!

Лену я послушался и только раз перед выпиской передал в сестринскую коробку конфет. Право слово, они этого заслуживают.

Как ни странно, но я хорошо поспал с прибором на шее и утром пошёл к процедурной. К Тоне уже была толпа бабусь. Я не стал занимать очередь, решив, что подойду к Тоне последним, и пошёл к себе в палату.

Когда я примерно через час подошёл к процедурной, Тоня в марлевой маске уже выглядывала из-за приоткрытой двери:

– Где же вы? Я уже собиралась уходить.

– Тоня, простите. Честное слово, торопился.

– Да ну вас! Садитесь.

Тоня перетянула мне жгутом предплечье.

– Кулачком поработаем!

Она низко склонилась к моей руке и начала искать вену, не прикасаясь. Нашла.

– Поработали и хватит!

В вену была совершенно безболезненно введе-

на огромная игла. Внимательно глядя на неё, Тоня проговорила:

– Счастливый. И ничего-то у вас не случилось за эти две недели. А тут вот случилось...

Шприц медленно набирался кровью.

– ...У меня умер жених ... За три дня до этого мы подали заявление в загс...

Я как-то неловко в полном смущении сказал:

– Тоня, примите моё самое искреннее соболезнование...

– ...Правда, мы уже два года вместе жили... Он любил нас обоих... Всегда помогал нам...

– Кому – «нам»?

– У меня сын маленький... А тут прямо в подъезде упал... Выпивши, конечно, был...

– Он что, пьянствовал?

– Почему «пьянствовал»? Как и все. Ничуть не больше... У него эпилепсия была... Припадок... Головой об ступеньку...

Тоня набрала полный шприц и начала распределять кровь по пробиркам.

Я встал и уже двинулся к двери. Но ведь надо что-то сказать. Что?

– Тоня, вы молоды и красивы. Да в вас ещё не один мужчина влюбится!

Тоня печально произнесла:

– Так же говорит и моя лучшая подруга.

– Ну, вот видите. Так что всё у вас будет хорошо. Спасибо!

Уже в дверях меня настигла тихая фраза:

– Но у него не будет эпилепсии...

□

Борис Александрович ГУЦИН

(род. в 1941 г.).

Старший научный сотрудник

*Государственного историко-архитектурного
и этнографического музея-заповедника «Кижский».*

*Историк, этнограф, писатель, театральный критик,
член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.*

*Автор книг «Не только о Кижях. (Картинки прошлого,
повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),*

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.).

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живет и работает в Петрозаводске.



**Виктор
ТУМАНОВСКИЙ**

г. Петрозаводск

Иван Архипович медлил, все не решался. Раздумывал. Походит-походит по избе, присядет к столу. То возьмется за ручку, начнет писать первые слова, остановится, подумает-подумает и зачеркнет написанное — ничего не выходит. Скомкает тетрадный лист и бросит под печку на растопку. Пустым взглядом в окно уставится.

Никогда еще Иван Архипович не писал в газету. Ни разу, повода не было. Но клюнул жареный петух на старости лет в одно интересное место, и вот с неделю не находил себе места Иван Архипович. За что ни возьмется — все об одном и том же думает — как жизнь поменять, как наладить. А перспективы такие открывались...

В прошлый понедельник зашел на почту за пенсией, а почтальонша, баба молодая, без царя в голове, от скуки январской при народе говорит:

— Иван Архипович, вот свежая пресса, приобретай! — И выкладывает на прилавок газетки цветные с девками бесстыжими.

Одна другой краше. Красавицы! Первый раз видел Иван Архипович подобное. Слышал, что за границей этого добра полно, но чтобы у нас — впервые довелось. Что делать?

Кто был на почте — посмеиваются, наблюдают, как Архипыч выкручиваться будет, реплики бросают:

— Побольше бери, с запасом, чтобы на всю зиму хватило!

— Постелешь под матрас, чтоб теплее и нескучно спать было! Недельку с одной газеткой побалуешься, недельку — с другой! Всяк веселее!

— А газета «Правда» есть? — нашелся Иван Архипович, отодвигая рукой нескромное. Кроме партийной печати, будучи коммунистом с тридцатилетним стажем, в своем быту ничего раньше не выписывал. Да уже и подзабыл, когда в последний раз держал в руках орган Центрального комитета.

— Какая «Правда»?! Вот она перед тобой, новая «Правда»! А ту забудь! Оглянись — перестройка на дворе! Давай перестраивайся скорей, бери! Что не запрещено, то теперь можно. В бане считаешь — скрасишь одиночество! — И ржет в лицо лахудра крашенная.



Невеста
рассказ

Иван Архипович лица не потерял. Заулыбался, засмеялся, ногой в валенке притопнул, в ладоши хлопнул. А про себя подумал: «Дура!» Вслух же сказал:

— А давай! Одну возьму, а две не одолею — радикулит, знаете ли, да и денег на эту дрянь жалко. В баню не понесу — промокнет! А бумага в хозяйстве пригодится!

Дома развернул дрянь и обалдел. Хочешь — картинки рассматривай, хочешь — читай. Расстраивайся, вспоминай молодые денечки. Но поразило Ивана Архиповича другое: это ж сколько баб одиноких вокруг в мире живет и никто из мужиков о них не знает. Объявление за объявлением, заявка за заявкой — ищут свою половину, не могут найти. И бабы все большей частью неплохие: серьезные, с хозяйством, работающие, материально обеспеченные, кто с детьми — матери-одиночки, кто без, кто вдовствует, как и он, в одиночестве жизни, а кто никогда и замужем не был. Попадают объявления и всяких шалав с фото: мол, ищем состоятельного мужчину для легкого времяпрепровождения с намеками на вознаграждение. Но это большей частью молодые, городские. Тьфу! Да и мужики, хоть и в меньшем числе, не отстают от баб — пишут, не стесняются... А с другой стороны, чего стесняться? Это жизнь! Как найти друг дружку, если кругом, к примеру в нашей деревне, нет подходящей кандидатуры, ну хоть бы и для Ивана Архиповича... Нету! Сколько лет один-одинешенек! Детки взрослые по городам разъехались, лишь летом батьку вспоминают, на неделю-другую приедут, так по мелочи по хозяйству помогут и опять подадутся до городской вольной жизни.

Глянул он на стену — на фото жены-покойницы, где она еще молодая у крыльца родного дома стоит, не улыбается, внимательно смотрит, будто его самого, Ивана Архиповича, и рассматривает. Грустно сделалось на душе. Вспомнилось, как женился, как скромную свадьбу отыграли. И какой дурак он был, что сразу после армии, не погуляв хорошенько, не пошалив, сразу женился, впрягся в семейную лямку. Долго потом завидовал холостым сверстникам. А дело было так.

Демобилизовался. Вернулся в деревню.

Сразу захороводил на радостях с друзьями. Те и говорят: «Ваня, поехали на танцы. Там, в Усть-Лохте, девок не пересчитать, а парней раз и два, да и те сопливые, против нас не попрут. У нас один молодняк, не с кем и пожататься. А там выбирай любую». Как раз суббота была. Чего ж не поехать?.. Кровь гуляет. Скинули лодочку-кижанку на воду. Погода хорошая, ветер — в спину, погребли по очереди в две пары весел, да еще и парус поставили. По дороге выпили. Раз, другой, еще раз. Незаметно десять верст по озеру и перемахнули. Причалили. Веселые уже.

— Давай еще по стопочке! Для разогреву!

— А, давай!

Накатили. Пошли искать, где тут, в каком доме, беседы ведут, игрище-гульбище затевается. Нашли. И правда, девок и молодых пришло немало. Нарядные. На Ваню и дружков поглядывают, глазками сверкают. Ударила гармонь, начались танцы. Зашумело, завертелось. Застучали сапоги по сосновым полам, тарелки в посуднике зазвенели, изба заскрипела. В перерывах частушки из угла в угол перелетают. Шумно, весело. Хорошо-о!

Тут еще ребята знакомые из других деревень подгребли, подсказали, где можно добавить и где за денежку малую переночевать. Совсем весело стало. Выскочит Ваня с друзьями на крыльцо покурить, приложатся к бутылочке — и опять в гущу событий. То с одной станцует, то с другой, никак не может на какую-нибудь одну глаз положить. Все нравятся!

А время к ночи идет, уже и стемнело. Пора бы и определиться. Керосинку зажгли. Гармонист еле пальцами перебирает, требует перерыва и угощения. Да и совсем захмелел Ваня. Дружки не отстают, настаивают — пей, наливают. Ноги не танцуют, приходится руками за косяки держаться, лиц в полумраке уже не различить: где дружки, где девки? Только по запаху. Те, от кого мылом хозяйственным пахнет, то девки. А те, от кого бражкой и табачишем, то парни. Фу, какой запашище! Ване от такого состояния своего совсем поплохело. Как тут кого зачалишь? Как бы с крыльца не кувырнуться! «Держите меня, падаю!..»

Очнулся. Утро сквозь оконца свой свет пускает. Очнулся лежа на чем-то твердом — явно на лавке, а под головой мягко — подушка. Открыл глаза и первое, что увидал — свои дембельские сапоги. Чистые, намытые, яловые. На печке стоят, сушатся. «Дома, что ли? Как добрались?» — подумал Ваня. Огляделся: нет, фатера¹ — незнакомая, баба какая-то под образами на стуле сидит, платок повязан, губы поджаты, на Ваню без слов строго смотрит, на коленях икону с бородатым мужиком держит. Пиджак Ванин аккуратно на стуле висит, тоже чистый, на столе стакан с мутной жидкостью, запашок — что сейчас Ване в самый раз, луковица на четыре части порезана, хлеба кусочек, сверху тонкий пласт сала. «Удачно я вчера приземлился! — мелькнуло в голове у Ванюши. — Подфартило!» Рука непроизвольно потянулась за стаканом. В голове каблучки сапожищ вчерашних стучат. Язык шершавый к нёбу прилип.

«Эх, поскорей бы вылечиться!..»

Не успел Ваня стакан схватить, как баба незнакомая его ладонью накрыла, отодвинула и говорит:

— Целуй икону!

— Это еще зачем? Глупость! Можно без ваших отживших обрядов опохмелиться? Заплатчу, тетя. Деньги имеем — гуляем. — Ой, плохо Ване, говорит еле-еле, голоса своего не узнает. Если не выпить, то и помереть можно.

— Целуй икону! — не уговорится баба. — Лидка! Подь сюды!

Дверь горницы открывается, и оттуда выходит деваха. Лет двадцати, а может, и постарше будет. Взгляд в пол, руки опущены, пальцы жмет, молчит, краснеет.

«Ни фиги себе! Что это за приключение вчере стрянлось?..»

Внутри организма все у Вани остановилось.

«Быть этого не может! Я ж пьяный был, на ногах не стоял. Ни девки этой не помню, ни событий. Не напраслину ли на меня возводят? А выпить, выпить ой как хочется. Ско-

рей бы голову поправить, чтоб соображение вернулось».

— Отвечай! — баба пуще прежнего в Ваню свой взгляд злобный вперила.

— Да что отвечать? За что? — А рука сама собой к стакану с жидкостью тянется. Нехорошо Ване, ох, нехорошо. Баба стакан еще дальше отодвигает.

— Воды хоть налейте! — запросил пощады Ваня.

И сил нет с лавки соскочить и бежать отседа. Тут дверь из сеней распаивается и вваливается парнище: не то брательник старший, не то дядька девицы. На табурет у дверей присаживается, молча газетку вынимает, отрывает уголок, сигарку скручивает. Закуривает. Задымил. Неправильно как-то на Ваню сверху вниз смотрит. От этой махорки вонючей Ваню вконец заколдобило, затошнило. Деваться некуда!

— Целуй икону! Не позорь нас! — баба со стула встает, к Ване подходит, икону под нос сует. — Целуй!

Все перед глазами Ванюши закачалось, поехало, зашевелилось. Мужик бородатый с иконы прямо внутрь Ване заглядывает, будто спрашивает, чем-то строгостью на старшину Ваниного армейского похож: сейчас три наряда вне очереди назначит. Отчаяние охватило Ванюшу.

«Погибаю!..»

Из последних сил приподнялся и поцеловал незнакомого ему мужика в деревянные его глазищи, после чего тело Ванино безвольно рухнуло обратно на лавку. И сразу стало ему легче и определенной, будто нечто тяжелое с плеч сбросил.

Баба вскочила, заулыбалась, сразу помолодела. Икону к образам на место вернула. Из печи на стол чугунок с картошкой горячей ставит, откуда-то грибы-соленья выносит, стол накрывает. Стакан подвигает. Парнище подскочил, Ваню легко приподнял, за стол

¹ Фатера — квартира.

усаживает, стакан ко рту подносит, чтобы Ваня не расплескал драгоценную жидкость. Руку жмет, с чем-то поздравляет, по плечу хлопает. Своеком называет.

Опрокинул в себя Ваня, не отрываясь, в два глотка стакан, закусил, пелена с глаз и упала. В голове прояснилось. Огляделся: избенка бедная, полы некрашенные, кошка тощая на печке спит. На девицу посмотрел: да вроде ничего себе, не хромая, не кривая, лицом не красавица, да и недурна. Спину прямо держит, фигуру имеет. Брательник ейный, как оказалось, двоюродный, стакан убрал, рюмки граненые на тонкой ножке поставил, разлил. Барышню рядом с Ваней бок о бок на лавку под окна пересадили. Та от рюмочки по совету мамыши, что ей теперь сохранять себя надо, отказалась, втроем с мамышей и выпили за молодых. Еще раз поздравили. Только «горько!» не крикнули. Явно лишнее.

— Тебя как зовут? Чьих будешь? — интересуется мамыша, будущая теща. — С Кижей или волкостровский? Может, с Сенной Губы?

— С Патаневщины! Я поинтересовался, — ответил за Ваню брательник. — Горшковых корень.

«Вот тебе раз! Вот так помолвка! Ни имени твоего не знают, ни ты их фамилии. Дома расскажешь — засмеют, дружки затюкают, бабы в деревне сплетнями вымажут, вовек не отмоешься... Лучше уж соврать: любовь с первого взгляда!» — с горечью подумал Ваня. Но пришлось по всей форме представиться, родословную пересказать, на вопросы «где и как жить собираетесь?» отвечать. Да все под рюмочку, закусочку. К концу беседы Ване совсем захорошело, чуть было опять на танцы не собрался идти, погуливать маленько, но опомнился. Да и девица все более и более нравилась своей скромностью и тихим нравом. Томным взглядом и жарким боком. Уже Лидой, Лидочкой называл, пытался приобнять, но та руку спокойно убирала и на ухо говорила, что уже достаточно было, что после, что позже. После свадьбы.

После свадьбы все и раскрылось — что не было у Вани с Лидухой ничего в тот раз. А ночью подобрал беспамятного Ваню Лидкин брательник на берегу. Возвращался с озера,

сетки поздно похажал, случайно и наткнулся. Пожалел — еще простудится, в дом занес. А мамыша ее, баба смекалистая, все и обустроила. А как еще девку в возрасте замуж выдашь, когда парней так мало холостых, а девок, как окуней, как плотвы, хоть сетью лови? Вот и сообразила! Теща! Пусть земля ей будет пухом!

Иван Архипович сильно расчувствовался от воспоминаний. Вроде бы все и хорошо было. Деток троих на ноги поставили — двух пацанов и девку. Все пристроены, семейные, уже внуков пяток, да ушла из жизни Лида, Лидочка. Жили с ней по-разному, всякое бывало. Но притерлись, сдружились. А теперь? Бобыль бобылем, не с кем ни поговорить, ни в постель лечь, ни утром поздороваться. «Спасибо» не сказать.

А за окном зима, зима. Бесконечная. За серый горизонт стелется замерзшими озерами, вмерзшими островами, неподвижная, морозная, мутным зрачком солнца на мир поглядывает, метелями снежными укрывает, ветром северным убаюкивает. Мол, спите, спите до весны, до самого лета не разбужу, до месяца мая не отпущу вас. Вы пленные мои, никуда вам не деться. Сидите, сидите по домам-избенкам, коротайте долгие вечера, день еще не скоро прибавлять станет. И горько тому, кого застанет одного по пути к лету зимушка-зима. Одиноко. Темные ночи. Серые утра. Бледные будни короткого дня.

Отвернулся от пейзажа Иван Архипович, отошел от окна. Подбросил дровишек в печку. Часы с кукушкой время отстукивают.

Разложил на столе газету, углубился в чтение. На чье объявление ответить? Все к себе зовут, никто переезжать не желает, а кто к нему поедет? Ой, как хотелось бы поджениться! Сознательно подойти к выбору.

«Эх, была не была, заполню бесплатный купон на нужное количество слов. Будь что будет! — Иван Архипович собрался с духом. — Но что о себе написать, чтоб привлечь внимание? — задумался. — Какой я человек? Плохой? Хороший? Со стороны на себя бы посмотреть: спрятаться за дверь в сенях и сквозь щель понаблюдать бы... Или сделаться невидимкой...» Представил. Вслух выругался.

«Ну не дурак ли! Сейчас дорассуждаюсь, что с космосом говорить начну. Как Гришка — бывший сосед, доразмышлялся, что с инопланетянами на связь выходил через транзисторный приемник. Идет по улице, динамик поднесет к роже: «Марс, Марс, ответьте!» В контакт вступал. Лучше б с бабой своей чаще общался! Увезли бедолагу на пароходе до города Петрозаводска в больницу».

«Надо о себе нечто такое особенное сказать... Но без вранья», — Иван Архипович призадумался.

Вытащил из комода грамоты за прошлый доблестный труд, значки всякие «Участника социалистического соревнования», трудовую книжку с благодарностями, справки всякие, документы. Разложил, стал просматривать, отбирать примечательные. Но почему-то вспомнилось, как лет десять назад за один зимний сезон в его капканы пять волков угодило. Больше, чем у кого-либо в округе! Правда, кроме него да егеря (у того всего два поставлено было), никто и не ставил, но это не важно. Хоть и поругивали его деревенские, что страшно вокруг деревни передвигаться, но Иван Архипович очень гордился тем случаем. Пусть завидуют!

Вывел первую фразу: «Лучший охотник Занонежья приглашает к себе пожить...» Слово «пожить» зачеркнул и написал твердо: «жить» и дальше — «женщину...». Остановился, призадумался — какую? Продолжил: «интеллигентную», затем добавил «чуть-чуть».

«Хватит, наговорился с деревенщиной!..»

...Не старше 60 лет...

«Не нужна мне старуха!..»

...С серьезными намерениями создать семью.

Ну и немного о себе, что не пьет (попито было в свое время), не курит (накурился, что сердце прихватило, доктора запретили), имеет отдельный дом на берегу Онежского озера, баню, сарай, моторную лодку «Прогресс-4м» с движком «Вихрь-30», лодку-кижанку с двигателем Л-6, снегоход «Буран» с санями, бен-

зопилу «Дружба», два ружья с патронами, собаку лайку по кличке Чара. Возраст свой указывать не стал. Рост и вес тоже — ерунда все это. Добавил, что надежный, и зачем-то — инициативный. Уж очень ему это слово нравилось, часто на партсобраниях хвалили им. А Ивана Архиповича — ни разу. Но себя он считал мужиком бойким, хватким, ловким, то есть инициативным. На этом перечисление своих достоинств прекратил. Ну вообще и достаточно. Пересчитал слова в буквы, как было разъяснено в газете, смотрит, что не укладывается в необходимое количество. С сожалением вычеркнул моторную лодку «Прогресс-4м» с «Вихрем-30», лодку-кижанку с двигателем Л-6, бензопилу «Дружба», ружья с патронами, собаку лайку по кличке Чара, оставил снегоход «Буран» (пусть знает избранница, что не пешком зимой придется шлепать), сложил купон вдвое в конверт с заранее написанным обратным адресом, заклеил.

Утром отнес письмо до почты и, чтобы никто не увидел, незаметно опустил его в почтовый ящик. Стал ждать. Не прошло и двух недель, как приходит послание. От женщины! Пишет, что ищет надежного, инициативного, с домом на берегу озера. Охотника. Любит домашний уют, читать, вязать, готовить, без детей — те взрослые, где-то далеко живут, — и так далее, и тому подобное. Главное: готова разделить бремя семейной жизни и переехать к Ивану Архиповичу немедленно. Хоть завтра! Подходит он ей по всем человеческим параметрам!

Такой случай нельзя было упустить! Видно, что женщина ответственная, второй может и не быть! Иван Архипович сразу написал ответ: ехать надо от города Медвежьегорска на рейсовом автобусе (он каждый день ходит) до поселка Великая Губа. Там Иван Архипович и встретит на снегоходе «Буран» с санями долгожданную. А оттуда до родного дома рукой подать — двадцать пять километров, да по морозцу, да с ветерком, через замерзшее озеро перемахнуть. Про километры и мороз не стал упоминать, мало чего — еще заупрямится. Подписался: «Жду. Иван».

Еще быстрее пришло сообщение от избранницы, через неделю. Едет! С указанием и даты,

и времени прибытия автобуса. Встречайте!

Медленно тянулись дни. Ожидание совсем измучило Ивана Архиповича. Нетерпение росло, подымалось от ног к голове, в сердце постукивало. Не подведи! По утрам проверял снегоход: мотор работал чисто, без перебоев. Не заглохни в нужный момент! Прибрал в избе, навел порядки. Все готово к приему счастливой жизни.

И вот пробил час! Вывел послушного железного коня из сарая, саночки приладил, два полушубка прихватил, запасную канистру с бензином. Вперед! Покатил по деревне. Навстречу бабы попадают, мужики знакомые.

— Здорово, Архипыч! Куда лыжи наладил? — интересуется местная публика.

— Да так! Прокатиться решил, размяться. Капканы в лесу проверить.

Невдомек народу, не догадывается, что с завтрашнего дня потечет жизнь Ивана Архиповича по другому, по новому руслу. Перестройка!

Кружок вокруг деревни сделал — следы запутать, и дунал что есть сил до Великой Губы. Как раз вовремя поспел к приходу автобуса. Боковым зрением заметил, что вертится у своего «Бурана» перед магазином Захар Федорович. Ну да шут с ним, его дела.

Двери автобуса распахнулись. Народ повалил с сумками да коробками и прочим добром. Ее он сразу узнал: росту повыше среднего, в пальто зеленом зимнем с меховым воротником, в сапогах, шапке лисьей мохнатой. Молодая — лет пятидесяти пяти! Одна такая, с городским налетом. Дама! В руках сумочка кожаная, какой-то мужик чемодан ей помогает вынести.

— Отвали, мужик! Я сам! — Иван Архипович не допустил, чтоб посторонние вмешивались в его будущую личную жизнь. Чемодан подхватил, руку подал, представился. Она тоже назвалась. К санкам быстро подвел, чемодан пристроил, в полушубок ее заворачивает, другой расстилает, чтобы ей помягче ехать было. Объясняет предстоящий маршрут: как правильно в санках лежать, за что держаться.

— Надо ложиться? — женщина удивилась — не предполагала такого быстрого развития в отношениях, но делать нечего — легла.

А зимний день без предупреждения в ночь переходит. Стемнело. Времени еще и пяти часов не пробило. Иван Архипович разочек проверил: ничего не забыли, все на месте? Шапку-ушанку потуже завязал, ремень на полушубке подтянул, через плечо сплюнул. Ну, давай, родимый, черт корявый! Не подведи, не останавливайся, «буранушка»! Вдарил по газам, только их и видали!

Первые километров семь дорога лесом петляет. Летит Иван Архипович, торопится, не терпится скорее домой добраться, все лошадиные силы из верного «Бурана» выжимает. На одном из лесных поворотов дама в санках не удержалась — и крикнуть не успела — вывалилась. Вместе с чемоданом и сумочкой. Пока из полушубка выбиралась, пока воздуха в легкие набирала, — кричать уже поздно было. Ивана Архиповича и след простыл. Где-то там, вдалеке, в темноте, не то мотор урчит, не то ветер в соснах свистит. Не дозвешься! Нет никого кругом. Только черный лес и ночь. Да всякая чертовщина мерещится. Деревья угрюмые от мороза поскрипывают, луна за облаками прячется, снежинки на сугробах волчьим глазом поблескивают... Люди, хоть кто-нибудь, помогите!

Захар Федорович в поселковом магазине по полной программе отоварился. Всего накопил. Выбор здесь — с деревенским не сравнить — все есть. Кооператив! Были б только деньжата. А деньги у Захара Федоровича имелись. По нынешним временам немалые. Заработал их страхом и потом — чуть не погиб. Но спасся. Три дня прошло, как оклемался, пришел в себя от ужаса. Теперь можно прямо сказать — второй раз родился. Повезло! А все Петрович, отставной майор милицейский, пенсионер хренов, — не сидится ему на месте. Бизнес решил устроить! Придумал за деньги водить народ из города в леса наши на охоту, а кого и на рыбалку свозить. Стал химичить: звонить куда-то, писать, лицензии покупать, разрешения. Ну и дописался: дали добро ему медведя завалить. Дело оставалось за малым — найти желающего испытать себя в схватке с хозяином тайги, разумеется, не бесплатно.

Прибегает поутру к Захару Федоровичу Петрович и без предисловий, не здороваясь, с ходу:

— Хочешь сто долларов заработать? По-быстрому одевайся! Оторви зад от лавки. Клиент ко мне на вертолете летит. Из самой Германии. Немец! Валютой платит! Через час приземлится!

— А сто долларов — это сколько по-нашему? — не спешил торопиться Захар Федорович. Не хотелось впросак попасть, продешевить.

— Да это... если в твоих пенсиях считать, то... за шесть месяцев, а может, и за год столько тебе государство не отвалит. Я тебя почему зову: Терешков соскочил. У него шурин помер, в город подался. Мне человека на номер не хватает. Давай-давай, не сиди! Клиент ждать не будет!

— А что делать надо? — Захару Федоровичу очень-очень захотелось сто долларов заработать. Ежу понятно, что такие деньжищи сегодня где попало на дороге не валяются, придется попахать. Зато потом...

— Да ерунда! Из берлоги для немца мишку поднять. Ты мужик здоровый, сможешь там по мелочи, справишься. Не бзди!

— Согласен! А далеко переть?

— На Клименецком острове. От берега километра два. Пошли!

Вертолет Ми-8 приземлился мягко и мощно, разметая снег, поприседал на колесах, успокаиваясь после полета. Лопасты еще медленно крутились, а дверь раскрылась, и двое летчиков, прыгнув на землю, опустили короткую лесенку. Ватага охотников с лыжами, ружьями, рюкзаками, возбужденная в предвкушении больших и легких американских денег, замерла. Третьим по лесенке сбегал молодой хлыщ, одет не по-нашему, фотоаппарат нессоветский на шее болтается, без ружья. Явно не охотник. И на чистом русском заявляет:

— Я переводчик господина Берга. Можете между собой говорить на своем родном языке, не стесняться. Господин Берг ни слова по-русски не понимает. Но ведите себя с должным уважением. Медведь приготовлен?

— Можете не волноваться! Все путем! Адрес пробит, то есть берлога оцеплена, мишка бу-

рый спит, дорога к месту дислокации проведена, то есть обозначена, — громко доложил отставник Петрович и как простой рядовой вытянулся по струнке. — Позвольте обратиться, — уже потише обратился к хлыщу. — Вознаграждение привезли?

— Вот аванс. — Хлыщ передал Петровичу конверт. — Остальное после завершения операции. Ну а теперь, госпо... това... в общем, помогите спуститься господину Бергу.

А летчики уже чем-то гремели, что-то тяжелое тащили к выходу, матерились.

В проеме обозначился господин. Точно немец! Морда гладкая, важный, пожилой, но еще не старый, в шапке импортной меховой, на стуле сидит. Стул пилоты придерживают. Стул не простой — на колесиках.

— Ё-мое! Бляха-муха! Он же инвалид! — выкрикнул кто-то из мужиков.

— Все верно. У господина Берга парализована нижняя часть тела. В Африке при охоте на слона перевернулась машина. Ну и, кажется, тигр что-то там ему зацепил, но это в другой раз произошло. Но господин Берг очень хороший охотник, известный в своих кругах. — Переводчик нимало не смутился.

— Как бы верхнюю у нас не потерял! Чего делать будем? — зашумели мужики. — Что нам, его на себе переть?! Мы так не договаривались! Петрович! Объяснись!

Петрович и сам слегка обалдел от такого поворота событий — никто не предупредил! Можно и по сопатке от мужиков схлопотать.

— Алексей Петрович, какие-то проблемы? — хлыщ повысил голос. — Нами все оплачено! Ваши менты, прошу прощения, коллеги из вашей фирмы нас заверили, что никаких накладок не будет. Если вы считаете, что возникают дополнительные расходы, то мы с господином Бергом готовы рассмотреть варианты компенсаций. — И ловко так откуда-то вытащил литруху с коричневой жидкостью. — Прошу, виски! Шотландские! Двенадцать лет выдержки.

Мужики все удивились, не поверили: столько лет терпели, не пили! Вот это волевой народ или полно у них этого добра, раз руки не дошли. Нам бы так! Ну, виски так виски! Наливай за удачу!

– Стойте! Примите вначале господина Берга на землю. Успеете еще отметить добычу! — хлыщ был строг.

Немца с коляской опустили, к санкам снегохода приладили, веревками подручными привязали, одеялом теплым замотали. Для надежности еще сверху ватником прикрыли. Ну, с богом! Вперед! По коням!

До острова Клименецкого кое-как на снегоходах добрались, а по лесу, как лошади, как какие-то рикши индийские подневольные, видали их, несчастных, в программе «Вокруг света», до берлоги потащили эксплуататора. Только пар из ноздрей валит.

Немец невозмутим. По сторонам поглядывает. Героически тряску и падения с остановками переносит. Молча русскую зиму переживает, оккупант.

Не доходя до берлоги разбили короткую стоянку. Бросили жребий — кому рогатиной медведя подымать, разбудить топтыгина не было желающих. Счастливый номер выпал Захару Федоровичу. Повезло страшно. Но куда денешься! Надо дорогих сто долларов отработать. Выбор небогатый: что от пенсии государственной рано или поздно ноги протянешь, что от зверя дикого смерть принять быстро.

– Захар Федорович, рассчитываю на тебя! Не дрейфь! Соберись! — Петрович как заправский тренер подошел к бледному Захару Федоровичу, в глаза заглянул, дал папиросой затянуться, по спине похлопал, виски не предложил — жмот. — Ну, пошел! Все наизготовку, заняли позиции. Приготовились!

Немец невозмутим. Ружье из чехла вытащил, прицелился в сторону берлоги, заряды проверил. Ждет, фашист, жаждет крови невинного животного.

– Ты только мишку вымани, дальше мы справимся, — напутствовал Петрович.

Захар Федорович хотел сказать какие-нибудь уместные по случаю слова, попрощаться, что ли, передать кому-либо... но ни одного смелого, путного в голове не оказалось. Как во сне взял двумя руками березовый кол пятиметровый наперевес и двинулся к заснеженной берлоге, из которой легкий дымок подымался, как к амбразуре вражеской. На подвиг!

Стал пихать в сугроб, шевелить деревяшкой. Все дальше и глубже, решительней...

Удара Захар Федорович не почувствовал, но вдруг какая-то сила оторвала его от матушки-земли, подняла высоко-высоко в воздух вместе с колом, и увидел он сверху, одним взглядом, — словно за окном самолета, но, конечно, пониже будет, — как убегают куда-то друзья-охотнички во главе с командиром Петровичем. И хлыщ с фотоаппаратом не отстает от них. Бросили предатели раненого бойца! А медведь из берлоги выползает, — сна ни в одном глазу, — ворошится. Крупный. Один только господин Берг в колясочке невозмутимо сидит. Не торопится уезжать...

Приземлился на спину прямо между инвалидом и косолапым. Даже не ушибся, сознания не потерял, только шапку хорошую заячью, почти новую, и валенок с левой ноги обронил. И узрел картину: как поднимается на задние лапы во весь свой исполинский рост лесной гигант и недвусмысленно направляется к ним. Скорым шагом.

Закрыв глаза Захар Федорович, зажмурился. Представил, что это сон снится ему. Но ничего подобного. Рычит зверюга, не заснешь! В штанах ватных мокро сделалось — заразился медвежьей болезнью. Прощайте, не поминайте лихом!

Раздался выстрел. Один! Как из пушки! И упал исполин прямо к ногам Захар Федоровича, дыхнул зловонием напоследок в лицо. Затих. Скончался.

А немецкий товарищ прикладом в Захара Федоровича тычет, говорит по-своему, мол, вставай, друг, не лежи, замерзнешь. Лучше выпьем! Ура! За нашу победу! И протягивает фляжку. И если до падения Захар Федорович ни бум-бум по-немецки, то теперь все ему понятно, что камрад произносит. Лишь ответить не может.

Слезы в глазах стоят, от благодарности по-русски: «Спасибо, друг! Век не забуду! Да я за тебя... да я... любого... что хочешь проси... порву!» Ну и там еще «хендэ хох и гитлер капут». И лезет обниматься с дорогим и близким ему человеком...

Слава богу! Все обошлось. И жив остался, и сто долларов заработал. Спасибо Петровичу,

бизнесмену хренову, заячья его душонка, дай бог ему здоровья за заботу! Никогда более не заманит! Ни за какие пряники! Теперь зиму переживем, не страшно, поспразднуем.

Ехал Захар Федорович из магазина не спеша, не гнал. Внимательно. Луч фары скользил по зимнику, далеко и заранее выхватывал из темени повороты, сугробы высокие, елки разлапистые. Хорошо. Луна из-за туч поглядывает. Ветер в лицо дует.

И тут за каким-то поворотом увидел Захар Федорович кучу темную посреди дороги. Стал притормаживать: «Что за хреновина? Как бы не впялиться!»

А тут куча приподымается, лапищи откуда-то у нее вырастают, машет ими, на задние встает, движется в сторону Захара Федоровича, звуки неясные издает. Скорость движения наращивает.

«Медведь! Опять! — у Захара Федоровича внутри жизнь и остановилась. — Быть этого не может... Так не бывает!.. Жизнь-то только налаживаться стала... Не верю! — стреляло в голову Захара Федоровича. А руки сами руль «Бурана» поворачивают, развернуть снегоход пытаются. — Шатун, что ли?.. За брата мстить собрался?.. Не уйду, не успею! Догонит, собака! — И все признаки медвежьей болезни в нижней части тела нарастают».

Сорвал с плеча ружье одноствольное и не целясь выстрелил. Мимо! Из-за пазухи выхватил кусок хлеба с колбасой докторской недоеденной и бросил за спину: «Подавился, сволочь! Может быть, отстанет?»

А медведь приближается, колбасу игнорирует, повизгивает, да как закричит слабым женским голосом: «Не стреляйте-е! Помогите! Остановитесь!.. Стойте-стойте! Спасите!»

«Баба?! Человек! Откуда?» — Захар Федорович остановился, двигатель приглушил, со снегохода слез, крикнул громко и успокоенно в ответ: «Вы кто?»

— Я невеста!.. Невеста Ивана Архиповича Горшкова! Невеста-а-а!!!

«Веста-а-а, веста-а-а» — подтвердило эхо в черном лесу... Захар Федорович перекрестился раз, другой, хотя и неверующий был... Попятился. Чуть не упал, еле удержался на ногах.

— Кого, кого невеста? — не поверилось до конца в страшную истину. Откуда ему было знать о письмах, о надеждах Ивана Архиповича.

«Это ж сколько лет Горшкову стукнуло? Постарше меня, пожалуй, будет. Какие, на хрен, невесты, откуда? Это с каких пор они по лесу шарятся? О душе думать пора».

А кругом лес шумит, деревьями к Захару Федоровичу движется, приближается, и ни одной живой русской души. Ружье незаряженное бесполезно на шее болтается...

Вчера от нечего делать заглянул к Петровичу, а тот хвастается — видеомагнитофон купил. На медведе заработал. Предложил кино зарубежное посмотреть. Фильм ужасов. Не то «Восставшие из ада» назывался, не то еще как-то. Пакость редкостная. Мертвецы — зомби зовутся — из могил выползают, на людей кидаются. Первый раз подобное видел. Перестройка! Спасибо Горбачеву, позволил заглянуть в потусторонний мир, да и Ельцину — открыл глаза народу на нравы обитателей подземного царства. А то так бы и продолжали скрывать от людей правду жизни. Держать в неведении.

Правда жизни сейчас была уже в двух шагах от Захара Федоровича. Зомбиха шкуру скинула — это полушубок на ней был, — под ним пальто зимнее, зеленое. И его пытается растегнуть, с себя сбросить, для легкости хода. Что там под ним — страшно и подумать! Это там у них, за границей, зомби легко одеваются, а у нас не побалуешь, приходится утепляться. Захар Федорович одним броском на снегоход заскочил, давай газовать. Гусеница проскальзывает, свистит — лыжа на что-то наткнулась. «Буран» с места не трогается, мотор ревет. Невеста поганая сзади на сиденье заскочила, к Захару Федоровичу прижимается, руками ледяными за шею хватает. Сейчас кусать начнет!

«Все, отъездился!» — Захар Федорович не людь сбросить пытается. Кричит матерно. А та крепче еще цепляется.

— Не бросайте меня! Спасите! Не оставляйте! — сквозь слезы умоляет мертвая гадина, плачет, притворяется.

Все-таки свалила Захара Федоровича на землю, сверху навалилась, в лицо заглядыва-

ет... Теплым дыханием обдаёт. Слышно, как сердце её учащённо бьётся. Горячие слезы каплют. Горькие капли Захару Федоровичу в рот затекают.

— Ты что, живая?

— Живая я! Живой осталась! Спасли вы меня. Не дали погибнуть! — С тела Захара Федоровича слезит. Хотя лучше бы осталась. Давно Захар Федорович бабу на себе не держал, не прижимал. Отпускать не хотелось. Встала, фамилию назвала, имя, отчество. Рассказала Захару Федоровичу, как происшествие случилось, как одна-одинешенька в лесу оказалась.

«Ну, Иван Архипович! Иван Архипович! Ну, даёт! Конспиратор! Все не угомонится, кобель старый», — слушал историю Захар Федорович.

Перекурил. Принял решение.

— Поехали! Дома у меня доскажешь. Небось замерзла, натерпелась! Отогрею! Чем смогу.

— Как же Иван Архипович, он, наверное, волноваться будет?

— Ничего. Перетопчется. Не впервой.

Помчались с ветерком. А что ей делать оставалось — не в лесу же куковать?

Иван Архипович пропажу заметил, когда по деревне мчался. Вот уже и дом виден. До этого не до того было: главное, поскорее долететь. Оглянулся на санки, а там нет никого. Ни дамы, ни чемодана, ни сумочки. Полушубок тоже куда-то исчез. «Может, и не было никого? Может, это мне все привиделось? От постоянного одиночества?» Но пропавший полушубок, в качестве вещественного доказательства, опровергал это направление мысли Ивана Архиповича: «Что делать? Где ж я её потерял? Назад поворотить? Надо было хоть изредка поглядывать!»

Решил вначале горячего чаю испить, да бензина дозаправить, да с мыслями собраться. Через полчаса в обратную сторону полетел.

Нет никого на дороге! Аж до Великой Губы добрался — пусто. Никто одинокую бабу не видал. Не захаживала. Поташился обратно. Проедет немного, покричит-позовёт. Тихо. Скрип лесной в ответ раздаётся. Сердце по-

шаливать стало. «Не утащили ли бабу волки?» — на дорогу внимательно Иван Архипович посматривает — ищет кровавые следы трагической развязки. «А это что такое? Явно снегоход здесь чей-то елозил. Туда-сюда. А вот и отпечатки тел человеческих — борьба нешуточная случилась — сугроб весь утоптан. Но крови не видать». И тут как молния пронзило Ивана Архиповича видение: как крутился у своего снегохода перед магазином Захар Федорович: «Точно, точно он! Следил, завистник! Воспользовался случаем. Силой захватил избранницу — он как сопротивлялась бедная женщина, отбивалась. В лес пыталась уйти. Не дал, изверг, увез!»

И что было в нём и «Буране» сил помчался выручать пленницу.

К дому Захара Федоровича подлетел, чуть баньку не снес, на крыльцо забежал, кулаком в дверь застучал.

«Отдавай, ворюга, чужое, не тобой нажитое!» — про себя кричит Иван Архипович.

— Кто там? — из-за двери спрашивает Захар Федорович, но уже догадался, кто в гости пожаловал. Не спешит открывать, понимает возбужденное состояние Ивана Архиповича.

— Признавайся, ты женщину мою нашел в лесу, подобрал чужую?

— Спас! Скажешь тоже — подобрал! Да если б не я, то погибла бы. Замерзла. Да и тебя, дурака, от тюрьмы уберег. Отвечал бы за содеянное, — не открывая дверей, аргументировал свою позицию Захар Федорович. — Привязывать крепче надо!

— Пусть она сама ответит! Ко мне ехала! Со мной жить собиралась! — не сдавался Иван Архипович.

— Отваливай! Моя она теперь! — глумился за дверью соперник. — Иди, иди, пиши письма! Другую по почте выпишешь. Оформляй подписку!

— Нет! Пусть она выйдет! Что ты за неё решаешь!

Женщина сидела в избе ни жива ни мертва. Прислушивалась. Страшно — как бы смертоубийство между мужчинами не произошло. Покалечат друг друга, с кем потом жить? Ухаживай за инвалидом! Мыкайся!

Сама она за последние три месяца намыка-

лась. Нагоревалась. Наплакалась. Дом ее родной сгорел дотла. Дымоход нечищенный подвел. Что было под рукой, в том и выскочила. Хорошо, что соседи в деревне добрые, приютили. Но не вечно у них маяться. Объявление в газете прочитала — подходит предложение, вот и бросилась от отсутствия жилплощади в омут сожительства. Думала, перезимует, а летом видно будет, может, заново отстроиться удастся. Сбережения есть, страховка за дом, сельсовет лесом обещал помочь...

Но что сейчас загадывать, выбирать надо — с кем остаться. А разницы большей не наблюдалось: что у этого дом и баня на берегу озера, что у другого. И сараи имеются, снегоходы, ружья с патронами, бензопилы «Дружба», лодки с моторами, лишь собак по-разному зовут. Один высокий, другой пониже. Один потерял, другой нашел.

Может, это судьба?

Вышла к дверям: «Простите меня, Иван Архипович! Если сможете. Здесь остаюсь». Развернулась, в избу ушла. Дверь плотнее захлопнула, чтобы никого не слышать. Устала.

— Ну и гад ты, Захар Федорович! Охмурил неопытную женщину, чужими руками счастье свое строишь! — не унимался Иван Архипович. «Подпалить, что ли, его вместе с изменницей?» — пошарил по карманам — нет

спичек: забыл, что давно не курит. Может, это и к лучшему. Не стал брать грех на душу. И так все ясно. Не отбить! От ворот поворот!

— Аукнется тебе, Захар Федорович! Сторицей вернется, ответишь за все! — уже садясь на снегоход, кричал в закрытую дверь Иван Архипович.

— Езжай, езжай, женишок! Вали! — снисходительно прощался Захар Федорович. — Что с веза упало, то пропало!

— Да чтоб у тебя... змея... упало... чтоб в первую брачную ночь... да все... все и пропало! Не стояло! Никогда! Из рук валилось! Паразит!

Плюнул Иван Архипович напоследок на крыльцо обольстителя и потрусил домой. Обиду заглаживать. Да и метель начиналась, как бы не заплутать в потемках...

Виктор Евгеньевич ТУМАНОВСКИЙ

детские годы провел на Украине.

В музее «Кижы» был разнорабочим, электриком, почтальоном,

пожарным, организатором экскурсий,

пил и колот для нужд музея дрова,

косил траву вокруг памятников деревянного зодчества,

подрабатывал плотником...

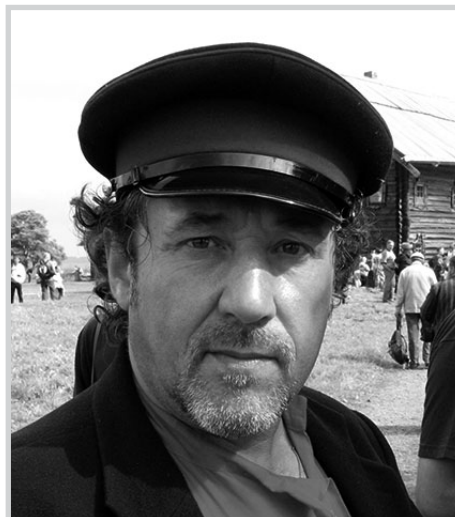
Живет на соседнем с Кижами острове Большом Климецком

в деревне Патаневщина, в том самом месте,

где проживал знаменитый заонежский сказитель

Трофим Григорьевич Рябинин.

В журнале «Север» публикуется впервые.



**Наталья
АРХИПОВА**

г. Петрозаводск



*Моим друзьям,
которые вытолкали меня в Париж*

O Paris, je suis bien dans tes bras...¹

«Ты была в Париже?» Это действует на людей как бокал шампанского.

Было ли это со мной? И я ли это была?

...А началось все с фразы, которую произнес один француз много лет назад: «До встречи в Париже!» Случайные слова прозвучали как «до встречи на Луне», но занозой зацепились в душе, напоминая о себе время от времени. Любовь к французскому шансону, судорожные попытки сохранить знание языка — многолетнее чтение

новелл Андре Моруа, стихотворений Верлена и Аполлинера... А Париж перемещался все дальше и дальше — и вот он уже в другой галактике, а вокруг тебя дети — свои и чужие, и нет времени и сил ни на язык, ни на Моруа, ни на Верлена. Только песни Ива Монтана, Джо Дассена и Далиды вдруг выхватывают тебя из круга земной суеты и... И вот уже дети выросли, а Париж не приблизился ничуть. Ты уже по привычке произносишь: «Хочу в Париж!» А кто не хочет? Покажи мне такого человека!

И однажды, произнеся привычное заклинание, ты вдруг слышишь в ответ: так в чем же дело — поезжай! Одна! Ты храбро отвечаешь: «Поеду!» А сама уже звонишь сыну: «Может, все-таки в Египет, там дешевле?» И слышишь в ответ: «Лучше в санаторий в Белоруссии, там еще дешевле. Мама, ты же столько лет мечтала о Париже!»

«Ну все, билеты куплены, теперь уж не отвертятся...» Это, между прочим, о тебе. А ты себя чувствуешь астронавтом, которому придется высадиться на неизвестной планете. Последние наставления перед стартом... «Поехали!»

Вы помните, как римские полководцы возвращались после победы над многочисленными врагами? Мои первые шаги в Париже — шаги римлянина, который готовится пройти через триумфальную арку. Я на площади Этуаль, и передо мной возвышается Триумфальная арка, а под ногами, где-то в глубине — парижское метро, как Критский лабиринт. В душе уже звучат песни Монтана, а разум напоминает советы подруги: «Не бойся спрашивать у людей. Один, другой, третий, четвертый не ответят — пятый обязательно поможет». А я и не боюсь — я спрашиваю. Правда, не все понимают, что я говорю по-французски. «English?» Слова застревают, стремясь вырваться наружу. И вот уже он — спасительный выход из «чрева Парижа» — метро. «Не спущусь в метро больше ни разу», — даю себе слово и через пару часов его нарушаю.

Маленькая уютная гостиница, улыбаю-

¹ О Париж, мне хорошо в твоих объятиях...

щийся портье. Я легко произношу заготовленную заранее фразу по-французски: «Здравствуйте, месье, меня зовут Элен, я из России». И слышу в ответ на русском: «Расслабьтесь, Элен, я знаю русский язык».

...Что меня в Париже поразило больше всего? Атмосфера, люди, улыбки, протяжное «бонжу-у-ур, мадам», солнце даже тогда, когда его нет.

— Спасибо! — поблагодарила я двух девушек, которые запечатали меня на фоне «пирамиды» Лувра.

— Il ne faut pas dire спасибо, Il faut dire merci, — услышала я за спиной. Высокий, похожий на д'Артаньяна француз улыбался мне.

— Конечно, я забыла, что нахожусь во Франции, — ответила я.

— Откуда вы приехали?

— Я из России, в Париже всего несколько часов.

Ущипните меня, неужели я в городе своей мечты?! Но ущипнуть было некому, ведь я не смогла это произнести на французском языке. А д'Артаньян между тем шел следом за мной по квадратному двору Лувра.

— Il pleure dans mon coeur comme il pleut sur la ville...² — произнес он строки известного стихотворения Верлена.

— Quelle est cette langueur qui pénètre mon coeur?...³ — продолжила я.

Так с Верлена началось наше знакомство с Клодом Лебреном, служащим банка на Елисейских Полях.

— Я турист в родном городе, люблю ходить пешком по улицам Парижа.

— Может, вы из туриста на время превратитесь в моего гида?

— С удовольствием!

Мост Искусств, остров Сите, Нотр-Дам де Пари, бульвар Сен-Жермен де Пре...

Слова потекли сначала робким ручейком.

— Пожалуйста, медленнее, — просила я Клода. И он терпеливо повторял мне какой-нибудь вопрос.

Но чем больше я общалась с Клодом, тем больше мне хотелось говорить на языке. Наконец-то нашелся человек, который был способен оценить стихи и песни, которые я читала и пела самой себе столько лет...

— Мне очень нравятся песни Ива Монтана.

— Так вот же, Элен, в этом доме на бульваре Сен-Жермен де Пре жил Ив Монтан! Элен, такая женщина, как ты, не может быть одна.

— У меня семья, дети... А ты?

— Я не женат, моя женщина опаздывает.

— Но это ты опаздываешь...

...Я иду на свидание с настоящим французом! Такого я не предполагала даже в моих самых смелых мечтах о Париже. «Может, стоит остановиться? Воспоминаний о первой встрече с Клодом тебе надолго хватит. Помнишь свое жизненное кредо: пришел, увидел... решил не связываться?» — шептал мне внутренний голос.

Вечерний Париж в расплывающихся от дождя огнях... Таинственное, подсвеченное снизу здание Лувра, фонтан, поющий свою бесконечную песню в унисон с дождем... И никого. Правда, я опоздала на пятнадцать минут.

«Видишь, как хорошо, — все решилось за тебя. Можно вернуться в теплую, уютную гостиницу, а не бродить под дождем неизвестно с кем», — убаюкивал меня внутренний голос.

— Будьте добры, сфотографируйте меня.

Обернувшись, я увидела еще одного «настоящего» француз в длинном плаще с гитарой за спиной. Мишель (так звали моего нового знакомого) уже собрался исполнить на гитаре одну из композиций собственного сочинения, но тут... появился д'Артаньян.

— Клод, ты опоздал почти на полчаса!

— Нет, Элен, я пришел вовремя, тебя не было, я вернулся случайно.

Два «настоящих» француз пожали другу другу руки. Я поняла, что музыку услышу как-нибудь в другой раз.

И вновь мы с Клодом идем по улицам Парижа, и французский язык звучит лучше всякой музыки... Подсознание выталкивало из меня такие слова и выражения, о существовании которых я даже не подозревала.

— Элен, куда мы пойдем? В кафе?

«А вдруг тебе придется самой платить? Как ты будешь доставать деньги из кармашка, пришитого с внутренней стороны юбки? А если Клод заплатит за тебя, как ты будешь с ним расплачиваться?» — это все тот же трусливый тоненький

² «Плачется моему сердцу, как дождю в городе»

³ «Что это за язык, который проник в мое сердце?»

внутренний голос продолжал запугивать меня.

– Я очень хочу увидеть Латинский квартал, Сорбонну...

– Элен, и ты не хочешь попробовать устрицы? Ты любишь устрицы?

«Ха-ха, – веселился внутренний голос. – Вспомни мультик про зайца, у которого спросили, любит ли он конфеты. А заяц ответил: я так люблю конфеты, я так люблю конфеты, только я их никогда не ел...»

– Нет, Клод, я не очень люблю устрицы.

Интересно, попробую ли я когда-нибудь устрицы? «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока», – вспомнилось мне вдруг.

– А что же ты любишь, Элен? Красную или черную икру? – допытывался Клод. Видимо, голоден был, это я уже потом поняла.

– Предпочитаю черную, – поспешно ответила я и переключила внимание Клода на высившееся впереди здание Консьержери.

Принарядившиеся к Рождеству, сияющие витрины бутиков и призрачные, темные, как будто выплывающие из глубины веков здания Сорбонны, Пантеона... Дождь, «лес» новогодних елок на площади перед театром Одеон, внезапно «пробудившийся» фонтан в одном из дворов...

– Элен, хотела бы ты жить в Париже?

«Скажи ему, как тебе здесь хорошо, как ты растворяешься в этом городе и чувствуешь себя его частью, как близки тебе парижане по темпераменту, по непосредственности и эмоциональности... Что же ты молчишь?» – мой внутренний голос перехватило от волнения. Вот он, этот момент выбора.

– Элен, почему ты молчишь? Ты хочешь жить в Париже?

– Не знаю, скорей всего, нет...

«Дура!»

Может, и вправду дура? Принять всерьез обычную французскую учтивость, дежурный вопрос воспринять как гамлетовский «быть или не быть»? Сколько стереотипов пришлось разрушить, страхов преодолеть за эти несколько дней, для того чтобы понять, что все барьеры – внутри тебя. Отпусти их – и ты станешь счастливее.

...А самолет уже набрал высоту. Париж выпустил меня из своих объятий...



рассказ

Моей подруге Наташе

Автобус, похожий на огромного неуклюжего жука золотисто-зеленого цвета, медленно карабкался по сутулой спине одной из гор Стара-Планины⁴. С каждым кольцом серпантина все ближе и ближе к вершине. Иногда он не мог вписаться в поворот, тогда водитель сбрасывал скорость и автобус начинал сползать на обочину, пытаясь развернуться. «Жук упал и встать не может, ждет он, кто ему поможет», – вспомнились Светке слова, когда она, вжимаясь в кресло автобуса, представляла, сколько раз автобус перевернется, если вдруг водитель не справится с управлением. Страх мешал ей любоваться опрокинутыми чашами гор, стройными рядами виноградников на склонах и зелеными с желтыми крапинками полями подсолнухов в долине.

Про таких, как Светка, говорят: «маленькая собачка до старости щенков». Несмотря на то

⁴ Балканские горы в Болгарии.

что ей давно уже перевалило за сорок (как говорила ее мама, пятьдесят на горизонте), она сохранила способность удивляться и не свойственную возрасту, не всегда уместную наивность и непосредственность. Ее подругу Веру, с которой они когда-то учились вместе в институте, а теперь ехали на экскурсию в болгарскую деревню, напротив, трудно было чем-то удивить. Она — в прошлом гид — объездила много стран. Вера как спокойная река: на поверхности — зеркальная гладь, а в глубине — водовороты и стремнины. Сейчас она с улыбкой наблюдала за напряженным лицом Светки.

— Ни за что не сяду в автобус, если вдруг доберемся до вершины, — судорожно вздыхая, время от времени бормотала Светка.

— А как назад? Верхом на ослике? — снисходительно улыбаясь, спросила Вера.

— Побегу впереди автобуса, как Данко, освещая вам дорогу сердцем.

— Ну-ну, — откликнулась та, — а косточки бедного Нильса кто будет собирать?

Тем временем «косточки бедного Нильса» благополучно добрались до вершины горы, на которой уютно разместилась деревушка, купающаяся в лучах заходящего солнца. Пружинка страха, застрявшая внутри Светки, постепенно разжалась. Солнце, звуки волынки из-за высокой изгороди, маленький, как будто игрушечный ослик, на которого тут же посадили детишек из автобуса, — эта пасторальная картинка мигом успокоила Светку, наполнила ощущением какой-то теплой радости.

Гостеприимные болгары встретили их хлебом-солью, провели в уютный дворик старинного дома с разными постройками. Чего тут только не было: и крошечная часовенка, и помещение, в котором изготавливали ракию, и маленькая сувенирная лавка, и большой зал механы, традиционного болгарского ресторана. В центре просторного двора горел костер, напоминающий о том главном событии, ради которого туристы забрались под самые небеса, — танцах на углях.

Праздник начался в просторном зале механы. Длинные деревянные столы, покрытые традиционными болгарскими красными скатертями в клетку, глиняная посуда, полосатые домотканые дорожки на скамьях, такие же дорожки, только понарядней, на белых оштукатуренных стенах зала — все показалось Светке совершенно прос-

тым, деревенским. Чувствительная к запахам, она распознала кислотовато-пряный аромат особого невыдержанного болгарского сыра, брынзы, вина, паприки, зелени — чубрицы, которые настраивали на домашний лад. Свет в зале был приглушенный, теплый, только площадка в центре хорошо освещена.

У Светки закружилась голова от болгарского молодого вина, льющегося рекой из бочек, искрометных народных танцев и песен, от пестроты национальных костюмов. Сияющие улыбки, словно напитавшиеся солнечным светом и энергией гор, болгарские танцоры «зажигали» на небольшой сцене, еще больше возбуждая хмельную, разгоряченную публику.

— Настоящий карнавал! Народный праздник! — восклицала Светка.

— Какой карнавал? — смеялась Вера. — Сними розовые очки! Это же шоу для туристов! Посмотри на народ — некоторые еле на ногах стоят!

Дойдя до «точки кипения», действие завершилось общим хороводом и выходом во двор, где уже догорал костер.

Тем временем ночь накинута на горы свою расцвеченную блестками звезд шаль, под которой угадывалось таинство жизни. Светку вдруг осенило, почему южную ночь называют бархатной. Ночь впитывает зной и запахи дня, поэтому ощущение неги и тепла остается, как будто тебе на плечи накинута бархатная накидка.

Собравшиеся во дворе ждали главного представления — танца на углях...

Светка увидела коренастого болгарина, похожего на старого пирата, с усами, воинственно торчащими в разные стороны. Голова его была повязана красной косынкой, горделивая осанка выдавала достоинство, характерное для жителя гор. Он подошел к почти прогоревшим углям и стал ворошить их с помощью металлического прута. Головешки рассыпались на тысячи маленьких угольков, заблеставших с новой силой. Используя прут, сначала он выложил из этих угольков крест, затем ловким движением соединил концы креста. Светке показалось, что на земле засветилась карта звездного неба, только вместо звезд — мигающие угольки. С иконой святых Константина и Елены — покровителей огня — болгарин обошел магический круг. Можно ли было назвать танцем его движения внутри круга? Не отрывая взгляда, наблюдала Светка за рит-

мичными перебежками болгарина от одного края круга к другому, сопровождаемыми протяжной музыкой волынки и мерными звуками барабана. У нее создавалось впечатление происходящего на глазах таинства, какого-то древнего ритуала. Через некоторое время нестинар⁵ подхватил на руки девушку, стоявшую ближе всех, и вошел в мерцающий круг, держа ее на руках. Обезав круг, он выхватил из толпы ребенка и вновь вошел в сакральное пространство. Так продолжалось несколько раз. Через некоторое время дети стали протягивать руки болгарину, желая попасть в этот заветный круг... Сколько времени длилось это представление? Светке казалось — целую вечность. На самом деле всего несколько минут, пока не потухли угли.

Пора было возвращаться домой. Светка с Верой, вместе с остальными туристами, шумно обсуждавшими события вечера, направились к автобусу.

— Я сейчас, — сказала Светка подруге и возвратилась на опустевшую площадку. Припорошенные пеплом крошечные угольки слабо поблескивали. Светка сняла туфли, выдохнула и, застыв на мгновение, — вошла в круг. Ей удалось пройти не более двух шагов по еле тлеющим, но острым, как шипы, углям ... «Неужели не получится?» — расстроилась Светка. Вспомнив ритмичные движения нестинара, она начала пританцовывать в такт слышимой только ей музыки, то кружась на месте, плавно взмахивая руками, то

мелкими шажками скользя вдоль круга. Иногда ей удавалось заступить за черту, и она на цыпочках перебежала по краю колочей угольной «поляны»... Она «осваивала» пространство круга, как ребенок, который делает свои первые шаги, как альпинист, покоряющий новую вершину, как путешественник, высадившийся на неизведанной земле... Было страшно, но весело, дух захватывало от новизны ощущений...

Светка так увлеклась, что не сразу услышала сигнал автобуса, созывающего запоздавших туристов. Забыв о своем обещании освещать дорогу, проскользнула в автобус и стала пробираться на свое место, рядом с Верой. «Жизнь невозможно повернуть назад, и время ни на миг не остановишь...» — зазвучало из динамиков автобуса. Туристы подхватили песню... «А ведь действительно невозможно, — думала Светка, — спускаться с горы все равно придется». Странно, но чувство страха куда-то исчезло. Казалось, страх ее «сгорел» в том костре вместе с углями, на которых танцевал нестинар. Автобус скользил фарами по придорожным камням, кустарникам, черным дырам, за которыми угадывалась пропасть. А Светка уже знала, что после пережитого там, на вершине горы, ничего плохого с ней не случится.

⁵ Нестинарами называют людей, которые обладают способностью танцевать на углях.

Наталья Анатольевна АРХИПОВА

родилась в Петрозаводске.

Окончила историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работает заместителем начальника отдела

«Детский музейный центр» музея-заповедника «Киж».

Рассказы и статьи публиковались в интернете,

в газете «Киж».

В журнале «Север» публикуется впервые.



Николай Иванович ШИЛОВ

родился в 1943 году в Архангельской области.

С 1971 года — музейный работник.

Работал в Соловецком музее-заповеднике,
Карельском государственном краеведческом музее.

С января 1992 года —
научный сотрудник музея-заповедника «Кижы».

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Николай
ШИЛОВ**

г. Петрозаводск



*«Напасти где-то
за горами...»*

УЧИТЕЛЬНИЦА

Зинаиде Васильевне

В руки чемоданы —
выходить пора.
На вокзальном здании —
надпись: «Медгора».

Всё! Уехал дальше
обжитой вагон ...
Деревянный город.
Карканье ворон.

Лошадиный запах.
Мелкий санный сор.
Мужиков степенных
тихий разговор

про овёс, про мыло,
гвозди и сукно,
и о том, что было
и что быть должно.

Смотрят с интересом
из-под картуза
ребятишек местных
синие глаза.

ПЕРЕМЕНЫ

Деревянный старый дом
вспоминаю заново,
Соломбалку подо льдом,
улицу Суханова.

На пороге Новый год,
снегопад на улице.
Погадаю: чёт — нечёт,
сбудется — не сбудется.

Не сегодня — завтра, но,
леди и джентльмены,
точно знаю — всё равно
будут перемены.

Свиристит в углу сверчок,
хорошо у печки.
Выпускаю в потолок
сизые колечки.

* * *

Рассвет. Иду с рабочим людом,
сквозь снег грохочут поезда,
как будто я вернулся чудом
в шестидесятые года.

Пусть башмаки отнюдь не новы
и продуваемо пальто,
зато все живы и здоровы
и жизнь вся впереди зато.

Напасти где-то за горами,
всегда поймёт, утешит мать.

Как жаль, что только лишь с годами
я начал это понимать.

Возврата нет. Господ всё больше,
товарищей всё уже круг, —
и вообще — дела, как в Польше,
и перспективы нет. И вдруг

мелькнут на миг во встречном взоре
шестидесятые года,
их солнце, небо, лес и море
и голубые города.



сказка

Служила Катешка у одного купца, который чистой водой торговал. Всю ить воду в городе загадили, на питьё взять неоткуда: пойдёшь, скажем, с ведёрком на колодец, а тамотко ребятишки в него дохлых мышей да арбузные корки набросали — вот и напейся поди.

Выковали тому купцу кузнецы напарьё здоровушшее, нанял он семь ражих мужиков водяную сважину в земли сверлить. Шестеро напарьё крутят, по три лба на ручку, а сёмый отвесом прямо-правильность хода проверяит. Сверлили-сверлили сыру землю, пока вода скусная оттеда с глубины не попёрла. Тут купец скважину частоколом обнёс и контору во-

Олег СКОБЕЛЕВ

г. Петрозаводск

дохлёбную обок поставил. Набрал себе штату из красных деушек да чистых старушек — деушки воду меряют да деньгу с клиентов берут; старушки чай пьют да прибыль-убытки подсчитывают.

А Катешка середь тых деушек конторских самая приветная разлапушка была. Девка она была грамотная, смиренная, свою позицию блюла: если кто, неладный, за бочок — она ему в зубы локоток.

И такое дело: приезжат раз за водой себе к чаепитию заводчик богатой. Нацедили ему лагунок двухведёрный воды, Катешка денежки от него принимает, сама спрашивает: «Хватит ли вашей милости чаю попить, а то ещё бы водицы взяли?»

А заводчик подозрительной такой, один на капитале сидит, родню отпихиваит, дак боится кругом отравления какого. «А ну, — грит, — сома-ка, деушка, глони водицы с лагунка сперва, а то мало ли што вы мне тут накачали. Шут вас разберёт. Монета звонкая плочена, а каков чаёк выдет — неизвестно». Катешка ему: «Да что вы, ваше степенство, у нас наилучшего скусу источник!» Однако пришло-

ся так сделать, вынудил старичок беспокойнай. Налила с лагунка ковшик, испила, крякнула да обратно ему в горлышко остатки сплеснула — вода, вишь, куплена, за кажну каплю уплочено.

Уехал заводчик добрым путём, сели там семейством за стол, чаю с торгольской водицы напились с кренделямы, и так вот им вдруг по мужской части сделалось: влюбилися сам заводчик, да сын его, да внук в Катешку — хоть плачь. Сели на крылечке, повыли с сугубой любовной тоски и припустились на санях обратно в водяную контору Катешку обхаживать, пряникамы одаривать.

Прикатали в контору, значит, столик раздвинули, пряникамы-конфектамы устелили, слад-

кой водочки посере́дке поставили, Катешку ись за плеча усадили, смотрют на неё масляными глазами, слёзки любовные кулаками утирают. Чисто камедь. Ну што с има делать? Катешка в сладкую водочку губы помочила, пряником заедает, а заводчик ей и говорит: «Иди, брат, девка Катешка, замуж за меня! Я со старухой своей разведуся, всё равно уж три дня спина к спине спим!» А сынок евонный: «Нет, девка, за меня иди!» А внучок мокроусый: «Нет, дяденьки, за меня она пойдёт!» Так у Катешки пряник из роту под столик и выпрыгнул. «Счас, — говорит, — дяденьки-заводчики, вытти мни, девушки, надо, отапорюсь пойду. Обождите».

Выбежала в сенцы, за голову схватила, что с има, вадкима такима, делать, не знает, мало не плачет. А в сенцах при окошечке конторская кошка сидела, Маринка. Известно дело — где припас, там и мыши, аккуратно надо место содержать, коли люди туды ходют. Вот кошка Маринка по мышеловной части у них и служила. Тут она Катешке и говорит человеческим голосом: «Што ты, Катешенька, плачешь, по избы скачешь? Я хоть по-людски не баю, да все слова знаю». Так и так, обсказала ей Катешка про старого заводчика, про сынка да внука и как она сома в изумлении находится от такого ихнего поветрия.

Говорит ей кошка Маринка: «Это не горюшко! Нацеди ты им и scho лагунок двухведёрный, за тройную цену, штоб знали, гладкобрюхии, как любов в копеечку влетает, да дай-кося мни с него таперича испить. А остатки снова обратно в горлышко им сплесли». Так Катешка и сделала, как кошка ей велела. Крикнула конторских деушек да старушек, тыи быстренько вси пряники-конфекты как есть приели, хвантики от шоколаду обмунили; а сома заводчику опять лагунок за тройную цену нацедила, кошке Маринке в сенцы ковшик вынесла. Тая швыркнула водицы язычком три раза, хвостиком усы вытерла и уселаси штанцы к выходу языком чистить. А Катешка остатки с ковшика в лагунок сплесли, всех троих заводчиков за уши взяла, в обе щцоки расцеловала да до дому коленкой выпроводила. Поехали оны, улюблённыя, с песнями, едут с поворотамы, хотя дорожка прямая.

Прибыли в своё поместье, с любовной тоски снова чаю пить уселися. Внук на гитаре тренькает умильно, сынок баритном поёт, отец басом порявкивает. Испили по три чашки — чуют, любов к Катешке внутрях остыла, прошла совсим, а заместо неё к кошке Маринке привязанность сугубая вдруг обнаружилась. Сели на крыльчке, повыли с тоски и обратно в водохлабную контору покатили. Такая у их жисть беспокойная.

Приехавши до конторы, схватили кошку Маринку в охапку, расцеловали её со всех концов и на радостях домой быстрее воротились. А она, кошка Маринка, вскорости у заводчика под диваном троих котят принесла, окотиласи, значит. Сбежалися тут к дивану сам хозяин, да сын, да внук, котят делят — кому какой достанется — одному бусого хочется, другому рыжего, третьему лоскутного. Всим по милому котейки и досталоси. Зажили припеваючи, мурлыкаючи да играючи.

А кошка Маринка дитёв к месту пристроила и обратно на работу конторску вернуласи — как без места, без дела-то прожить. А вскорости и Катешка мила дружка нашла да замуж пошла, к женскому счастью определиласи. А кошка Маринка к им жить пошла. Тут и сказке конец.

Волк да Заяц

сказка

Сидел как-то раз Волк опосля удачливой охоты на горушке, своим ободом любовалсе. Брюхо к земли тянет, настроениё доброё, хошь — иди жарки по лужайкам нюхай да с бабочкам приплясывай! Вот, значит, глядит на лесной жисть, думает сам про себе: «В той вон пади кобаны ходют завсегда, корешки на прокорм себи роют; и опасная животино, а всё ж бывает — поросёнка-другого у их перехватить летышком. Хорошо!»

Вот в том перелеске на сизой чернице рябчики пасутсе, пересвистываютсе; хошь и ефемерная птушечка-рябушка, а иной раз оченно приятно рябцом перекусить. Жуй ёго с пирьями да хвостовые пёрушки поплёвавый — хорошо!

А вот в этом ельнички-рамени цто мышамы-то ходов понаделано! Как есь робкой твари запо-ведник. Тож завлекательно мыша выслушивать да лапами давить — много их по норкам водитсе, дело лёккоё, больши для весилля. Хорошо!

А тута ...»

Да и мысля у Волка перерваласе: глядь — по закусьям Заиц прошмыгнул, прям пулею, токо подхвостьё белоё мелькнуло. И нету. Чьто за притча! Стал Волк пристально наблюдать — ко-сье, извесно дело, кругами по лесу бегают. Малоё время погода — шасть! — опять тот жи Заиц низом проскочил. Антирасно Волку стало, аж ла-пы зачесалисе: никто за им, бедовым, не гонитсе, а он, косой дух, прям из шкуры вылетает от бего-вой удали. В цём тут дело?

Сошёл Волк со своего холмика, стал на зай-цев путик, подстерёг, когда Косой промеж двух берёз пролетать будит, да и выстал неж-данно из травы. Заиц ёму — бум! — с налёту го-ловой в бок, токо Волчьё брюхо всколыбалосе да пузырёк отрыжный из пасьти вылетел. Пал Заиц назад, лапки задрал и глазки закатил — лежит ни жив ни покойник.

А Волк от сытоссти доброй, ёму смешно:

— Уй, — грит, — Заиц, не могу! Цё, брат Косой, ты по закусьям даром носиссе, белу свету свои штанцы невыходныи показывайшь? Не стану я теби ись, не боись, рассказывай!

Видит Заиц, цто Волк им не как хыщник за-

куской антирисуетсе, а как лесной досужий обы-ватиль неизьясным явлениём.

— Ой, — грит, — Волк! Мочушки моей нету так дальши жить — от сибя, брат, бегу! От сибя! Сам, брат, посуды: детство-робяцество моё тижолоё было — папка-мамка миня ни любили — папку вобче в глаза не видывал, мамка, когды мни ме-сец от роду был, снова хвостом вертеть давай да новыма зайчатами обзаводитсе. И дальши ни лутьши: оженилсе я на молодом возрасти, сдуру, брат, шкуркою гладкою прельстилсе. Зайчиха ото мни гуляит, а я — от ей, дети-зайчата у всех у нас родютсе, у Зайчихи — дома, у миня — на сто-роны. Родителёв дети ни уважают — да и в кого им быть! Совету-благословеньица ни спрашива-ют, а всё валерьянку по лугам копают да по пням ночамы барабанят. А нониче в лужу посмотрелсе — усики мои посидели, ухи вси в прожилках ста-ли — ой-ё-ёй! Жисть-то, брат, прошла! Бросилсе я в ворота да побёг от себи куды глаза мои глядят! Не могу больши себе, таковскаго — бесталанна-го, бессмысленнаго, на дух переносить!

А у Волка от жалости да от Зайцевых излиний брюхо сбурындало, снова ёму ись захотелосе.

— Эх, брат Заиц, — грит, — всё одно теби пропа-дать! Давай я теби, непотребнаго да греховодна-го, за то и зым, брат, не побрезгаю!

И зыл ёго.

□

Олег Александрович СКОБЕЛЕВ

родился в 1965 году в г. Кизел Пермской области.

Окончил Ленинградскую лесотехническую академию им. Кирова,

работал инженером-лесостроителем в Иркутске,

рабочим и плотником-реставратором

в музее-заповеднике «Кижы», «вольным» плотником и столяром.

С 2001 года — инженер и старший научный сотрудник отдела

истории и этнографии в музее-заповеднике «Кижы».

В журнале «Север» публикуется впервые.



Александр Николаевич КОВАЛЕВ —

доктор технических наук.

Поэт, прозаик, публицист,
автор многих книг и публикаций в периодике.

Член Союза писателей России,
лауреат премии Ленинского комсомола
и Всероссийской литературной премии
им. Бориса Корнилова.

Профессор,
академик Петровской академии наук и искусств.

Член редакционного совета журнала «Север».

Живет и работает в Санкт-Петербурге.

**Александр
КОВАЛЕВ**

г. Санкт-Петербург



Читатели нашего журнала хорошо знакомы с творчеством питерского писателя, члена редакционного совета и многолетнего автора «Севера» Александра Ковалева. Его стихи и проза не раз печатались на страницах журнала. Вместе с тем А. Ковалев широко известен и как автор иронических творений. Его юмористические стихи и пародии публикуются на 16-й полосе «Литературной газеты», звучат в авторском исполнении на центральных каналах телевидения, включены в программы известных артистов эстрады.

Сегодня, в 65-летний юбилей автора, с которым редакция «Севера» сердечно поздравляет Александра Николаевича, мы решили познакомить читателей и с этой стороной его творчества. Надеемся, что отобранные нами для этого случая пародии не покажутся читателю слишком скучными, а конкретным персоналиям — слишком обидными. Вам судить.

ЛЮБОВЬ К ТРЁМ МАНДАРИНАМ

Дайте мне три мандарина!

Я угощу на пруду

Лебеда Лоэнгерина

И — на ветвях — какаду...

(Новелла Матвеева)

Я представляю картину,
как у людей на пруду
просит поэт мандарины,
чтоб угостить какаду.

Может вполне случиться —
кто-то ему подаёт.
Но сомневаюсь, что птицам
цитрус перепадёт.

Как ни играй словами,
я предскажу результат —
вряд ли поэты сами
всласть мандарины едят.

ЧТО ПОДАРИТЬ НА РОЖДЕСТВО

Среди отживших век вещей

Найдется чей-нибудь подарок.

Среди рождественских свечей

Ютится сморщенный огарок...

(Елена Пиетиляйнен)

Хоть Рождество не юбилей,
но подарить чего-то надо.
Какое счастье — среди вещей
найдется чей-нибудь подарок.

Возьми-ка праздничный мешок,
пусть будет он красив и ярок,
и положи в него, дружок,
хоть этот сморщенный огарок.

Ты тот огарок не жалея,
пусть даже сердце горько бьется.
Доверься чуткости друзей —
он через год к тебе вернется.

ПЕЧАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

*Меня учили: «Люди — братья,
И ты им верь всегда, везде...»
Я вскинул руки для объятия
И оказался на кресте...»*

(Николай Зиновьев)

Я думал — нежность не забудет,
и я со всей землей в родстве.
Я прокричал: «Люблю вас, люди!»
И оказался... на кресте.
Чуть оклемавшись от страданий,
я все простил. И на заре
принес я людям кучу знаний.
И оказался... на костре.
Я пережил тогда и это —
не потакать же, право, злу —
я отдал им свой дар поэта.
И оказался... на колу.
За веком век одно и то же:
я дал всего лишь закурить,
а мне отвесили... по роже.
Ну, и кого теперь любить?

Устал я спорить с миром вздорным
и нынче отвечаю так:
«Любить людей — оно бесспорно,
но лучше все-таки собак».

МЕЧТЫ О ЛИЧНОМ ТРАНСПОРТЕ

*Не желаю встреч и расставаний, суматохи,
Криков «гой еси!».
Буду ездить только на диване, по ночам,
Вокруг земной оси...*

(Виктор Кирюшин)

Это ты придумал гениально!
До чего же классно и хитро.
По столице ездить на диване —
это даже лучше, чем в метро.

А теперь, пока денег не жалко,
чтоб без пробок и без суеты,
ты к дивану прикупи мигалку,
и тебя полюбят все менты.

НОЧНЫЕ ЗАБАВЫ

*Ночь. Я один. Темно.
Хочется камень в окно
кинуть и убежать...*

(Игорь Шкляревский)

Ночь. На дворе темно,
но ни к чему грустить.
Самое время в окно
камешек запустить.

Вспыхнет в окошке свет —
за полночь на часах —
выскочит в ночь сосед
с ломиком, но в трусах.

Будем мы с ним бежать
долго за окоем,
он, вспоминая мать,
я, вспоминая лом.

С ПРИРОДОЙ НЕ ПОСПОРИШЬ

*Природа меня потеряла
среди грубых громад городских,
на крепость она проверяла
упорство привычек моих...*

(Лариса Васильева)

Меня на днях природа потеряла,
но не взаправду — кто б ей разрешил! —
она тем самым граждан проверяла
на честность и отзывчивость души.

Похоже, у нее надежды были,
что люди к бедам ближнего глухи.
Но граждане ей тут же возвратили
меня и даже все мои стихи.

Растрогавшись, природа зарыдала:
— А год назад народ черствее был.
Я, помнится, червонец потеряла,
так до сих пор никто не возвратил.

Вениамин
СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск



Принц Хостинград

Повесть-сказка
(журнальный вариант)

Художник Владимир Левицкий

*Сыну Яше с благодарностью
за имя и образ
Донкранка Фира*

Глава первая

Улочки Лахи – вольного портового города на берегу Великого океана – были темными и извилистыми. Вечерами по ним могли ходить только искатели приключений, готовые рискнуть своей жизнью, да бесшабашная пьяная матросня с торговых кораблей, которой после кувшина-другого терпкого лахийского вина море было по колено.

Ночами то и дело улочки оглашались криками

дерущихся, иногда в тусклом свете редких факелов блестели стальные клинки, и, бывало, кошельки матросов, не до конца опустошенные в портовых тавернах, переходили в руки более удачливых лахийских головорезов.

По одной из таких улочек шел человек, закутанный в длинный темный плащ. Казалось, он нарочно выбрал самую грязную и темную улицу, чтобы избежать нежелательных встреч. Но ему не удалось обойтись без приключений. Толстая дубовая дверь в одном из домов распахнулась настежь, из нее на улицу вылетели и шмякнулись два сухощавых оборванца.

– И чтоб вас здесь больше не было! – прогремел им вослед хриплый голос.

Дверь осталась открытой, из проема на улицу падал свет, который усиливался тусклым светом двух факелов, укрепленных возле косяков.

Таверны привлекали к себе лахийских грабителей и воров. К этой касте, очевидно, принадлежали и выброшенные на улицу люди. Но им сегодня не повезло. Хозяин таверны раскусил их, прежде чем они успели распотрошить содержимое кошельков посетителей, на которое претендовал он сам.

— О, как больно! — простонал один из лахийцев, когда, стараясь подняться, попытался опереться на правую ногу. — Нет, братишка, видимо, сегодня не наш день!

— Воистину, братишка! — ответил ему его товарищ, который отделался лишь синяками, полученными при падении. — Но, может, Ураг, покровитель воров, еще пошлет нам какого-нибудь странника, в кармане которого завалялись хоть две-три монеты. Тогда эти милые кругляшки станут нашими и вечер можно будет скоротать не так паскудно, как прочие в течение уже десятка дней.

— Да где там! — проскулил первый вор. — Ураг, видно, спит и не помнит о том, что его подопечные хотят есть.

Человек в темном плаще слушал этот разговор, прислонившись к стене дома в месте, куда не доставал свет, шедший от дверей таверны.

— Ураг спит, а наши товарищи бодрствуют на других улицах, где ходят клиенты побогаче, — продолжал причитать вор. — А нам сегодня опять досталась эта, где всего-то две таверны. И то вторая почему-то закрыта. Здесь нас встретили неласково. А все ты! Не мог осторожно подцепить кошелек у спящего толстяка! Не зря тебя Невезушкой прозвали...

— Разве я виноват, что именно в этот момент он проснулся, когда моя рука была в его кармане! — оправдывался второй, шмыгнув носом.

Незадачливые грабители отряхнули свою выдавшие виды одежду и направились в сторону порта. Они не могли миновать незнакомца в черном плаще, поскольку улица была довольно узкой.

— Темнота — друг воров, — проговорил первый вор, который шагал, прихрамывая и опираясь на руку товарища. — Не упасть бы, а то но...

Он не успел договорить. Из горла, пронзенного ножом с широким лезвием, вырвался крик.

Его товарищ, не сразу пришедший в себя, успел все-таки отскочить благодаря рефлексу, просыпающемуся в случае опасности. Прижавшись к стене, он вытащил стилет и стал вглядываться во тьму. Во тьме слышалось тихое дыхание того, кто только что отнял жизнь вора.

— Эй, ты! — сказал оставшийся в живых. — Выходи, покажи свое лицо!

Нападавший не отзывался.

— Или ты боишься, что я узнаю тебя? — спросил вор. — Чего ты хочешь? Денег у меня сегодня нет, тебе нечем будет поживиться.

Глаза его привыкли к темноте, и в нескольких шагах от себя он различил смутную тень человека в плаще. Тот стоял молча, выжидая удобный момент.

Со стороны порта послышался удар колокола, отбивший полночь. Человек в плаще нетерпеливо пошевелился.

— Я теряю время с этим идиотом! — досадливо пробормотал он.

Нескольких тихих слов оказалось достаточно, чтобы вор узнал голос.

— Это ты! — с ужасом воскликнул он. — Ты, три года назад предавший Воровскую лигу! Зачем ты появился здесь? Тебе не прожить на наших улицах и дня! Ты — Бандар!

Его удивление и ужас сыграли для вора плохую службу. Он допустил промах, чуть отклонив свой стилет. Неуловимым движением Бандар приблизился к нему, широкое лезвие ножа вошло в грудь вора.

— Может быть, я не проживу и дня, но ты не прожил и ночи! — злобно прошептал убийца. — Зря ты попался мне навстречу.

— Ураг отомстит за меня, — прошептал вор из последних сил.

Бандар вытер нож об одежду вора и быстрыми, но неслышными шагами направился вверх по улице. Миновав еще несколько домов, Бандар остановился возле закрытой двери. По сторонам от нее также висели факелы, но в этот момент они не горели. Бандар постукивал условным стуком. Дубовая дверь отворилась, и разбойник шагнул в помещение, освещаемое неверным светом свечи.

Его встретил человек в сером плаще с капюшоном, скрывавшим лицо.

— Принес? — нетерпеливо спросил он.

— Да, — ответил Бандар. — Товар со мной, но,

прежде чем спрашивать, ты, может, угостил бы меня винцом?

— Ты выпьешь вина после того, как мы завершим расчеты.

Этот глухой неприветливый голос не понравился Бандару, но он не раз встречался со странными заказчиками и привык не обращать внимания на такие мелочи. Разбойник присел к столу на деревянную скамью и вытащил из складок одежды кожаный мешочек.

Человек, ожидавший его в закрытой таверне, нетерпеливо протянул ладонь, но Бандар отдернул свою руку:

— Не спеши! Где обещанная плата?

Человек отошел в угол и вернулся с узорчатым кошельком в руках.

— Смотри, — сказал он, высыпая содержимое кошелька на стол.

Глаза Бандара вспыхнули жадным огнем, перед ним лежала дюжина крупных рубинов и алмазов. Искусно ограненные камни играли на свету, горя ярким огнем.

— Этого тебе хватит, чтобы в любой стране стать знатным вельможей! — проговорил человек. — Камни помогут тебе скрыться, тебя ждет иная жизнь!

— Да, — выдохнул Бандар. — Но я их заслужил! Мне пришлось нелегко, пока перстень не оказался в моих руках.

— Так пусть он скорее окажется в моих руках! — нетерпеливо проговорил человек.

Бандар развязал свой мешочек, и на столе рядом с драгоценными камнями оказался перстень с круглым красным камнем. Казалось, этот камень из перстня был простой стекляшкой, только странной, поскольку в глубине, словно изъян, виднелись три пурпурных шарика.

— Интересно, что это за перстень? — спросил Бандар.

— Тебе не нужно это знать, ты все равно не сможешь им воспользоваться, — ответил его собеседник. — Да и продать не сможешь, поскольку ни один ювелир не обратит внимания на эту стекляшку. Мало кто знает, в чем сила этого перстня. Может, в нем и нет никакой силы, и

желание обладать им — просто прихоть моего хозяина.

— А кто твой хозяин? — заинтересованно спросил Бандар.

— Ты слишком любопытен, — ответил человек, убирая перстень. — Забирай камни, давай пить вино.

Он отошел к стойке и вернулся с двумя бокалами, один из которых протянул Бандару.

— Прости, но не мог бы ты дать мне другой бокал? — ухмыльнувшись, спросил Бандар.

— А ты осторожен! — проговорил человек. — Держи!

Бандар пригляделся, принялся к вину.

— Ты первый, — сказал он и проследил взглядом, как покупатель перстня первым сделал большой глоток. Не опасаясь далее, Бандар осушил свой бокал, и тут же судорога свела мышцы его лица.

Разбойник не успел сказать и слова, как смерть сковала его члены.

— Вот и все, Бандар, — улыбнулся человек, убивший его. — Ты выполнил свою работу и



больше не нужен. А если бы ты знал моего хозяина, то не удивился бы, что отравленное вино не приносит мне зла. Никто не расстроится, увидев твое тело. Решат, что Воровская лига расправилась с отступником, а мне пора.

Человек вытащил у разбойника кошель с драгоценными камнями и скрыл его в складках своего плаща, где незадолго до этого нашел пристанище мешочек с перстнем, поправил капюшон, задул свечу. Вскоре скрипнула дверь, и в таверне остался лишь труп разбойника.

Трубы на башнях Северных ворот прорезали пространство над городом резким долгим звуком, возвещая выезд принца. Ворота цитадели отворились, с легким мелодичным звоном скользнули вверх решетки, загремела цепь, опускающая прочный бревенчатый мост, по которому можно было пересечь глубокий ров, окружавший стены цитадели.

Возле Северных ворот редко встречались прохожие, но и те люди, которые в этот час находились неподалеку, поспешили освободить дорогу. Вскоре раздался цокот копыт, по мосту, выехав из стен крепости, пронесся отряд всадников.

Яркие шелковые одежды красного, синего, зеленого цветов развевались на ветру. К седлам всадников были приторочены луки, за спинами висели колчаны с длинными стрелами.

Во главе отряда на красивом белом жеребце, чей лоб украшал султан из павлиньих перьев, скакал принц Ашура, наследник престола славного государства Хостинпур. Длинные черные волосы принца, перехваченные золотым обручем, развевались от быстрой скачки. Альий плащ, удерживаемый на плечах алмазной застежкой, трепетал на ветру.

Принца сопровождали полтора десятка приближенных, таких же молодых воинов, разделявших с ним заботы и развлечения. Сейчас они смеялись, предвкушая славную охоту.

Солнце играло на белых куполах храмов и дворцов цитадели, надежно защищавшей народ Хостинпура от врагов. Хотя молодежь едва помнила времена, когда в последний раз пришлось искать защиты за стенами крепости. Много лет прошло с тех пор, как воины соседнего Ахора прошли огнем и мечом по селениям ныне богатого и сильного государства. На свою беду пришли люди Ахора в Хостинпур. Крепость выдержала

осаду, меткие лучники не давали врагам приблизиться, смелые вылазки всадников, поддерживаемых копейщиками, трепали вражеское войско. Царь Хостинпура, дед принца Ашуры, сумел разбить противника.

Ныне Ахор вел себя тише воды, ниже травы. Ежегодно караваны с данью приходили в Хостинпур, привозя украшения, одежду, пищу. Не привозили только оружие, его производство было ограничено победителями. Также было запрещено ставить крепости на границе государства. Хостинпур не испытывал желания захватить чужую территорию, но и свою берег как зеницу ока.

Вокруг цитадели располагался город. Поближе к крепости стояли дома знатных горожан: купцов, богатых ремесленников. Достаточно было пройти по этим улицам, чтобы понять, что здесь живут люди, давно не испытывавшие ужасов войны и голода.

Мира и благоденствия достиг Хостинпур во время долгого правления деда принца Ашуры, а затем и правления его отца — славного царя Падаси.

Цитадель была построена далекими предками Ашуры, родоначальниками нынешней династии, хотя город на этом месте стоял с незапамятных времен. Древние легенды сохранили до нынешних времен подробности битв между богами и демонами, между людьми многих царств, между народами, приходившими то с юга, то с севера, то с востока или запада. Царь Падаси, которому хоть и довелось участвовать в грозной войне с Ахором лишь в молодые годы, не жалел средств на укрепление крепости.

В крепости было два входа. Через южные ворота в нее проходили горожане, у которых была надобность к царским сановникам. Во время праздников, когда шли торжественные богослужения в храмах Идры и жрецы главного бога Хостинпура совершали свои обряды при участии многих людей, горожане также спешили в цитадель, чтобы попросить бога и впредь защищать их от всяческих напастей и вознести ему свою благодарность за многолетнее благоденствие.

Прибегали к помощи бога и больные, и увечные, и те семьи, которые пока лишены были благословения сыном или дочерью. Что поделаешь, даже мирные и покойные годы не сулят счастья каждому, а мирный труд также может

обернуться увечьем, не менее тяжелым, чем война. И от нищеты не все могут спастись. Хотя не дадут добрые жители Хостинпура умереть человеку с голоду, но и полностью обеспечить жизнь не в силах. Кроме того, не сами хостинпурцы, а жители других стран, обнищав, часто искали приюта в славном городе.

Дома этих людей стояли на окраине города. Они строились из тростника и обмазывались глиной, в них было не так просторно, как в домах хостинпурцев, но каждый знал, что нет разделения у города на бедную и богатую части. Ведь любой пришлый, пусть и добрался он сюда с пустой сумой, но, если имел работающие руки, чтобы обрабатывать благодатную землю, или был одарен богами талантом к какому-либо ремеслу, быстро мог переселиться повыше к стенам цитадели. Через год-другой он уже считал себя хостинпурцем не хуже, чем те, чьи роды жили здесь столетиями.

Отряд всадников мчался по северной дороге, которая шла вдоль города. Справа от нее стояли дома горожан, утопавшие в садах, а слева шли поля, на которых росли пшеница, овес, ячмень. Поля простирались так далеко, что нужно было несколько полетов стрелы, выпущенной сильным лучником, чтоб достичь их края. За полями виднелся лес, упиравшийся на горизонте в горы. Все это был Хостинпур. А за горами располагалось небольшое княжество Хозрем, чьи жители кормились в основном рыбным промыслом. С этим княжеством Хостинпур всегда жил в мире, а вскоре эти дружеские узы могли стать еще крепче, поскольку принцесса Девика и принц Ашура готовились сыграть свадьбу. Девика и сейчас гостила в Хостинпуре, проводя дни в отведенных для нее покоях царского дворца.

Южная дорога была заполнена повозками и тележками, на которых из селений привозили товары на городской рынок. Рынок, где шла бойкая торговля, так шумел и волновался, что его звуки долетали до северной части города, до пустынной дороги, по которой мчался отряд всадников с принцем во главе. Заслышав скачущий отряд, редкие прохожие, большей частью крестьяне, отходили в сторону, почтительно, но с достоинством склоняясь перед всадниками.

Ни принц, ни сопровождавшие его не могли увидеть того, что произошло.

Навстречу всадникам из боковой улочки на

дорогу вступила группа паломников, человек пять-шесть с посохами и котомками за плечами. Первым шел старый человек, одетый в тряпье. Его смуглое тело просвечивало сквозь рваную ткань плаща. За ним следовали мужчины разного возраста, но все они были младше своего предводителя. Может, это, а может, что-то иное в их взглядах и поведении показывало величайшую степень почтения, с которым они относились к старику.

Ашура не успел остановить коня, когда старец оказался в нескольких шагах от него.

Перед тем как сбить старца, принц успел перехватить его взгляд, в котором не было ни страха, ни осуждения. Конь, управляемый твердой рукой Ашуры, чуть принял в сторону, поэтому удар был нанесен не грудью, а боком. Принц почувствовал, как его сапог касается тела старца, летящего в дорожную пыль.

Паломники заголосили и отпрянули назад. Принц не смог сразу остановить коня, и тот проскакал некоторое расстояние, пока, повинуясь узде, не поднялся на дыбы. Свита принца закричала так же, как и паломники, испугавшись, что Ашура и сам сейчас не удержится в седле и упадет на землю, как старый паломник. Но принца не зря учили лучшие наездники Хостинпура, он смирил скакуна и заставил его повернуться.

Все описанное произошло за считанные секунды, но многие успели испытать страх от того, что в эти секунды может случиться непоправимое. Несколько спутников принца также проскакали над лежащим в пыли стариком, и неизвестно, по какой божьей милости он остался жив, а не погиб под лошадиными копытами.

Правда, судя по всему, жить ему оставалось недолго. Падая, старик ударился головой о камень, из раны текла кровь, впитываясь в дорожную пыль. Вокруг головы образовался бурый кровавый нимб. Серые волосы слиплись. Он лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал.

— Разве вы не знаете, что северная дорога не предназначена для прогулок? — спросил принц с сожалением в голосе. — И разве не слышали топота копыт?

— Учитель не хотел идти по шумным улицам, — ответил один из паломников, опустившийся на колени возле старика.

— И теперь он может предстать перед очами Идры! — вздохнул принц.

Ашура спешился и наклонился над стариком. Тот лежал неподвижно. Принц скинул с себя алый плащ и протянул его паломнику, отвечавшему на его вопрос.

— Положите его на плащ и отнесите во дворец. Может быть, наши лекари еще сумеют ему помочь. Скажете, что вас прислал принц Ашура.

Услышав это имя, подошедшие паломники согнулись в поклоне.

— А если лекари не помогут, жрецы храма Идры помогут ему пройти последний путь, — завершил принц разговор.

Он вскочил на коня, произошедшее хоть и навевало грусть на принца, но не могло отменить его планы. Загонщики в лесу уже ожидали охотников, Ашуру и его приближенных ждало любимое занятие. Молодость не любит долго грустить, а страдания нищего старика не могут заставить отпрысков знатных особ надолго погрузиться в переживания.

Пыль поднималась за скачущим отрядом, скрывая его от паломников, которые осторожно, стараясь не причинить ни малейшего вреда старику, положили его на подаренный принцем плащ и тихо понесли к стенам крепости.

Отряд вскоре свернул с дороги и поскакал по далеко простиравшейся равнине в сторону леса. Различными оттенками зеленого — от шершавого зеленовато-серого до яркого цвета кошачьих глаз, светящихся в темноте, от бледного цвета сухих болотных мхов до темно-зеленого хвойного — переливался лес, в котором молочай и акации переходили в заросли пальм и баньяна.

Для Ашуры охота была бодрящим, пробуждающим боевой пыл, делом. Ведь на охоте нужны были воинские качества, нужна была меткость, нужно было иметь крепкие руки, хорошо держаться в седле. И вид проливаемой животными крови заставлял почувствовать свою грозную силу. Это увлечение принца разделяли и его товарищи, поэтому глаза их горели восторгом, когда из лесу, напуганный криками загонщиков, выскочил грациозный олень с красновато-золотистой шкурой, покрытой белыми островками.

Принц опустил плечи, натянул тетиву лука так, что она почти коснулась лица, и выстрелил. Ноги оленя подкосились, и он рухнул в траву под кустом акации.

За первым оленем из лесу показались и другие

животные. На охотников неслись зайцы, из зарослей выскочила антилопа, пораженная стрелой охотника. Когда перед стрелками уже лежали несколько антилоп и оленей, спутники принца устроили потеху, путившись вскачь за разбегавшимися зайцами. Быстрые зверьки неслись по равнине, а всадники с веселыми криками мчались за ними, останавливая их в прыжках своими меткими стрелами.

Принц не участвовал в этой погоне. Он остался на месте, будто ожидая появления еще какого-либо животного, охота на которого могла бы доставить наслаждение. И ожидание оправдалось, из зарослей выскочил замбар. Огромный, самый крупный из оленей этих мест, он нес свое тяжелое тело легко, его копыта словно не касались земли, а летели над ней. Это изящное животное с шестиконечными рогами, хоть и превосходило размерами других оленей, умело и по лесу передвигаться бесшумно, словно тень.

Принц вскинул лук, натянул тетиву. Стрела задела холку пригнувшего голову замбара и скрылась в чаще. Другие охотники ускакали гонять зайцев, добыть оленя мог только сам принц. Он молниеносным движением выхватил стрелу из колчана, но замбар оказался скор, он повернул налево и удалялся в ту сторону, где не было охотников. Он бежал вдоль леса и вскоре мог выйти за территорию, где находились шедшие полукругом загонщики.

Ашура пустился в погоню. Умный конь летел, перескакивая ручейки, принц как влитой сидел в его седле, держа лук наизготовку. Он уже настигал оленя, как вдруг тот свернул в чашу и затерялся в ней. Принц ринулся следом.

Дорогу Ашуре преградил разросшийся баньян, чьи раскидистые воздушные корни свисали с ветвей. Это было старое дерево, многие его корни, пущенные прежде, не усохли в воздухе, а достигли земли и укоренились в ней, образуя новые стволы. Протиснуться сквозь них стройный принц мог с трудом, но он не остановился, а, спешившись, продолжал преследование.

За листвою баньяна принц увидел высокий каменный холм, у подножия которого, прямо возле расслоившейся каменной стены принца ждал не замбар. Перед Ашурой сидел гигантский тигр, чья ржаво-красная шкура переливалась в свете лучей солнца, стоявшего в этот момент над полянкой у холма. Олень ис-

чез. Принц оказался один на один со свирепым противником, который при виде принца издал яростный рев и оскалил клыки, напоминавшие небольшие кинжалы, украшавшие стену оружейного зала в хостинпурском дворце.

Принц вздрогнул, увидев хищника, чьи немигающие глаза были устремлены на него. Это был огромный тигр, какие редко встречались в Хостинпуре. До сей поры Ашуре приходилось видеть лишь тигров, которых привозили охотники в царский дворец. Смотреть на них сбегались все, кто жил за каменными стенами, а охотники, польщенные вниманием сановных особ, подробно повествовали о своей удаче, позволившей им пленить столь могучих зверей. Правда, теперь принц понял, что виденные им во дворце тигры были котятками в сравнении с тем, что сейчас злобно уставился на него.

Ашура сделал осторожный шаг назад, но спина его ощутила ствол баньяна. Отступить было некуда.

— О Идра! — прошептал принц. — Помоги совершить во славу твою подвиг! Обещаю тебе шкуру этого зверя, пусть украшает она жертвенный алтарь, показывая величие твое и милосердие!

Тигр издал рык, больше напоминающий хриплый хохот. Ашура похолодел, но не потерял самообладания. Он осторожно опустил лук на землю и медленно-медленно, почти незаметно вытащил из-за пояса длинный нож.

Зверь едва заметно пошевелился, Ашура напрягся, готовясь отразить нападение. Принц вдруг ощутил звенящую тишину леса. Станным образом вокруг пропали все лесные звуки, птицы не щебетали, даже в отдалении не было слышно их мелодичных голосов. Гомон охотников тоже исчез, хотя не так уж далеко находился принц от своих товарищей, чтобы хоть чуть-чуть их возбужденные радостные голоса не долетали до него. Ветерок, пусть небольшой, и тот не играл травой и листьями, молчали лесные ручьи. Ветви баньяна, возле которого стоял принц, безвольно повисли, не в силах шелохнуться. Эта странная тишина создавала ощущение остановившегося времени.

Ашура устал ждать нападения хищника, понимая, что ожидание только ослабляет его дух.

— Ну, давай, безмозглое лесное чучело! — громко сказал он хищнику.

Тигр, будто подстегнутый оскорбительными

словами Ашуры, подобрался и легко взвился над поляной. На миг перед принцем мелькнуло светлое пятно на тигриной груди, огромный комок мускулов в полосатой шкуре заслонил собою солнечный свет так, что на поляне сгустились такие же сумерки, как и в зарослях.

Принц почувствовал прикосновение могучей лапы, молниеносно бросился на тигра, встречая его плечом и вонзая острый катар в грудь хищника. Слишком мощным был зверь, чтобы охотник мог удержаться на ногах. Ашура начал падать под тяжестью тигриного тела. И тут краем глаза принц увидел, как на расстоянии ладони от него вдруг оказалось чье-то копьё, пронзившее его врага. Острие скрылось в шкуре и легко вошло в плоть тигра. Из последних сил зверь, в чьих туманившихся смертной дымкой глазах теперь сияла ненависть, попытался откусить принцу голову. Принц, не выдержав вида клыков, зажмурился, челюсти хищника лишь лязгнули почти над самым его лицом, и Ашура почувствовал, как тело тигра отваливается в сторону. Силы покинули принца, он потерял сознание.

Глава вторая

Когда тихие шаги Бандара растаяли в ночи, Кдверь дома, возле которого произошло убийство, отворилась, легонько скрипнув. Из нее опасно выглянула старуха, державшая в отведенной назад руке свечу. Ей, видимо, не хотелось, чтобы яркий свет выдал ее присутствие, но и оставаться в полной темноте она побаивалась.

— Эй, кто здесь? — прошептала она.

Ответом ей был стон. Старуха, перешагнув высокий порог, выбралась на мостовую и вздрогнула, увидев тела двух воров, лежавшие возле стены. Она, прихрамывая, подошла к тому, что лежало ближе, и наклонилась. Огонек свечи позволил разглядеть перекошенное гримасой страдания лицо вора.

— Никак, Канн Невезушка? — спросила она.

Вор с трудом разлепил глаза.

— А, это ты, старая ведьма, — проговорил он. — Беги к сыну, скажи ему, что Бандар вернулся! Пусть он отмстит за меня и моего бедного братца Игу! — прошептал вор.

— Ну-ну, — согласилась старуха, — только сначала давай-ка я тебе помогу!

С неожиданной для ее сухого тела силой старуха приподняла Канна, причинив ему такую боль, что он вскрикнул, и втащила в дом. У двери тело подхватила девушка, до того скрывавшаяся в помещении.

— Давай, Фигля, быстро найди Страга, скажи ему, что Бандар убил брата Невезушки и самого его чуть не лишил жизни. А я пока помогу бедняге Канну.

— Меня зовут Филия! — обиженно ответила девушка, выбегая за дверь.

— Беги-беги, Фигля, — проворчала старуха, не обращая более внимания на девушку. Теперь ее занимал умирающий вор.

Старуха подошла к полкам, висевшим неподалеку от камина, и зазвенела стоявшими на них склянками.

— Сейчас-сейчас приготовим бальзамчик, Ураг нам в помощь, — бормотала она.

Раненый вор, потерявший остатки сил, пока его втаскивали в дом, лежал на стертом полу и не мог даже стонать. Вскоре старуха склонилась над ним, распахнула плащ, умелым быстрым движением задрала рубаху, пропитавшуюся кровью.

— Хороший удар, очень хороший, — приговаривала она. — Как раз для моего бальзамчика. Многих воров поставил он на ноги.

Слегка обтерев кровь влажной тряпкой, мягкими движениями она принялась втирать дурно пахнущую мазь в тело вокруг раны. Невезушка морщился от боли, но с каждой минутой ему становилось легче.

Просторная комната освещалась светом камина, углы тонули в полумраке. Старуха завершила свои манипуляции, Невезушка почувствовал, что его неудержимо тянет в сон. Старуха поставила склянку с бальзамом на место, вновь подхватила вора за плечи и поволокла к топчану.

— Я сам, — слабо запротестовал он и взобрался на топчан, покрытый медвежьей шкурой, правда, такой истертой, что возникал вопрос, во сколько раз эта шкура старше хозяйки дома.

— Засыпай, засыпай, — почти напевала старуха. — Утром проснешься как новенький.

— Спасибо, матушка Чича, — прошептал Канн. — Прости, что назвал тебя старой ведьмой.

Старуха ощерила редкие зубы в улыбке:

— А я и есть старая ведьма! Ну, ведьма не ведьма, а вас, воров, на ноги ставить умею, если, ко-

нечно, ваши души еще не отправились в компанию к Урагу, как душа твоего брата.

Пока матушка Чича пользовалась своим чудобальзамом пострадавшего вора, Филия пробежала пару кварталов до таверны, где обычно проводил ночи Страг, ожидая своих подчиненных. Девушка хорошо ориентировалась в темноте и, казалось, была абсолютно уверена в своей безопасности. Видно, ей не раз приходилось ходить этой дорогой, а грозное имя главы Воровской лиги служило хорошей защитой.

За большим столом из дубовых досок сидел грузный человек, одетый не без претензии на изящество. Его плечи прикрывал алый плащ, из-под которого была видна некогда желтая блуза. Она так оттопыривалась на груди, что было ясно — под ней надета кольчужка. Рядом с ним на столе лежала шляпа с пером. Здесь Страг принимал своих подопечных и клиентов, приходивших с заказами.

Увидев запыхавшуюся, раскрасневшуюся от быстрого бега девушку, Страг воскликнул:

— А вот и красавица Филия! Проходи, выпей со мной пивка да расскажи, сама ты решила навесить своего преданного воздыхателя или вновь тебя прислала матушка Чича?

Девушка быстро подошла к вору и, наклонившись, шепнула на ухо:

— Бандар вернулся, ранил Невезушку и убил его брата!

— Черт! — вырвалось у Страга. — Эй, парни!

Несколько воров, сидевших за угловыми столами, тут же оказались возле него. Это была личная охрана главы Воровской лиги.

— Бегом, ребята! Нас ждет охота!

В сопровождении Филии и воров Страг покинул таверну. Мужчины выхватили факелы, укрепленные рядом со входом. Неподалеку отирались какие-то серые неприметные личности. Двое воров из компании Страга подскочили к ним, негромко сказали что-то. Те сразу сорвались с места. В считанные минуты припортовый район напоминал муравейник, по темным улицам которого сновали молчаливые сосредоточенные люди.

Страг и его спутники быстро оказались на улочке, где произошло убийство. Отправив девушку домой, они принялись за поиски. Пятеро воров зашли в таверну, где запоздалые посетители еще прогуливали остатки своих мо-

нет. Страг не дожидался их, зная, что, если следы Бандара там найдутся, его позовут. Он с тремя ворами бросился вверх по улице.

Один из воров, державшийся возле стены, вскрикнул. Он почувствовал, что в темноте налетел на какого-то человека.

Другой вор подскочил к ним с факелом. Страг увидел человека в сером плаще, его лицо закрывал капюшон, словно у монаха. Один из воров протянул руку и попытался откинуть капюшон с лица встречного, но отдернул руку, увидев колючий взгляд, от которого кровь застыла в воровских жилах.

— Это не он! — быстро проговорил вор.

Двое других воров уже вломились в двери второй таверны, вскоре оттуда раздался крик. Страг повернулся в ту сторону, вору, решившие, что нужно двигаться туда, засуетились. Их замешательством воспользовался незнакомец, быстро растаявший в темноте.

Но в ту же секунду вору, бывшие в таверне, выскочили из нее.

— Бандар убит! — воскликнули они.

— Вы его обыскали? Нашли перстень?

— При нем ничего не было! — ответили вору.

Страг повернулся в сторону незнакомца, но увидел, что того уже нет на месте.

— Черт! — выругался Страг. — За ним, быстро!

Компания бросилась вниз по улице. Вскоре им показалось, что в свете факелов мелькнул серый плащ незнакомца. Вору ускорили бег. Стук их сапог гулко отдавался на узкой улочке.

Преследователи летели по улице, как вдруг впереди послышался крик и звук падающего тела. Брат Невезушки и после смерти оказался ползень своим товарищам. В темноте монах налетел на труп и, споткнувшись, упал на мостовую.

— Стой, собачья морда! — заорал Страг.

Услышав голос сына, матушка Чича открыла двери своего дома. Перед входом в дом стало чуть светлее. В этом намеке на свет вору увидели человека, которого они догоняли, тот вставал на ноги.

В долю секунды Страг оказался возле него, он одной рукой попытался схватить монаха за горло, второй же выхватил кинжал. Но ему не удалось расправиться с человеком в плаще. Пальцы, которые должны были ухватить шею, оказались погруженными в какую-то мерзкую холодную слизь. Эта слизь, словно только и

ожидала соприкосновения, поползла вверх по руке вора. Страг не был брезглив, но поспешил отдернуть руку.

В дверях со свечой застыла матушка Чича. Рядом со Страгом полукругом стояли вору, приготовившие свое оружие. Монах увидел, что бежать бесполезно. Он не хотел привлекать чье-либо внимание, но тихо покинуть город ему не удалось.

— Что вам нужно? — спросил он воров. — Денег у меня нет, лишь медь в кошельке, которой не хватит даже на добрый ужин.

Он надеялся, что схватки еще удастся избежать.

— Ты убил Бандара! — утвердительно, как доказанный факт, высказал Страг.

— Но это он хотел убить меня! — соврал монах.

— Может быть, — согласился Страг. — Мы за это на тебя не в обиде, хотя я и надеялся самодельно перерезать глотку предателю. Год назад он взял у меня одну штучку, которая мне дорога как память. Я бы хотел ее вернуть. Ты случаем не знаешь, где она?

Монах пожал плечами. Он отступил еще на полшага и почувствовал себя увереннее, когда вору не последовали за ним. Те, в свою очередь, знали, что догнать монаха смогут в любой момент. Да и дополнительные силы должны были вот-вот появиться, ведь на поиски Бандара отправилась уже едва ли не вся многочисленная армия лахийских воров.

— Не знаю, о чем ты говоришь! — сказал монах.

— Я ничего не брал у твоего врага.

Страг скривил губы в ухмылке:

— Но, видишь ли, мой прежний друг вряд ли расстался бы с этой вещицей. Я уверен, что она была при нем. Это простая вещица, мне она досталась на память об одном добром человеке, и я старался хорошо ее хранить. Но не уберег. Так вышло, что он узнал об этой вещице. Не знаю, что он там решил, когда я напорол ему всякую чушь, рассказал сказку о том, что нужно искупать эту вещицу в слезах Итрари в храме этой богини в Кахоссе. Но мне говорили, что его в Кахоссе видели. И как раз в тот день, когда статуя Итрари плачет своими волшебными слезами, возвращающими жизнь и здоровье болящим.

— Зачем ты все это мне рассказываешь? — спросил монах. — Я не понимаю, о чем ты говоришь!

— А мне сдается, что ты прекрасно все понимаешь! — зло сказал Страг. — Видишь ли, вещица не

нужна была самому Бандару. Она была дорога только мне. Но были люди, которые надеялись заполучить ее в свои руки. Ты не из них ли?

Страг шагнул вперед:

— Давай посмотрим на содержимое твоих карманов! Не бойся, твоих медяков мы не тронем! Сам их вывернешь или тебе помочь?

Тон Страга был суров, но за суровостью вор скрывал беспокойство. Он не понимал, что за слизь ощутила его рука, когда горло монаха должно было сжаться под его крепкими пальцами. Главе Воровской лиги не хотелось вновь почувствовать мерзкий холод этой слизи. Именно это и заставило вора пуститься в объяснения, а не просто прирезать человека в сером плаще и обыскать его. Страг тянул время, не зная, на что решиться.

— У меня нет того, что ты ищешь! — в последний раз попробовал обмануть воров монах.

— Взять его! —скомандовал Страг, и воры бросились к своей жертве.

Но в эту секунду монах откинул капюшон, и кинувшиеся было к нему воры застыли, пораженные нечеловеческой силой его взгляда. Глаза горели фиолетовым светом, воры не в силах были отвести

своих взглядов от этих необычайных глаз, которые, казалось, росли, становились все крупнее, заполняли пространство вокруг и втягивали нападавших в какой-то горячий туман, где их ждали страшные муки и гибель. Магии этого взгляда поддался и Страг.

Старуха, увидев, что ее сын и его товарищи

медленно, будто в воде, оседают на мостовую, вскрикнула и что было силы бросила свечу прямо в лицо монаха.

Тот, заметив движение, рефлекторно моргнул, и это спасло воров от смерти. В ту же секунду один из них швырнул горящий факел вслед за свечой.



Монах ловким движением уклонился от него и, повернувшись, бросился вниз по улице. Его не преследовали, воры были счастливы, что дешево отделались. Только Страг сделал попытку кинуться за монахом, но его остановил голос матери:

— Сын мой, оставь его!

Страг повернулся к матушке Чиче. Черты ее лица были искажены, седые волосы стояли дыбом.

— Сын, не преследуй его! — повторила старуха. — Его сила выше человеческой, нам не нужно даже пробовать сражаться с ними.

— С кем? — спросил Страг.

— С пустынными колдунами, — ответила мать.

— Но у него мой перстень! — пробормотал Страг, который, тем не менее, не бросился в погоню и даже был рад, что его

остановили.

— Забудь о перстне! — резко сказала старуха. — Я сразу говорила, что эта игрушка — не для тебя. Хорошо, что он оказался в руках Бандара, когда потребовался пустынному колдуну, а не в твоих руках, сынок! Благодаря этому ты жив, а предатель мертв.

Старуха вошла в дом:

— Зайдите, ребята, — пригласила она воров. — Вам надо отдохнуть, Фигля, налей вина гостям!

— Меня зовут Филия! — пискнула в ответ успешная вернуться девушка.

Компания расположилась за широким столом, девушка быстро разлила вино по бокалам. Старуха присела рядом.

— Ты пей и беги успокой ребят, а то кто-нибудь из наших может погибнуть, — обратился Страг к одному из воров. — Просто скажи, что Бандара больше нет. Да и о телах надо позаботиться. Пусть уберут и предателя, и беднягу Игу — Невезушкиного братца. Похороним сегодня по нашим обычаям.

Вор, получивший указания, одним глотком осушил стакан и направился к двери. У выхода он остановился и повернулся к столу:

— Страг, а вдруг этот серый вернется?

Помолчав, глава Воровской лиги ответил:

— Ну, это вряд ли! Ему нужен был перстень, он его получил. Теперь он поспешит отсюда, благо, море спокойное. Думаю, в славном Лахи ему больше нечего делать. Ты же с телами один не возись, возьми хоть десяток людей себе в помощь!

Вор передернул плечами, будто ему стало зябко в натопленном помещении, и отправился выполнять приказ.

Остальные воровы вздохнули спокойно, после пережитого ужаса никому из компании не хотелось выходить на улицу. Им, выжившим, напротив, хотелось оставаться вместе, расслабиться, почувствовав себя в безопасности в доме старухи, где все было знакомо, где каждый из них не раз получал помощь. Под мирное потрескивание поленьев в камине и тихий храп Канна-Невезушки им было хорошо сидеть у стола, благостно потягивая кислотоватое вино из запасов матушки Чичи. Их начальник положил подбородок на сложенные на столе руки и, казалось, задремал.

— Страг, — спросил наконец один из них. — А что это за перстень, из-за которого нас чуть не съел фиолетовый туман? Не брось матушка Чича свою свечу, мы, наверное, не отличались бы сейчас от Бандара!

— Ну что ж, перстня больше нет. Можно и рассказать о нем, — вздохнул Страг, поднимая голову. Он кивком попросил Филию еще раз наполнить бокал и начал рассказ.

— Помните, друзья, что меня как-то не было в Лахи пару дней? Вы меня тогда обыскались. Это было год назад, а потом я вернулся, а мой друг Бандар — исчез.

— Помним, Страг, — ответили воровы. — Ты нам так и не объяснил своего исчезновения!

— Ну, стало быть, объясню сейчас. Есть в Лахи один дом, который я обхожу стороной...

— Да и не один! — усмехнулся вор, сидевший в конце стола. — И в тюрьму мы не торопимся, и во дворец лахийского тожа, который правит нашим вольным городом. И в казармы стражников не спешим!

Начальник воров резко стукнул кулаком по столу:

— Не перебивай, Хмырь! Ты знаешь, что я не робкого десятка. Во дворце тожа мы побывали трижды, из тюрьмы я сам тебя вытащил, а надо будет, и в казармы зайду!

— Прости! — тут же поспешил принести извинения вор. — Видно, колдунские чары еще действуют, башка тупит!

Страг помолчал, обвел глазами сидящих товарищей. Выражения лиц воров его успокоило, никто больше не смел подвергать сомнению его смелость.

— Не будь ослом! — сказал он Хмырю, но эти слова предназначались всем сидящим. — Матушка Чича своими бальзамами и заговорами ставит вас на ноги, даже если получены смертельные раны! Ни один лекарь в Лахи не сможет это повторить! Почему?

— Колдунья, — тихо проговорил Хмырь. — То есть волшебница!

— Вот то-то! — согласился Страг. — Есть вещи, в которые не надо соваться, если ничего в них не смыслишь. Или ты забыл фиолетовый туман?

Хмырь вздрогнул, вновь ощутив холодок смертельного ужаса.

— Так вот, — продолжал Страг. — Есть в Лахи один дом, который я обхожу стороной. Но так было не всегда. Однажды этот домишко на морском берегу привлек мое внимание. Живет там один старик, по виду — доходяга вроде Невезушки. Кнутом стегнешь — пополам перерубишь. Этот старик редко выходит из дому, а на рынок да за водой обычно ходят его слуги. То есть один слуга.

Я осторожно порасспросил соседей, хотя их и соседями-то трудно назвать, поблизости нет дру-

гих домов, поговорил с торговками на рынке, сам понаблюдал за домом несколько дней и ночей. И узнал, что живет там ученый, который держит слугу. Только слуги у него что ни год, то меняются, а то и чаще.

Когда слуги нет, ему самому приходится ходить за продуктами, тогда он подыскивает себе нового. Но интересно, что прежних слуг никто больше никогда не встречает!

Страг произнес эти слова с теми нотками в голосе, что напоминают о балаганных трагиках, но никто из воров даже не улыбнулся. Им был знаком порывистый характер предводителя, и вору не хотели пробуждать в нем злобу.

Тот продолжал:

— В слуги он обычно берет сирот, как я позже узнал. Однажды ночью я дежурил возле дома старика. Честно скажу, что, бывало, эти ночные бдения давались мне нелегко. Иногда я видел в пробивавшийся сквозь щели в ставнях яркий изумрудный свет, тогда из дома доносился рев какого-то животного, и я не хотел бы видеть эту тварь, которая может так жутко рычать. Скажу — не совру, иногда мне хотелось убежать. И все же я надеялся пожить в чем-нибудь в этом доме, да и любопытство гнало меня туда каждую ночь. Так вот, я стоял, спрятавшись за стволом кипариса, и мерз на ветру, дувшем с севера. Мрачная была ночка. Я кутался в плащ, но все равно холод пробирал меня до самых костей.

Воры затаив дыхание слушали Страга. Блики огня играли на стенах комнаты, отчего история, которую рассказывал их вождь, звучала еще таинственней и страшнее. Матушка Чича примостилась в продавленном кресле у очага. Слышно было, как потрескивали горящие поленья да посапывал в углу раненый вор. Страг говорил негромко.

— Начался дождь, от которого плохо защищал плащ. Над морем разразилась гроза, казалось, мир раскалывается от ударов молний, сопровождавшихся громовыми раскатами. Я будто чувствовал, что произойдет нечто интересное, и не мог уйти, хотя становилось страшно. В эту ночь я увидел изумрудное свечение в щелях ставень. Я хотел подобраться поближе, но рык неведомого животного остановил меня. Сначала я даже не понял, что рычит кто-то в доме, мне казалось, что это гром гремит с таким ревом. Но когда я подошел

поближе, то ясно понял, что рычание раздается из оконных проемов на втором этаже дома.

Мне хотелось посмотреть, кто там рычит, но какой-то непонятный ужас сковал мои члены. Я остановился в двух шагах от дома и тут услышал вопль человека! В этом вопле было дикое страдание, я подумал, что ученый держит какого-то монстра и этот монстр сожрал его страшной ночью. Я бежал от дома, остановился в ближайшей таверне и остаток ночи пил вино.

Вино помогло мне забыться, но проснулся я рано. На улице вовсю светило встающее солнце, деревья и кусты, будто юные красотики, умытые с утра, сияли свежестью. Улицы были еще мокры от дождя, но ливень смыл с них дневную грязь, и они тоже смотрелись будто украшенные к празднику. Я подумал, что таким утром опасаться нечего, любопытство тянуло меня к дому старика-ученого, и ноги сами направились туда.

Море было тихим, при свете утра дом совсем не напоминал о страшной ночи, мне даже показалось, что я просто напился в таверне и все случившееся мне привиделось. Но разве бывают такие ясные сны?

Я также остановился у кипариса и раздумывал, что мне делать. Если монстр съел ученого, тогда, наверное, слуга должен был сообщить об этом стражникам, возле дома толпились бы люди. Но берег был пуст.

Я решил подождать, не выйдет ли кто из дома. И мое ожидание было вознаграждено, дверь открылась... Но на пороге оказался не слуга, а старик! Я вспомнил рассказы людей о том, что слуги часто меняются в доме старика, и пот прошиб мое тело. Не становятся ли слуги едой для монстра?

Вид старика не внушал опасений. Он шагал, слегка сторбившись, размахивая корзинкой в руке. Я спрятался, чтоб он меня не заметил, и подумал сначала, что нужно последовать за ним. Но любопытство пересилило, и, дождавшись, когда он скроется из вида, проскользнул к дому.

Замок подался на удивление легко, я вошел в темный коридор, из которого выходили проходы в помещения первого этажа, на второй вела узкая круглая лестница. Прямо в коридоре висело зеркало, что удивительно для бедного дома. Я вздрогнул, увидев свое отражение, потому что мне на секунду показалось, что это кто-то другой. И еще я обратил внимание, что отражение будто засты-

ло ненадолго. Я присмотрелся, но тут оно словно оттаяло и стало обычным отражением.

Я попытался пройти по лестнице, но — удивительное дело! — не мог этого сделать. Проход будто загораживала невидимая стена. То же повторилось и с проходами в помещения первого этажа. Войдя в дом, я не мог передвигаться по нему!

Неожиданно пришла мысль, что это ловушка. Что дом, впустив меня, больше не выпустит, и я кинулся к входной двери.

К счастью, я ошибся. Дверь отворилась, и я оказался на улице. Вскоре, стоя под кипарисом, я обдумывал дальнейшие действия. Когда оказался старик, тащивший корзинку, наполненную продуктами с базара, я уже знал, что благоразумие не удержит меня. Я решил наняться в слуги, будь хозяин даже колдун. До этого момента мое счастье никогда мне не изменяло, надеялся я на него и впредь. Слава Урагу, глава Воровской лиги может справиться со своим страхом!

Страг будто подбодрил себя этими словами, чтобы продолжать рассказ.

— Слава Урагу! — прошептали воры.

— Дав старику пройти, я отправился за ним. Вскоре я уже стучался в двери его дома. Старик отворил мне сам. Внимательно посмотрев на меня, он сказал:

— Зачем ты пришел опять?

— Его звали Донкранк Фир, приличному человеку и не выговорить, — сплюнул Страг. — Честно говоря, меня до сих пор в дрожь бросает, когда я вспоминаю его бледную морщинистую рожу. Поначалу он кажется даже благообразным, эдакий ученый не от мира сего. Потом-то я понял, что он и вправду не от этого мира. В общем, я бы не хотел с ним снова встречаться. Слава Урагу, хранит он меня от такой встречи, а то не знаю, чем бы она завершилась. Но Лахи — город большой.

Так вот, он меня будто просверлил взглядом, и мне захотелось съежиться и убежать. Старик спросил, зачем я пришел опять.

— Вы, наверное, спутали меня с кем-то, господин! — соврал я. — Я у вас еще не был.

Он посмотрел на меня внимательно, усмехнулся:

— Ну-ну, не был, говоришь? Тогда заходи.

Он пошел в один из боковых проходов, я за ним. Проходик узкий, сухошавый хозяин дома шел по нему свободно, а я задевал стены плечами

и пониже пригибал голову, чтоб не стукнуться о балки потолка.

Он ввел меня в комнату с таким же низким потолком. Обычная комната, ничего в ней не было, стол, кресло, два табурета. Может, он там только гостей низкого звания принимал да обедал, поскольку сквозь другую дверь видна была кухня с очагом. Стены и пол комнаты были довольно грязны, а в кухне — еще грязнее. Видно, что в этом доме не было такой хозяйки, как матушка Чича, которая натирает дубовые плахи песком, пусть не часто, но все ж гостей принять не стыдно.

— Чего ты хочешь? — спросил ученый.

— Я ищу место, — сказал я. — Так вышло, что остался без работы и без гроша в кармане. Прослышал о том, что вы здесь один живете, подумал, может, вам нужен слуга.

— Слуга мне и вправду нужен, — задумчиво проговорил хозяин. — Да только не знаю, подойдешь ли ты мне. Ты уже не молод, наверное, семья есть, дети. А?

— Нет, господин, у меня нет ни жены, ни детей. Только старая мать.

— Вот видишь, я бы предпочел сироту. Да и помладше тебя. Ведь много платить я не смогу, а кроме того, ты будешь часто просить, чтоб я отпускал тебя к матери...

Я стал горячо убеждать его взять меня, уж очень любопытно мне стало, что в этом доме происходит. Говорил, что часто отпрашиваться не буду, что мне одному больших денег и не требуется, лишь бы кормил да одевал. Говорил, что устал один сражаться с бедностью и давно мечтал о добром хозяине, который мог бы руководить моей жизнью, взяв на себя мои заботы, а я бы уж отплатил ему вечной благодарностью.

А он все это время, пока я плел турусы на колесах, смотрел на меня, прищурившись, будто мысли читал. А потом говорит:

— Хорошо. Вот тебе первое задание. Ночью я проводил научные опыты в своей лаборатории на втором этаже. После этого там нужно убрать, подмести, вымыть пол и стены. Сделай это, я посмотрю, насколько ты готов к такой работе. А потом обсудим условия.

Что-то неладное мне почудилось в его словах, захотелось выскочить из этого дома и бежать. Но какая-то неведомая сила, которой я не мог сопротивляться, уже тянула меня за стариком на

лестницу. Сейчас я думаю, убежать мне бы и не удалось, он уже решил, что со мной делать.

Никакой прозрачной стены перед лестницей я не ощутил, хотя утром не мог и на шаг туда сунуться. Лестница была довольно крутой, а ступени не производили впечатление прочных, так — легкие досочки, державшиеся на честном слове. Некоторые даже прогнулись, но, на удивление, они даже не прогибались под моим весом, будто какая-то магическая сила их укрепляла.

Лаборатория старика занимала весь второй этаж. По стенам стояли шкафы с открытыми полками, на которых я разглядел бутылки всяческих форм с разноцветными веществами. Посреди лаборатории стоял широкий стол, на котором большой стеклянный шар соединялся трубочками с такими же, как на полках, бутылками.

Ставни были закрыты, сквозь щели пробивались тонкие лучи света. Они так слабо освещали комнату, что я не мог видеть, что творится в углах. Я сделал несколько шагов к окну, чтобы раскрыть ставни, но поскользнулся на какой-то гадости и грохнулся прямо на пол, ударившись головой. Мне показалось, что я наступил на скользкую лягушку, чавкнувшую под моим башмаком.

— Ах, бедный мальчик! — проговорил хозяин, но не с сочувствием, а с иронией в голосе. — Здесь надо ступать осторожно, я же предупредил тебя, что комната требует уборки!

Я поднялся на ноги, осторожно дошел до окна и распахнул ставни. Солнечный свет ворвался в лабораторию, я обернулся и краем глаза успел заметить, как куски какой-то слизи, покрывавшие пол и стены, особенно в одном из углов, отделенных от лаборатории загоном из легких досок, тают, сжимаются, когда свет попадает на них. Видно, из-за этой слизи я и не удержался на ногах.

Слизь превращалась в пыль. В тех местах, куда не попадали солнечные лучи, она еще поблескивала на стенах, но я открыл ставни других окон, и вскоре в лаборатории стало сухо.

— Молодец, мальчик! — похвалил хозяин. — Возьми в углу метелку, ведро и тряпки. И за работу.

И он ушел, осторожно неся по ступеням лестницы дряхлое тело.

Уборка не заняла много времени, хотя, скажу вам, ребята, там стояла такая вонь, что любая клоака покажется райским местом. Осо-

бенно воняло в том углу, где было много слизи. В этом загончике будто грязную свинью держали. Я взялся выметать солому, которая покрывала в нем пол, и увидел на полу полустертые магические символы, написанные вдоль окружности. Тогда-то я понял, что попал в дом к магу, а не к простому ученому. Мне стало страшно. С одной стороны, хозяин вроде не собирался мне делать ничего плохого, да и его тщедушная фигурка не вызывала опасений. С другой, хоть я уже и побывал в двух комнатах, но не заметил ничего, что бы мне захотелось унести с собой. Конечно, может, у него и припрятан где-то сундук с золотом, а с другой стороны, не заплатишь ли за его поиски головой?

Вымыл я эту комнату, несколько раз пришлось ходить к колодцу за свежей водой. И стенки в загончике оттер от пыли. Хотел было протереть склянки на полках, но тут появился хозяин.

— Достаточно! — сказал он властно. — Ты хорошо справился с работой, за это я тебя награжу.

Что-то не понравилось мне в его тоне, и лицо было еще бледнее, но я продолжал играть протачка:

— Стало быть, примете меня к себе в услужение?

Старик посмотрел на меня внимательно, без улыбки, и спросил:

— Так все же скажи мне, зачем ты приходишь утром в дом Донкрэнка Фира? И не лги, мое зеркало показало мне твой портрет!

Тон его стал злым. Я понял, что отпираться бессмысленно, но не говорить же правду!

— Я хотел найти место слуги...

— Нанимаясь в услужение, не вскрывают замки у будущего хозяина! — перебил он.

— Простите, господин, я просто хотел узнать, богат ли ваш дом и сможет ли его хозяин держать слугу! — закричал я.

Мерзкий чародей рассмеялся:

— Хорошо, мальчик! — сказал он. — Я верю в то, что ты хотел посмотреть, богат ли этот дом. Ты увидел что хотел? Считаю, что я тебя простил. Ты отработал и вскрытый замок, и свою наглуемую ложь. За это я сохраню тебе жизнь.

Говоря это, он взял с полки одну из бутылей с желтой, словно светлое пиво, жидкостью.

Тут, ребята, я испугался еще больше. Я понял, что старик хочет мне отомстить. Он пообещал

мне жизнь, но что он со мной сделает? Может, решил я, он лишит меня разума, а потом скормит какой-нибудь мерзкой твари, что испускала слизь, убранный мной. Я кинулся на него, намереваясь столкнуться с лестницы и вылететь на улицу, но он меня опередил.

Стоило мне дернуться, как он плеснул мне на ноги жидкость из бутылки, и я почувствовал, как мои ноги скручиваются, подгибаются и уносят меня в какую-то туманную даль, откуда ветер несет песок, засыпающий мне глаза. Старик при этом шептал свои заклинания, но голос его становился все тише. А меня уносило неведомо куда. Я почувствовал, будто тело мое вытягивается, скручивается жгутом. Никогда не переживал ничего подобного. Сначала было больно, но потом эта боль стала какой-то сладкой, в ушах зазвучала странная музыка, ритмичная, будто исполняемая на каких-то железных инструментах, а я растворялся в этой музыке. Потом мне показалось, что мое тело распалось на мелкие частички, которые ветер развеял по разным сторонам...

Я очнулся посреди песчаной пустыни. Болела голова, рот был полон песка. Нешадно светило солнце. Отплевавшись, я поднялся на ноги, еще дрожавшие после манипуляций старика. Насколько хватало глаз, во все стороны расстились песчаные дали. Как вспомню, сразу в горле пересыхает. Филия, девочка, плесни-ка мне винца!

Сгинул бы я в этой пустыне, наверное, в тот же день. Жара, иду вперед, а сам не знаю, где он, этот перед. Башку так напекло, что уже сознание теряю. Пить хочется, а воды — ни капли. И вот, когда я уже собирался лечь и помереть, проклинающая старикашку Донкранка, который жизнь сохранил, да ненадолго, показался вдалеке путник.

Шел он в мою сторону, но у меня сил уже не было, я просто сел на песок и стал его ждать.

Вскоре я разглядел невысокого лысого деда в лохмотьях. Его кожа, торчавшая из дыр какой-то тунки, была загорелая, будто у негра. Видать, или жил этот дед в жарких странах, или по пустыне шатался уже долго. И что поразительно, его плешивую голову солнце словно не пекло. Шагал он довольно бодро, опираясь на посох.

Дед подошел ко мне, а я в знак приветствия только головой мотнул да промычал чего-то. Он все сразу понял, достал бурдюк из заплечного мешка и дал мне напиток.

Я поблагодарил, говорю:

— А сам ты, бабушка, что не пьешь?

— Не беспокойся, мне не много надо! — ответил дед.

Тут он положил ладонь, более грубую, чем у наших портовых грузчиков, на мою голову, и я ощутил, будто силы вливаются ко мне через эту ладонь. Тело мое было иссушено пустынной жарой, а я вдруг почувствовал себя так, будто искупался в пресном озере.

— Пойдем, — сказал дед. — Тут не надо сидеть на месте, а то быстро найдут.

— Кто найдет?

— Пустынные колдуны! Да ты погоди об этом думать, о себе расскажи.

Я рассказал ему свою историю, приукрасил, конечно. О том, что хотел обворовать Донкранка, не упомянул. Наплел деду, что, мол, вправду хотел в услужение наняться.

Дед молча слушал, пока мы не спеша шагали по пустыне, а когда я закончил рассказ, посмотрел на меня долгим взглядом и говорит:

— Ты не все мне рассказал, да и не надо. Я и так вижу, что ты вор, но честный человек.

Я не знал, что и ответить на эти слова. Как вор может быть честным? Он словно мысли мои прочитал. Говорит:

— Может, может вор быть честным, если товарищей не предаст, если матери в помощи не отказывает, если обещания выполняет.

Я тогда решил замять эту тему, хоть и очень мне понравились его слова. Попросил его рассказать о себе, а он все куце отвечал, таил что-то. Сказал, что путешествует по пустыне из-за какого-то обмана. Я так понял, что его в ловушку хотели заманить. Мы разговаривали, как вдруг поднялся сильный ветер. Песок стал сечь глаза, пришлось прикрывать лицо, наматывая на голову одежду. На горизонте показалась черная точка.

— Плохо нам придется! — закричал дед. — Меня выследили! Я помогу тебе, но ты должен сделать для меня кое-что!

— Кто выследил? Это просто пустынный ветер! — прокричал я в ответ.

— Нет! С таким ветром путешествуют пустынные колдуны!

Черная точка стремительно приближалась к нам. Я увидел, что это был серый гриф, огромный, он размахнул крылья метра на два. Вокруг лысой головы зловещим ожерельем торчали перья. Гриф покружил над нами, издал какой-то

жуткий клеток и, развернувшись, полетел назад. Ветер тут же поменял направление, а вскоре, когда гриф удалился из поля зрения, вовсе стих.

— Это не просто птица, — сказал мне дед. — Это разведка пустынных колдунов. Вскоре они сюда пожалуют толпой, и тебе лучше с ними не встречаться.

— Куда же я спрячусь? — спросил я. Вся эта история стала нравиться мне все меньше. Только встретил деда, который, казалось, мог меня вывести к людям, неведомым образом давая мне силы, как этот спаситель хочет со мной расстаться. Я начал упрашивать его не оставлять меня, но дед прервал мои просьбы:

— Я же сказал, что помогу тебе! Их много, их очень много, поэтому у меня не хватит сил с ними справиться. Но моя жизнь — ничто по сравнению с вещью, которую они хотят заполучить. Им нужен перстень! — сказав это, старик снял со своего пальца перстень, который походил на обыкновенную железку со стеклом. — Ты обязательно должен сохранить его. Вручая его в твои руки, я использую остатки своих сил на то, чтобы дать тебе защиту от колдунов. Сами они не смогут забрать у тебя перстень. Это дает мне надежду, что прежде, чем они, к тебе придут другие, которым ты сможешь его отдать.

— А как я их узнаю?

— Узнаешь! — сказал старик. — Ты не глупый парень и сумеешь отличить добро от зла. Другие напомнят тебе меня. И они смогут взять перстень. Но знай, что моя защита не спасет тебя от людей. А это значит, что перстень у тебя смогут украсть. Я верю в то, что ты его не выбросишь, не продашь, тем более что никто из людей не сможет оценить его. Но попробуй сохранить его и от глупцов, которые смогут на него позариться. Перстень еще спит. Чтобы его разбудить, его нужно искупать в слезах Итрари, которая плачет лишь раз в году, и в Кахосс стекаются паломники, чтоб видеть эти слезы, прикоснуться к ним и исцелиться. Ты этого не делай, просто храни его.

Пока старик говорил, снова стал подниматься ветер, и ясно было, что предыдущий ураган — лишь слабый ветерок в сравнении с тем, что шел по пустыне сейчас. Солнце уже садилось, сумерки сгустились над этим мрачным местом.

Почувствовав ветер, старик сказал:

— Прощай, больше нет времени разговаривать. Сейчас ты будешь дома!

Не поверите, он своими худыми руками поднял меня, как сухой деревянный кол, и швырнул прочь! Не успел я подумать, что или дед или я сошли с ума, как ударился оземь. Но не на песок я упал, а на траву, неподалеку от стен Лахи! И на этот раз не скручивался жгутом и музыки никакой не слышал. Я вскочил и побежал домой, мне хватило чародейства за последнее время. Хотелось только бухнуться поскорее на топчан в доме матушки Чичи и отлеживаться, стараясь забыть и о Донкранке Фире, и о старике волшебнике, и о пустынных колдунах, которых я так и не увидел. Но забыть обо всем этом мне не давал перстень, украшавший указательный палец на правой руке. Я хотел было его спрятать, но не успел.

Для моего воспаленного мозга все эти приключения оказались слишком жуткими, я начал накачиваться вином. Три дня я пил вместе с Бандаром, а проснувшись наутро четвертого дня, не увидел ни перстня, ни Бандара.

Страг замолчал. Воры не прерывали его молчание, не зная, верить или нет услышанной истории. Конечно, много странного они услышали, но Страг не походил на человека, который бы стал рассказывать то, чего не было.

— А ты не пытался отомстить Донкранку Фире? — прервал наконец молчание Хмырь.

— Нет, — помотал головой Страг. — Я не хочу больше глотать песок в пустыне. Так что, ребята, давайте-ка забудем о колдунах, пока они о нас не вспоминают, и будем зарабатывать свой хлеб нашим древним благородным ремеслом, потроша кошельки матросов да купцов!

Огонь в камине догорел, пока Страг рассказывал свою историю. Филия, как и воры, слушала и совсем забыла подбросить дрова, матушка Чича задремала, свесив нос над чашкой.

Все вздрогнули, когда тишину прорезал крик с топчана:

— Страг! Он убил моего брата!

— Знаю, Невезушка, знаю! — ответил Страг. — Не переживай, твой брат уже отомщен. Давайте, ребята, пойдем. Нам надо проводить в последний путь и честного вора, и предателя.

Откуда-то из темноты, окружившей его плотным густым туманом, еле слышно стали доноситься звуки. Будто сквозь вату Ашура услышал голос:

— Принц! Принц, ты жив? Мы победили тигра!

Сознание стало постепенно возвращаться к Ашуре. С трудом, медленно, но он припомнил, как сражался с огромным тигром, какого доселе никогда не видели в здешних местах. Припомнил, как вонзилось острое лезвие его катара в полосатое тело, как грозное животное придавило его своей тушей, словно каменная глыба, и Ашура уже готовился отправиться в объятия Идры, но чье-то копьё, вовремя подставленное, спасло его жизнь.

Принц разлепил веки. Перед ним стоял юноша в простой белой одежде, перепачканной кровью хищника.

— Ты кто? — спросил Ашура слабым голосом.

— Ты не узнал меня, принц? — спросил юноша.

— Меня зовут Дараям, я ученик верховного жреца Идры.

Принц осторожно помотал головой и попытался приподняться. Юноша помог ему сесть.

— Это ты спас меня?

— Идру благодари, — ответил Дараям. — Ты можешь идти?

Принц поднялся на ноги, перед ним лежала тлячая туша убитого тигра. Шерсть красиво блестела и переливалась при свете солнечных лучей. Тигр лежал в той же позе, в какой его застигла смерть, — вытянув лапы в прыжке. Ашура измерил его взглядом, тигр казался раза в полтора больше самого принца.

— Нет сомнений, я бы погиб в его когтях, если бы не ты. Спасибо, Дараям! — сказал принц.

Он подошел к убитому и вытащил застрявший в теле катар. Видимо, теряя сознание, Ашура выпустил его из руки. Очистив катар от травы, принц убрал его.

В это время юноша, спасший принца, занимался своим копьём, выдернув его из раны. Он обтирал древко сорванным пучком травы. Вдали послышались голоса товарищей Ашуры, звавших его. Принц ответил и, пока товарищи пробирались сквозь плотные ветви баньяна, спросил Дараяма:

— Как ты здесь оказался? Что за счастливый случай привел тебя сюда?

— Не столько счастливый случай, сколько воля Девдаса, — почтительно ответил юноша. — Он хочет видеть тебя.

Ашура удивился:

— Что требуется от меня верховному жрецу? Но в любом случае я принесу ему свою благо-

дарность за то, что он так вовремя отправил тебя в лес.

Из листвы один за другим выныривали приближенные принца. С удивлением они увидели лежащего тигра, и вопли одновременно восторга и ужаса огласили лес.

— Слава принцу Ашуре, покорителю тигров! — прокричал один из приближенных, и остальные подхватили этот крик.

Дараям стоял молча, принц бросил взгляд на его лицо, и прирожденная честность не позволила ему приписать славную победу себе.

— Слава храброму юноше, что вовремя подставил свое копьё, убившее страшного хищника! — сказал он и напустился на товарищей. — А вот вас не оказалось рядом в трудную минуту! Вы любите только развлекаться, вам бы зайцев погонять по равнине, когда мне угрожает смертельная опасность! Если бы не Дараям, тигр уже глодал бы мои кости, пока вы спохватились бы!

Приближенные стояли, виновато опустив головы.

— Прости, принц!

Ашура осознавал, что напрасно отругал их, ведь он сам последовал в заросли за прекрасным оленем, не сказав ни слова товарищам. Но признать свою неправоту и в этом случае значило бы уронить авторитет царской власти.

— Ладно, я не скажу царю о том, как вы хранили мою жизнь! — милостиво сказал Ашура. — Призовите загонщиков, пусть снимут шкуру с этого страшилища, я пообещал ее Идре!

Ашура поманил за собой своего спасителя и направился прочь из леса, туда, где один из товарищей принца держал в поводу его коня. Конь Дараяма, пасшийся на равнине, завидев хозяина, радостно заржал и подкакал к нему.

Ашура и юноша поехали бок о бок к городу. Теперь принц припомнил, что уже не раз видел Дараяма во время праздников, посвященных Идре, а также, когда верховный жрец Идры Девдас приходил по каким-либо надобностям в царский дворец. В этих случаях жреца часто сопровождал его ученик Дараям.

— Расскажи, что заставило верховного жреца искать меня? — обратился Ашура к юноше.

— Великое горе, принц, — грустно ответил Дараям. — Отправляясь на охоту, ты случайно сбил с ног бахмачари. Теперь Хостинпуру грозят бесчисленные беды!

— Что? — воскликнул опечаленный принц. — Так тот нищий странник был бахмачари? Но он еще жив?

— Да, — сказал Дараям. — Девдас молит Идру о том, чтобы тонкая ниточка, еще привязывающая его к миру, не оборвалась.

Принц ехал, печально опустив голову. Юноша не решался прервать его размышления. А печалиться было о чем.

Бахмачари — так издавна назывались люди, уходившие в леса, чтобы там в тиши заниматься исследованием духовной стороны существования. Проводя жизнь в лишениях, отказывая себе во всем, что считалось необходимым для обычного человека, они достигали великих вершин духа. Многие из них давали обет молчания, но, похоже, за это получали дар читать чужие мысли. Питались бахмачари лишь плодами лесных деревьев, основу их редких трапез составляли орехи и плоды, причем не сорванные с ветвей, а поднятые с земли. Эти святые люди брали и у лесных деревьев лишь то, что те сбросили со своих веток сами.

Жили бахмачари в лесных хижинах, собственноручно построенных из сухих тонких стволов погибших деревьев или, поближе к горам, в пещерах, а то и в ямах. Их жилища не защищали своих хозяев ни от холода, ни от дождей. Постелью служила связка соломы или же просто земля.

Но такая жизнь давала им возможность далеко продвигаться в изучении божественных путей, они прозревали будущее, умели лечить людей от самых странных болезней. Даже дикие звери не трогали бахмачари, не видя в них угрозы своему существованию. Лесные хищники и сами становились кроткими в их присутствии, люди рассказывали о святых, возле хижин которых мирно играли львы и олени.

Принцу Ашуре ни разу в жизни не доводилось еще встречать бахмачари, и он был очень огорчен тем, что встреча произошла таким образом. Тем более что предки Ашуры однажды провинились перед святыми. Еще его прадед в поисках богов, которые в обмен на поклонение им дадут ему богатство и власть, повелел забыть Идру и изгнал бахмачари из Хостинпура. Но иные боги, чьи изображения воцарились в храмах, оказались лжецами. Поманив призрачным блеском золота, они не исполни-

ли надежд царя. Хостинпур оказался в руках врагов.

Царю пришлось признать свою ошибку, он сам отправился в далекие предгорья, куда удалились бахмачари и, стоя на коленях, умолял святых вернуться и не оставить своей защитой Хостинпур. Бахмачари не помнили зла, однако так уж устроен мир, что зло нелегко исправляется. И все же они вернулись, и тогда Хостинпуру удалось вновь занять подобающее место в этом мире. На это ушли годы, вновь наступили благословенные времена, и за это цари Хостинпура прославляли милость Идры и славил бахмачари, которые вновь разошлись по укромным уголкам царства.

Ашура привык думать, как научил его отец, что бахмачари своими молитвами хранят царство не в меньшей степени, чем славные воины. Обидеть этих старцев считалось величайшим грехом.

— Что теперь будет? — спросил принц ученика жреца. — Как мне искупить свою вину перед святым старцем?

Дараям пожал плечами:

— Не знаю, принц! Надеюсь, что об этом знает верховный жрец, иначе не отправил бы меня к тебе. Наверное, что-то можно сделать, раз он хочет тебя видеть.

— Молю об этом Идру, — вздохнул Ашура. Он надеялся, что зло, причиненное случайно, не будет богами засчитано как ужасное намерение.

Всадники припустили коней, когда вдаль показались зубчатые стены цитадели Хостинпура. Вскоре они разглядели флаги и вымпелы на башнях, стрелков под флагами.

Город так же суетливо шумел, как и в час отъезда принца. Ашура понял, что за стенами дворца только он и Дараям знали о грустном событии.

Обычная жизнь царил и в стенах цитадели. Неторопливо шествовали сановники, опытные воины обучали молодых биться на мечах, кидать копья, стрелять из лука в цель. По своим делам спешили кухонные рабочие, таща поварам тушки цыплят и поросят, гусей и овец. Во дворце жило немало людей, и за царским обедом собирались сотни гостей. Изготовители цветочных гирлянд сидели, скрестив ноги, под навесами и плели венки для украшения комнат и залов дворца, водоносы толпились у колодцев, стражники, сменяя друг друга, чеканили шаг по каменным плитам, из которых были выложены проходы во дворце, напоминавшем небольшой город. Отдельной

группкой стояли и сидели актеры и сказители, жонглеры и акробаты, танцоры и певцы, которые готовились развлекать гостей за обедом. По дворцу сновали другие многочисленные слуги.

Не спешиваясь, Ашура и Дараям проехали к храму Идры, возвышавшемуся на мощных плитах справа от дворца.

— Может, сначала зайти к отцу? — спросил принц.

— Тебе решать! Но верховный жрец просил прибыть скорее, — ответил Дараям.

— Тогда поспешим узнать, жив ли бахмачари, что так неосторожно бросился под копыта моего коня.

Глава третья

Береговая линия сливалась с морем, и рассмотреть границу, их разделявшую, можно было с трудом. Лодки, небольшие парусные суда — фелуки, стояли, покачиваясь, у причалов, море баюкало их, давая отдых в последние предрассветные часы. Дальше, на рейде, в неясном лунном свете, то и дело терявшемся в облаках, стояли более крупные корабли. Гавань Лахи не могла вместить всех желающих.

Человек в сером плаще почти на ощупь пробирался к одной из фелук. На ней не спали. По палубе, переваливаясь на кривых ногах, расхаживал толстый капитан. Его длинные бакенбарды трепал ветерок.

Увидев человека в плаще, старый моряк проворчал:

— Ты задержался!

— Мне самому решать, когда лучше покинуть порт! Я заплатил тебе немало за короткую перевозку! — резко ответил человек, но затем смягчился. — Меня задержали, пришлось немного побеседовать с лахийскими ворами!

Капитан забеспокоился:

— Ты помнишь, что пока дал только часть условленной суммы? Осталось ли у тебя что-нибудь после этой беседы?

— Не волнуйся! — ответил пассажир. Он достал из складок плаща мешочек с монетами, мелодично звякнувшими, когда человек потряс мешочком перед лицом капитана. — Отчаливаем.

Довольно резво для своего веса капитан побегал будить команду — трех матросов, с кото-

рыми они вместе много лет бороздили южные моря. Видно, пассажир действительно пообещал щедрую плату, если толстяк сам решил стоять на вахте.

Вскоре матросы оказались наверху, а пассажир, напротив, удалился в сопровождении капитана в каюту.

— Располагайся, как тебе будет удобно, — предложил капитан, сделав жест рукой, означавший, что любая из трех коек находится в распоряжении гостя. — Можешь скинуть плащ, наверное, в нем не очень удобно спать.

Капитан покосился на пассажира, ожидая, что тот последует его совету. Во время всех переговоров морскому волку так и не удалось разглядеть лицо, скрытое капюшоном.

— Не нужно, — сухо ответил пассажир. — Через три часа мы должны быть на месте. До этого времени не беспокой меня.

Капитан был вынужден удалиться, плотно прикрыв за собой жалобно скрипнувшую дверь. Пассажир расположился на одной из коек и закрыл глаза, предаваясь отдыху.

Распустив паруса, фелука вышла из гавани, не потревожив покой других судов, еще дремавших на волнах. Темнота не пугала капитана, он мог бы провести здесь свой корабль даже с закрытыми глазами. На этой фелуке он путешествовал по островам и городам побережья, добираясь до самого Кахосса, где гигантская статуя Итрари раз в год роняла слезы.

Сейчас путь был не таким далеким, как путешествие в Кахосс. Станный пассажир, прошлым утром появившийся на причале, просил довести его только до пустынного острова Лого. На скалистом острове не было жителей, в его бухту редко заходили корабли. Пресной водой тоже лучше было заправляться в других местах. Единственный источник, вода которого ручейком спускалась к морю, выглядел красиво в обрамлении камней. Но светлая и приятная на вид вода была горька на вкус. Те, кто ее пробовал, маялись потом животами дня по три.

Капитан был удивлен странным пожеланием человека в плаще оказаться на пустынном острове. Однако золотые монеты развеяли его сомнения.

Стоя на палубе, он прислушивался к разговору матросов, чesавших языки.

— Не нравится мне этот монах, — говорил один,

сплевывая. — Зря старик пошел у него на поводу.

— А кушать и тебе, и мне нравится, — посмеивался другой. — Да и давненько мы не навещали наших пташек, заждались, наверное. Глядишь, и позабудут нас, забавляясь в объятиях других моряков, в чьих карманах почаще звенят монеты.

— По мне, так и пташек не надо, лишь бы подальше от таких заказчиков. Вот скажи, что доброму человеку может потребоваться на острове Лого?

— А может, у него запор! — громко расхохотался третий моряк, стоявший у штурвала. — Вот и захотелось попить волшебной водички! А ты, Грига, стареешь, раз готов отказаться от горячих лахийских девчонок!

— Не знаю, не знаю, — не сдавался Грига. — Не нравится он мне, и все тут.

Капитан цыкнул на разболтавшихся матросов. Как бы ни беспокоил моряков пассажир, дорога предстояла недолгая.

Фелука шла к острову на всех парусах, и вскоре моряки увидели вынырнувшие из облаков вершины скал Лого, четко вырисовывавшиеся на фоне рассветного неба...

Когда судно причалило, человек в плаще, ни слова не говоря, спрыгнул на берег и быстро пошел к видневшейся гряде камней, которая вела к высокой скале.

— Эй! — крикнул капитан. — Сколько нам тебя ждать?

Монах только махнул рукой. Его поведение не понравилось капитану, он закричал громче:

— Сколько нам ждать? Когда ты заплатишь?

— Скоро! — крикнул в ответ пассажир на ходу.

Человек в плаще быстро добрался до скалы и стал подниматься по ней, используя неровности. Он легко цеплялся пальцами за выступы и подтягивался на руках, отталкиваясь ногами от любой нащупанной опоры. Достигнув выдающегося вперед выступа, представлявшего собой площадку примерно на середине высоты горы, монах остановился передохнуть. Он повернулся в сторону моря и стал делать какие-то пассы руками.

— Что он делает? — забеспокоился Грига. — Капитан, нам пора сваливать.

Капитан и сам забеспокоился.

— Эй, ты! — заорал он. — Ты что, спятил? Заплати нам и маши руками сколько влезет!

Вдруг резко подул сильный ветер, плащ монаха стал развеиваться, словно злоеющее серое зна-

мя. Монах прекратил размахивать руками и, взглянув на моряков, расхохотался:

— Значит, у меня запор? Пусть так, но как бы вас не настигло что-либо более серьезное! Убирайтесь, дураки, если хотите остаться в живых.

— Капитан, сматываемся! — закричал Грига и побежал к фелуке. За ним припустили другие матросы.

— Нет! — зло прокричал капитан. — Он должен мне заплатить!

Моряк кинулся по каменной гряде вслед за странным монахом. Но тот уже взбирался вверх по скале. Снизу он казался серой кошкой, цепляющейся когтями за кору дерева.

— Капитан, вернись! — звали матросы морского волка.

Ветер еще усилился, капитан подбежал к скале и, поняв, что не сможет на нее забраться, стал лупить ее кулаками в бессильной злобе.

— Жизнь дороже, — рывкнул Грига. — Идет шторм.

Монах стоял на вершине скалы, вытянув руки, будто посылавшие ветер. Но волны бушевали только у острова, чуть дальше вода продолжала оставаться относительно спокойной. Моряки надеялись на спасение в открытом море и потому быстро отчалили. Кинув прощальный взгляд на вершину скалы, они увидели, как монах вдруг вытянулся, его очертания стали расплывчатыми, но тело снова уплотнилось, меняя форму. С силой оттолкнувшись от скалы, по ветру понеслась огромная птица с серыми крыльями.

Пролетая над фелукой, она издала злобный клекот, словно хохоча над незавидной участью моряков, и в ту же минуту сильнейший порыв ветра бросил фелуку на риф, торчавший из воды. Затрещали доски, судно треснуло и раскололось.

Донкранк Фир с неподобающей его возрасту суетливостью носился по лаборатории, доставая бутылки и склянки с полок, смешивая их содержимое в большом стеклянном шаре, стоявшем на столе посреди комнаты.

Бутылки не возвращались на полки, а тут же на столе выстраивались в шеренги, словно солдаты на торжественном параде. Время от времени они жалобно звякали, но колдун не обращал на эти звуки никакого внимания.

— А если ускорить реакцию, — бормотал он себе

под нос. — А если ускорить ее за счет увеличения собственной скорости, то удастся покопаться глубже. Как знать, как знать, может, именно там находятся всемогущие существа, которых у меня получится подчинить... Скорее, еще скорее!

Бутыли поворачивались над стеклянным шаром вверх дном. Света в лаборатории не было, но от смеси исходило призрачное розоватое свечение, в бликах которого тонули углы комнаты.

— Последняя капля! — провозгласил Донкранк, вливая в шар чуточку густой жидкости апельсинового цвета.

Как только капля упала, шар завибрировал, из него сначала тонкой струйкой, а затем столбом повалил дым, устремившийся по комнате. Упираясь в потолок, столб дыма словно ломался о преграду и устремлялся в сторону. То же происходило и когда он наткнулся на стены. Вскоре лаборатория оказалась пересеченной дымовыми лучами.

Донкранк схватил со стола кусочек мела и бросился в отгороженный угол комнаты. Неожиданно по дороге он споткнулся и упал, громко ругнувшись!

— Не гневайтесь, господин! — тонким голосом пропищал мальчишка, о которого споткнулся колдун.

Донкранк довольно ловко вскочил на ноги и прикрикнул на пацана:

— Я же сказал тебе не мешать!

— Господин, мне страшно! — заверещал мальчишка.

— Ерунда! — оборвал его писк волшебник.

Столб дыма, оттолкнувшись от противоположной стены, устремился прямо к мальчишке. Вскрикнув, он отпрянул, чуть вновь не сбив колдуна с ног.

— Да сиди ж ты спокойно! — рявкнул Фир, хватая парня за шиворот. — Этого дыма не надо бояться, он не тебя ищет. Надо скорее открыть ему дверь!

Мальчишка метнулся к выходу, но Донкранк удержал слугу:

— Не эту дверь, чудак. Сиди спокойно, сам все увидишь!

— Учитель, вы обещали показать мне существ из других миров и отправить меня в другие миры, но я уже не хочу! — закричал мальчишка, пытаясь вырваться из рук Фира.

— Не хочешь, а придется! — колдун взмахнул ру-

кой перед глазами парня, и тот сонно присел на пол. Мальчик не мог двинуть отяжелевшими руками и ногами, только в глазах его трепетал страх.

Волшебник метнулся к загончику, провел на полу окружность и стал рисовать какие-то таинственные магические знаки. Вскоре он оторвался от этого занятия и выскочил из загончика. Столб дыма, словно только этого и ждал, устремился к центру окружности и стал постепенно пропадать. Будто гигантская дымовая змея вползала прямо в пол комнаты, шипение, доносившееся из шара, усиливало сходство.

— У нас есть время, — сказал Донкранк, обращаясь к мальчишке. — Ты успокоился? Повторяю. Вскоре здесь появится, как я и обещал, существо из другого мира. Может, это будет волосатый великан, может, крылатый дракон, а может, и гном. Все, о ком ты слышал в сказках, на самом деле приходили к нам из других миров. Я не знаю, каким образом они сюда попадали, но всегда были люди, такие, как я, кто умел своим разумом постичь законы передвижения существ из одного мира в другой. Они и обеспечивали переправу. Ты же любишь путешествовать? Сам мне об этом говорил, вот и они любят. Наверное. А мы — маги — только помогаем этим странникам.

Колдун помолчал, проследив, как дым вытянулся в прямую линию, шедшую от шара к центру окружности в загончике.

— Но проблема в том, — продолжил волшебник, — что изъятия существ из других миров требуют замены. Если к нам кто-то прибудет, это значит, что на его месте в том мире, где он жил, образуется дырка. Представь себе мир в виде сыра с дырками — безобразия, а не мир. Поэтому нужна замена. Вот я тебя туда и отправлю.

Мальчишка задрожал, казалось, он бы вскочил и убежал куда глаза глядят, но был пригвожден к полу взглядом волшебника.

— Не надо трястись, — с досадой в голосе проговорил Фир. — Ничего страшного там наверняка нет. Ну, существа. Ну, другие. И будешь ты там жить, как у нас жили великаны и гномы. Я ж не ставлю перед собой задачу убить тебя! Хотел бы — давно бы убил.

Донкранк рассмеялся.

— А ты до сих пор жив! Будем надеяться, что живым и останешься, хотя, честно говоря, твое будущее меня не очень волнует. Может,

ты там королем станешь или богом! Так что радуйся возможности, которую тебе дает великий Донкранк Фир!

Похоже, его слова мало успокоили мальчика, но тот не мог ничего сделать. Из глаз его катились слезы.

Волшебник подошел к окну и вдруг остановился озадаченный. Он увидел странное видение сквозь щели в ставнях. В стороне, где располагались городские улицы, над городом вставало фиолетовое свечение.

— Да, похоже, не только я сегодня упражняюсь в магии, — пробормотал колдун. — Вот так живешь-живешь и не знаешь, что кто-то начинает по соседству безобразничать.

Колдун не знал, что в этот момент на одной из улочек Лахи человек в сером плаще с помощью магии избежал гибели под ножами воров Страга.

Донкранк обернулся, и вовремя. Хвост дымовой змеи покинул шар и стал поворачиваться в сторону мага. Тот прижался к стене, и конец хвоста прошел мимо него. Но дым зацепил мальчишку, сидевшего на полу, и поволок за собой к окружности.

— Прощай, мальчик! — проговорил Фир. — Будь счастлив!

Через несколько минут лаборатория очистилась от дыма. На полу загончика валялся деревянный башмак — все, что осталось от очередного слуги колдуна. В комнате находился только маг. Он взял с полки песочные часы, перевернул их и стал смотреть, как песок постепенно пересыпается сверху вниз.

— Пять оборотов, — шепнул Фир. Он не отрывал глаз от часов, чтобы не пропустить момент, когда их нужно будет перевернуть.

Пять раз песок пересыпался в часах, и в лаборатории раздался глухой гул, шедший из загончика.

— Так-так, — пробормотал маг. — Посмотрим, что за улов ждет нас сегодня.

Из середины окружности появился дымок, вскоре превратившийся в мощную струю, которая устремилась к стеклянному шару, исчезая в нем. В центре окружности показалась чья-то лысина. Донкранк с интересом наблюдал, как из пола появлялся человек, явно превышавший рост волшебника раза в полтора.

Показалось лицо с единственным глазом, зло взглянувшим на колдуна.

— Ой, циклопчик! — воскликнул колдун. — Вот, значит, где вы обитаете! Ну, давай-давай, вылезай, хороший мальчик!

Из пола выростала могучая волосатая грудь, волшебник увидел мускулистые руки, набедренную повязку из пятнистой шкуры какого-то животного, мощные ноги, привыкшие носить грузное тело.

Наконец весь циклоп выскользнул из пола со звуком пробки при откупоривании бутылки. В руках он сжимал громадную дубину, одного удара которой хватило бы на то, чтобы превратить волшебника в бесформенную кучу тряпья, кожи и перемолотых костей.

— Хороший мальчик! — приговаривал колдун, но на его лице не отражалось радости. — Правда, не знаю, зачем ты мне.

Донкранк взял со стола щепотку коричневого порошка:

— А ну-ка, покажи, на что ты способен!

Он кинул порошок в глаз великана. Тот заморгал, принялся тереть глаз и издал обиженный рев. Когда великан снова смог видеть, он поднял дубину, издал грозный рык и шагнул к волшебнику.

Донкранк отступил, хотя циклоп и не смог преодолеть невидимую стену, выроставшую из окружности.

— Скажи «Приветствую тебя, господин!» — потребовал волшебник. — Ну, давай, мальчик!

Циклоп снова заревел, пытаясь своей дубиной разбить невидимую стену. Звук от ударов был глухим, будто дубина ударяла по подушке. Не дождавшись приветствия, Донкранк, словно учитель, отчитывающий нерадивого школьника, заявил:

— Непослушный и вредный мальчик!

Не обращая внимания на злобствующего циклопа, волшебник подошел к шкафам, взял с одной из полок кусочек стекла, посмотрел сквозь него на великана и забормотал:

— Посмотрим-посмотрим, что тут у нас есть! Так-так, обучаемость почти нулевая, магических способностей и следа нет, сила в четыре раза выше среднечеловеческой, желания обычные: пожать, поспать...

Волшебник вернул стекло на место и объявил великану, тупо продолжавшему долбиться в стену:

— Нет, знаешь, кушать тут нечего, если толь-

ко всех лахийцев пережрешь! Но сделать ты этого не сможешь, поскольку они тебя, дурака, убьют раньше.

Циклоп, будто обидевшись на эти слова, снова заревел.

— Фу, плохой мальчик! — обвиняющим тоном произнес маг и швырнул в меловой круг шепотку другого порошка. — Прощай!

Раздался взрыв, разнесший циклопа на куски, которые разлетелись по комнате. Донкранк, чтобы не испачкаться, притаился за шкафом.

Донкранк Фир раскрыл тетрадь в кожаном переплете, лежавшую на столе, и, подумав, стал вносить в нее записи, проговаривая их:

— Опыт семнадцатый. Ингредиенты... Объем... Результат: циклоп. Результат признаем отрицательным. Стало быть, осталось...

Подняв глаза к потолку, волшебник посчитал в уме:

— Двести пятнадцать! Эх, не дадут мне лахийцы отправить еще двести пятнадцать мальчиков в иные миры. Хотя, может, им было бы там не так уж плохо. В конце концов, из семнадцати парней только трое отправились к безмозглым драконам, десяток — к безобидным зверушкам. Двое вообще ушли замещать красавиц, жаль, одна с четырьмя руками, а вторая с ослиными ушами, а то могли бы и здесь вполне прижиться. Одного пришлось отправить к рыбкам, будем надеяться, в пути он вырастил жабры, а нет — так не моя вина. Семнадцатый ушел к циклопам, пусть ему там будет хорошо!

Донкранк со вздохом отложил перо и закрыл тетрадь. С тоской взглянув на лабораторию, нуждающуюся в уборке, он вышел, прикрыв дверь, и отправился поспать.

Спустя несколько часов он проснулся, разбуженный первыми лучами солнца, и подошел к окну. С моря дул сильный ветер.

— С чего бы так резко направление ветра изменилось? — спросил сам себя Донкранк. Он поспешил к двери, открыл ее и принялся, когда порыв ветра чуть не захлопнул створку. — Ага, опять наследили! Знаменитый ветер пустынных колдунов! Вот кто, оказывается, шарится ночами по улочкам Лахи. Кажется, скоро произойдет что-то любопытное!

Храм Идры был самым высоким зданием в крепости Хостинпура. Его купол виднелся изда-

лека и радовал взгляд многих жителей государства, стекавших сюда в дни, когда принято славить доброго бога, благодаря попечению которого Хостинпур процветал на радость друзьям и зависть врагам. В эти дни площадь перед храмом бывала запружена окрестными крестьянами, охотниками, вместе со всем семейством прибывавшими в столицу.

Жрецы храма знали толк во врачевании и разных науках. И вот крестьяне, с которыми нехорошо обошлась природа, испытавшие какую-либо беду, шли сюда. Обнищавшим помогали деньгами, инструментами, одеждой, охотничьим оружием. Больных и увечных, страдания которых не могли облегчить знахари, осматривали жрецы храма, опытные в лечении. Страшные болезни давно обходили Хостинпур стороной, но все же разные случаи приключались. Бывало, охотники могли пострадать в лесах, и тогда им приходилось обращаться к добрым жрецам.

Богатые и здоровые люди в дни праздников тоже толпами стекались к храму, чтобы воздать хвалу Идре, благодаря бога за ниспосланное благоденствие.

В храме ежедневно работало немало людей. Одни мели площадь перед храмом, другие очищали стены, чтобы они сияли, своим блеском затмевая блеск воды, плескавшейся в небольшом бассейне, прилегающем к храму. Изготовители цветочных гирлянд несли свои изделия для украшения внутренних стен помещений и переходов храма, и в нем всегда стоял приятный сладковатый запах свежих цветов.

Ашура и Дараям спешили в тени огромного здания, бросив поводья тотчас подбежавшим служителям, которые повели коней на конюшню. Принц и ученик жреца невольно посмотрели на стены храма, возвышавшиеся над ними. Стены были украшены скульптурами радующихся и благоденствующих людей. Были здесь фигуры крестьян, обрабатывающих поля, лесорубов и строителей, кузнецов и чеканщиков, охотников и рыболовов. Женщины плели корзины, ткали, шили одежду, а то сплетались в радостных хороводах. Дети играли с домашними животными. Не было здесь только военных сцен, ибо Идра был богом мирных людей и не поощрял занятия, которые вели к смерти.

Жители Хостинпура знали, что этот сильнейший бог поможет, когда придет нужда, побеж-

дать врагов. Но не зря ежегодно в праздник цветения жрецы читали в храме историю победы Идры над демонами-раксасами, которым он сначала долго попускал бесчинствовать, надеясь на их перерождение, а затем поразил, изгнав из Хостинпура. Жрецы говорили, что эти битвы, которые Идра вел с неизменным успехом, но всегда в конце оплакивал погибших врагов, происходили в действительности. Только было это так давно, что память о них осталась лишь в храмовых летописях. Все ныне живущие в Хостинпуре могли видеть лишь изображение Идры — огромную статую, украшавшую центр главного зала храма, на их памяти бог не оживал, да и не требовалось его оживления во времена процветания. Он помогал хостинпурцам незримо.

Здание храма имело круглую форму, круглым же был и центральный зал, где стояла статуя Идры. Этот зал был окружен коридором, из которого двери вели в комнаты различного назначения, располагавшиеся по окружности здания. Здесь, в этих комнатах, хранились богатства храма и те предметы, которые шли на раздачу нуждающимся. Здесь же были комнаты, в которых лечились увечные и больные хостинпурцы, за которыми ухаживали жрецы. Жрецы, в том числе и верховный жрец Девдас, жили в этих помещениях. Поскольку храм был громаден, места хватало всем.

Едва принц ступил в полутемный вход под аркой, также украшенной скульптурной резьбой, как служители, работавшие в храме, увидели его и склонили головы в поклоне. Только жрецы не отдали поклона принцу, поскольку считалось, что они служат высшему существу, перед которым должны склоняться сами принцы и цари.

Принц ответил на поклон и вступил в храм. Неожиданно один из служителей, до этого развешивавший на стенах гирлянды свежих цветов, обернулся, услышав шаги Ашуры. Он сделал несколько шагов навстречу принцу и упал, забившись в конвульсиях. Глаза его горели неестественным блеском. Глядя на принца, но будто не видя его, он закричал:

— Кровь! Я вижу кровь! Сотрите кровь!

Эти крики перепугали других служителей, бросившихся к товарищу. Принц инстинктивно шагнул назад, но сам устыдился этого и тут же поспешил к корчившемуся на каменном полу человеку. Тот бился головой об пол с такой силой, будто задумал убить себя:

— Вижу, вижу кровь! Кровь заливает руки принца! Уберите, уберите!

Ашуру, которого и прежде одолевало беспокойство, эта сцена взволновала. Он беспомощно оглянулся на Дараяма. Ученик верховного жреца быстро прошел к служителю, товарищи которого почтительно расступились перед ним. Дараям опустился на колени перед человеком, чье тело изгибалось, будто его кололи ножами. На лице служителя было написано страдание.

Дараям положил руку на лоб служителя и зашептал:

— Великий Идра, не позволяй в твоём храме властвовать демоническим силам!

Свет исходил из-под ладони Дараяма, распространялся со лба на нос, щеки, подбородок, будто целительные силы вливал ученик верховного жреца в несчастного служителя.

Служитель задыхался ровнее, расслабил напряженные мышцы. Через минуту он открыл глаза. Увидев перед собой Дараяма в белой одежде, залепанной кровью убитого в лесу тигра, человек испугался:

— Неужели я поранил вас, господин? — спросил он. — Не знаю, что со мной было, будто наваждение какое-то нашло.

— Не волнуйся, — ответил Дараям. — Ничего плохого не произошло. Расскажи, что ты чувствовал.

Ашура, наблюдавший за этой сценой со стороны, подошел ближе.

Служитель рассказывал:

— Я развешивал цветочные гирлянды, увидел, что в храм входит принц Ашура, поклонился ему и вдруг ощутил, как мою голову покрыла какая-то тень! Мне стало страшно, я закричал, а потом ничего не помню. Помню только, что мне было больно, но вы, господин, положили ладонь на мою голову. Я почувствовал покой и приятную прохладу, исходящую от вашей руки. Наверное, вы спасли меня, спасибо вам, господин!

Человек поднялся на ноги и сделал попытку склониться перед Дараямом в низком поклоне, но ученик жреца удержал его:

— Идру благодари. Я бы велел тебе идти домой и отдыхать, но, думаю, сейчас тебе лучше какое-то время побыть под защитой Идры в этом храме.

— Хорошо, господин! — служитель поклонился.

Вскоре все вернулись к своим делам, хотя Ашура заметил, что некоторые опасливо ко-

сятся на него и перешептываются. Принц вытер холодный пот, выступивший во время страшной сцены.

— Ты просто волшебник! — сказал он Дараяму. — Может, ты и на мой лоб положишь ладонь?

Принц тут же пожалел о вырвавшихся словах. Дараям прекрасно понял принца, ученик верховного жреца внимательно посмотрел на Ашуру и ответил:

— Твоим разумом не владеют демоны, твое беспокойство уйдет, когда ты предпримешь для этого старания. Идра не оставит тебя без поддержки, а Девдас скажет, что нужно сделать.

Ашура вздохнул и пошел вслед за Дараямом. Они прошли через центральный зал и остановились возле статуи Идры. Головы молодого жреца и принца достигали лишь стоп бога, сидевшего со скрещенными ногами и с любовью смотревшего на тех, кто прибегал к его помощи. Дараям воздел руки к божеству и зашептал слова молитвы, принц лишь мысленно просил бога не оставить его своей милостью.

Завершив молитву, они направились к боковым дверям, выходящим в полутемный коридор. Дараям вел Ашуру к покоям Девдаса.

Глава четвертая

— **О** прекрасная Девика! Смотреть на тебя — словно вдыхать тонкий аромат ландышей! Любоваться лицом твоим — счастье не только для смертного, но и для бессмертных богов. Лицо твое подобно Луне, освещающей землю в ночи, глаза твои сияют как алмазы, блеск их затмевает свет Солнца! Щечки твои — словно розы, коснешься их — словно персик в руке...

— Хватит, Дамаянти! — оборвала принцесса бесконечную речь своей няньки. — Ты такую ерунду говоришь, что уши вянут!

— Нет, — возразила нянька. — Не могут вянуть ушки моей маленькой богини. Они всегда свежи и полны жизненных сил.

Принцесса рассмеялась. Она лежала на невысокой мягкой тахте в отведенных ей покоях. Комнаты принцессы располагались во дворце царя Падаси, здесь Девика часто проводила время с детских лет. Давно родители Ашуры и Девики условились о том, что дети станут мужем и женой, а Хозрем станет частью Хостинпура.

У князя Хозрема не было сыновей, лишь одна дочь украшала его старость. Потому он решил, что будет лучше, если давно существовавшее в действительности положение, когда княжество и так являлось частью более сильного и дружественного государства, войдет в его состав на законных основаниях. Ашура должен был стать князем Хозрема, а затем, когда Идре будет угодно призвать к себе обоих властителей, станет царствовать над единым Хостинпуrom, частью которого станет горное княжество.

Девика и Ашура привыкли думать, что проведут жизнь вместе как муж и жена. Теперь, когда отец Девики уже ушел на встречу с Идрой и предками, девушка решила жить во дворце Падаси. Свою мать она потеряла еще во младенчестве, женскую ласку давала ей старая нянька Дамаянти.

Конечно, Девика грустила по отцу, но жители Хостинпура окружили девушку такой заботой, что она почти не ощущала одиночества. Ежедневно виделась она с царем Падаси, царица Дурга навещала ее и приглашала к себе, хотя принцессе было скучновато общаться с ней. Гораздо интереснее было с Ашурой, который также часто бывал в покоях невесты. Бывало, они вместе устраивали конные прогулки, а то и соревновались в стрельбе из лука, и Ашуре далеко не всегда удавалось опередить юную хозремку.

Царица Дурга не одобряла такого поведения невестки, но Девика не обращала внимания на ее добродушное ворчание. А Падаси, которому Дурга высказала свое неудовольствие, отмахнулся:

— Милая! — сказал он. — Вспомни, как ты лечила мои раны, когда сразу две стрелы лучников Ахора пронзили мою руку! Ты готова была сама схватить лук и перестрелять всех врагов, именно тогда я и влюбился в тебя и решил назвать своей женой!

Дурга, поджав губы, возразила:

— Тогда было другое время, Ахор угрожал Хостинпуру. А теперь вокруг царит мир. Я бы хотела видеть рядом с Ашурой нежную заботливую женщину, которая отвратит его от глупостей, свойственных молодости!

— А я бы хотел видеть рядом с сыном надежную подругу! — заявил Падаси. — Слава Идре, мы действительно процветаем и благоденствуем, но надолго ли — только Идре известно!

Девика не знала об этом разговоре, но заме-

тила, что с некоторых пор Дурга почти перестала ворчать, когда Ашура с принцессой отправлялись стрелять или приказывали седлать лошадей и мчались галопом по дорогам Хостинпура.

Принцесса и теперь с удовольствием бы занялась чем-либо более интересным, чем лежание на тахте, но некоторое время назад ее вдруг настигла неизвестная болезнь. Девушка чувствовала слабость, не дававшую ей подняться. Когда она вставала на ноги, ноги были словно травинки, каждый шаг давался с трудом.

Врачи, присланные Падаси, не сумели определить причину заболевания. Одни рекомендовали полный покой, другие — усиленные тренировки. Третьи говорили, что надо больше кушать свежего мяса и налегать на вино. Четвертые утверждали, что необходимо голодание. Что на самом деле было нужно принцессе, выяснить пока не удалось. Принцесса улеглась поудобнее.

— Остороженько, красавица моя! — запричитала Дамаянти, подскочив к ней.

Девика досадливо поморщилась:

— Что ты как курица над яйцом трясешься надо мной? — спросила она. — Я просто повернулась, какая при этом нужна осторожность!

— Ох-ох! — запричитала нянька. — Пока не прошла твоя слабость, нужно беречь твою красоту...

— А, перестань! — рассмеялась Девика. — Тебя послушать, так я просто урод какой-то.

— Как? — удивилась служанка.

Девика принялась объяснять:

— Ну, сама подумай. Лицо словно Луна. То есть, круглое, бледное, как у покойника, и в серых пятнах...

Дамаянти всплеснула руками:

— Все поэты сравнивают красавиц с Луной! Я много их песен переслушала, когда бродячие певцы пели их во дворце вашего отца!

— Значит, поэты — дураки! — возразила принцесса. — Потом, глаза сияют солнечным светом, значит, спяют других. Что в этом хорошего? Щечки как розочки...

— Розочки-то чем не угодили? — огорчилась нянька, всплеснув руками.

— Розочки — из лепестков. Значит, моя кожа шелушится, как лепестки. А на ощупь — словно персик. То есть мохнатая. Ты хочешь ска-

зать, что мои щеки шелушащиеся и мохнатые? — засмеялась Девика.

Служанка всплеснула руками:

— Ах, моя маленькая богиня, ты просто смеешься над старой нянькой! Конечно, не от меня ты хочешь слышать эти нежные слова. Вот если бы тебе говорил их принц Ашура!

Принцесса прикрыла глаза от солнечного света, пробивавшегося сквозь тонкие занавеси и придававшего белым стенам комнаты золотистый оттенок.

— Конечно-конечно, — продолжала приговаривать Дамаянти. — Молодым девушкам красивые песни должны петь славные юноши, а не старые няньки.

— Ну, перестань, няня! — принцесса увидела, что Дамаянти не на шутку огорчилась. — Я не хотела сказать тебе что-то обидное. А с Ашурой мне просто интересно и весело.

— Так и должно быть, моя милая, так и должно быть! — согласилась нянька. — Ты же любишь его, а он любит тебя. Ваш брак осияет своим светом Хостинпур и Хозрем, и все жители возлюбят вас как добрых и хороших властителей...

Девика промолчала, задумавшись.

Нянька, заметив это, присела рядом и по своему разумению решила успокоить принцессу:

— Не волнуйся, принц скоро придет, он же и дня без тебя провести не может. Это такая любовь...

— Любовь — не любовь! — отозвалась принцесса. — Я же тебе говорю, что мне с ним просто весело. А люблю я его или нет — не знаю.

— Конечно, любишь! — убежденно сказала Дамаянти. — Все молодые девушки говорят так, как ты, а сами любят!

— Не знаю, — принцесса не хотела соглашаться. — Я к нему привыкла, он хороший друг. Мы же с детских лет с ним вместе играли, учились верховой езде, стрельбе, обследовали все уголки царского дворца и даже однажды ночью пробрались в храм Идры. Правда, дошли до двери, ведущей в подземелье, но испугались и не пошли дальше.

Это воспоминание развеселило принцессу. Она продолжала:

— На следующую ночь мы решили все-таки проникнуть в подземелье и вновь пробрались в храм. Но у самой двери нас выловил Девдас. Он поймал нас за шиворот и вытащил на улицу. И

Ашура, и я подумали, что он наябедничает Пада-си, но верховный жрец отпустил нас, сказал только, что есть места для царей и принцев, есть для жрецов, а есть для богов, куда не нужно заходить, пока боги не призовут.

— Вот вам всегда хотелось только хулиганить, — проворчала старуха. — Страшно становится, как вспомню, сколько раз приходилось залечивать ваши царапины! Тебе, моя маленькая богиня, и теперь лишь бы скакать, стрелять да лазать! Может, то, что ты приболела, и не плохо. Научишься степенности, которая должна быть у царицы. Вот посмотри на Дургу — держится строго, движется плавно... ее на коня не загонишь!

Принцесса расхохоталась:

— Представь, я стану степенной и толстой, не смогу вскочить на коня! Да я умру со скуки, как сейчас умираю. Вот что, вели седлать моего коня!

— Куда-куда? Какого коня, лежи и лечись, моя девочка! — замахала руками нянька.

— Коня! — крикнула Девика.

Нянька, ворча, ушла выполнять приказание. Вскоре у входа в покои принцессы гарцевал красивый вороной жеребец с султаном на лбу. На жеребце была узорчатая упряжь, седло, изготовленное в лучших мастерских Хостинпура.

Принцесса, опираясь на руку няньки, вышла на крыльцо. Усатые стражники богатырского роста, охранявшие вход, с беспокойством и любовью взглянули на принцессу. Принцесса приветствовала их и, сопровождаемая служанкой, подошла к своему коню. Тот радостно заржал, увидев хозяйку, и стал нетерпеливо перебирать ногами. Его, конечно, выгуливали, но конь скучал без лихой скачки по дорогам Хостинпура.

Принцесса потрепала его по холке. И попыталась вскочить в седло, но тут же чуть не упала назад, подхваченная служанкой и конюхом, стоявшим рядом. К ней подскочили и стражники.

— В седло! — упрямо произнесла принцесса, и мужчины почти закинули ее на коня.

Девика сжала сапожками бока коня, и тот шагом пошел в сторону улицы. Принцесса болталась в седле, с трудом удерживая равновесие. Не успев удалиться на несколько шагов,

она вдруг низко наклонилась, и лишь расторопность стражников и конюха, подхвативших ее, спасла Девуку от падения.

Обратно в покои девушку отнесли на руках стражники.

В узком коридоре Ашура и Дараяма остановили два жреца.

— Просим вас подождать, светлейший принц! — сказал один, обращаясь к Ашуре, а второй повернулся и быстро скрылся за дверью одного из боковых помещений.

Жрец быстро вернулся:

— Девдас просит вас пройти!

Дараям и Ашура прошагали к двери, ведущей в покои Девдаса. Первая комната, в которой он принимал тех, кто приходил к нему за советом, оказалась пуста. Молодые люди прошествовали дальше, миновали кабинет, где увидели такого же жреца, как и те, что стояли на страже в коридоре. Наконец в третьей комнате, служившей Девдасу спальней, они нашли того, кого искали.

Девдас стоял у постели, на которой лежал старик. Ашура узнал в нем человека, так неосмотрительно попавшегося ему на дороге.

Низкий диванчик был застелен простой грубой тканью, под стать одежде бахмачари. Девдас, хоть и был верховным жрецом Хостинпура, не баловал себя шелками, предпочитая грубые ткани, простую пищу, которую вкушал раз в день.

Бахмачари был без сознания, из груди его вырывались хрипы.

— Я не мог так сильно его поранить, — смутившись, сказал принц. — Он попал под удар моего коня, упал, но даже при этом не должен был оказаться смертельно раненным.

— От старости нет лекарства, — тихо ответил Девдас. — Этот бахмачари, его зовут Шиа, — старейший. Он помнит ребенком еще твоего деда.

Помолчав, Девдас добавил:

— Я был мальчишкой, когда начал свое служение Идре. Мой учитель взял меня в паломничество к Шиа, уже тогда он был в почтенном возрасте. Кроме того, мы не знаем, как и что влияет на жизнь и смерть святых. Он мог бы выжить после удара копьем. Если бы меч, коснувшись его головы, разлетелся на куски, я

бы не удивился. Но если пришла пора, его никто не спасет. Только Идра знает, когда следует призывать к себе своих слуг.

Ашура подошел к постели, встал на колени и поднес руку старика к своему лбу:

– Прости, учитель!

Рука бахмачари была не тяжелее высохшего бамбука. Принц почти не ощущал ее веса, зато почувствовал, как тает его беспокойство, как в душу нисходит покой.

Он поднял глаза на Девдаса:

– Святой простил меня? Он больше не обижается?

Девдас грустно улыбнулся:

– Шиа давно ни на кого не обижается. Он может только скорбеть о том, что люди, сами не понимая этого, создают себе трудности. Пойдемте, сейчас мы ему не поможем.

Верховный жрец и его спутники тихо пошли к выходу из спальни, но в этот момент бахмачари стал дышать еще тяжелее, а затем отрывисто заговорил:

– Я вижу беды! Война идет на Хостинпур! Я вижу ссоры, и зависть, и предательство!

Девдас, его ученик и принц кинулись к постели старика, но тот уже затих.

– Он бредил? – спросил принц Девдаса.

Верховный жрец покачал головой:

– Это не бред. Это предсказание, увы!

Стараясь не потревожить покой больного, они вышли из спальни. Девдас пригласил принца и Дараяма присесть за низенький круглый столик. Бросив взгляд на испачканные кровью одежды, он спросил, что с ними произошло. Принц рассказал о странном тигре, в когтях которого он чуть не погиб. При этом принц всячески превозносил сме-

лость Дараяма, благодаря которому остался жив.

– Дараям, – обратился к ученику верховный жрец. – Ты правильно поступил, что убил тигра. Но ты понимаешь, что теперь тебе нужно очиститься от убийства? Ты не сможешь находиться в храме Идры, пока не истечет срок очищения. На целый год ты отстраняешься от храма.

– Да, учитель! – спокойно ответил Дараям.

Ашура с горячностью принялся защищать своего спасителя:

– Но почему, учитель? Если Дараям совершил благое деяние, почему ты отстраняешь его от исполнения обязанностей жреца? Так нельзя!

Девдас коснулся его руки:

– Принц, законы придуманы не нами. Не может служить Идре человек, недавно проливший кровь. Защитив тебя, Дараям поступил верно, но – ничего не исправил – он сам стал убийцей. Он даже пришел в храм в одежде, испачканной кровью его жертвы!

– Прости, учитель! Я спешил привести к тебе принца.

– Конечно-конечно, я не сержусь! – перебил его Девдас. – Я рад тому, что у меня такой смелый, доблестный ученик. Будь ты воином,



ты заслужил бы награды, достойные твоего подвига. Но ты — жрец, а у нашей касты другие законы.

Ашура всем своим видом выражал несогласие. Он хмурился и покачивал головой.

— Дараям должен покинуть храм на год, — продолжил верховный жрец. — Он может поселиться во дворце или в городе и вернуться обратно только через год, проведя это время в покаянии.

— Конечно, во дворце! — воскликнул Ашура. — Человек, спасший мне жизнь, станет моим другом и советником!

— Да, — кивнул Девдас. — Тебе нужен друг и советник, с которым ты сможешь коротать время, ибо и тебе нужно очиститься.

— От чего? — Ашура вскочил на ноги. — Я — принц и, значит, принадлежу к касте воинов! Охота, за неимением битв, это то, чем я должен заниматься! С каких пор принц не может охотиться?

Девдас тоже поднялся:

— Не горячись, Ашура. Вспомни, разве когда-нибудь я требовал от тебя того, что ты не должен делать? Если я говорю о необходимости очищения, то это не прихоть старого безумца, поверь! Дело не в том, что ты пролил кровь тигра. Ты сбил бахмачари!

— Я не хотел! — крикнул принц. — Это вышло случайно!

— Да, — согласился верховный жрец. — Но святой, молитвам которого во многом обязан благоденствующий Хостинпур, сейчас находится при смерти. Ты можешь отнимать жизни, но ты не можешь их возвращать. Твой поступок нарушил равновесие на этом маленьком кусочке мира. Тебе предстоит исправить то, что ты совершил. Так велят боги!

Ашура насупился, словно упрямый мальчишка.

— Успокойся, принц, — мягко проговорил Девдас. — Ты же знаешь, что я желаю только добра тебе и Хостинпуру.

Верховный жрец хлопнул в ладоши. В комнату вошел служитель с кувшином и тремя чашами.

— Этот отвар возвращает здравомыслие, — пояснил Девдас, разливая по чашам дымящийся напиток.

Служитель удалился, и жрец продолжил объяснение:

— Боги установили единый порядок. Если этот порядок соблюдается, повсюду царит мир. При этом, по великой любви к своим созданиям, они наделили нас свободой выбора. Ты, принц, волен поступать так, как пожелаешь. Но благодаря установленному порядку твои действия вызовут цепь последствий, которые произойдут обязательно. Можно называть этот порядок несправедливым, можно воевать против него, но он установлен богами, и изменять его смертному не под силу — ни тебе, ни мне, ни Дараяму. Даже бахмачари — святой Шиа — не может изменить этот порядок. Оскорбление святого — вольное или невольное — сулит несчастья. Если бы ты сознательно сбил бахмачари с ног, было бы хуже. Но ты сделал это случайно. Поэтому исправить последствия, которые могут наступить, довольно легко. Тебе необходимо провести год в посте, отказаться от праздников и развлечений. Этого, думаю, будет достаточно.

— Девдас, ты забыл, что у меня через три дня свадьба! — возразил принц. — И вообще, я не увидел, чтобы ты обрадовался моему чудесному спасению! Уже только это может стать поводом для праздника. Я хотел подарить шкуру убитого тигра твоему храму, ты увидишь, какой это был великан. А ты, вместо того чтобы воздать хвалу Идре за спасение принца, наказываешь его спасителя и отговариваешь меня радоваться!

Девдас положил свою ладонь на руку принца, успокаивая горячего молодого человека.

— Пойми, принц, твои планы нужно отложить! — сказал он настойчиво. — Они не исполнятся, а если исполнятся, то это не принесет тебе радости! Невозможно отменить установленный порядок. Я счастлив, что ты остался жив, живи долгие годы на благо Хостинпура, я молю об этом Идру. Но шкуру убитого животного нельзя нести в храм, разве ты видел, чтобы у нас где-нибудь были шкуры? Что хорошо для воина, не подходит жрецу. И подумай, таких тигров, да еще нападающих на людей, давно не было в окрестностях города. Само его появление не предвещает ли беду? Посмотри, ты уже подвергался смертельной опасности, а что будет дальше?

Принц слушал эти слова, нахмутив брови, отчего лицо его приняло суровое и упрямое выражение.

Девдас был взволнован:

— Нам грозят беды, ты сам слышал, что сказал бахмачари. Так неужели ты не хочешь отвести эти беды от нашего государства, на какое-то время отменив праздники?

Принц вновь поднялся из-за стола и торжественно заговорил. Голос его немного дрожал, поскольку принцу казалось, что его слова чрезвычайно важны. Может быть, подумал Ашура, когда-нибудь камнерезы запечатлеют их на каменных скрижалях и эти скрижали украсят один из залов дворца.

— Боги редко приходят на землю! — провозгласил принц. — Они установили свой порядок для всего мира, но поставили царей для того, чтобы и цари устанавливали свой порядок для своих подданных. В Хостинпуре состоится свадьба! Это сказал я, принц Ашура!

Торжественная формула, завершавшая речь, означала, что принц не собирается отказываться от своих намерений.

Более не слушая верховного жреца, принц повернулся и покинул его покои.

— Дараям, догони, — начал говорить Девдас, но в эту минуту на пороге комнаты появился жрец, оставленный с бахмачари.

— Святой Шиа поднимается с постели! — позвал он Девдаса.

Девдас и Дараям бросились в спальню. У постели стоял Шиа. Ноги плохо слушались его и с трудом удерживали легкое тело.

Девдас подбежал к святому, встав на колени, приложился лбом к его ладони. За этим почтительным жестом было не только уважение, но и желание поддержать старика, поскольку жрец не отпустил ладонь, а продолжал удерживать, давая возможность бахмачари найти дополнительную точку опоры.

— Черный Палач возвращается, — очень слабым голосом прошелестел бахмачари.

Девдас вздрогнул и вопросительно посмотрел в глаза святого. Глаза были ясными, видно было, что святой находится в сознании.

— Я слышал голоса, — продолжил он. — Ад веселится в ожидании Черного Палача. Я шел об этом сказать.

— Но ведь перстень был у вас! Святые хотели сохранить его! — беспокоило сказал Девдас.

Бахмачари болезненно застонал.

— Наш брат погиб в борьбе с пустынными колдунами. Не знаю, что с перстнем, но Палача уже ждут.

Сказав это, бахмачари пошатнулся, Девдас помог ему вновь лечь. Но он хотел получить еще один совет:

— Учитель, принц Ашура...

— Оставь его, — прошептал Шиа. — Он должен пройти свои испытания, как Хостинпур — свои.

Шиа откинул голову на тонкую подушку и закрыл глаза. Усилие, которое потребовалось ему на то, чтобы подняться и сказать несколько слов, отняло последние силы. Девдас и Дараям, постояв немного и удостоверившись, что дыхание бахмачари стало ровным, покинули спальню.

— Учитель, о каком перстне говорил бахмачари? — спросил Дараям.

— Да. Это самое главное. Садись, я тебе расскажу...

В доме волшебника стояла тишина после недавно разыгравшегося представления.

Уловив по лишь ему понятным признакам, что в Лахи действовал некто, обладающий магией пустынных колдунов, Донкранк раздумывал, что понадобилось гостю в мирном торговом городе. С пустынными колдунами, представившими закрытую касту, он не дружил. Да и вряд ли нашелся бы человек, который дружил бы с пустынными колдунами, больно своенравными были эти чародеи, не нуждавшиеся в союзниках.

— Должно быть, — рассуждал сам с собой Донкранк, — в этом городке появилось нечто, чего я не знаю. Какой-то лакомый кусочек для мерзкой пустынной компашки. В порт то и дело приходят корабли со всего мира, вполне возможно, что завезли что-то полезное. Жаль, мне об этом не сообщили.

Донкранк Фир спустился на первый этаж, где в одной из комнат стояла на бюро клетка, прикрытая покрывалом. Сдернув покрывало, Донкранк сказал:

— Эй, птичка! Вставай, брат, пора!

В просторной клетке спал маленький серый воробей. Как только покрывало было снято, воробей встрепенулся и зачирикал.

— Знаю-знаю, помню-помню, — бормотал Донкранк. — Ты хочешь кушать. Конечно, проспав два года и ни разу не подкрепиться только тебе и под силу. Ну, пойдём!

Волшебник потащил клетку в кухню, водрузил ее на дубовый стол, стоявший поблизости к очагу, и принялся скармливать птице все, что под руку попадало.

Он крошил на небольшие кусочки хлеб и яблоки, сливы и хурму, лук и мясо. Птица все это проглатывала с жадностью.

— Кушай, маленький, кушай! — приговаривал волшебник. — Тебе предстоит дальняя дорога.

Птица, будто понимая, о чем идет речь, кивнула.

— Здесь побывали пустынные колдуны, помнишь этих ребят? Плохие ребята, честно скажем. Недавно один или несколько колдунов убрались отсюда, но следы еще остались. Найти их нетрудно, лети в сторону моря, а далее верь своему чутью.

Птица кивнула, как показалось Донкранку, с некоторой досадой.

— Да что это я тебя учу! — всплеснул руками волшебник. — Ты же сам все знаешь! Лети, посмотри, а потом сразу возвращайся, если увидишь что-то любопытное. Наелся?

Донкранк Фир распахнул дверцу клетки, воробей выпрыгнул из нее и, расправив крылья, принялся кружиться по кухне. Донкранк поспешил распахнуть окошко и отступил в сторонку.

Воробей чирикнул на прощание и вылетел на улицу.

Вскоре и волшебник вышел из дома, и любовью прохожий, глядя на него, мог бы подумать, что это безобидный чудаковатый старик, отправившийся со своей клюкой на прогулку.

Ветер, поднявшийся на острове Лого, был, похоже, замечен только Донкранком Фиром. Город жил обычной жизнью. В лавках шла бойкая торговля, таверны, ненадолго закрывавшиеся, чтобы успеть навести какой-никакой порядок, вновь открывались, глотая посетителей, намеревавшихся провести веселый вечерок за кувшинчиком вина. Лахийские хозяйки, возвращавшиеся с рынка или из порта, где покупа-

ли свежую рыбешку, стайками собирались на перекрестках обсудить последние новости.

Донкранк, проходя мимо них, вострил уши. Но в сплетнях кумушек не было ничего интересного, обычное пережевывание косточек, рассказы о мужьях, то умудрявшихся неплохо заработать с помощью приезжих купцов, то, напротив, терявших работу из-за своего ленивого характера.

Донкранк как рыба в воде чувствовал себя среди разношерстной толпы, где можно было жить, не привлекая к себе особого внимания. Уже годы провел он здесь, ставя опыты. В долгих и мучительных поисках он обнаружил сочетания магических формул и волшебных составов, которые позволяли извлекать из иных миров населявших их существ. Колдун был убежден, что однажды он сумеет выдернуть в свой мир демона, описание которого он встретил в старой магической книге. Демон был способен принести весь мир к ногам своего хозяина, а в том, что любое существо колдун сумеет подчинить, Донкранк не сомневался.

Колдун недолго размышлял, куда ему податься. Конечно, можно было искать следы пустынных колдунов, прочесывая одну за другой тесные улочки Лахи. Но на это у волшебника не было времени.

— Если пустынный колдун побывал в Лахи, значит, сегодня на городском кладбище кого-то хоронят, — сказал сам себе Донкранк и направил свои стопы на окраину города, где за небольшой церквушкой располагались кварталы вечного поселения.

Церквушка стояла на холме, взбираясь на который, колдун слегка запыхался. Конечно, он мог воспользоваться своими магическими возможностями, но предпочитал этого не делать, чтобы лишний раз не привлекать внимания.

Миновав церковь, Донкранк вытер пот со лба. Полуденное солнце сильно пекло, и магу было жарко в черном одеянии, ношение которого требовал образ ученого. Что-то заставило колдуна обернуться, у задней стены храма он увидел небольшую скульптуру, изображавшую покровителя воров Урага. Изображения других богов находились в помещении храма, а для воровского божка места рядом с почтенными богами не нашлось.

У статуи сегодня явно побывали люди. Трава на тропинке, которая вела к ней, была вытоптана. Колдун подошел к статуе. Возле ног божка, кривящего рожу в мерзкой ухмылке, лежал с десятком потертых кошельков.

— Так, сегодня здесь хоронят вора, — пробормотал Донкранк. Колдун знал, что по обычаям Воровской лиги товарищи покойного отдавали Урагу приношение — кошельки с медяками.

Донкранк быстро повернулся и пошел к окраине кладбища, где находили последний приют тела городского отребья. Вскоре он увидел вдали группку людей, опускавших в могилы тела. Не останавливая шага, он подошел ближе.

По мере того как колдун приближался к могиле, Страг, смотревший на него расширенными глазами, все более бледнел.

— А, это ты, мальчик? — произнес Донкранк Фир, приветливо улыбаясь. — Я смотрю, ваша компания лишилась сразу двух героев. Давай отойдем в сторонку, расскажешь, что произошло.

Страг, словно собачонка, пошел за Донкранком, удалявшимся в сторону могильных холмов. Воры проводили своего главу удивленными взглядами.

Волшебник не оборачивался. Страг, которого прошиб пот, думал, как бы ему улизнуть. Глава Воровской лиги испугался за свою жизнь, с которой не хотел расставаться. Потихоньку он стал нащупывать рукоятку кинжала, заткнутого за пояс.

Донкранк будто почувствовал направление мыслей вора:

— Не спеши, мальчик. Ты же помнишь, наверное, что мне лучше зла не делать.

С этими словами Донкранк резко обернулся, оказавшись лицом к лицу со Страгом.

Плененный ужасом, Страг отшатнулся и отпустил кинжал. Судорожно сглотнув, он сказал:

— Да, я помню.

— Вот и хорошо, хорошо, — закивал Фир. — А еще ты, наверное, помнишь, что мне лучше не лгать. Да?

— Да, — опять согласился Страг.

— Вот и умничка, хороший мальчик. Ты же больше не хочешь попасть в пустыню?

Страг замотал головой.

— Ну, а раз не хочешь, то давай выкладывай, что произошло.

Воры, издали наблюдавшие за этой сценой, заподозрили неладное, больно уж скромно держался их глава, беседуя со стариком.

— Страг, не нужно ли чего? — Хмырь первым набрался смелости.

Страг только махнул рукой, успокаивая товарищей.

— Это будет долгий рассказ, — попытался отвертеться вор от расспросов Донкранка. — Может быть, я расскажу вам все позже?

Донкранк засмеялся:

— Ты хочешь прийти ко мне и побеседовать за чашечкой чая?

— Нет! — громко крикнул Страг, испугавшись того, что придется снова посетить дом волшебника, который он однажды так неудачно обследовал.

— Тогда рассказывай сейчас, — предложил колдун.

Страгу ничего не оставалось делать, как изложить все. Донкранк Фир остался доволен:

— Молодец, мальчик. Вот сразу бы так.

Страг побледнел еще больше, приготовившись проститься с жизнью.

— Не дрожи, не дрожи, — успокоил его Фир. — Я тебя наказал однажды за ложь, но за правду-то наказывать не буду! Я ж не злодей, людей просто так не гублю. Иди себе, хорони своих товарищей!

Главу Воровской лиги не пришлось просить дважды, пятась, он удалился от колдуна, а Донкранк направился к дому.

— Значит, перстень у пустынного колдуна, — размышлял он. — Но тот ли это перстень? И еще вопрос — где пустынный колдун? Неужели эти пустынники решили пробудить Черного Палача? Безумцы, им его не удержать! Ладно, посмотрим, что скажет нам птичка...

Глава пятая

Девика, приходившая в себя после приступа слабости, рассматривала занавески, расшитые золотыми павлинами, и размышляла о скорой свадьбе. В комнату вошла Дамаянти, неся в руках дымящуюся чашу:

— Давай выпьем лекарственный отвар, моя маленькая богиня! Он вернет тебе силы.

Девика послушно приподнялась, хотя и не упустила случая возразить:

— Ах, Дамаянти, все лекари обещали, что скоро я буду здорова, но их слова растаяли как утренний туман. Я по-прежнему больна, хоть и выполняла все их предписания.

— Не расстраивайся, Девика, твой молодой организм победит любую слабость! Ну, глотай живенько!

Принцесса выпила отвар и вновь улеглась. За последнее время она исхудала. Ее стройное мускулистое тело, которое Девика часто упражняла в мужских занятиях вроде стрельбы, битв на мечах или в конных прогулках, теперь было похоже скорее на пучок высохшей травы. Но, будучи по натуре веселой и уверенной в себе, Девика не хотела задумываться о болезни, полагая, что такое настроение поможет скорее изгнать хворь.

Девика думала об Ашуре. Разговор, начатый служанкой еще до того, как принцесса собралась кататься верхом, затронул тайные струны ее сердца. Любила ли она принца?

Девика сама не могла ответить на этот вопрос. Свадьба наследников хостинпурского и хозремского престолов была предрешена еще тогда, когда рост этих наследников был не больше высоты тюльпанов на клумбах, украшавших вход в покои принцессы. Ашура был товарищем ее детских игр, правда, они часто соревновались, стараясь доказать, что каждый из них лучше другого может держаться в седле, более метко стрелять в цель, более ловко увернуться от учебного деревянного меча, рассекающего воздух со свистом, словно настоящее оружие. Вести этот вечный спор Девике было интересно. Она думала, что такой будет и их семейная жизнь, полная развлечений, охот, турниров.

Принц и принцесса никогда не говорили о любви. Принц даже не просил ее стать его женой, поскольку это само собой подразумевалось.

Но Девика была женщиной, и ей хотелось бы услышать слова признания. Однажды она уже узнала, что это такое. Это произошло не так давно, сразу после того, как скончался ее

отец. Проститься с князем Хозрема съехались многие правители соседних государств, а кто не приехал сам, прислал высоких сановников. Юный царь Ахора не счел нужным лично появиться, его представлял второй визирь Магам, важный толстый человек с масляными глазами, который не сводил взора с точеной фигурки принцессы. Магам набрался наглости и, когда прошло несколько дней после похорон старого князя, испросил аудиенцию.

Когда она приняла его, Магам долго ходил вокруг да около, рассказывая, с каким уважением он относился к отцу Девики и как скорбит царь Ахора, хоть государственные заботы и не позволили ему самому выразить сочувствие прекрасной принцессе.

Когда Девике утомили речи визиря, тот перешел к делу. Он заявил, что девушке будет трудно управлять княжеством одной, ей нужен хороший советник. Именно он, Магам, мог бы стать таким советником и мужем принцессы.

— Поверьте, я не ищу выгоды для себя лично! Поверьте, никто не станет вам более надежным слугой и другом! — упав на колени, Магам подполз к принцессе и схватил ее за руку. — Девика, станьте моей, не отвергните несчастного, умирающего от любви к вам.

Принцессе было неприятно его прикосновение, и она вырвала руку:

— Убирайтесь, или я позову стражу!

Магам отполз, но продолжал уговаривать:

— Я понимаю, как неуместно мое признание именно сейчас, но я даже спать не могу, есть не могу, всегда ваш образ стоит передо мной. Я умру, если вы откажете. Девика, я богат, я очень богат и могу стать еще богаче, только пожелайте этого!

Говоря эти слова, толстяк вновь подползал к принцессе, и чем ближе он был, тем безумнее становился его взгляд.

Девика не смогла его прогнать, она выскочила из комнаты сама. На следующий день она игнорировала Магама и даже не допустила его на прощальную аудиенцию. Говорили, что ахорский сановник был взбешен, но это мало волновало Девика.

Позже, когда принцесса пыталась ответить себе на вопрос, почему она не велела тут же

выдворить наглеца за пределы княжества, ей пришлось признать, что хоть и противен он был, но признание не оставило ее равнодушной. Девика поняла, что хотела бы слышать такие слова, только от другого человека. От Ашуры? Может быть, да, а может, и нет.

Принцесса совершенно запуталась в своих мыслях, ее выручила вовремя появившаяся Дамаянги:

— Радостная весть, моя маленькая богиня! К нам пришел ваш будущий муж принц Ашура!

Принц, который успел переодеться и привести себя в порядок, вошел в комнату быстрым шагом. Он присел возле лежавшей Девики и с заботой в голосе спросил:

— Мне сказали, что ты едва не упала с коня! Неужели тебе стало хуже?

Девика обрадовалась возможности покапризничать.

— Да! — заявила она. — Я скоро совсем завяну, раз ты меня забыл.

— Но я не забыл тебя, Девика! — оправдывался принц.

— Да? А почему ты не позвал меня на охоту? Вот если бы ты брал меня с собой, когда отправляешься развлекаться, то уж, наверное, я бы сразу поправилась!

Несмотря на то что за этими словами стоял лишь каприз, Ашура стал оправдываться:

— Да знаешь ли ты, сколь опасна сейчас охота? Для женщин ли занятие, которое может стоить им жизни. На меня напал тигр! Но и это — не самое страшное.

И Ашура рассказал о бахмачари, сбитом с ног, и о тигре, который чуть не лишил Девикку жениха. Поколебавшись, он рассказал и о требовании Девдаса, которое он, Ашура, не желал выполнять.

Принцесса внимательно выслушала рассказ. Помолчав, она спросила:

— Ашура, а ты уверен, что тигр напал на тебя не потому, что начались беды?

Ашура и сам предполагал такую возможность, но отгонял эти мысли, не желая согласиться с требованием верховного жреца. Он стал отвечать резко и горячо, будто желал убедить в своей правоте не столько ее, сколько себя самого:

— Я уверен, что этот тигр появился в наших

местах случайно! Кроме того, если бы богам нужно было наказать Хостинпур, то наказание прежде всего пало бы на меня, поскольку именно мой конь сбил с ног бахмачари. А значит, я уже не говорил бы сейчас с тобой, а шел по дороге к Идре, а для моего тела уже готовился бы погребальный костер. Девдас хочет подстраховаться, но я уверен, что к старости он стал слишком осторожен. Кроме того, я дал слово, а слово принца — закон. Чем бы это ни обернулось, Девика, вскоре ты станешь моей женой и то, чего давно желали наши родители, свершится!

— Хочу надеяться, что ты прав, — ответила Девика.

В тоне невесты принц почувствовал сомнение.

— Ты мне не веришь? — спросил он. Чувствовалось, что самолюбие принца задето.

— Плоха жена, которая не верит мужу! — улыбнулась Девика.

Принц облегченно засмеялся в ответ.

— Но я еще не жена тебе! — подразнила его Девика.

Ашура нахмурился, но, глядя в смеющиеся глаза невесты, вновь успокоился:

— На то, чтобы это исправить, нам не потребуется много времени. Через три дня ты станешь моей женой!

Улавливая магическое эхо, пичуга следовала по пути, который незадолго до нее проделала большая птица. Путь этот лежал над морем, но неподалеку от скалистого побережья, за которым расстилалась пустыня Ишчул, безлюдное опасное место, которое редко пересекали караваны, следующие из северных царств в Лахи.

С высоты птичьего полета за горами, протыкавшими небо своими острыми пиками, виднелись желтые пески, покрывавшие некогда плодородную равнину. Но о тех временах, когда на равнине текли ручьи и каналы, поившие водой землю, память осталась лишь в древних преданиях.

Безлюдным было и побережье, волны бросались на скалы с яростным ревом, но не могли победить суровый камень. Эти горы тянулись далеко на север и отступали от берега, давая

место узкой полоске земли только на границе княжества Хозрем.

Много лет назад скалы выросли по велению Идры, чтобы защитить людей, живших на равнине, от бога морских глубин Керей, которому захотелось населить свой мир людьми. Он и до того не упускал случая утащить к себе смельчаков, пускавшихся по соленой дороге исследовать другие края. Морской бог время от времени тянул свои мокрые ладони на побережье, утаскивая целые селения к себе под воду, но и этого ему было мало. Однажды он сам поднялся из воды и хотел выплеснуться на землю, чтобы взять населявших ее людей в подводное царство, и тогда Идра встал на защиту человеческого племени и вырастил горы, преградившие путь Керей.

Любая птица давно искала бы приюта на скалах или погибла бы в волнах, не в силах проделать столь длинный путь, но пичуга Донкранка Фира не проявляла усталости. Словно следуя невидимой нити, она рассекала воздух своими крылышками, покуда эта нить не привела ее к пологим скалам, образовавшим над морем каменное плато, усеянное огромными валунами.

Среди валунов стоял мрачный дворец, чью крышу увенчивал шпиль, издали сливавшийся с пиками гор. Непрístupная крепость представляла собой переплетение башен и галерей, ступеней и стен, пересекавшихся по воле извращенного ума их строителя. Обитателям дворца не приходилось защищаться от людей, ибо ни горы нельзя было бы преодолеть отрядам вооруженных воинов, ни с моря забраться на высокие скалы. Башни, которые в иных крепостях служили сторожевыми, чтобы дозорные издали могли заметить приближение вражеских армий, здесь были возведены лишь для украшения, но украшения странного. Если бы на дворец смотрел человек, он увидел бы в переплетениях и пересечениях его галерей и ступеней что-то демоническое. Каменные лестницы могли круто обрываться, словно были построены для самоубийц, а шпили, венчавшие башни, не всегда устремлялись в небо, они то упирались в скалы, то свешивались на манер кисточек шутовского колпака. Гладкие полированные

поверхности стен перемежались с грубо отесанным камнем, стены образовывали узкие проходы, по которым, наверное, могли скользить лишь тени. Ветер, блуждая в этих проходах, издавал такие звуки, будто жестокие палачи подвергали истязаниям сразу сотню узников.

Птица сделала круг над дворцом, пролетела по одному из проходов и приземлилась на бойнице в стене одной из многочисленных башен дворца. В тени узкой бойницы крылатого шпиона нельзя было заметить.

В темной комнате разговаривали два человека. Один из них держался как хозяин, второй явно зависел от него.

— Я выполнил твоё задание, Кнохт!

— Где перстень? — нетерпеливо спросил низенький человечек, одетый в черную блузу и черные же штаны. Его шею украшала толстая золотая цепь с медальоном, на котором скрестились два копия, наконечники копий были выполнены из алмазов. Из-за пояса человека торчали ножны двух кинжалов. Ножны также были инкрустированы драгоценными камнями, вписанными в искусную резьбу.

— Кнохт, мы договаривались, что ты вернешь мне свободу, когда получишь перстень, — продолжал его собеседник, закутанный в серый плащ с надвинутым на глаза капюшоном.

— Я все помню, Хулла! Где перстень? — нетерпеливо спросил Кнохт.

— Вот он! — быстрым движением пустынный колдун извлек из складок плаща перстень с простым прозрачным камнем, в глубине которого блестели три пурпурных пузырька.

Кнохт потянулся за перстнем, но Хулла поднял руку. Кнохт от нетерпения даже подпрыгнул, но не сумел достать перстень. Осознав, что он выглядит, будто малыш, прыгающий за конфетой, которой его дразнит подросток, Кнохт зло посмотрел на колдуна и отступил.

— В чем дело, Хулла?

— Ты мне песок, я тебе перстень! — проговорил Хулла, напоминая прежние договоренности. — Или ты мне не веришь, маг?

— Верю — не верю! Что за детские игры! — возмущенно взмахнул рукой Кнохт. — Я должен убедиться, что ты меня не обманываешь!

Хулла протянул ладонь, и его собеседник

схватил перстень. Подозрение, написанное на его лице, сменилось довольной улыбкой.

— Это он! — обрадованно сказал Кнохт. — Теперь я в этом уверен, я слышу дыхание!

— Песок, Кнохт! Отдай мне песок!

Маг явно не хотел выполнять договоренности.

— А зачем он тебе, Хулла? Ты все равно не сможешь вернуться к своим, тебя прогонят!

Хулла подскочил к Кнохту и попытался схватить его за горло. С силой, которую трудно было предположить в маленьком человечке, тот перехватил руку пустынного колдуна и заломил ее за спину. Колдун застонал.

— Давай не будем ссориться! — предложил Кнохт. — Мы всегда умели договариваться. И вообще-то я рассчитывал на благодарность за все, что сделал для тебя.

— Отпусти! — хмуро сказал пустынный колдун. — Я погорячился.

Кнохт отпустил руку колдуна и предложил:

— Давай-ка пройдем к столу, ты восстановишь силы после долгого пути и расскажешь мне, как добыл перстень.

Пропустив Хуллу вперед, маг направился за ним к выходу из комнаты.

Воробей слетел на пол и намеревался последовать за ними, но дверь, срубленная из толстых досок, сбитых крепкими железными полосами, захлопнулась перед его клювом. Птица попробовала преодолеть ее, сделав вид, что не замечает двери, но ударилась в доски и отказалась от своего намерения. Магия Донкранка действовала не везде.

Воробей вылетел из бойницы и полетел обратно к своему хозяину, задание было выполнено.

Между тем Кнохт и Хулла оказались в столь же неприветливом, но огромном, по сравнению с прежней комнаткой, зале замка. Здесь был накрыт стол, на котором стояли кувшины с вином, блюда с жареным мясом и рыбой, тушеными овощами. К прибытию гостя в замке готовились.

Кнохт уселся во главе стола, где стояло высокое кресло, под которым притулилась скамеечка для ног. Сидя на этом кресле, хозяин замка не казался карликом, а, напротив, был чуть выше гостя. Хулла уселся сбоку.

Хозяин сам наполнил серебряные кубки и провозгласил тост:

— За удачу, которая тебе сопутствует!

— Это тебе сопутствует удача, — проворчал гость. — Я по-прежнему остаюсь изгнанником.

— Ну-ну, не стоит так переживать! — остановил его ворчание Кнохт. — Или тебе плохо со мной?

— Мне будет хорошо, когда я получу обратно песок, — ответил Хулла. — Тогда во славу Сангаджа я смогу пользоваться своей силой в полную мощь.

Спор, который вели маг и колдун, касался амулета — маленького мешочка с песком, в котором заключалась энергия пустынных колдунов. Такой мешочек имел каждый колдун и берег его пуще глаза.

В давние времена, когда горы выросли на морском побережье, а реки и ручьи повернули вспять из плодородной равнины, люди стали покидать эти места. Но не все хотели уходить, из многих племен одно, поклонявшееся демону Сангаджу, не пожелало покинуть равнину, хотя она и стала непригодна для жизни. Племя жило обособленно, это были кочевники, которые поддерживали свое существование, в основном нападая и грабя другие племена.

Но жить в пустыне стало невозможно. Тогда племя обратилось к своему покровителю, и Сангадж пообещал наделить их удивительными способностями.

Старейшины племени, побеседовав с демоном, вернулись к своим людям и рассказали об обещании демона. Сообщили они и о том, что демон поставил условие. Он готов был дать долгую жизнь мужчинам племени, если те принесут ему жертву, но что это будет за жертва, демон не сказал.

Решение принимали мужчины. Они согласились на любую жертву, которую потребует Сангадж в обмен на жизнь. Это решение старейшины передали демону.

В тот вечер мужчины радовались и благодарили Сангаджа, обещавшего им помощь. Вино текло рекой, но удивительно быстро усыпило всех праздновавших. Что произошло ночью, никто из них не знал, но, проснувшись утром, мужчины не обнаружили в своих палатках ни женщин, ни детей. Только на шеях у мужчин появились амулеты, наполненные песком.

Не все приняли волю демона, некоторые пустились на поиски своих семей, но эти поиски оказались тщетными. Иные сорвали со своих шей подарок демона и проклинали час, когда согласились на его условия. Таких ждала гибель. Остальные ожесточились, стали осваивать новые возможности, которые дал им злобный Сангадж. Среди этих возможностей была и долгая жизнь, если существование, которое вели пустынные колдуны, можно назвать жизнью...

Получив новые способности, колдуны не утратили жажды власти и любви к насилию. Один из них — Хулла — попытался подчинить других, но встретил жесткий отпор.

Объединившись, несколько пустынных колдунов одолели его и бросили умирать на скалах, отделявших пустыню от моря. Там его и обнаружил Кнохт.

Маг прежде всего снял с его шеи амулет с песком, подаренным демоном. Не сделай он этого, ему, возможно, не удалось бы подчинить Хуллу своей воле. Без амулета, да еще пострадавший от рук собратьев, колдун был вынужден пойти в услужение Кнохту.

Последним заданием, которое получил Хулла, было требование доставить в замок на скалах перстень, за которым долго охотились многие служители зла. Кнохт прознал, что однажды пустынные колдуны чуть не завладели этим перстнем, но бахмачари, хранившему его у себя, помог случай, пославший в пустыню человека.

Найти этого человека смог, пользуясь магией, Кнохт. Получить перстень сумел Хулла. Теперь пустынный колдун желал обменять перстень на амулет с песком, чтобы вернуть себе всю силу, подаренную Сангаджем.

— Ты вернешь мне амулет? — спросил Хулла мага, когда завершил рассказ о том, как ему удалось получить перстень.

— Конечно! — ответил Кнохт. — Прямо сейчас, после обеда.

Завершив трапезу, маг поднялся и поманил за собой колдуна в смежную комнату. Там на низком столике с кривыми ножками стоял сундучок, с крышки которого скалились тигры.

— Твой амулет там! — кивнул Кнохт на сундучок. — Бери его!

Хулла так желал получить обратно полную силу пустынного колдуна, что забыл об осторожности. Он шагнул к столику и обеими руками открыл крышку. Из сундучка ударил столб зеленого света, ослепивший колдуна. Тот зажмурился, но было поздно. Он поднял руки к своему лицу и рухнул на пол.

Кнохт, закрывавший глаза рукавом, осторожно нащупывая дорогу, подошел к столику и захлопнул крышку сундучка.

— Никогда не надо спешить! Ты слишком горяч и нетерпелив, Хулла! С такими качествами тебе лучше подчиняться мне, чем действовать самому, — издав скрипучий смешок, Кнохт удалился, любовно поглаживая перстень.

— Пятьдесят мер серебра было направлено на покупку оружия у торговых людей, семьдесят пять передано в распоряжение визиря, занимающегося благоустройством, сто двадцать ушло на оплату...

Голос первого визиря Готама разносился по залу и таял, поглощаясь стенами. Падаси безуспешно пытался сосредоточиться. Сегодня он внезапно почувствовал себя плохо. Во время утреннего боя на мечях, которому царь каждое утро уделял время, чтобы сохранить хорошую форму, он не смог отразить удар противника. Синяк, оставленный деревянным мечом на предплечье, побаливал.

После обычного легкого завтрака царь принял визиря, ведавшего казной. Но сосредоточиться на цифрах не мог. Визирь сыпал цифрами, но Падаси его не слушал. Дождавшись паузы, он сказал:

— Да, все хорошо. Давай продолжим завтра!

Падаси направился в покои своей супруги.

Не успел он войти к Дурге, как постучалась служанка и сообщила, что явился Девдас, который непременно хочет видеть царя, чтобы поговорить об Ашуре.

Царь хотел было удалиться, но Дурга остановила его:

— Может быть, верховный жрец не захочет скрывать от меня того, что касается моего сына?

Царю не хотелось спорить, он распорядился, чтобы Девдаса ввели в покои царицы.

Служанки приготовили чай, накрыв малень-

кий столик, за которым расположились хозяева и гость. Когда они остались втроем, Девдас внимательно посмотрел на царя. Верно истолковав этот взгляд, Падаси проговорил:

— Сегодня я чувствую слабость. Не хочу, чтобы об этом говорили, но прежде со мной никогда такого не было. Наверное, старость скоро согнет воина.

Девдаса, казалось, не удивили эти слова. Верховный жрец рассказал об утреннем происшествии, в результате которого пострадал бахмачари, о словах святого и реакции Ашуря. Пока он говорил, к чаю никто не притронулся, он так и остался стять в пиалах, наполняя комнату ароматом жасмина.

Падаси, который хмурился все больше, произнес:

— Ты считаешь, что свадьбы быть не должно?

— Об этом не может быть и речи! — возразила Дурга. — Ашуре пора жениться, а то он слишком много внимания уделяет развлечениям.

Падаси покивал:

— Да-да, я становлюсь слаб. Возможно, Хостинпуру вскоре будет нужен новый правитель...

Девдас и царица пытались возражать, но умолкли, взглянув в лицо царя.

Он слабо улыбнулся:

— Вы сами видите, что сегодня со мной происходит. Я не знаю воли богов, они не сообщают смертным, что нас ждет. Нам остается молиться, полагаясь на их милость. Но плохим бы я был царем, если бы не позаботился о том, чтобы во главе моего государства стоял сильный правитель. Ашуря воспитан правильно, он сильный воин и сумеет укрепить славу Хостинпура. Но он молод и горяч, что не всегда хорошо для правителя. Женитьба, рождение наследника должны сделать его серьезнее.

— Вы, конечно, правы, когда говорите о необходимости свадьбы, — согласился жрец. — Но я думаю, боги сейчас отвернутся от Хостинпура. Не может быть благословенным место, где святой чуть не лишился жизни, и еще неизвестно, останется ли он жив.

— Я понимаю тебя, Девдас, — проговорила Дурга. — Ты хочешь, чтобы покаянием Ашуря смыл с себя вину, которой на самом деле на

нем нет. Но поможет ли покаяние, если, как ты говоришь, боги отвернулись от Хостинпура?

Падаси поддержал ее:

— Отказ от свадьбы будет толковаться так и этак в соседних государствах. Любой отказ от наших планов даст понять врагам, что власть в Хостинпуре не так крепка, как хочет казаться. Мы не можем себе этого позволить. Нужно избегать лишних волнений.

В комнате повисло молчание. Девдас наблюдал за игрой света на поверхности жасминового чая. Наконец он вздохнул:

— Но я не уверен, что нам удастся их избежать.

— В таком случае нужно принять решение, — подвел итог разговору Падаси. — Что станет для нас меньшим из зол: отказ от свадьбы, который будет истолкован как наша слабость, или же свадьба при отсутствии милости богов? Уверен ли ты, что покаянием мы вернем утраченную милость?

Девдас ответил:

— Наше дело — молить о прощении.

— Мы и будем молить о прощении, — согласился Падаси. — Идра милостив, но, если нам предстоит вынести испытания, мы сами не должны увеличивать их суровость.

Царь, царица и Девдас вновь замолчали. Они понимали, что, какое бы решение ни было принято, им нужно будет нести за него ответственность.

Девдас вздохнул:

— Царь, у меня есть что сказать тебе, кроме уже сказанного. Бахмачари изрек еще одно предсказание. Кто-то пытается оживить Черного Палача. Они не сумели уберечь перстень, и он попал в чужие руки. Больше мне ничего не известно, но я думаю, что слова бахмачари — правда.

Царица вскрикнула, Падаси побледнел и зашатался, сидя на низком табурете.

Девдас вскочил, чтобы поддержать его, но царь быстро справился с приступом слабости. Дурга поднесла к его губам пиалу. Глотнув остывшего чая, Падаси проговорил:

— С этого нужно было начать, Девдас. Теперь не остается сомнений, что мы должны сделать все для укрепления власти в Хостинпуре. На протяжении многих лет я слышал от разных

деревенских колдунов, от приверженцев недобрых культов, что Палач может вернуться, но это было лишь желание. Я не придавал значения их словам. Но теперь, когда весть исходит от бахмачари, нам нужно в это верить.

Царь обхватил голову руками:

— О, Идра, спаси Хостинпур! Пять поколений сменилось с того времени, как Черный Палач принес в жертву богам смерти сотни хостинпурцев, тысячи жителей были погублены демонами-раксасами, которых маг привел в нашу страну. Три царя пожертвовали кровью, чтобы запереть его навеки, и вот теперь вновь наступают ужасные времена...

— Поэтому я предлагал вернуть милость богов, если это возможно, — напомнил Девдас.

— Но сказал ли бахмачари, что есть способ защититься от Черного Палача?

Верховный жрец покачал головой.

— Тогда мы должны быть готовы к войне. Мне нужно отдать распоряжения, усилить дозоры, собрать армию. Мы должны быть сильны, и в этом нужно уверить всех. Поэтому свадьба состоится.

Царь глубоко вдохнул, ему не хватало воздуха.

— Тебе нужно прилечь, — сказала Дурга. — У тебя много дел, но, чтобы справиться с ними, сейчас надо хоть немного отдохнуть.

— Нет, — отрезал Падаси. Опираясь на руку жены, он направился к выходу. Девдас вышел с ними, и, пока он шел к воротам дворца, ему навстречу уже бежали военачальники и сновники, которым было приказано явиться к царю.

Для Хостинпура наступали тяжелые времена.

Продолжение в следующем номере

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, завотделом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Автор шести книг прозы, поэзии, публицистики.

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.





Юрий ЛИННИК

г. Петрозаводск

МОНРЕПО* В 1784 г. Екатерина II передаёт казённое имение Лилль Ладугорд, находящееся возле Выборга, в собственность Фридриху Вильгельму Карлу, герцогу Вюртембергскому. В память о своей швейцарской усадьбе под Лозанной он даёт новой вотчине то же французское название: *Монрепо* – то есть *мой отдых*. Это первая – швейцарская – реминесценция, наложенная на прибалтийский топоним. Впоследствии ассоциативные связи лягут на него сложной прихотливой сетью. Парку Монрепо будет суждено стать выдающимся явлением культуры – воплощением её разнообразных интенций.

НИКОЛАИ* Российский дворянский род, имеющий шведские корни. Андрей Николаевич Николаи (1737–1820), наставник Павла I, приобрёл Монрепо в 1787 г. у герцога Вюртембергского, потерявшего расположение императрицы. Своё северное владение барон преобразил соответственно глубокой философско-эстетической

программе. Дело отца получило творческое продолжение у его сына Павла Андреевича (1777–1866). Благодаря их тщанию Монрепо превратилось в уникальный текст. Сколько значений он заключает в себе! Вчитываться в него – сплошной восторг и упоение.

ОССИАН* Легендарный кельтский бард III века Ойсин обрёл вторую жизнь в «Песнях Оссиана» Дж. Макферсона (1760). Предания о певце бытовали в Ирландии и Шотландии. Развивая фольклорные мотивы, Дж. Макферсон воссоздаёт на их основе целый эпос, который искренне считает творением народа. Самообман? Но креативный! Мистификация? Но гениальная! «Песни Оссиана» оказали колоссальное влияние на европейскую литературу. В поле их притяжения творили великие поэты – И.Г. Гердер и И.-В. Гёте, С.Т. Кольридж и Дж. Байрон, Г.Р.Державин и А.С. Пушкин. Оссианизм: это целая эпоха.

ОССИАНОВСКИЙ ЛАНДШАФТ

Д.С. Лихачёв зажэг над Монрепо особый ореол.

Источник сияния – в определении: *оссианический парк*.

На меня это словосочетание действует гипнотически: завораживая, погружает в романтическое томление – инициирует безотчётные порывы – навеивает волшебные сны.

Будто я приглашаюсь в какую-то другую реальность – подвожусь к черте, за которой простирается нечто *иное*.

Предчувствую: вот-вот сработает эффект *острашения* – и я начну *трансцендировать*. То бишь переноситься за грань обыденного в измерения мифа.

Можно сказать так: Д.С. Лихачёв осуществил своеобычную мифологизацию Монрепо – и этим сделал для россиян великое дело. Процитируем патриарха: *«На развитие садово-паркового искусства в конце XVIII и начале XIX в. значительное влияние оказал Макферсон с созданным им образом Оссиана. Впрочем, хотя влияние было и значительным, его трудно отделить от общеромантических тенденций в садово-парковом искусстве. В частности, столь характерное для Оссиана стремление уйти в меланхолию, замкнуться в меланхолических настроениях было типично не только для Оссиана, но и для Романтизма в целом. Тем более следует обратить внимание на те парки, оссианизм которых бесспорен. В Российской империи такими парками были в основном парк Монрепо барона Николаи под Выборгом и Алушкинский парк Воронцовых в Крыму»*. К этим двум паркам Д.С. Лихачёв добавляет ещё и Софиевку под Уманью.

Атмосфера песен Оссиана: вот что мы должны ощутить в Монрепо со всей непосредственностью – и впитать в себя. Лихачёвской дефиницией нам как бы загодя, наперёд задаётся установка. Или своего рода программа восприятия. Мы едем в Выборг, уже имея соответствующий настрой – и ожидания наши получают удовлетворение.

Что это за атмосфера? Лучше всего о ней сказал И.-В. Гёте в своём «Вертере» – приведём цитату: *«Оссиан вытеснил из моего сердца Гомера. В какой мир вводит меня этот великан! Блуждать по равнине, когда кругом бушует буря и с клубами тумана, при тусклом свете луны, гонит души предков, слушать с гор сквозь рёв лесного потока приглушённые стоны духов из тёмных пещер и горестные сетования девушки над четырьмя замшелыми, поросшими травой камнями, под которыми покоится павший герой, её возлюбленный»*.

Вдумаемся в структуру описанного поэтом ландшафта. И одновременно – в состояние природы: геоморфология тут коррелирует с психологией. Чьей? Может, *гения места*. Может, *поэта-барда*. Для романтического миропонимания с присутствием ему панпсихизмом эти планы неразличимы.

Над равниной возвышаются горы – неистовствуют стихии – проносятся призраки – волхвует луна. Не счесть водопадов.

Много пещер.

Всё грандиозное, великанье!

И вот существенная деталь: замшелые валуны, означающие могилы – для нас они станут верными метами в поисках неповторимой сути Монрепо.

Мы видим выходы коренных пород. Это *докембрий*.

Поверх древних оснований – где на скалах, а где на равнинных местах, подчас на значительном удалении от гор – лежат гранитные глыбины. Это *голоцен*.

Интервал между двумя эпохами равняется трём с половиной миллиардам лет.

Нам явлена *двууровневая картина*.

Неоднородное, гетерогенное!

Говоря образно, краски тут положены двумя слоями: в первом узнаётся застывшая магма, подвергшаяся разнообразным трансформациям, второй связан с деятельностью ледника.

Пласт на пласт – как запись на запись. Геологический палимпсест! Только в нашем случае выскобленное просвечивает. Вот главное для прочтения ландшафта.

Шотландия и Финляндия: общее между ними – в ледниковом характере местности.

Софиевка: ледник там не проявил себя – его деятельность искусно имитируется. Морена – артефакт! Она свидетельствует и о безграничности человеческой фантазии, и о неуёмности владыческой прихоти.

Алушка: видимость морены тут создаётся за счёт камней, отколовшихся от массива – авторство принадлежит исключительно эрозии. Приспально всмотришься – и поймёшь: второй слой в картине фактически отсутствует. А первый и единственный молод – относится к *фанерозою*.

Тогда как *Монрепо* абсолютно соответствует критериям оссианизма! Закрепим понимание этих критериев: мало одних каменистых поднятий – необходимо характерное напечатление, оставленное на них ледником. В нём – тайна, в нём – поэзия. Это и *бараньи лбы*, и *курчавые скалы*, и *валунные хаосы*. А где-то поблизости ещё и змеящиеся *озы*, и куполовидные *камы*.

Творческая сила ледника не знает себе равных.

Почерк его узнаётся сразу.

Ледник создал свой стиль.

Аналогию к Монрепо надо искать в Шотландии. Есть там родственник парк *Эрмитаж*. Он знаменит *пещерой Оссиана*. Однако это творение рук человеческих, мастерски вмонтированное в природу – мимикрирующее под неё.

Разберёмся в эпитетах.

Оссианический и *оссиановский*: часто эти слова употребляются как синонимы. Директор «Софиевки» И.С. Косенко предлагает нам такую дифференциацию: *оссиановский пейзаж*, но *оссианические настроения*.

Первое – природное, второе – человеческое. Понятно их взаимопроникание. Тем не менее тонкое расщепление смыслов полезно. Основание для него мы находим и в истории словоупотребления.

Конкретно: первое русское стихотворение в духе Оссиана «*Любовь и дружба*» И.И. Дмитриев опубликовал в 1791 г. Написал его тремя годами раньше. Как раз в это время Россия воевала со Швецией. Финляндия стала полем сражений – офицер И.И. Дмитриев потом вспоминал не только пыл боёв: «*природа дикая, но оссиановская, везде величавая и живописная: гранитные скалы, шумные водопады, высокие мрачные сосны*».

Написание воспроизвожу точно: именно *оссиановская*.

Означенное различие – скорее пожелание: на практике оба эпитета употребляются как равноправные.

В пандан к поэту И.И. Дмитриеву – геолог А.Гейки: ссылка на него содержится в замечательной диссертации Е.В. Василевич, посвящённой Монрепо. Речь идет о монографии учёного «*Ландшафт в истории*» (1905): «*В этой работе устанавливается связь «Поэм Оссиана» с природным ландшафтом и выявляются характерные признаки «оссианического ландшафта» (термин Гейки) по признаку геологического строения природного подиума, однако парковая тематика им не рассматривается*».

Сколь значим унисон поэта и учёного!

Сходство ассоциаций указывает на их объективную, общую для разных времён и культур основу.

Отдадим должное Арчибальду Гейки (1835–1924). Он был среди тех геологов, чьи прозрения дали нам ключ к сложнейшему коду – северному ландшафту.

Независимо от Ж.Л.Р. Агассиса шотландский геолог пришёл к идее материкового оледенения.

Первая книга учёного посвящена столь характерным для нашей природы валунам: что за сила отторгла их от родных горных массивов – и чудодейственно перенесла на гигантские расстояния?

Этот валун – и скала под ним: у них абсолютно разный минералогический состав. Как такое возможно?

Двухтомное исследование А. Гейки посвящено древним вулканам Великобритании.

В Эдинбурге он жил на Замковом Холме: это не что иное как потухший вулкан. Его извержения сотворили дивную декорацию для друидических мистерий!

Первый директор Геологической службы Шотландии Арчибальд Гейки понимал толк и в поэзии бардов, и в окружавшем их пейзаже.

Спасибо ему за точный и поэтичный термин.

Какое определение целесообразно применять по отношению к Монрепо?

Людвиг Генрих фон Николаи – по-нашему Андрей Николаевич – вовсе не был романтиком. В *оссиановскую* природу он хотел вписать *классицистский* парк. Тут завязывается интереснейшее, воистину зиждательное противоречие!

Разве Людвиг Генрих не велел раскалывать и дробить живописные валуны? Что ни говори, а он желал исподволь причесать необузданную природу – замирить её, чуток успокоить. У его сына Пауля фон Николаи произошла радикальная переориентация эстетического вкуса. Он стал сознательно усиливать оссианизм окружающей обстановки.

Без преувеличений: переход парка от отца к сыну – как художественная революция. В ней нашли своё отражение сдвиги ценностного сознания эпохи.

Мы вправе утверждать следующее: *оссиановская* природа Монрепо была преобразована в *оссианический* парк. Никакой синонимии! Или тавтологии. Почти одинаково звучащие понятия фиксируют существеннейшие эволюционные переходы.

Спроецируем «*Песни Оссиана*» на природу Монрепо.

Инвариантов уйма!

Прежде всего обратим внимание на скалы.

Это – эпика. Это – экстаз. Это – экспрессия.

Чьи озарения окаменели в граните? Будто пред нами слепки, снятые с эмоций демиурга. Застывшая патетика!

В «*Песнях Оссиана*» – куда ни глянь – всюду скалы.

В самом начале сказано о Кухулине: «*Ко мшистой скале прислонил он копьё*».

А вот каскад сравнений – человеческое в них слито с природным: «*я зрел их вождя, – говорит Моран, – он высок, как скала ледяная. Копьё его, словно ель опалённая, щит, как луна восходящая*». Какие гулкие аккорды! Всё порывается вверх – вертикаль доминирует. Песни барда выработывают могучую духоподъёмную тягу.

Дж. Макферсон любит контрастное письмо: «*тело твоё белее, чем пена бурлящего моря, когда мрачные ветры взметают её на гремучие скалы Кутона*». Опять громоздящийся камень! Это задник небывалой сцены, где разворачивается героическое, исполненное пафоса действие.

Столь же существенное место в пейзаже «Песен Оссиана» занимают валуны ледникового происхождения. Вспомним: у кельтов они стали элементом художественного языка – использовались для создания композиций. Преобладают два типа таковых: 1 – расположение камней по кругу, 2 – мечение ими четырёх вершин прямоугольника.

Кельтское и скандинавское порой образуют в «Песнях Оссиана» причудливую контаминацию.

Лода у Дж. Макферсона – это *Один*, хорошо знакомый нам по «Старшей Эдде».

Произошла телепортация из Исландии в Каледонию?

Удивительно!

Вот опять в поле нашего зрения появляется скала – и мы видим: «*на её вершине круг Лоды, и мшистый камень власти*». Сколь типично для северных широт подобное сочетание!

Отмеченная нами двуслойность геологических реалий проявлена поэтом с точностью натуралиста. В примечании сказано: это «*место поклонения у скандинавов*». Речь идёт не о кромлехе. Однако общей с ним является геометрия. В ней реализуется один из универсальных архетипов человечества.

Литолатрия – поклонение камням – занимает в космосе Дж. Макферсона важнейшее место. Ледниковая морена благоприятствует развитию и процветанию этого древнего поэтического культа.

Человек смещает, группирует валуны.

Иррегулярное превращается в регулярное.

Асимметричное становится симметричным.

Сейчас валунами чётко означен четырёхугольник. Это место захоронения. Читаем в «Песнях Оссиана»: «*Четыре камня, увенчанных мхом, – вот единый твой памятник*».

Непосредственно в Монрепо мы не найдём таких образований.

Но Север – как Европейский, так и Русский – изобилует ими.

Вспомним сейды.

Вспомним лабиринты.

Вы не видите окрест ничего похожего?

Отсутствие *рукотворного* может восполнить *парейдолическое*.

Это замечательный феномен: *парейдолия*. Так называется способность нашего восприятия вкладывать смыслы в хаотические явления.

Смотрите: группа этих камней напоминает учителя, окружённого учениками – они внемлют его проповеди.

А эти камни выстроились в лестницу – она поднимает нас к наскальному алтарю.

А это циклопическая арка!

Будто здесь трудились великаны – Север богат мифами о них.

Эффект парейдолии мастерски использовал Н.К. Рерих. А потом его последователь Б.А. Смирнов-Русецкий. Монрепо предоставляет исключительные возможности для раскованной игры воображения.

Что ещё соприуще оссиановской атмосфере?

В ней много *теневого, призрачного!*

Вот что сказано о Тренморе, явившемся *оттуда* – из страны мёртвых: «*Он ударял, казалось, в туманный щит на многоводной скале Сельмы*».

Манифестации духов описываются в «Песнях Оссиана» с потрясающей силой.

Сейчас навстречу Конналу из кромешного мрака выходит Кругал, прервавший свой вечный сон: «*Тускло мерцали звёзды сквозь призрак его, и голос звучал, как далёкий поток. Это посланный смерти. Он вещает о тёмном и тесном жилище. Проси мира, о вождь Дунскеха, или беги по вереску Лены*».

Просвечивающая субстанция иномира! Иногда кажется, что в универсуме Дж. Макферсона её больше, чем обычного вещества.

Ещё один пример тенеписи: «*водянисто-серые призраки мёртвых*».

Однако этот минорный сумрак постоянно озаряется в «Песнях Оссиана» небывало яркими вспышками.

Метеоры!

В небесах Дж. Макферсона они появляются с беспрецедентной частотой. Это противоречит астрономической статистике? Поэзия не обязана считаться с нею.

Приведём несколько цитат из «Песен Оссиана»:

– «*Метеорами ты зажигаешь кудри свои и проплываешь сквозь ночь*».

– «*Смотрите, кружатся метеоры над девой, и лунный луч возносит ввысь её душу*».

– «*Ужасно копьё Торлата! оно как ночной метеор*».

Что-то ван-гоговское есть в моментах этой интенсивной освещённости ночного неба. Слава богу, она непостоянна. Иначе выдержат ли глаза? Озарило – и схлынуло. Полыхнуло – и кануло. Внезапные вспышки чередуются с провалами в гробовую тьму. Эта резкая пересменка держит нас в постоянном напряжении. Все чувства мобилизованы. Кажется: нервы искрят – и эта назлектризованность передаётся всему космосу.

Безграничное, запредельное!

Вот главное в «Песнях Оссиана»: они стали мощнейшим генератором *чувства возвышенного* – доселе питают это чувство.

Промежуток в три года разделяет две книги, которые написаны в абсолютно разных жанрах – и тем не менее внутренне созвучны друг другу: это «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» Эдмунда Бёрка и «Песни Оссиана» Джеймса Макферсона.

Изданный в 1757 г. трактат Э. Бёрка словно предуготовляет базис для философско-эстетического осмысления того мира, который выстроил Дж. Макферсон – привычные каноны в нём перестают работать, вековые нормативы колеблются и расшатываются, вкусовые критерии падают перед новым, парадоксальным.

Классический космос: оценивая его, мы опираемся на категорию *прекрасного*.

Космос Оссиана: тут больше подходит категория *возвышенного*.

Э. Бёрк поставил эти категории в отношении острой оппозиции.

Прекрасное: оно соразмерно нам.

Возвышенное: оно превосходит все меры.

В.В. Бычков предлагает рассматривать категорию возвышенного двояко: её бытование в *имплицитной* эстетике (на периферии – вне фокуса рефлексии) – и её манифестацию в эстетике *эксплицитной* (она перемещается в центр эстетического анализа).

Интересная дихотомия!

Эксплицитная эстетика – применительно к пониманию возвышенного – начинается с Э. Бёрка.

Философ спрашивает:

– Почему возвышенны видимые предметы, обладающие большими размерами?

Вопрос можно расширить: чувство возвышенного инициируется всем *гиперболическим* – *гипертрофическим* – *гипермасштабным*.

Преувеличенное – зашкаливающее – невместаемое!

Дж. Макферсон ощутил утлость нашего мира. Что он делает? Раздвигает горизонты – и поднимает планку.

Вот начинается сражение.

В авангарде движутся барды.

Их тысяча.

Понимаете: тысяча!

И каждый играет на арфе.

Музыка идёт на нас девятым валом. Перехлест информации! Мы не справляемся с этим пресингом – мы испытываем *смещение чувств*: и подавленность, и восторг.

Характерное состояние! Оно постоянно инициируется чтением «Песен Оссиана». Лучше всего это столкновение противоположных эмоций передаётся через оксюмороны: *радость скорби* – *героическое уныние* – *торжественная печаль*.

Миновать наполовину с мажором – экстаз надвое с депрессией – ликование вперемешку с отчаянием.

Вот ещё один вопрос Э. Бёрка:

– Каким образом Боль может быть источником Восторга?

Снова мы приходим к оксюморонам: *Боль Восторга* – *Восторг Боли*.

Много сказано о меланхолии Оссиана.

Меланхолическое – и *возвышенное*: здесь тоже имеется нетривиальная взаимосвязь. Ещё в XVII веке Роберт Бертон в своей «Анатомии меланхолии» показал, что *чёрная желчь* способна быть ферментом, вызывающим – в современных терминах – *изменённые состояния сознания*. Вот что здесь говорится о меланхоликах, впадающих в транс: «когда они приходят в себя, рассказывают диковинные вещи о небесах и преисподней».

Эти каналы информации широко задействованы в «Песнях Оссиана».

Грань между жизнью и смертью здесь предельно релятивизирована.

Люди во плоти – и зыбкие призраки: они имеют одинаковый онтологический статус.

Барды *трансцендируют*. Потусторонний мир постоянно прорывается в окружающую их эмпирическую реальность. Его мистическое сквожение, проступание – один из источников чувства возвышенного. Быть может, самый бездонный источник!

В оссианических парках постоянно чувствуешь присутствие метафизических измерений.

Они рядом!

Они приблизились к тебе вплотную. Эти парки оптимальны для мечтаний о чём-то нездешнем, запредельном.

Очень важна для понимания ландшафта, оваянного Оссианом, такая мысль Ф.В. Шеллинга: «хаос – основное созерцание возвышенного».

Ледник проявил себя ещё и как хаосогенная сила. Она позитивна! Это не знак распада – совсем нет: в окружении так называемого *валунного хаоса* мы ощущаем космогоническую мощь природы – здесь она молодая, зиждательная.

Разностороннее содействие Дж. Макферсону оказывал восхищённый им профессор риторики Эдинбургского университета Х. Блэр. Ученик Э. Бёрка, он превратил «Песни Оссиана» в своего рода лабораторию, где на благодатнейшем материале исследовалась категория возвышенного.

Мощь, торжественность, беспорядочность: Х.Блэр интересно пишет об этих моментах как в контексте изучаемой категории, так и в плане постижения свойств космоса, сотворённого Дж.Макферсоном.

Вот ещё сильный и свежий обертон: чувство возвышенного может иметь побудительной причиной *неясность*. И – как её частный случай – «*туман древности*».

Этой неясности – и этого тумана – вдосталь у Дж. Макферсона.

Эстетика неопределённости! Думается, что это один из аспектов эстетики возвышенного – в развороте на близящуюся эпоху романтизма.

Дж. Макферсон – её предтеча.

Так сказать – пролог, увертюра.

Своеобразие «Песен Оссиана» очень точно схватывается понятием *предромантизма*. Удачно найденным термином охватываются три явления:

- *оссианизм*;
- *готический роман*;
- *кладбищенская поэзия*.

Так или иначе, но все три аспекта преломлены в Монрепо – скажем об этом кратко:

– несколько изданий «Песен Оссиана» имелось в совместной библиотеке Л.Г. Николаи и Ф.Г. Лаферьера;

– выразительные готицизмы были привнесены в стилистику Монрепо Паулем Николаи;

– Людвигштайн настраивает на волну Р. Блэйра, Э. Юнга, Т. Грея – классиков сентиментализма.

Среди свидетельств, говорящих об эстетических предпочтениях Л.Г. Николаи, напомним такой факт: он отдаёт своего сына в научение прекрасному поэту И.Г. Фоссу – противнику романтизма.

И.Г. Фосс перевёл на немецкий язык «Одиссею» и «Илиаду».

Чудесные его идиллии – в том числе «Луиза», переложённая П.А. Теряевым на русский язык (1820) – написаны гекзаметром.

Мы вспоминаем это ради сравнения.

Прочитаем вслед за «Луизой» И.Г. Фосса поэму «Монрепо» Л.Г. Николаи.

Подвижки очевидны!

И они – в противоречие сказанному выше – направлены всё же в сторону романтизма. Конечно, эта тенденция едва намечена – однако было бы неверно её игнорировать.

Мы имеем в виду эпизод, связанный с Эриком XIV, сыном Густава Вазы. Очень ярко здесь проявляется *личное мифотворчество* Л.Г. Николаи. Шведского короля он делает узником, располагая темницу на острове, который мы теперь называем Людвигштайном.

Это фантазия чистой воды.

Игра ума – зачем и к чему? Прежде всего она самоцельна. Но есть и прикладной смысл: расширить контекст Монрепо – вписать его в мировую историю и культуру.

Процитируем совершенный перевод М.Н. Костоломова:

*Здесь девять лет он грезил о походах
И мести братьям; Юхан, наконец,
Прибегнув к яду, умертвил его...
Дух Эрика всегда в полночный час
Вкруг камня этого, свирепый, бродит,
Проклятья шлёт, цепями громыхает
И оглашает воем грот Медузы.*

Разве это не созвучно метафизике оссианизма? И ужасам готического романа?

Эмоционально-ценностный диапазон Монрепо поражает своей широтой.

КУЛЬТ ПОЭЗИИ В МОНРЕПО

Орфей на Левкаде – рядом с Левкатой – в нескольких шагах от неё: такое немислимо? Но не для поэтического воображения!

Это интерполяция Софиевки в пейзаж Монрепо – попытка зарифмовать два оссианических парка.

В обоих имениях есть Левката. Или Левкадская скала.

Но Орфея мы видим только в Софиевке.

Хозяйка имения – София Потоцкая – содеяла невозможное: мифический поэт встретился с легендарной поэтессой.

Остров Лесбос, где творила Сафо, – и остров Левкада, где прервалась её жизнь: их разделяет огромное расстояние. Первый находится в Ионическом, второй – в Эгейском море. Между ними простирается Балканский полуостров. Почему в такую даль Сафо отправилась за своей смертью?

Лесбос и Левкада совмещены в Софиевке.

Орфей родом из Фракии.

В 2004 г. болгарские археологи нашли святилище, которое дерзнули назвать *гробницей Орфея*. Территориально всё правильно: место, где менады растерзали Орфея, надо искать в нынешней Болгарии.

Это право мифа: устанавливать между явлениями сколь угодно ирреальные и фантастические связи – игнорировать разрывы в пространстве и времени – пренебрегать нормами обыденной логики.

Монрепо и Софиевка суть мифы, обретшие необычное воплощение.

Перенесёмся в парк под Уманью.

Будто Орфей уже сошёл с гибельной кромки вслед за Сафо – но не рухнул вниз, а воспарил над всем тленным, преходящим. Какая сила его подхватила и вознесла?

Можно легко найти ракурс, когда кажется: Орфей левитирует над Левкадской скалой.

Вдохновляющее зрелище!

Оно и утешает, и обнадеживает.

Поэзия восторгается над смертью?

Орфей выведет из Аида не только Эвридику, но и Сафо? И Надю Львову? И Марину Цветаеву? И Нину Петровскую? И Юлию Друнину? И Нику Турбину? И Симону Вейль? И Сильвию Платт?

Все они шагнули в пустоту со своих Левкадских скал.

Воскреснут ли?

Соединим две максимы – два откровения:

– *Поэзия есть Бог в святых мечтах земли* (В.А.Жуковский).

– *Бог есть Любовь* (Евангелие).

Синтез даёт нам такое уравнение: *Поэзия = Бог = Любовь*.

Уже древние поняли: поэт – богоравен.

Вдохновение – путь к теозису: так в исихазме называется воссоединение Человека с Богом – их нераздельное и неслиянное единство.

Благодаря любви к Беатриче Дант сподобился войти в таинственное троекругие. И встать в его средоточие! Это символ Святой Троицы. Она пустила поэта в своё сердце. Он осуществил теозис.

Эти мотивы начинает развивать Сафо.

Приводим перевод В.В. Вересаева:

*Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит...*

А вот как эти строки преломляет Г.Р. Державин:

*Счастлив, подобится в блаженстве тот богам,
Кто близ тебя сидит и по тебе вздыхает...*

Речь у Сафо идёт не о платонической или мистической, а о чувственной – полнокровной – любви. Это физический Эрос.

И это он – совсем не аскеза или молитва – поднимает человека к Богу.

С проникновенным психологизмом Сафо первая из поэтов Ойкумены описывает на рубеже VII-VI вв. до н.э. сложное и противоречивое, подчас трагическое, но всё равно – при любом исходе – благодатное чувство.

Опять В.В. Вересаев:

*Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же –
Звон непрерывный...*

А это снова Г.Р. Державин – вольная, но внутренне близкая оригиналу вариация:

*Я чувствую в тот миг, когда тебя узрю,
Тончайший огонь и мраз,
из жил текущий в жилы;
В восторгах сладостных вся млею,
вся горю,
Ни слов не нахожу, ни голоса, ни силы.*

Именно любовь подвела Сафо к той черте, которую К. Ясперс назвал *пограничной ситуацией* – обрыв Левкадской скалы со всей конкретностью означает и само великое онтологическое порубежье, и зазыв приблизиться к нему, встать на него.

Вспомним Ф.И. Тютчева:

*И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений –
Самоубийство и Любовь!*

Возле Левкадских скал и в Монрепо, и в Софиевке мне слышится эхо этих слов.

Почему десятая муза – так эллины называли Сафо – решила порвать с жизнью вдали от родины?

Предание говорит: прямо под Левкадской скалой протекает Лета – река, дарующая беспамяństwo. Мало умереть *здесь* – надо забыть *там*. Сафо хочет начисто стереть образ Фаона. И вообще вычеркнуть всё земное.

Сейчас уместно вспомнить о нисхождении Геракла в Аид.

Вот что об этом можно прочесть в «Сказочной древности» Ф.Ф. Зелинского:

– Это Левкада, белая скала, – пояснил Гермес, – и тихая Лета под ней. Здесь непосвящённые теряют память о своей земной жизни: и Левкада её всасывает, и глоток Леты её затопляет.

Действительно, и Геракл, проходя мимо Левкады, почувствовал какую-то таинственную тягу своих мыслей к ней.

Теперь процитируем поэму «Монрепо» Л.Г. Николаи:

*Дух твой и сердце пищу обретут
На берегах извилистых залива.
И не напомнит ли Левкадский камень
Тебе, о юноша, скала крутая?
И если ты отчаяньем охвачен
От гордости красоти неприступной,
То здесь ты можешь совершить прыжок –
И муки прекратятся...*

Петровская Россия мощно притягивала к себе Элладу. Парнас перенёсся на северные широты! Екатерина II усилила эти магниты. Петербург и его окрестности: да ведь это новые Дельфы – огромное святилище Аполлона.

Л.Г. Николаи внёс весомую лепту в насыщение русской культуры античными аллюзиями. Это отдало духу эпохи Просвещения – барон создал свой парк в резонанс ей.

Но ведь мы говорим: *оссианистический парк*. А это другой дух! И другая стилистика.

Здесь намечается интереснейшее противоречие. Мы ещё вернёмся к нему.

А пока поищем один из путей к его разрешению в Софиевке. Там спонтанно сложилась композиция, которая называется так: «*Природа и искусство*». Рядом лежат два камня: дикий и обработанный. Первый похож на окатанную гальку, только сильно увеличенную – второму задана чёткая геометрия: мы видим безупречный параллелепипед.

Это как бы метафора оссианистического парка – нечто вроде литоты: малого образного подобия. Или выразимся так: в краткой форме тут заявлена установка, реализованная и в Монрепо, и в Софиевке, и в Алушке: вести тонкую игру стихийного и планомерного – случайного и рационального.

Планомерное, рациональное: это понимается аполлонически.

Дневной Аполлон в русских оссианистических парках берёт верх над *ночным* Дионисом.

Эти парки славят Элладу.

Вспомним Менандра:

*Это здесь, со скалы, что видна далеко,
Первой бросилась в море Сафо, говорят, –
За Фаоном надменным гнала её страсть.*

Через интервал в двадцать два столетия с Менандром перекликается Е.А. Баратынский:

*Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. голос волн...*

Сколь устойчиво звучит в мировой поэзии эта надрывная нота! Остров, ставший последней вехой в жизни Сафо, дважды воспроизведён в России – здесь проявилась ещё и сочувственность славянской души.

Есть у меня мечта – конечно, не сейчас, но лет через 100-200 она непременно сбудется: устроить в Монрепо – рядом с Левкадской скалой – выставку мировых шедевров, посвящённых гибели поэтессы.

Вот «Сафо на Левкаде» Жана-Антуана Гро (1801). Быть может, это самый трагический ноктюрн в мире. Лунный свет – и кромешный мрак: сколь необычно мастер смешал их на своей палитре!

А это «Смерть Сафо» Теодора Шассерио (1842). Порыв отчаянья! Ему вторят и скалы, и облака. Кажется, что холст не выдержит этой экспрессии – и будет закручен, разорван на части неистовым вихрем.

Вроде как Шарль-Огюст Менжен остаётся в рамках академизма. Тем не менее тонкий яд декаданса явно ощущается в его «Сафо» (1877). Одного взгляда на полотно достаточно, чтобы понять: уже творили и Шарль Бодлер, и Гектор Берлиоз. Поэтесса предстаёт как роковая женщина. В её глазах – смертный приговор: не только себе, но и всему миру. Обнаженный торс – и чёрное кружево, сквозь которое просвечивают чресла. Кого призывает заветное лоно? Имя последнего любовника – Танатос.

Сколько раз о суициде Сафо поведал Гюстав Моро? Он был загипнотизирован этой темой. Для воображаемой выставки мне удалось выстроить длинный ряд его картин. Первая написана в 1864 г. – последняя в 1894 г. Создаётся ощущение, что Г.Моро хочет запечатлеть бегство Сафо из мира на разных его стадиях – картины мастера похожи на серию стоп-кадров.

Вот Сафо встала на край скалы.

Вот оттолкнулась от него!

Вот падает вниз.

А вот мы видим её тело, простёртое на берегу. Море вернуло жертву?

Реквием Г.Моро впечатляет богатством инструментовки.

И.К. Айвазовский два раза посвящал свои картины памяти поэтессы. Из полотна «Сафо» (1893) дует морской ветер – и летят клочья пены. Лира выронена из рук – равновесие потеряно – назад не отступить. Трагедия прослежена до конца – но это сделано в другой, более ранней картине: «Скала Сафо» написана в 1870-е гг.; здесь мы не видим самой героини, бросившейся в небытие – она уже находится за горизонтом событий, о чём

очень недолго будет свидетельствовать взбурившаяся вода. Сейчас всплеск успокоится – и зыбкий след простынет навсегда. Именно это мгновение удержано в картине.

На уступе остался сброшенный пеплос?

А это лира: она зацепилась за камень.

Бесповоротное!

Необратимое!

Рядом с Левкадой находится Итака.

Это родина Одиссея.

Что вложил в топографию Софиевки её гениальный создатель Иоганн Менцель? Перед нами небывалый план одиссеевых путешествий!

Пиетет перед античностью долгое время в Европе был тотальным и абсолютным. Ну да, можно вплести в тему китайские или мавританские мотивы, но это лишь оттеняло безусловное господство доминанты.

Всё изменили две книги: «Введение в историю Дании» П.А. Малле и «Песни Оссиана» Дж. Макферсона.

Это было похоже на своеобразный *анамнесис*: Европа вдруг вспомнила, что у неё есть – кроме рапсодов и аэдов – ещё и барды, филиды, скальды, рунопевцы.

Сколько непочатых сокровищ!

Стрелка интересов резко развернулась с Юга на Север.

Я это называю *северным поворотом* – он имел эпохальное значение для культуры.

В 1771 г. И.Г. Гердер публикует статью «Извлечение из переписки об Оссиане и песнях древних народов». Она даёт сильнейший импульс филологам! Открываются новые эпосы.

Скоро очередь дойдёт до Финляндии и России.

Гомер по-прежнему читается.

Но теперь это не только кумир, но ещё и эталон сравнения – с ним сопоставляют и Оссиана, и Вяйнямейнена, и Баяна.

Иногда чаша весов клонится в сторону северных певцов. Тому свидетельство – признание К.Н. Батюшкова: «*напрасно уроженец Сицилии или Неаполя желал бы состязаться в песнях с бардом Морвена*».

Морвен – страна Оссиана.

Ирландия, Шотландия, Скандинавия, Финляндия, Русь: можно встретить утверждение, что в начале XIX в. эти страны виделись как некая духовная общность – именно с ними связана так называемая *мания Севера*.

О, Европа всерьёз и надолго заболела этой манией!

Кто был законодателем идейной моды?

Первым здесь надо назвать уже упомянутого

нами Поля Анри Малле. Его книга о Дании вышла в Копенгагене в 1755 г. Она стала откровением. Европейцы оробело вошли в мир Старшей и Младшей Эдды. Какое величие! На Европу дохнуло старонордическим героизмом.

П.А. Малле будет утверждать: народы Севера имеют преимущество перед народами Юга по критерию благородства. Именно они воплощают идеал мужественности! Культ женщины создан ими.

В 1756 г. П.А. Малле выпускает книгу «Памятники мифологии и поэзии кельтов, в особенности древних скандинавов».

Обратим внимание: кельтское и скандинавское тут ещё не отдифференцированы. Расщепление осуществит Томас Перси. Он переведёт П.А. Малле на английский язык – и займётся под его влиянием собиранием местного фольклора.

Это правильно, что учёные стали различать бардов и скальдов – но П.А. Малле глубок и точен в своём понимании единства, соприсущего поэзии Европейского Севера.

Тут общий дух.

И одна харизма.

Императорская Академия наук будет девять лет – с 1777 по 1786 г. – издавать многотомную «Маллетову историю датскую».

На знаменитого скандинависта обратит внимание Екатерина II. Она предложит П.А. Малле стать педагогом Павла I. Симптоматический выбор! Учёный сошлётся на занятость. Вакансию займёт Л.Г. Николаи. В период с 1769 по 1773 г. он будет работать одним из пяти учителей наследника. А потом станет его личным секретарём.

Сошлёмся на Н.А. Львова, глубоко затронутого оссианизмом: «*Господин Маллет примечает, что дух вежливости и подобострастия к женскому полу, источник множества великодушных и храбрых дел, приписывают неосновательно временам рыцарских узаконений. Народы северные гораздо прежде одиннадцатого века умели соединять любовь с воинскою добродетелью*».

Тонкое и верное наблюдение!

Романтизация Севера – идеализация Севера – мифологизация Севера: вот знаменания времени.

Пред фольклористикой и этнографией открывается широчайшее поле работы.

Север доселе питает эти науки.

Свежие веяния заденут и Людвигу Николаи. В своей поэме «Монрепо» барон обратится к финским реалиям. Воспетая им нимфа Сильмия похожа на своих античных сестёр. Но она дочь Суоми! А влюблённый в неё Ларс – местный юноша-пастух. Античная идиллия проецируется на суровые граниты.

Пауль Николаи пойдёт ещё дальше.

Среди этих гранитов он установит памятник Вяйнямёйнену.

Автор статуи – Готтхильф Боруп, датский мастер. Сработанная в гипсе, она простоит сорок лет – с 1831 по 1871 г.: её разрушат вандалы. Пауль Николаи не доживёт до этой беды – в 1866 г. он найдёт вечное упокоение на Людвигштайне.

В 1873 г. потеря будет восполнена.

За выполнение почётного заказа возьмётся молодой ваятель Йоханнес Таканен.

Образ рунопевца получит этнографическое уточнение – не условная лира, а доподлинное кантеле станет его инструментом. Но главное – в другом: скульптор с отменным вкусом – без ложной театральности – запечатлеет Вяйнямёйнена на пике вдохновения. Сложнейшая задача! Она решена блестяще.

Вот что Сократ говорит о поэтическом творчестве в диалоге Платона «Ион»: *«Все хорошие эпические поэты не благодаря уменью слагают свои прекрасные поэмы, а только когда становятся вдохновенными и одержимыми». И ещё – о подлинных шедеврах: «бог яснее ясного показал нам всё, чтобы мы не сомневались, что не человеческие эти прекрасные творения и не людям они принадлежат, но что они – божественны и принадлежат богам, поэты же – не что иное, как передатчики богов, одержимые каждый тем богом, который им овладеет».*

Скульптура Йоханнеса Таканена кажется иллюстрацией к этим словам.

Таинственная инспирация!

Будто и впрямь в поэта входит благодатная энергия, отрывая его от земли и унося в занебесье.

Мысленно ставлю рядом двух Вяйнямёйненов: этот – Йоханнеса Таканена, а этот – Роберта Стигеля. Решённые по-разному, обе статуи сходны в жесте: одну руку рунопевец обращает к небу – другую держит на кантеле.

Это оригинальная разработка темы адорации.

Вдохновение сходит с высот!

И перетекает в отзывные струны.

В Монрепо у Вяйнямёйнена поднята левая рука – в Хельсинки он вздымает к высям правую длань.

Свою интерпретацию образа предлагает Роберт Экман.

Мы видим Вяйнямёйнена на уступе скалы, вышедшей из-под власти земной гравитации – вот вот она взмост в зенит, унося с собой певца.

Нет сомнений: духоподъёмную тягу вырабатывает кантеле.

В картинах Роберта Экмана чувствуется влияние оссианической живописи – на этой ниве особо пре-

успели французские мастера, о которых мы ещё скажем. Вот что здесь общее: не только передача состояния вдохновения, но и проявление скрытого плана – в небесах означаются призраки, духи.

Гениально изображал вдохновенного Вяйнямёйнена Николай Кочергин. На одной из его иллюстраций мы видим, как рунам внемлют не только люди, но и звери. А на всё окружение ложится неглаголемый свет.

О, здесь намечается новый поворот нашей темы!

Поэт способен претворять Вселенную – в нём проступают черты творца-космогона.

Миссия поэта – в Преображении.

Один из аспектов искомой гармонии – примирение всего живого на Земле.

Пение Орфея облагораживало природу – удаляло из неё пагубную энтропию.

Уходила вражда – торжествовала любовь.

Это не утопия!

Синергетика показала: на малый сигнал может срезонировать бесконечность – и перестроиться, следуя законам красоты.

Источником такого сигнала способны стать и лира, и арфа, и кантеле.

Орфей – и Вяйнямёйнен: аналогия тут напращивается сама собой.

Первое скульптурное изображение Вяйнямёйнена принадлежит Эрику Кайнбергу. Это рельеф. Он украшает университетское здание в Турку. Среди благодарных слушателей вещего кантелиста мы видим и медведя.

Сколько раз подобная сцена повторена в изображениях Орфея!

Вот мозаика III века до н.э. – я насчитал 18 видов тварей, обступивших певца.

Вот картина мастера кватроченто Якопо дель Селлайо – очень трогает присутствие среди животных-меломанов изящного единорога.

Вот полотно академика Луи Дукиса – вместе с Эвридикой пением Орфея наслаждаются лебеди.

Позволю себе такую фантазию: ущелью со статуей Вяйнямёйнена задаётся тысячекратное увеличение – и скалы превращаются в горы.

Это Шотландия? На одной из вершин мы видим вдохновенного барда. Он похож на нашего рунопевца – одна рука тоже воздета вверх, другая опирается на арфу.

Внизу бурный поток.

На другом берегу – замок: его архитектурные формы вполне соотносимы с Людвигштайном.

Сколько инвариантов!

Сейчас я описал потрясающую картину Джона Мартина «Бард» (1817). Это кульминация оссианизма в живописи.

Всё здесь рвётся вверх – и пики гор, и башни замка.

И вот какое ощущение возникает: это устремление задаётся бардом – энергией его творческого испуга.

Северных певцов мы всегда видим на *возвышениях*.

В картине В.М. Васнецова «Баян» фигура певца словно вскидывается вверх упругим холмом.

И опять – знакомый жест! Семантика его понятна: поэт связует небесное и земное – низводит на людей божественную благодать.

Рапсод – и бард; рунопевец – и сказитель: их унисон внятн чуткому сердцу – общность их архетипа очевидна. Монрепо обладает секретом усиливать эти переключки. Линии разных культур оно сближает, стягивает, сплетает.

Замечательные *знаки*, предметно явленные нам в парке – прежде всего Левкадская скала и памятник Вяйнямёйнену – помогают осознать связи, которые не лежат на поверхности.

Сокровенное, потаённое!

Нам предстают различные ипостаси универсального поэтического гения. Улавливаете их нераздельность и неслиянность? Монрепо помогает сделать это.

Вспомним: в 1773 г. Дж. Макферсон издал перевод «Илиады», выполненный в оссианическом стиле. Начинание встретило критическое отношение. Но значителен сам факт: Дж. Макферсон хочет породнить Оссиана и Гомера. Характерны примечания, которые мы постоянно видим в «Песнях Оссиана» – кельтские реалии он соотносит со строками и Гомера, и Вергилия, и Дж. Мильтона.

Вот пример такого соотнесения:

*Он, словно пар смертоносный,
неспешно носимый душливым ветром.
Дж. Макферсон*

*Сколько черна и угрюма от облаков
кажется мрачность.
Если неистово дышащий,
знойный вздвигнется ветер.
Гомер*

Предвестник романтизма ищет опору в классике. Метаморфозы стилистики не исключают глубинной преемственности.

У поэтов разных эпох и стилей один и тот же источник вдохновения.

Это роднит их.

Деятели русской культуры: они в свою очередь

проводили параллели между Оссианом и Баяном. «Слово о полку Игореве» многократно сопоставлялось с текстами Дж. Макферсона. Так, Н.М. Карамзин писал, что его «можно сравнить с лучшими поэмами Оссиана» – выбор их в качестве наилучшего образца о многом говорит.

Нечто подобное опыту Дж. Макферсона-переводчика предпринимает Н.А. Львов. «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго» – его знаменитую вису, обращённую к Елизавете Ярославне – он считает возможным переложить на родную речь былинным стихом:

*Я рождён в земле высокой, во Норвегии,
Там, где из лука стрелять досужи жители;
Но чего мужик боится, я за то взялся:
Корабли водить меж камней по синю морю,
От жилой страны далеко по чужим водам;
А меня ни во что ставит девка русская.*

Спорный опыт?

Но нам важна интенция: желание сблизить русское и скандинавское – и сделать это на почве поэзии.

А вот поразительно близкие нашей теме мысли Г.Р. Державина – цитируем его «Рассуждение о лирической поэзии или об оде»: «Сочинители их и купно певцы были у Египтян, Финикиян, Индейцев, Греков, Римлян, Аравитян и прочих народов, которые в Южной Европе назывались бардами, а на Севере скальдами. Некоторые причисляют к ним и друидов; но другие называют их только провещателями при жертвоприношениях. То же ли, по дару вдохновения, были у Евреев пророки, а у Славянороссов, по глаголу баю, баяны? – оставляю на разсуждение искуснейших в древности, но скажу только, что все их песни, по содержанию своему, были почти у всех одинаковы».

Замечательная конвергенция!

Разные языки – разные эпохи – разные стили. Но поверх всех различий – родство духа: в Монрепо мы его ощущаем со всей полнотой переживания.

СКВОЗЬ ГОТИЧЕСКИЕ ВОРОТА

Вход в Монрепо открывают готические ворота – они настраивают нас на волну средневековья, опоэтизированного романтизмом.

Что белеет в пролёте арки?

Это здание усадьбы.

Построенное в классицистском ключе, оно веет на нас покоем и гармонией.

Два стиля – два состояния – два мироощущения! Соположенность готики и классицизма – соседство зданий, отвечающих столь различным канонам – является обычным делом для Европы.

В Монрепо это соседство обретает особые смыслы.

Усадьбу строил Людвиг Николаи – ворота возводил Пауль Николаи.

Своеобразный диалог отца и сына отразил движение вкуса в европейском эстетическом сознании.

Это циклическое движение: от одного переходим к другому – а потом возвращаемся назад. Но всегда с новыми обретениями! Нельзя ставить знак равенства между классицизмом и неоклассицизмом – готикой и неоготикой – барокко и необарокко. Повторение старого часто обретает вид стилизованной реминесценции. Или своего рода цитаты – только не буквальная, а скорее похожей на парафраз.

Это мы и видим в Монрепо.

Читаем в поэме Л. Николаи:

*Тут, на границе моего поместья,
Усадьбы скромный деревянный дом,
Построенный в палладиевом вкусе,
Как будто в камне, славным Мартинелли,
Террасы плоскость гордо увенчал.*

Андреа Палладио виделся Л. Николаи как *идеальный архитектор*. Эту оценку тогда разделяли многие зодчие. Например, Чарльз Камерон – убеждённый палладианец. Л. Николаи был свидетелем рождения Павловска. Монрепо родственно ему. Это не подражание, а дух времени.

Чистота формы!

Безукоризненная – абсолютная – предельная чистота.

Вот чем берёт А. Палладио.

Такое ощущение, что в космосе зодчего нет ни энтропии, ни помех и шумов. Материал не оказывает сопротивления. Он напитан духом? Прошёл через Преображение? Здания вырастают в атмосфере вечности, имея от неё полное благоприятствование.

Вилла «Ротонда» близ Виченцы (1551–1567) предстаёт взгляду как торжество симметрии. В строгости пропорций нет ни сухости, ни ригоризма – мы наслаждаемся благодатной, воистину божественной простотой, указующей на высшие прототипы. Как если бы платонова идея гармонии нашла адекватное воплощение, ничего не потеряв от того, что ей пришлось облечься в материю.

Эта вилла станет образцом для Софийского собора в Царском Селе. Проект предложит Ч. Каме-

рон. Освящение храма состоится 31.5.1788 г. в присутствии Екатерины II и наследника. Среди свиты мы заметим на видном месте и Л. Николаи.

Со зданием усадьбы Монрепо – в плане общего впечатления, производимого планировкой – может быть сближена усадьба Эмо (1559–1565), тоже находящаяся в окрестностях Виченцы. Здесь А. Палладио показывает, как равновесие левого и правого – первичная, природой вещей задаваемая схема формообразования – получает благороднейшее решение.

С этого начинали? Но нет, перед нами апофеоз эволюции – уровень совершенства, казавшийся недостижимым.

Как можно так обогатить исходную схему?

Мнится, что нет ничего привнесённого, инновационного – и вместе с тем ясно: перед нами сотворённое впервые – и уже не здесь, а в Эмпирее. Изыск – без вычура.

Превосходство – без манерности.

Элитарность – но в скромном и сдержанном выражении.

Это Палладио – его гений.

В основу пропорционирования у А. Палладио положены простые целые числа – 1:1, 3:4, 4:5 и т.д. Тут находят свое выражение пифагорейские установки мастера. За гармонией сфер стоит эстетика целочисленных отношений. При её перенесении в архитектуру возникают несказуемые эффекты.

Труды А. Палладио перевёл на русский язык Н.А. Львов. В предисловии он пишет, имея в виду И.И. Винкельмана: *«Наперсник вкуса и судья художеств называет его Рафаелом в архитектуре»*.

Л. Г. Николаи был лично знаком с И.И. Винкельманом.

Сейчас мы прослеживаем источники палладианских увлечений барона.

Конечно же, владелец Монрепо не раз прогуливался по Палладиеву мосту, возведённому В.И. Неловым в Царском Селе (1772–1774). Чудесное сооружение! Но оригинальным его назвать нельзя. Зодчий использовал не только наработки А. Палладио, но и опыт своих английских коллег: на Британских островах имеется несколько аналогичных мостов.

Об одном из них следует сказать особо.

Он находится в Уилтон-хаусе близ Солсбери. Подумать только: волей судеб его хозяйкой стала Екатерина Семёновна Воронцова – дочь Семёна Романовича Воронцова, друга Людвиг Николаи и шефа его сына Пауля.

Англомания: вот качество, которому С.Р. Воронцов оставался верным всю жизнь. Долгие годы выдающийся дипломат представлял интересы

нашего отечества в туманном Альбионе. Здесь в 1808 г. он выдал свою дочь за 48-летнего графа Пембрука. Богатый вдовец был созерцательной натурой. Ставя уединение выше мирской суеты, он дважды отказывался от роли посла в России. Любимым его занятием было чтение книг среди художественных сокровищ Уилтон-хауса. Там хранилась одна из лучших коллекций Ван Дейка.

Уместно сейчас поведать о месте рода Воронцовых в жизни баронов Николаи.

Вот дети Романа Илларионовича Воронцова (1707–1783):

– Александр Романович Воронцов (1741–1805) в молодости переводил Вольтера; не боясь власть предержащих, поддерживал контакты с опальным А.Н. Радищевым; вольнолюбие не помешало ему дослужиться до должности государственного канцлера; в его имении «Андреевское» под Владимиром нашёл вечное упокоение лучший друг Л.Г. Николаи – славный Франц Герман Лафермьер (1737–1796);

– Семён Романович Воронцов (1744–1832) ратовал за укрепление союза России и Англии, прозорливо провидя, что таковой важен для противодействия Наполеону; с метрополией у него всегда были сложные отношения; выйдя в отставку в 1806 г., он так и не покинул Лондона – на берегах Темзы написал интереснейшие тексты: «Записка о русском войске» и «Записка о внутреннем управлении России»;

– Екатерина Романовна Дашкова, урождённая Воронцова (1743–1810) – одна из самых выдающихся женщин России; как и брат Александр, прошла через увлечение вольтерьянством; Екатерина II то приближала, то отдаляла её – жизнь княгини похожа на чересполосицу взлётов и опал; достойно воплощала идеалы Просвещения; с 1783 по 1796 г. руководила Российской Академией наук – в 1798 г. эти функции перейдут к Л.Г. Николаи.

Екатерина Семёновна Воронцова, в замужестве леди Пембрук (1783–1856), была сестрой Михаила Семёновича Воронцова. Оба умерли в один год. Перед смертью Екатерина Семёновна попросила поставить перед собой портрет обожаемого брата.

Яркая была женщина!

Случалось, что она пела дуэтом с Томасом Муром – автор «Вечернего звона» усвоил от неё немало русских мелодий.

Любила театр.

Переводила пьесы с французского.

Чем возместить разлуку с родиной? Ну да, книги, переписка. А ещё русские костюмы, которые

регулярно выписывались для шестерых детей. И любимые русские сани – они до сих пор хранятся в Уилтон-хаусе.

О Михаиле Семёновиче Воронцове (1782–1856) много говорить не приходится. Крёстный сын Екатерины II – блистательный одесский губернатор – создатель оссианического парка под Алушкой: вот некоторые штрихи в образе человека, который был верным наперсником Пауля Николаи.

Дружба отцов перешла в дружбу сыновей.

Вот что в 1796 г. Андрей Николаевич Николаи писал из Павловска Семёну Романовичу Воронцову: «Я вполне доволен своим сыном. Он обладает глубиной и скромностью. Его манеры больше всего похожи на английские, чем на французские. Но главным образом его характер укрепился в доброте, и он рассматривает зло как нечто невероятное».

Любовь к Англии сближала Воронцовых и Николаи.

Парковому искусству этой страны они давали бесспорное предпочтение перед аналогичным опытом Франции.

Свободное – и регламентированное, спонтанное – и предзаданное, иррегулярное – и регулярное: в этих оппозициях – противостояние двух эстетических систем, определяющее соответственно своеобразие парков Англии и Франции.

Между развитием Уилтон-хауса и Монрепо имеются определённые аналогии.

Первый граф Пембрук получил в своё владение *позднегоготический* дворец-замок.

Он был сильно руинирован. Его перепланировку в 1630-е гг. осуществил Иниго Джонс, апостол *палладианства* в Англии. Когда в 1801 г. решили поновить усадьбу, то в Англии была модной *неоготика* – Джеймс Уайет придал зданию черты сказочного Камелота.

Знакомый алгоритм!

Пусть сокращённо, но он повторился в Монрепо. Так бывало не раз: палладианское накладывалось на готическое, а готическое – на палладианское. Нередко это происходило в пределах одного здания. В Монрепо – другое: наслоения здесь отражают смену поколений. Топографически они отдалены друг от друга, но тем не менее в пространстве целого образуют некоторый контрапункт. Или дополнительность. Это разнобразит композицию парка, внося в неё диалогическое напряжение.

Авторство готических ворот в Монрепо приписывается Карлу Людвигу Энгелю.

Это он построил Николаевский собор в Хельсин-

ки, имея перед собой такую высокую цель: внести в столицу Финляндии дух Афин – их Акрополя. Безраздельная грекофилия! И вдруг – отклонение: мастер пробует себя в системе отсчёта готики.

Замечательно своей двуплановостью творчество Карла Фридриха Шинкеля. Если для К.Л. Энгеля обращение к готике было преходящим эпизодом, довольно поздним по времени, то Карл Фридрих Шинкель сразу начинает свободно говорить на двух языках – классицистском и готическом.

Вот возведённая им Николаикирхе (1830–1837) в Постдаме: храм изоморфен собору К.Л. Энгеля – чистый классицизм; а это Готическая капелла в Петергофском парке Александрия (проект К.Ф. Шинкеля 1829 г.; реализация – А.А. Менелас и И.И. Шарлемань 1831–1834 гг.) – совсем другая эстетика.

Архитектурная билингва!

Она свидетельствует о том, что в сознании большого мастера могут уживаться миры, которые кажутся несовместимыми – и всё же им дано породить гармоническое, хотя и парадоксальное двухголосие.

Фантастическая картина К.Ф. Шинкеля «Собор над городом» (1813) запечатлела саму душу готики – её экстазы и экзальтации. Развоплощение камня достигает предела. Массы просвечивают – кажутся ажурными. Мнится, что слабая привязь вот-вот оборвётся – и громада здания уплывёт в бесконечность.

Опыт К.Ф. Шинкеля крайне интересен для нас в плане своей проекции на Монрепо. То, что уживалось в сознании зодчего, ищет примирения и в нашем восприятии – вкусы отца и сына Николаи, получившие овеществление в архитектуре парка, вовсе не обнаруживают антагонизма: мы с огромным удовольствием осуществляем их синтез.

Капелла в Александрии – и капелла на Людвигштайне: очевидно как их структурное сходство, так и поэтическая родственность.

К.Ф. Шинкель творил под сильнейшим впечатлением английской *неоготики*.

Чарльз Хитхот Тэтам непосредственно представлял это направление. Правда, иногда его характеризуют как *неоклассика* – снова мы вышли на мастера, с одинаковым успехом владевшего двумя стиливыми ключами. Как это ни странно, но в России даже специалисты по Монрепо не могут сказать, в какие годы жил зодчий. Возведение капеллы на Людвигштайне датируется в широком диапазоне: 1822–1830 гг. Мы еще вернёмся к этому шедевру. А пока нам важно констатировать: готические мотивы двух капелл – и в Александрии, и в Монрепо – имеют английские корни.

Когда и где началась готика?

Принято считать, что она восходит к аббату Сюжеру, вдохновившемуся идеей анагогического – ступенчатого – восхождения к Богу, которую он почерпнул у Дионисия Ареопагита. Именно по его благословию в 1136–1140 гг. в церкви аббатства Сен-Дени два пролёта главного нефа словно сбросили иго гравитации!

Архитектура познала радость воспарения.

Храмы взмыли в зенит.

Но известна и другая дата: 1133 г. Вот что с ней связывает искусствовед В.Г. Власов: «*новую конструкцию свода применяют в соборе г. Дарема в Англии*».

Франция или Англия?

Многовековая тяжба этих стран известна.

Однако в данном случае следует признать факт синхронии: в двух точках Земли – независимо и параллельно, самородно и конвергентно – случились одинаковые озарения.

Началась готика.

Да, это интернациональный стиль. Но сколь разнолико проявляет себя *Genius Loci!* Английская готика отмечена печатью исключительного своеобразия. Пройдя в своём развитии несколько стадий, она на каждой из них оставила подлинные шедевры.

Ланцетовидная готика! Термин указывает на малость угла – прогрессирующее заострение придаёт сводам и аркам характерную стрельчатость.

Декоративная готика! Над средокрестием впервые поднимается доминирующая центральная башня – набор высоты стремительно продолжается.

Перпендикулярная готика! Прямые линии строго и элегантно разлиновывают фасад, создавая новые возможности для застекления – здания залиты светом.

Тюдоровская готика! Декоративное она неоглядливо уравнила с конструктивным – процвела целым лесом причудливых башенок, как бы раззорилась.

Люблю готику разных стран.

Но особый пиетет испытываю перед английской готикой. Её самым чистым и полным воплощением Дж. Рёскин считал Линкольнский собор. Начатое в конце XII в., строительство храма завершилось в 1331 г. До обрушения шпиля в 1544 г. это было самое высокое здание в мире. 160 м! Прекрасен головокружительный взлёт.

Линкольнский собор интересен ещё и в том отношении, что он сосредоточил в себе архетипы, которые станут основой для неоготики. Первые импульсы она даст в середине XVIII века. Но её фантастически яркий расцвет придётся на викторианскую эпоху.

Славная королева Виктория!

Это в честь неё расцветает *Victoria regia* – самое невероятное растение в мире.

Это ей посвящено озеро Виктория – наилазурнейшее на планете.

Это в её славу гремит водопад Виктория.

Вот полное именование монаршей особы, полученное при крещении: Александрина Виктория.

Первое имя дано в честь Александра I.

Русский император был крестным отцом английской королевы.

То, что сегодня называется *викторианской неоготикой* – общее явление для Англии и России.

Gothic Revival – готическое возрождение: с Британских островов оно перекинулось в нашу страну, найдя здесь талантливых последователей. Первым среди них надо назвать Адама Адамовича Менеласа (1753–1831). Из Англии он был приглашён в Россию в 1784 г. – на самой заре неоготики.

Проследим за тем, как эхо Линкольнского собора гуляет в архитектурном пространстве Англии и России – соблюдём хронологическую последовательность.

Белая башня А.А. Менеласа в Царском Селе (1821–1827): камертон – в Линкольне, отклик – под Петербургом.

Петергофский вокзал Николая Леонтьевича Бена (1854–1857): это изумительная вариация на линкольнские темы.

Башня Виктория – самая высокая среди башен Вестминстерского дворца (1860): архитектор Чарльз Берри напрямую цитирует Линкольнский собор.

Четверная симметрия естественна для архитектуры.

Тетрагон – как матрица: из неё вырастает множество сооружений. В том числе башни, фланкирующие фасад Линкольнского собора – и капелла на Людвигштайне. Конечно, инвариантность тут формальная – она указывает не на генетическую связь, а на внутреннюю логику архитектурного формообразования. Ею задаются изоморфизмы.

Однако введём в наш сравнительный контекст ещё и *Арсенал*, построенный А.А. Менеласом в Царском Селе (1819–1834). Был ли он знаком с Ч.Х.Тэтамом? Арсенал – и капелла на Людвигштайне: они видятся мне как весьма точные рифмы.

Монрепо настраивает на размышления о метаморфозах европейского вкуса.

Как трудно принималась готика!

Есть мнение, что само это понятие впервые было оглашено Рафаэлем – в докладе Папе Римскому Льву X он использовал его в таком значении: *варварская архитектура*.

Оценочный момент очевиден!

Варварское значит дурное.

Резкое неприятие готики обнаруживает Вольтер. Он категоричен в своём «Храме Вкуса»:

*Изящный храм наш не одет
Старьём готическим, что еле
Несут соборы давних лет...*

Тем не менее готицизмы всё чаще внедряются в классицистскую архитектуру. Вначале это делается *изнутри*: зодчий усваивает конструктивный готический каркас – но надевает на него классический декор. *Снаружи* нам предстаёт подражание античности.

Такова церковь Св. Женевьевы в Париже (Ж.Ж.Суффло, 1757–1790). Проблематика, которая обсуждалась при её возведении, получила симптоматичное для нас название: *греко-готический синтез*.

Предлагаем это понятие использовать расширенно.

Тогда можно будет сказать: в Монрепо осуществлён искомый синтез.

Храм Нептуна переносит нас в античную Грецию – капелла на Людвигштайне в средневековую Англию.

Сквозь готические ворота в Монрепо интересно смотреть и на Запад, и на Восток – они распахнуты в обе стороны. И будто линза в них вставлена! Сейчас навожу её на Москву – и вижу Спасскую башню: в 1624–1625 гг. англичанин Христофор Галовой – на пару с нашим Баженом Огурцовым – надстроил сооружение Петра Антонио Солярио (1491). Вместо деревянного шатра появился каменный. И ведь какой!

Высота башни увеличилась вдвое.

И самое замечательное: англичанин внёс в её декор элементы *тюдоровской готики*. Здорово! Разве главный вход в Кремль стал от этого менее русским? Наоборот: национальное процвело и усилилось. Это как в биологии: дрейф генов – на пользу эволюции. Так и дрейф идей.

Вспомним: шатёр в Коломенском насыщен готицизмами. Разве ими умалняется русскость?

Алексе́й Иванович Некрасов – великий искусствовед, загубленный сталинским террором – всю жизнь развивал дерзкую гипотезу: наше деревянное шатровое зодчество генетически связано с европейской готикой – с её духоносным порывом, застывшим в камне.

Каменное дело на деревянное – или деревянное дело на каменное?

Вопрос о первичности дерева или камня давно

дискутируют историки русской архитектуры. Я сейчас использовал их терминологию, восходящую к летописным текстам.

Вот пример такового – речь идёт о Коломенском: «*вверх на деревянное дело*». Этим сказано: прототип у Вознесенья – деревянный.

А у готики?

Немецкие романтики видели в готике подражание северным лесам. И утверждали: её зачинатели – *кельты-друиды*. Чувствуете присутствие легендарного барда? Ведь не случайна фраза, которую мы можем отыскать в альманахе Ивана Ивановича Мартынова «Муза» за 1796 г., ч. II – она принадлежит некоему Ф.Ф.: «*готические песни Оссиана*».

Два явления, разрозненных во времени, поставлены во взаимосвязь.

Это фантазия поэтов?

Их красивая ассоциация, не имеющая научной ценности?

Но вот утверждение профессионального историка архитектуры – цитируем курс лекций Л. Куражо, прочитанных им в 1890–1896 гг. в Школе Лувра: готическая архитектура представляет собой «*воспоминание о более древних деревянных постройках кельтов*» и – это уже развитие его тезиса В.Г. Власовым – «*является результатом переосмысления франками архитектурной конструкции в стремлении к большей освещённости в условиях севера*».

Это очень спорно: искать кельтский след в готике. Но ведь поэтично!

Стихийная архитектурная бионика существует издревле.

Разве колонны не подражают стволам деревьев?

Жермен Боффран в своих «Рассуждениях о том, что называется хорошим вкусом в архитектуре» (1745) пристально всмотрелся как в морфологию дерева, так и в архитектуру готики – и пришёл к интересному заключению: «*друиды, – служители религии, культ которой отправлялся в лесах, – вместо того чтобы взять за образцы дерева, взяли в качестве такового их ветви, сучья и листья*».

Теперь линзу готических ворот в Монрепо снова наведём на Лондон. Мыслимо ли его представить без Биг-Бена? Прославленную башню проектировал корифей неоготики Огастес Уэлби Пьюджин (1858). Вот его убеждение, альтернативное взглядам, приведённым выше: готика искони ориентирована на камень и кирпич – уже сами её конструкции мистериальны – именно она лучше всего отвечает целям христианской литургии. А античные первообразы? О.У. Пьюджин убеждён: эллины строили *на деревянное дело* – буквалистски переводили его принципы на язык камня. Готика органичней классики! Вывод великого мастера категоричен.

Мы избежем крайностей.

Пусть и в скромных масштабах, но Монрепо нам являет паритет двух стилей – предлагает свою модель их взаимодополнения. Усадьба славных баронов Николаи учит широте всемирности.

(Окончание в № 9-10)



Юрий Владимирович ЛИННИК

родился в 1944 году в Беломорске.

Ученый, доктор философских наук,

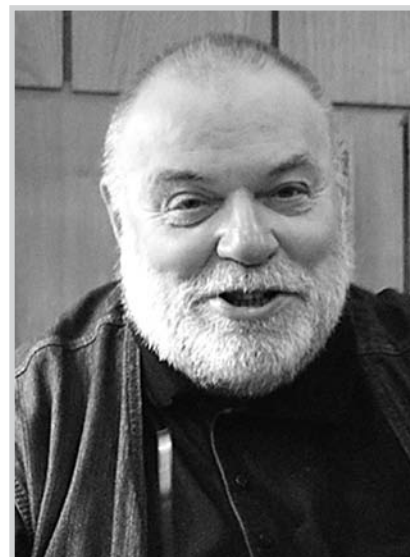
профессор КГПА,

автор многих книг стихов и прозы, искусствоведческих книг,

книг для детей о природе.

Член Союза писателей с 1970 года.

Живет в Петрозаводске.



Владимир КОЛАБУХИН

г. Ярославль



**М
а
й
я**

рассказ

Майя несколько раз прошлась перед зеркалом, любясь покупкой.

Платье — что надо! Легкое, шелковое, голубое!.. Правда, немного коротковато. Ну да теперь многие такие же носят. Зато так ладно облегает фигуру. Девчата в деревне ахнут!..

И она выбегает из гостиницы на улицу. Солнце уже клонится к закату, но ещё светит тепло и мягко. На остановке тихо урчит автобус. Майя врывается в его раскрытую дверь, усаживается поближе к кабине водителя.

За стеклом мелькают деревья, убегают дома...

Майя закрывает глаза. Подружки, конечно, сразу прибегут к ней домой. Осторожно потрогают платье, покрутят её, попросят показать награду...

Она счастливо улыбается, открывает глаза.

Вот и пристань. Глухо шуршит, притормаживая, автобус.

Майя выпрыгивает на тротуар, проворно спускается по крутой лесенке. Прислоняется к перилам. Отдышаться. Осмотреться. Мимо снуют с чемоданами и узлами пассажиры. На грузовой площадке им бойко и разногласно расхваливают свой товар местные садоводы и огородники. Лёгкий ветерок наполнен густым запахом солений, яблок, свежескошенных трав и притихшей реки.

До отплытия теплохода ещё долго. Майя прячет в сумку билет и отходит от кассы. Оглядывается, где бы провести время...

— Ребята, пошли на «Поплавок», — слышит она за спиной озорной девичий голос. И вспоминает, что ещё ни разу не бывала в ресторане. Интересно, что там и как? Да и перекусить не мешало бы!..

А на «Поплавке» почти никого нет. У буфета скучают официантки. Зал лишь чуть-чуть освещён.

Майя садится за столик у окна, чтобы видеть, как причаливают пароходы, и слушать, как плещется вода.

Окна — иллюминаторы. Когда ударяет волна, вода струйками сбегает по стеклу, отливает радужными красками. Впечатление такое, будто плывёшь, плывёшь... Далеко-далеко... Через марево заката.

Майя прищуривается, осматривая зал. Встре-

чается взглядом с каким-то парнем с округлой чёрной бородкой и... ойкает.

А бородач уже спешит к ней. В большом настенном овальном зеркале отражается его широкоплечая стройная фигура.

— Вот это встреча! — Он крепко жмёт её ладони.

У Майи замирает сердце.

— Павлик?!

— Да, моя беляночка, да!.. Ты рада?

— Очень!.. Очень!

Голос Майи дрожит, зелёные глаза сияют. Нашёлся-таки! А ведь как в воду канул, уехав на учёбу в город. Ну, пусть всерьёз не принимал её влюбленности. Но ведь по соседству жили! Вместе в самодеятельности выступали, зачитывались книгами, рассуждали о жизни... Мог бы хоть раз и написать. Ведь ей так тяжело давалась разлука — места себе не находила. И вдруг эта встреча!

— Садись, Павлик, садись!

— А может, ко мне? В уголок, под пальму? Сядем рядком да поговорим ладком!

Она застенчиво оглядывается. Идти через весь зал. Под чужими взглядами?..

Павлик обнимает её за плечи и опять о чём-то спрашивает. Он всё такой же! Его мягкий голос, весёлые глаза и сильные руки словно околдовывают, вызывают радостные воспоминания. И она невольно поддаётся уговорам, смущённо семенит к его столику.

Павлик подзывает официантку. Заказывает вино, закуску, фрукты, мороженое. И Майя подмечает, что делает он это привычно и непринужденно.

Чтобы немного успокоиться, она снова осматривается. За соседним столиком какой-то упитанный тип не отрывает от неё своих масляных глаз. Майя досадливо отворачивается. На неё многие так заглядываются. Но что ей до их угодливости, напыщенных заверений. Её почему-то всегда влечёт лишь к одному человеку, к Павлику. Вот он сидит перед ней — ясноглазый, шустрый, любимый!

Майя переводит глаза на другой столик и замечает за ним девушку. Она, видимо, только-только появилась здесь и ещё ничего не успела заказать. На ней нарядное тёмно-вишнёвое платье, чёрные лакированные туфельки, на

тонкой смуглой руке золотистая браслетка с миниатюрными и такими же золотистыми часиками. Лицо у девушки тоже смуглое, глаза крупные, чёрные, ресницы длинные-длинные, густые каштановые волосы лёгкой волной улеглись по плечам... Красавица да и только! Девушка бесцеремонно и несколько насмешливо разглядывает её. И Майя ещё больше смущается. Она уже жалеет, что пересела, а её новое платье с оборочками кажется теперь чересчур простеньким и неудобным.

Майя ёжится, стараясь незаметно натянуть платьице на голые колени.

А Павлик всё шутит. Подливает в бокал шампанское. Сыплет забавными историями.

Вино согревает и кружит голову. И Майя в конце концов успокаивается. А когда вдруг ярко зажглись люстры, загремела музыка, ей всё вдруг представляется волшебным.

— Я хочу танцевать!..

Он скорее угадал, чем услышал. Ведет её в танце свободно, не сбиваясь с ритма, улыбается только ей одной, как когда-то на вечеринках. И Майе кажется, что счастливее её никого здесь и нет. Такой он внимательный и ласковый!

— Как ты сюда попал, Павлик?

— Очень просто, малышка. Надо же вечер скоротать!

— А институт?

— Ты все ещё о нем помнишь? А я и думать забыл!

— Не учишься? — тревожится Майя.

— Нет! Шоферю по старой памяти. Здесь шофера знаешь сколько заколачивают? Вот и гуляем!

Майя озабоченно хмурится.

— А тебя в колхозе ждут... — Она чуть отстраняется и окидывает его зорким взглядом. Отмечает, что одет он шикарно: отличный тёмно-синий костюм, модная пёстрая сорочка, яркий галстук... Настоящий франт!

— Ну-ну! Не дуйся! — смущённо просит Павлик. — А то возьму и... поцелую!

Майя знает, что свою милую угрозу он навряд ли приведёт в исполнение: если не очень изменился, на людях он всегда был стеснительным. Но сама фраза подсказывает о многом. И она счастливо улыбается.

– Жениться не собираешься?
 – Нет... Жениться на напасть, как бы женатому не пропасть! – шутливо отзывается Павлик.
 – Что так? Неужто и впрямь не завёл здесь зазнобы?
 Майя спрашивает как будто безмятежно, а сама вновь замирает от томительного ожидания ответа.
 Его густые черные брови вздрагивают, он пожимает плечами.
 – Но ты-то кому-нибудь нравишься? – Майя не отступает, ей кажется невероятным, что для кого-то другого он не представляет интереса.
 – Может, и нравлюсь! – хитровато смеется Павлик, и Майя тотчас краснеет.
 – А ничего не пишешь!
 В её голосе слышится упрёк, даже обида. Он смущённо бормочет:
 – Да, понимаешь... Закрутился!.. Ты уж меня прости. – И смотрит на неё с такой нежностью, что у Майи просто сердце заходится.
 – Ой, молчи, Павлик! Молчи!.. Мне так хорошо сейчас!..
 Голова сама клонится к нему на плечо. Мягкие золотистые волосы касаются его лица и словно электризуют. Охваченный этим острым, томительным чувством, он вздрагивает и на миг прижимает девушку к груди.
 – Как давно я тебя не видел! – взволнованно шепчет он. – Помнишь наш пруд? Кувшинки с лилиями? Мы ныряли за ними до самого дна. А мальчишки дразнили нас: «Тили-тили-тесто! Жених и невеста!»
 Она поднимает на него сияющее лицо.
 – А сейчас ты бороду отрастил. Зачем? Настоящий Карабасище! – шутит она, чтобы скрыть такую же радость от воспоминаний.
 – Для солидности, малышка. Для солидности!
 – Не называй меня так, – сердится Майя. – Ну что ты из себя выставляешь!..
 Несколько секунд Павлик огорошенно молчит, затем на широком загорелом лице его появляется удивление.
 – Ну а ты как здесь оказалась?
 Майя снова краснеет, тихо делится своей радостью:
 – Орден я получала, Павлуша. Теперь вот обратно, в колхоз, возвращаюсь.

От изумления он останавливается.
 – Орден? За что?
 Он спохватывается и снова кружит её по залу. Майя вскидывает на него свои зелёные глаза.
 – А тебе и вправду интересно – за что?
 Он кивает и внимательно слушает сбивчивый рассказ о её рекорде на молочной ферме.
 – Все-то у тебя получается! – с грустью вздыхает он и опять в порыве нежности прижимает девушку к груди.
 – Не надо, Павлик. Не надо!
 Майя оглядывается. Опять та красавица за столиком глаз с них не сводит.
 – Ты её знаешь? Это твоя девушка, – вдруг догадывается Майя.
 – Кто? – Павлик перехватывает ее взгляд и мрачнеет. – Да как сказать..
 Настроение у Майи разом портится. Она останавливается, смотрит на часы.
 Павлик тревожится.
 – Что, уже пора?
 – Да, осталось десять минут.
 Задумчивые и молчаливые, они выходят на дебаркадер. Река уже потемнела. В чёрном как смоль небе сиротливо плавает тусклая луна..
 – Жаль, что ты исчезаешь, – грустно говорит Павлик.
 Майя останавливается, бросает на него внимательный взгляд, стараясь угадать, как он живёт.
 – Тебе... хорошо здесь?
 – Без тебя – плохо! – тоскливо отвечает он. – Вот и с институтом ничего не получилось... Знаешь, как трудно было! Потому и не писал..
 Майя молча гладит его большие шершавые ладони. Пропахшие бензином, они так не вяжутся с его франтоватым костюмом.
 – А эта девушка... Она тебя любит?
 Он пожимает плечами. Потом торопливо восклицает:
 – Да что мне до неё!.. Так уж получилось!..
 Майя хмурится.
 – М-да... И в спектаклях уже не играешь?
 Он невесело усмехается, качает головой. Ему невольно вспоминается их неугомонная юность. Она кажется ему такой далекой, что вызывает гнетущую пустоту на душе.
 – «Газон» мой... кому передали?

— Мишка-конюх выпросил.

Павлик недоверчиво смотрит на Майю.

— Ну да? Не по Сеньке шапка. Он и за лошадыми-то ходить не может. Угробит машину!

— Вот и я сказала председателю, что угробит, — поспешно отзывается Майя и тут же умолкает, увидев, как мрачнеет лицо парня.

— Страшно не хочется с тобой расставаться! — вздыхает он.

Майе и самой тяжко.

На тёмную воду свинцовой пеленой опускается туман. Гудок теплохода охрипший и долгий. Он вызывает у Майи озноб. Она вдруг отчётливо сознаёт, что, несмотря ни на что, по-прежнему любит этого неудачника-бородача. Любит ещё сильнее, чем прежде, с невыносимой тоской по нему. И вдруг неожиданно для обоих порывисто приникает к нему и целует его так, что у него захватывает дыхание. Совладав с собой, она осторожным, но настойчивым движением высвобождается из его объятий и жалобно шепчет:

— Я ненормальная, правда?

— Нет, ты хорошая, хорошая... — жарко дышит Павлик, отыскивая ее губы. — А может, останешься? Ну что тебе в деревне-то!.. И здесь можно устроиться. А председателю я сам отпишу...

Майя отступает. До боли кусает губы. Не таких слов ждала от него. Она понимает, что эта встреча очень важна для обоих. И, не шадя ни себя, ни его, резко бросает:

— Пора мне... Чего ж оставаться? От добра добра не ищут. Раскис ты здесь, Павлуша, от шампанского-то!..

Последний гудок, и Майя вбегает на палубу. Уплывают в темноту мерцающие как угольки огни дебаркадера. Недовольно о чем-то шепчутся волны. Водяные брызги холодом обжигают руки.

— Майя! — доносится до неё знакомый, полный отчаяния голос. — Майя!..

Она отирает ладонью слёзы и торопливо машет затухающим на берегу огонькам.



Гришуткин Сад

рассказ

Опираясь на суковатую палку, Петрович задумчиво брёл по аллее сада. Малиновое солнце уже давно зацепилось за верхушки деревьев, прохладный ветерок всё чаще вздувал и теребил на спине подвыгоревшую синюю рубашку, но Петрович не уходил в дом, подолгу останавливался у яблонь, слив, кустов крыжовника — кому он дал жизнь и теперь знал каждый их листок. Он доверял им сейчас свои мысли и чувства.

«Вот и вырастил сад. Одному уже с ним не справиться. Что же делать?.. И сосед одолел: продай да продай! Да ведь каков — сам себе на уме: хоть сгори целый свет, лишь бы он был согрет».

Петрович вздохнул, сел на скамейку. Протянул вверх руку. Три вишенки коснулись ладони. Сорвал одну, ещё тёплую от солнца, и залюбовался: такая крупная, упругая и чёрная, словно агат. Сразу вспомнилось всё, что связывало его, старого плотника, с садом.

...С каждым годом улицы центральной усадьбы совхоза тянулись всё дальше и дальше в степь. С каждым годом человек отвоёвывал у неё всё новые и новые метры, но степь характер свой не меняла. Весной неисчислимы маки подступали прямо к домам. Летом же исчезал многокрасочный цветочный ковёр, всё сгорало под палящими лучами солнца, и оставались лишь чернильные шары чертополоха. В это время налетали ураганные ветры, и тогда тучи песка и пыли закрывали белесое небо. Песок и пыль набивались людям в глаза, хрустели на зубах, проникали в каждую щёлочку дома и укладывались там повсюду серым изорванным слоем. Зимой бураны и выюги завывали почти непрерывно и замерзали молодые деревца, заботливо посаженные новосёлами. Лишь он и не отступился. Выходил по ночам к своим голым саженцам, кутал и согревал чем только мог, а летом отдавал им последнюю каплю воды... И чудо свершилось!

— Ишь, какие выдались, — зачарованно прошептал Петрович. Он с трудом оторвал взгляд от ягоды. — Да!.. Только что же теперь с садом делать?..

Неожиданно его внимание привлёк треск планки от изгороди. Он вытянул жилистую шею. Белобрысый мальчуган почти наполовину протиснулся в узкую щель, но, увидев его, рванул назад.

Петрович горько усмехнулся, тяжело поднялся со скамейки, хотел было залатать щель, да внезапно о чём-то задумался и забыл о ней.

А на другой день утром он, как обычно, без стука открыл дверь кабинета своего старого школьного товарища — директора совхоза.

— Занят?

Тот поднял голову. Улыбнулся душевно и радостно, как улыбаются только друзьям.

— Заходи, Петрович, заходи!

Плотный, представительный директор сам подошёл к нему, легонько обнял за плечи и усадил в кресло.

— Ну, рассказывай, с чем пожаловал.

Петрович ответил не сразу. Снял фуражку, поискал глазами, куда бы положить, затем привычно пристроил её на коленях, набил табак трубку, разжёг в ней огонь и только после этого неторопливо заговорил:

— Слышал я, что ты для новой школы место подыскиваешь?

Директор вскинул седые брови, в его тёмных глазах промелькнуло удивление.

— Ну и что?

— Нашёл?

— А ты почему об этом спрашиваешь?

— Потому что лучшего места, чем в моей усадьбе, тебе не найти.

— Ты... это... серьёзно? — поразился директор. — Какое я имею право?

— Я дарю свой сад детям — вот твоё право!

Директор размашисто зашагал по кабинету, соображая, что к чему. Уж кто-кто, а он знал, сколько труда этот человек в сад вложил! Бессонные ночи, в кровь стёртые от заступа ладони, морозы, засухи, насмешки маловеров. Не раз начинал всё сначала!

— Послушай! — остановился он перед ним. — А ты как?

Петрович молчал.

— Помню, — взволнованно продолжал директор, — однажды зашумел народ. Что такое, думаю. А это сад твой зацвёл. Сплошные белые кружева среди песка и пыли. И бегут, бегут отовсюду люди... Для всех был настоящий праздник... Ты же выпестовал свой сад, сроднился с ним! И вдруг...

Петрович не отвечал. Глаза его закрылись, трубка погасла, да он, видимо, и забыл о ней, о чём-то думал или тоже вспоминал.

— Ну, как знаешь! — Директор обескураженно уселся за стол. — Сколько же заплатить тебе?

Петрович очнулся, открыл глаза.

— Заплатить? — переспросил он. Морщинистое лицо его потемнело.

— Но ведь не даром?

— Детям отдаю, а не даром! — вспылал Петрович. — Мне вот один тоже предлагал, да душа у него с гнильцой, как у иного яблока. Эх ты!.. Это же Гришуткин сад. Пусть ребята и будут в нём хозяевами!

Петрович умолк, погрузился. Притих за столом и директор, понял, что невольно разбередил и без того незажившую его душевную рану. Ведь с чего всё и начиналось-то!..

Дети есть дети! Всё запретное им вдвое интереснее. И не вдруг им понять человека, денно и ночью охраняющего своё добро, не народное. Разве мог знать десятилетний сын Петровича, Гришутка, что за чужим высоким забором его встретит выстрел обреза? И выпали из ладошек два яблока-паданца, недоумевающе прошептали в последний раз окровавленные губёнки: «Мама!..»

Хозяина сада осудили. Но кто же мог вернуть преждевременно поседевшему Петровичу его ясноглазого Гришутку? Кто воскресил бы ему жену, зачахнувшую после гибели сына?..

Он места себе не находил. Не раз друзья угаривали: «Женись!» Знакомили с румяными разведёнками да ласковыми вдовушками. Только не мог он забыть своей Настюшки. Так бобылем и остался. И не переставая бредил сыном. Кликнет ли кто из детворы под окном, промелькнёт ли перед глазами чей-нибудь мальчуган — сердце так и забьётся!..

Немало лет прошло с тех пор. Немало дорог исколесил осиротевший Петрович, пока наконец понял, что и странствия не заглушат го-

речь страшной утраты. Тогда в последний раз отправился он в дорогу — вместе с молодёжью обживать вековую целину, да так на новом месте и остался. Здесь-то и вспомнил он прощальную просьбу жены — посадить в честь Гришутки хотя бы маленький садочек...

— Это же Гришуткин сад, — тихо повторил Петрович и ухватился за фуражку, собираясь подняться. Директор поспешил на помощь.

— Я сам! — Петрович сердито отстранил его. — Лучше присылай поскорей рабочих. — Сказал точно гвоздь забил.

— Завтра! Завтра же, дорогой ты мой старик! — заверил директор. — И прости, не хотел тебя обидеть.

— Да чего уж там, ладно! — отмахнулся Петрович и, оправив на себе рубаху, твёрдой походкой пошёл к двери.

□

Владимир Гаврилович КОЛАБУХИН —

поэт, прозаик, журналист.

Родился в 1937 г. в Коломне.

Окончил Всесоюзный юридический заочный институт.

Пишет для детей и взрослых.

Автор десятка книг, в их числе «Фальшивая коронка» (1982), «Что тебе пожелать?» (1988), «Кто стрелял в «Бирюзе»?» (1989), «Плывут бумажные кораблики» (2006), «В краю березовом» (2008), «Заходи, апрель!» (2012) и др.

Член Союза журналистов России, а также Союза российских писателей.

Живет в Ярославле.

В журнале «Север» публикуется впервые.



Сергей МАРКЕЛОВ*г. Петрозаводск*

Ладони

рассказ

Когда мы убивали комаров, там отрывало лапки кошкам и крылышки птицам. Искалеченные дети и искалеченные судьбы...

До недавнего времени я не имел представления о мире. Все, что показывали по телевизору, — лишь о войне. Только спустя много лет я узнал, как жили там. Еще во время учебы в университете нам демонстрировали тот знаменитый сюжет, в котором на фоне палящих орудий журналист рассказывает о последних событиях в каком-то ином, параллельном мире — мире, который вся страна наблюдала через экраны телевизоров. Через искаженную иную реальность, которую создавали долгие годы государство и средства массовой информации.

Телевидение вообще оставило во мне какой-то странный след о тех годах. С экрана телевизора — я хорошо запомнил — показывали горящий Белый дом и танки на улицах Москвы.

— Мама, — спросил я тогда, — а что, война началась?

— Не знаю, — ответила она.

Она действительно не знала. Никто не знал. А война началась, но чуть позже. Тогда же с экранов телевизоров потусторонняя реальность стала входить и в чьи-то дома, квартиры. Вот где-то из соседнего подъезда кого-то выносят. Траурный марш, куча народу... А мы вливаемся в процессию и пытаемся осознать смерть, но как-то

не получается. Непонятны все эти слезы, хочется радоваться жизни, веселиться, познавать мир. Когда на углу дома умирает человек, а его сын битый час делает то синему, то бледнеющему отцу искусственное дыхание — эта реальность как-то ближе и понятнее. И так органично вписывается в нее подвыпившая медсестра, вываливающаяся из «буханки» со шприцем в руке и со словами «Уже поздно!».

Но вот на соседней улице в каком-то доме раздается душераздирающий вопль. Его услышат только стены и соседи. Это кого-то в очередной раз забрала война. И их эта реальность не касалась, она не здесь, а по ту сторону, в чьих-то чужих семьях и судьбах. Все мы знали, что идет война, но шла она как бы в большом мировом кинотеатре, где всем нам показывали один и тот же непрекращающийся сюжет, пытаясь оправдать бессмысленность всего, что происходило в те годы.

Бессмысленность... Это слово, как назойливый рой пчел, постоянно витало в воздухе. Все знали, что смысла нет, но все воевали. Все смотрели телевизор, все жалели молодых ребят...

Десять лет прошло, как я родился. Мы тогда жили в военном городке. В воздухе витала солнечная предвечерняя патока. Медленно и густо она стекала солнечными лучами по серым стенам домов. Вдруг люди высыпали на улицу. Все до единого, казалось, выбежали на забрызганные солнечными лучами тротуары и подняли

головы вверх — в синее, намагниченное теплом небо, по которому плыли пушистые облака. А затем вдали послышалось гудение пропеллеров. Очень многие здесь ждали этого гудения. Многие месяцы ожидания для кого-то закончились с этим гудением. Для кого-то, наоборот, лишь прерывающимся тревожным гудением в сердце они закончились раньше.

И все же, обгоняя размеренный ход облаков, на небо вскарабкались тяжелые тушки вертолетов. Они горделиво урчали своими пропеллерами, а завидев нас, людей, которые так ждали этих огромных железных насекомых, начали покачиваться из стороны в сторону, как воин-дикарь виляет бедрами в зловещем танце победителя. Хотя нет, то был не танец победителя, а скорее танец жизни, танец радости — ведь вернулись! Вернулись живыми! И один за другим они проносились по расчистившемуся небу, и каждый обязательно хоть пару раз вильнул своим тяжелым боком. Внизу толпа ликовала. Люди кидали вверх воображаемые шапки, цветы, посылали воздушные поцелуи. Нет, это не победители и не побежденные неслись по небу — то души погибших доставляли выживших домой.

Так закончилась для нас первая война, а на экранах телевизоров наступил мир. Но продлился он недолго, да и был он, похоже, разве что там, за гудящим стеклом лампового ящика. Ведь совсем скоро прогремят взрывы в Москве, Волгодонске и Буйнакске.

Спустя почти двадцать лет я увидел наконец, что и тогда, давно, мир все-таки был. Его не было в выпусках новостей, не было у Рогожкина, у Невзорова. Но он был в фильме талантливого карельского журналиста Александра Колобова. В том фильме люди не только воевали, но и жили. Я впервые увидел дырявые проплешины домов, почерневшие изразцы окон с выбитыми стеклами, людей, на лицах которых навсегда отпечаталась война. И среди этих развалин, как ни странно, своя жизнь — люди ходят, продают что-то, вот женщина наклонилась и моет в луже сапоги, не брезгуя, опускает руку в грязную воду. Что там лужа, когда вокруг смерть облизывает языком жизнь, когда даже здания не в силах ей противостать. Вот солдат в интервью говорит: не понимаю, кому и зачем это нужно? Но приказ есть приказ. Так глупо и бессмысленно. Оператор, который снял этот фильм, сказал мне, что мно-

гим, по отзывам, не хватило в нем войны и стрельбы — то есть зрелища. Не знаю, как другим, а мне войны хватило за те годы, что я рос. Пусть и видел я ее только по телевизору.

А потом война пришла и в нашу дружную компанию. В нашу дружную компанию пришла вторая кампания — такой вот неприятный, кособокий и какой-то даже корявый каламбур...

2

Мы были чуть старше десяти. А это — целая жизнь. Год — за десять. Каждый день наполнен событиями. И, кажется, только в нашем дворе были старшие «воспитатели» — ребята, которым впору зажимать девчонок по углам и пить водку (были и такие). Они играли вместе с нами в снежки, заливали горки водой и катались с них зимой на куске картона, ходили с нами на каток. Несется детвора, человек десять — врассыпную, а за ними трое великовозрастных балбесов. Кого поймают — несдобровать. Замучают. Но ходишь потом довольный, если выдержал их бычьи ужимки, не выдал местоположения товарища. Так играли в «казаки-разбойники».

А вот бывало следом за тобой с горки летит вперед ногами сорок пятого размера лавинообразный здоровенный детина с руками-лопатами и добрыми глазами. Врезается нечаянно тебе в спину так, что дыхание перехватывает и несколько секунд кажется, что умираешь, что никогда уже не вдохнешь. А тот сам перепугался, склонился над тобой, поднимает. Через несколько минут, когда слезы высохли на обмороженных щеках, катаемся дальше. Но тот, здоровенный, уже впереди. Волосы светлые, глаза голубые, руки почему-то постоянно синие.

— Жень, — спросил я у него однажды, — а чего у тебя руки как у мертвеца?

— В смысле? — не понял он.

— Ну, ты посмотри на ладони, — ответил я.

И мы все вместе смотрим замороженно на Женькины ладони. Они большие, просто огромные, отчего-то синюшного цвета и покрытые на холоде каким-то беловатым налетом. Точно — мертвец.

— Блин, правда, — засмеялся Женья.

Смеемся и мы.

Женька Белов был нашим дворовым пиротех-

ником. Жил он с мамой и бабушкой. Об отце его не знал никто. Очень много времени проводил с ребятами. У Андрея питерского дедушка работал на железной дороге и приносил иногда оттуда какие-то красные «блины» размером с консервную банку. Только тоньше раза в три. Так вот Женя каким-то образом подсоединял к этим блинам проводки, и мы всем двором шли за здание санэпидемстанции, что располагалась за домом, на месте старого кладбища, где теперь растут высокие березы и тополя. Там мы, чумазые, плавил свинец вместе с тем же Женькой. Там закапывали этот блин, отходили на почтительное расстояние, разматывая провода, как заправские подрывники. Белов замыкал контакт, и... ба-бах!!! Ни одна китайская петарда, которые заполнили в те годы все магазины, не могла сравниться по силе взрыва с этим странным и непонятым «блином» красного цвета. А по гамме эмоций, что возникали у нас, когда мы неслись оттуда сломя голову, чтобы не засекали, — и по давности. До сих пор не знаю, что это такое. Уже позже Женька умудрился соорудить пульт, который он подсоединял все к тем же «блинам», и взрыв становился еще красочнее. За возможность нажать на заветную кнопку мы были готовы даже поссориться друг с другом и не разговаривать несколько дней — лишь бы самому, лишь бы собственноручно... Доходило и до драки.

Ну а на Новый год у нас была традиция. Все тот же дедушка с той же работы приносил сигнальные свечи, которые горели очень долго странным зеленым свечением. После него всё вокруг, источающее свет, тоже окрашивалось бледно-зеленым. Для дворовой детворы примерно через полтора-два часа после наступления Нового года начинался «крестный ход». С этой самой свечой мы наворачивали круги по нашему заросшему вишней, черемухой, березами и тополями зимнему двору. И всегда где-то во главе процессии возвышающейся громадой шел наш Женя Белов. Всегда с нами. В то время, когда все его сверстники меняли малолетних шалав за бутылкой портвейна, который я сам попробую только года три-четыре спустя, он ни разу, кажется, не злоупотребил алкоголем. Никто ни разу не видел его даже выпившим. Когда многие из тех, кто поначалу так же сновал с нами из одного дворового угла в другой, уже дышали парами бензина или клея, покупали не раз самогон и медленно себя

уничтожали, Женя Белов с большим удовольствием учил нас, малолеток, карточным играм.

Частенько к нам присоединялся его хороший друг — хромой на обе ноги в результате, кажется, какой-то родовой травмы. Будущий священник. Тогда он еще учился в семинарии. Поскольку я один из немногих любил играть в шахматы, то мы частенько устраивали за дворовым столом партейку-другую. И где-то рядом всегда был Женька. То уйдет незнамо куда, то придет. Чем он занимался, где учился — я не помню, да и, кажется, никто об этом не знал. Мы просто радовались жизни, принимали каждый прожитый день с удовольствием, веселились. Школ и университетов в те сладостные моменты для нас не существовало.

Спустя несколько лет этот его друг стал священником. А еще чуть позже вместе с женой он разбился на машине. Они похоронены рядом с часовней и могилой Настеньки, местной святой, на Екатерининском кладбище. На память о нем у меня оставалась книга — сборник различных игр на все случаи жизни. Недавно я подарил ее своему товарищу. А вот от Женьки Белова у нас остались только воспоминания.

Ведь та война из параллельной вселенной все ближе подступала к нам. В 1999-м началась вторая Чеченская кампания. Чуть раньше Женю Белова забрали в армию. Тогда еще служили два года, после учебки он решил заработать — согласился отправиться в «горячую точку».

В конце лета я уехал домой, на север. В сентябре как раз должен был вернуться наш солдат. Он и в армии стал сапером — наверно, те самые красные «блины», словно отсвет планеты Марс, сыграли свою роль. Ему оставалось служить всего месяц...

Долгие гудки. Тогда еще звонили с домашнего на домашний.

— Ал-ле, — ответил, скребя по трубке, старушечий голос.

— Здравствуйте. Аню можно? — попросил я.

— Минуту.

В трубке зашуршало. Шаги, голоса, шаги...

— Алле!

— Привет!

— Ой, привет!!! Как ты?

— Все хорошо. Вот решил позвонить...

— А я уж думала, не позвонишь. После того, как мы...

— Да ладно. Не вспоминать же всю жизнь.

— Ну да. А ты скучал?

— Возможно. А ты?

— Я скучала. По нашим старым прогулкам. По теплым летним вечерам. За все лето ты так ни разу и не зашел.

— На то были причины.

— Да. Я знаю, я сама виновата. А помнишь, как ты спросил, почему так получается? А я ответила, потому что у тебя ноги короткие. Помнишь?

— Помню...

— Ты тогда страдал.

— Да уж. От неразделенной любви. Хм. Совсем забыл, а Женька-то вернулся?

— Ой, а ты не знаешь ведь?

И голос погрузнел. И дыхание участилось и взволновалось, взвинтилось над телефонным динамиком.

— Это, знаешь, какой-то кошмар. Он погиб.

— Как это?

— Не знаю, точно никто не говорит. По слухам, шла колонна и одна из машин подорвалась, то ли ее обстреляли. По другой версии, ему оставалось пару недель до дома и его что-то там отправили разминировать. Ну и... В общем, хоронили мы его всем двором. Маму его жалко. И бабушку. Совсем одни остались. Цветов на могиле было уйма. Мама... Лица нет... До сих пор не могу поверить, что Женька...

Тогда та война и приблизилась к нам вплотную. Я в то время отдалился на почтительное расстояние первым — мы переехали в Североморск. Но остальные столкнулись с ней совсем близко, потому как это ведь и есть война, когда хоронят тех, кого ты знал. И ни выстре-

лы, ни взрывы, ни обстрелы, нет — а та колонна, что собралась, но на этот раз не у новогодней сигнальной свечи — то проводили в последний путь Женю Белова.

Многие его сверстники, те самые, кто в то время не выпускал бутылку из рук, живы до сих пор. Большинство до сих пор ее и не выпускают. И уж о том, что такое «горячая точка», не ведают, зато знают, что такое «белая горячка». А Женя хотел просто немного заработать. Возможно, для мамы. Возможно, для себя. Кто теперь об этом думает? Особенно когда, покачивая цинковыми боками, он вернулся, как когда-то возвращались тяжелые вертолеты. Что он там делал: убивал ли, воевал — не воевал? Мы никогда об этом не узнаем.

Был, оказывается, мир. Хотя все это время у нас не прекращалась на экранах телевизоров и в наших головах война. И не только у нас, но и там, как оказалось, он тоже был. У каждого была своя война и свой мир. Значит, похоже, нет победивших и нет побежденных... Есть только выжившие и погибшие.

Но мне почему-то больше запомнились не взрывы и артобстрелы, что крутили по телевизору, не закопанные в землю пленные, не разрушенные дома, что я увидел уже позже, и не здоровенная лужа под мостом где-то в центре Грозного, где взорвали какого-то генерала. И не знаменитые интервью с Басаевым, нет.

Мне запомнились ладони. Синеватого цвета под пасмурным, холодным осенним небом, обветренные, большие, как лопасти вертолета, ладони.

□

Сергей МАРКЕЛОВ

родился в Мурманске в 1986 году.

Окончил филологический факультет ПетрГУ.

Журналист,

работает корреспондентом ГТРК «Карелия» (Россия-1).

Финалист конкурса «Северная звезда-2012»,

лауреат конкурса «Северная звезда-2013»

в номинации «Проза».

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.



Вячеслав САВАТЕЕВ

г. Москва



«Большой дар у Никитина...» (Штрихи к портрету писателя)

1

«Большой дар у Никитина, и многое ему дано», – Эти слова критика А.Воронского были сказаны в самом начале творческого пути Николая Николаевича Никитина. Предсказание, которое ко многому обязывало...

Он родился 27 июля (8 августа) 1895 года в Петербурге в семье железнодорожного служащего. Окончил реальное училище. С 1916 по 1918 г. учился в Петербургском университете на филологическом факультете. В 1919 году добровольно вступил в ряды Красной армии; был лектором, культработником в военных частях, служил в политуправлении штаба Петроградского укрепрайона. В это же время Н.Никитин начал заниматься литературной деятельностью; выходят первые сборники его рассказов и повестей «Рвотный форт», «Камни», «Бунт». В 1922 году он демобилизовался из армии...

Тема революции на годы стала одной из главных в творчестве поколения молодых писателей, чье становление пришлось на 20-е годы. Среди них был Николай Никитин. В его ранних рассказах и повестях мы встречаем героев и конфликты, у которых

есть свои реальные, жизненные прототипы, ощущаем атмосферу тех лет, лихорадку праздников и будней, их лозунги, стиль, манеру поведения. Лихорадочность времени, казалось, требовала своего особого, лихорадочного ритма и стиля. Новое поколение литераторов искало новые смыслы, новые слова, способы выражения, подчас довольно вычурные и эпатажные.

В 1921 году Николай Никитин вступил в литературную группу «Серапионовы братья». Она была создана при петербургском Доме искусств. Состав группы определился не сразу; в нее вошли, кроме Никитина, М.Слонимский, Л.Лунц, К.Федин, Вс.Иванов, В.Каверин, М. Зоценко, Н.Тихонов, некоторые другие. Вскоре вышел первый номер альманаха, в котором были опубликованы произведения членов группы, в том числе рассказ Н.Никитина «Дэзи». ¹ Группа формально просуществовала до 1929 года, но практически перестала собираться намного раньше.

По характеристике Виктора Шкловского, художественно-эстетические истоки «Серапионовых братьев» шли, с одной стороны, от русской классики, а с другой – от западного авантюрного романа:

отсюда, в частности, внимание к сюжету. Соответственно «серапионы» делились на «западников» и «восточников», «бытовиков» и «сюжетников». Согласно этой систематизации Н.Никитин был «восточник», «бытовик», хотя все эти деления были, конечно, условными и тем более в реальном литературном процессе «перемешивались» друг с другом.

Четкой программы у группы не было, однако некоторые существенные моменты идеологии и творческие принципы «серапионов» нашли свое отражение в статье Льва Лунца «Почему мы Серапионовы братья?» (1922). Лунц настаивал на том, что искусство и литература должны быть идеологически нейтральны, не подчиняться «общественности», не служить партийным целям и задачам. Литература сама себе – цель. «С кем вы, Серапионовы братья? – спрашивал автор статьи. – С коммунистами или против коммунистов?» Его ответ был однозначен: «мы с пустынным Серапионом», писатели – это «отшельники»...

А.Воронский в своей статье о первом номере альманаха «Серапионовы братья» писал: «От альманаха веет здоровой обещающей молодостью, весенней свежестью, небесной синью». ² По мнению Воронского, «серапионы» «решительно порывают с некоторыми основными настроениями предреволюционной литературы», в частности, со «сверхиндивидуализмом». «У них – быт, народ, данное, то, что перед глазами, живая жизнь, окружающее». Одновременно критик предостерегал против «однотипности приемов», говорил, что в использовании модного приема «остранения» нужна мера. «Запутанная сложность» – сказано было о В.Каверине, но относилось и к другим авторам альманаха.

* * *

Первым заметным произведением Николая Никитина стала повесть «Рвотный форт», написанная в 1922 году. Повесть представляет собой ряд отдельных главок, сцен, эпизодов, связанных между собой временем, несколькими общими героями, атмосферой внутреннего напряжения, разрежающейся вставками исторического материала, выразительными картинками русской природы, колоритной народной речью персонажей, авторскими репликами, комментарием, сочными диалогами.

Среди героев – древний, мудрый старик Пим, словно из русских сказок, фольклора, воплощающий в себе самую глубину народной жизни и одновременно ее отсталость, консерватизм, настоящий на древних поверьях и религиозных представлениях; царский генерал Дондрюков, живущий стары-

ми рефлексам и с трудом воспринимающий новые порядки, уверенный, что все идет «по-стародавнему». Это и «новые люди» – такие, как один из главных героев – комиссар, «товарищ» Ругай, присланный «из центра», искренне и во многом наивно верящий в нового Бога – большевиков, советскую власть, персонаж также по-своему трагический, надорвавший свои нервы в борьбе, едва не попавший в психушку... Его «вера – серп и молот», ³ но в русской глубинке, куда он приезжает с поручением центральной власти, он «чужак». Никитин относится к своему герою с легкой иронией, но вполне сочувственно; отсутствие же форсированной пафосности спасает его от литературной ходульности, которой страдали многие герои ранней советской литературы.

Новую власть в деревне представляет председатель Совета Тимофей Пушков, но он мало похож на идейного борца, революционера; не случаен его карикатурный портрет: «Вместо лица у Пушкова смачная яшница». Хотя Пушков выполняет знаковую должность, он – рядовой обыватель, как и большинство жителей деревни... Ему свойственны любовные томления к молодой купеческой дочке Тае, которые, однако, не мешают ему принимать активное участие в раскулачивании. Пушков – один из «красных бантиков», которые устанавливают новый порядок в далекой русской деревне...

Никитин показывает некоторые парадоксы, которыми было полно время революции. Так, в камере, в которой находился «жулик» и либеральный оратор Цукер, попадает большевик Ругай... Или еще. В повести звучит революционная песня «Мы умрем на баррикадах // С красным знаменем в руках...» Автор же при этом утверждает: «А свежеская земля свернулась в сумерках, и люди слепнут в темках за бревенными стенами». Идеология и реальная жизнь, быт людей вступают в противоречие, не случаен и нервный срыв у Ругая. Парикмахер Федя «пускает» Ругая кровь, но ему и это не помогает. Идеального героя, образцового коммуниста из него явно не получается.

Писатель стремится запечатлеть реальные черты времени, характеры людей, тех процессов, которые совершались от имени революции, превращались в анекдоты. Вот, например, дурацкие приказы «с Москвы». «Требуется Москве племенной народ. Так, что надобно на племя особогонных баб да девок... и мужик, который покрепче, или парень жирный». Не хотят идти – «чистый бунт».

Заключительная главка повести – «Конца нету». «Конец-то скоро ли? Господи. Животы заморишь». Люди измучены все новыми приказами, реформами, порядками. «Конца нету» – а терпение кончается... Цукер говорит от «имени революции», «имеем

право» и т.п. Купеческая дочь Тая поступает в санотряд. И вот – «от вокзала ровной дробью, откинув народ к канавам, мял тракт грубыми сапогами матросский отряд. Крепко склепан, с припаянной к спине винтовкой, на груди тусклят пять медных пуговиц, а глаз надежней и медяней пуговиц». Почти красноармейцы из «Двенадцати» Александра Блока. Палага, жена председателя Совета, думает: «Кабы Ругай сюда пристал, дай бог...» Он, скорее всего, и пристанет. И все же Ругай идеологически явно «не дотягивает» и до таких канонических героев из пантеона советской литературы 20-30-х годов, как фадеевский Левинсон или фурмановский Чапаев, не говоря уж о Кожухе и Павке Корчагине. Более того, для Ругая не исключен вариант никитинского же Фирсова из более поздней повести «Полет», кончившего свою жизнь в психиатрической больнице...

Резко отрицательно оценивали произведение Н.Никитина критики-напостовцы. Так, Борис Волин писал: «Эта рвотная литература искажает нашу революционную действительность».⁴ В прозе Никитина он с трудом разглядел «кусочек революционного быта, осколок гражданской войны», а также «тяжелый запах порнографии и ничем не прикрытой контрреволюции». Характеризуя отношения героев повести (Ругая и Палаги) как «рвотную порнографию», критик заключал: «Все это называется бытописать революцию, художественно отобразить недавнее героическое прошлое». Б.Волин категорически не приемлет и то обстоятельство, что герой повести – «конокрад и налетчик – в революционерах». Подобная «критика» «клеветников» (кроме Никитина в их число попали И.Эренбург и Д. Бурлюк) «армии присосавшихся к нам писателей» заканчивалась откровенной угрозой: «Мы больше этого не позволим». Таким был стиль литературной критики в те годы.

2

После «Рвотного форта» Н.Никитин продолжает писать и печатать новые рассказы и повести о революции и гражданской войне. В них отчетливо слышны мотивы «революционного романтизма», революционной жертвенности; писатель прославляет мужество и самоотверженность борцов революции, героев, которые отдают жизнь за светлые идеалы социальной справедливости, разоблачает жестокость и цинизм врагов революции. Оппозиция «красные» и «белые», «свой» – «чужой» прослеживается в целом вполне отчетливо и проявляется во всех элементах художественной структуры – в композиции, сюжете, психологических мотивиров-

ках действий персонажей, авторском отношении, языковом строе, стилевых особенностях. В то же время ощущается стремление писателя избегать лобовой прямолинейности характеров, конфликтов, явной облегченности, искусственного пафоса.

В некоторых произведениях писатель занимает позицию как бы стороннего наблюдателя, демонстрируя принцип «чума на оба ваши дома», искусственно сближая и выравнивая обе «правды» – бойцов революции и ее врагов, противников. Такая игровая ситуация лежит в основе повести «Ночь» (1922), в ней события показаны в «красном» и «белом» лагерях – как бы зеркально отраженными. Судя по всему, автор задумал представить сложность и противоречивость революции, относительную правоту как одних, так и других лозунгов, верховенство законов природы и человеческого естества над «головными» идеями и «измами», ценность человеческой жизни в смертельной схватке и круговерти происходящего. Но эти мысли поневоле дискредитируются, обесцениваются в авторской концепции революции как бессмысленного хаоса, слепой природы, животной страсти, одерживающей победу над человеческим в человеке.

Прием «зеркала», используемый в повести, вся атмосфера «бардака», который господствует как в «белом» поезде имени Л.Корнилова, так и в «красном» поезде «белакуновцев», демонстрируют скорее порочность человеческой природы вообще, чем реальное столкновение двух крайних проявлений «революционного» цинизма и жестокости. Все герои беспробудно пьют и развратничают; белый генерал Проломов проклинает народ, тех, кто выступает на стороне «красных»: «Обезьяны и сволочи, что с Россией сделали...»⁵

Ничем не лучше и противоположная сторона. В поезде красных едут комиссар Сосых и машинистка-секретарша Элли Брайт, американка. Здесь, как и у «корниловцев», та же пьянка, те же «свободные» любовные отношения: «К Элли ночью пришел Сосых». Писатель сравнивает революцию с морем и женщинами, но это сравнение по степени жадности: «Море жадное, революция жадная, как воды. Но женщины так же жадны, как революция и как море». Революция, как и море, женщины, захватывает людей, она стихийна, в ней много от темной страсти, эротики, которая подчиняет их независимо от идеологического знака. Такой подход, конечно, противоречил представлению большевиков-марксистов о пролетарской революции как о сознательном, контролируемом историческом процессе.

В следующей повести – «Полет» – на фоне революции и гражданской войны разворачивается лю-

бовная драма, которая завершается сумасшествием героя. Писатель подробно прослеживает психологическое состояние военспеца Фирсова, который влюблен в Валентину и сначала принимает ее легкомысленное поведение, любовь втроем (совместно со своим товарищем Климовичем), но в конце концов не выдерживает. Он бредит, говоря, что «линия полета земли совпадает с линией полета снаряда». ⁶ Затем ему начинает казаться, что «планета земля с пути сбилась и летит прямо, неизвестно куда...». Итак, состав бреда Фирсова связан с мотивом отклонения от нормального, естественного хода вещей, с теми страданиями и жестокостью гражданской войны, которые испытывает герой. Они затрагивают личность Фирсова настолько глубоко, что человек не способен выдержать испытаний, выпавших на его долю... Автор все более углубляет проблематику своих произведений, обогащает их философскими, онтологическими смыслами и содержанием.

* * *

В 1926–1928 годах Николай Никитин создает цикл «Обоянских повестей», героями которых оказываются колоритные герои и события провинциального русского города. Перед нами проходят персонажи – серьезные и комические, чем-то напоминающие нам типы и характеры из произведений Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Ф.Сологуба, А.Аверченко, а позже М.Булгакова, Л.Леонова, М.Зощенко и других писателей. Это купцы, чиновники всех рангов, представители интеллигенции, мелкой буржуазии, всевозможные бюрократы, «чудаки поневоле», мещане всех мастей и т.п.

Люди сами виноваты или «среда заела», мелкая, нелепая жизнь в провинции? Писатель не отделяет одно от другого; ему близок гоголевский смех сквозь слезы, гоголевский итог «скучно живете, господа». Но ему и жаль своих героев, он нередко явно сочувствует им. В этом своеобразный гуманизм писателя.

Такая позиция, смешение смешного и драматического характерно и для других произведений цикла – «Юбилей», «Собачий ящик», «О купце Хропове»... ⁷

Перед нами образы «бывших», те, кто выпал из привычной обоймы и никак не может найти свое место в жизни, такие, как купец Хропов. Но он не один, такие же бывшие и поп Паисий, и жена Хропова Олимпиада Ивановна, и «бывший эсер» аптекарь Сонеберг... Их объединяет то, что им неуютно в новой жизни, они мечтают уехать куда глаза глядят. Сам Хропов размышляет о далеком... Парагвае, хо-

тя убежден, что русскому надо жить на родине; его жена маниакально стремится в Берлин, в который ее манит «изячная жизнь», о ней она узнает от дальних родственников. В Берлин согласен уехать и бывший маляр, а ныне «свободная личность», преуспевающий художник Яша Мокин. И только поп Паисий, кажется, не думает о перемене места жительства; он неплохо приспособился собирать дань с прихожан. Помимо того, отец Паисий по характеру тугодум и трус, человек расчетливый, к тому же склонный «закладывать» новой власти всякого, кто ему покажется «опасным» для населения их городка.

Никитин высмеивает некоторые актуальные проблемы того времени. Так, перед нами предстает «наглядный метод» обучения, в результате которого ребятишек за год так и не научили читать. При этом методе им показывают изображение фуфайки, а пишут «рубаха»; на вопрос, «сколько у кошки ног», предлагаются два ответа – «три» и «пять», но почему-то не четыре. «Посолодяне» требуют вернуться к «старому» учению... Ревностный же защитник нового метода Сонеберг говорит: «Мне надо вбить гвоздь просвещения в ваши темные головы». И этот своего добьется! Здесь слышится интонация Андрея Платонова.

Рапповская критика упрекала автора «Обоянских повестей» за излишнее внимание к показу «маленького человека» (в эпоху великих дел!), изображению мещанского быта, «болотной жизни» Обояни и ее обитателей, за «утрату революционной перспективы» (Б.Гроссман. Литературная энциклопедия. 1929) и т.д.

* * *

После «Обоянских повестей» Николай Никитин обращается к теме, которая была связана с молодежной проблематикой, с вопросами пола, новой морали. Эта тема нашла свое отражение в произведениях С.Малашкина («Луна с правой стороны»), Ю.Либединского («Рождение героя»), других писателей; все они вызвали горячие споры, обсуждение в литературе, на страницах комсомольской печати. Никитин начинает работать над романом «Преступление Кирика Руденко» на схожую тему.

В центре романа – история любви Андрея Горюнова и Кати Корнаковой, острого конфликта двух типов морали, отношения к семье, сексу. Андрей – сторонник свободной любви, он считает, что не обязательно жениться, создавать семью, детей. Он считает это пережитком прошлого, мещанством: «Не мещань, – говорит Андрей своей девушке. – Любовь есть голая физиология». ⁸ Этот

герой воплощает в себе «теорию» свободной любви, которая получает в романе нарицательное имя «горюновщины». Ее сущность – в половой распущенности молодежи, социальной и человеческой, нравственной безответственности, которая приводит к разрушению института семьи, реальному бесправию женщины и детей в обществе.

Но с этим оказывается связанной и другая проблема, о которой также говорится в романе. Она в том, что личность, любовные отношения мужчины и женщины не терпят бесцеремонного вмешательства со стороны «общества». Об этом говорит Катя, на этом же настаивает Андрей. Другое дело, что Андрей спекулирует на этом, когда говорит комсorghу Колобову: «Нельзя вмешиваться в каждый пустяк, в личную жизнь». Комсорг, не задумываясь, отвечает: «У нас нет личной жизни». И это только две спорные крайности, которые создают гамму сложных и противоречивых «перекрещивающихся проблем»: с ними-то и приходится сталкиваться героям романа.

Конфликт постепенно нарастает, в него втягиваются все новые персонажи. Сам автор явно на стороне Кати, которая как комсомолка во многом исповедует идеи и принципы новой морали, но реальная жизнь делает ее сторонницей нормальной семьи, брака, и она отказывается делать аборт, рождает ребенка, воспитывает его. И в этом ей помогает не противник мещанства Андрей с его якобы передовым, прогрессивным мировоззрением, а «обиженный богом» глухонемой Кирик Руденко. Этот образ – открытие писателя. Он наделен автором высокими моральными, душевными качествами, играет важную роль в разрешении центрального конфликта, оказывается едва ли не образцом положительного героя. «Кирик, он хоть и глухонемой, а он настоящий человек», – говорит о нем Катя. Кирик инстинктивно чувствует драматическое положение девушки, вступает за нее... Так он совершает преступление – убивает виновника страданий Кати Андрея Горюнова...

Роман заканчивается тем, что Кирика Руденко оправдывают, потому что все понимают, что подлинным убийцей Андрея был не глухонемой, вступивший за «обиженную и униженную» Катю, а Мотыка Царев, сам Горюнов и «горюновщина»; все то, что было против подлинного, искреннего чувства Кати, против ее желания любить, иметь нормальную семью, жить по-человечески. Побеждает мораль, проверенная веками; новая, «революционная» мораль, которая объявляет мещанством естественные человеческие чувства, не выдерживает испытания, терпит крах.

Критика, с одной стороны, одобрительно оценила обращение Никитина к актуальной теме, попытке

создать образы положительных героев, прежде всего образ комсомольского вожака Колобова. С другой стороны, Никитина упрекали за то, что он «не справился» со своей задачей, так как его персонажи представлены в основном в любовных переживаниях, слабо показана их борьба за утверждение нового в других сферах жизни, на производстве. Подвергся критике и «гуманизм» писателя, нашедший свое выражение в образе Кирика Руденко. Скорее всего потому, что именно этот герой, «калека», беспартийный, а, скажем, не молодежный комиссар Григорий Колобов, вызывает большие симпатии автора и читателя. «Абстрактный гуманизм» невольно противопоставлялся активному, пролетарскому гуманизму, который базировался на классовой морали, когда справедливо и верно лишь то, что полезно пролетариату, партийной власти. В этой связи вспоминается «перевалец» Иван Катаев, который примерно в те же годы и за аналогичные «ошибки» также подвергался резкой критике (повесть «Молоко»).

3

В 30-е годы обозначился новый этап в развитии русской литературы. Никитин, как и другие писатели, ездил на заводы и стройки, встречался с людьми труда, был увлечен пафосом и темпом социалистического строительства, публиковал очерки и рассказы на эту актуальную тему. С этого времени писатель все больше встраивался в общий поток советской литературы, хотя этот процесс проходил непросто.

Николай Никитин пытался работать в разных жанрах. Он опубликовал роман «Шпион» (1930), создал повести «Лирическая земля» (1931), «Поговорим о звездах» (1934), «Потерянный Рембрандт» (1935), «Двойная ошибка» (1936). Одновременно он написал пьесу «Линия огня» (1931), комедию «Конкурс хитрецов» (1933), которые были поставлены в различных театрах и пользовались успехом. Он становится известен не только как прозаик, но и как драматург.

Освоение новых тем требует перестройки всего творческого, художественного инструментария. Происходит это не безболезненно. Многие не устраивают самого писателя. Но он продолжает поиски, все новые попытки. На первый план выходят производственные проблемы, порой они заслоняют людей, их поступки, психологию. Он ищет новые темы, героев, новые подходы, новый язык.

В 1931 году Никитин создает пьесу «Линия огня», в которой идет речь о строительстве энергетической установки. Среди действующих лиц – руководи-

тели стройки, «индустриальная часть рабочих», «деревенская часть», «сезонники», иностранные рабочие и инженеры, партийцы, комсомольцы, бывшая беспризорница Мурка, безымянный Дед. Большая часть героев занята ударным созидательным трудом, они говорят и мечтают о том времени, когда установка будет построена и даст тепло и свет. Другие не могут порвать с прошлым, выступают против строительства. Один из яростных противников – Дед: «Мы ничего не хотим. Мы не хотим ихней энергии, нам не надо заводов. Мы не желаем быть рабочими», – говорит он.⁹ Он призывает: «Сковеркай машины. Нашли на их чуму и мор. Пушай потухнут паршивые шары». Его слова становятся своеобразной программой, символом «сопротивления» против всего нового: «Они ученые, они в синих костюмах, машинные люди... Да нас орда... С топорами, лопатами. Мы их мясом задавим». Партийцы борются против подобных настроений, сплывают вокруг себя здоровую часть рабочего коллектива. Автор подчеркивает, что борьба идет не только за выполнение производственного плана, но и за души людей, за их сознательное отношение к труду. Секретарь бюро партийной ячейки Алейников говорит: «Я лучше при советской власти – без штанов ходить буду, чем при фабриканте – в штанах». Пьеса была поставлена в театре, вызвала положительные отклики у критики и зрителей.

В основе повести «Поговорим о звездах» (1934) также производственная тема: здесь писатель рассказывает о строительстве большого завода. «Машинный зал уже стоял в каркасе. Бетон вливался в формы. Монтировали котлы».¹⁰ Москва торопила, напоминая о промедлении, «подобном смерти». Завод должен дать металл, из металла сделать машины, которые должны были взять штурмом «упрямые степи и покорить их. От степи требовался хлеб». Писатель всячески осложняет сюжет, рассказывает о людях, рабочем коллективе, возникающих в нем конфликтах, а их немало. Убивают комсомольца, на стройке возникает пожар, борются с проститутками... Все это ложится на плечи начальника строительства Кравкова. «У вас вдохновенное лицо», – говорят ему. Он «научился не скучать и часто забывал семью». Однако читатель впоследствии узнает, что этот бывший матрос отстал от новых требований, оказался банкротом, переживает «внутренний крах», и его снимают. К сожалению, в этой сюжетной линии ощущается известная заданность, следование определенной политической и литературной конъюнктуре тех лет.

Писатель показывает лихорадку строительства, энтузиазм людей. «Люди забыли пищу, чистоту, сон. Походные кухни привозили прямо на берег борщ,

кипятки и пшеничную кашу. Днем и ночью гудели крапы. Люди засыпали в грохоте, усталостью прижатые к земле. По ночам прожекторы гнали сон. И когда не хватало рабочих, комсомольцы, взнуздав коней, ехали в степь на рысях. Там вербовали они баб, ребят, бородачей». «Нельзя жить без новых слов», – говорит один из героев. Новые слова – это новые понятия, новые задачи в жизни людей. Американец инженер Риш признается: «Меня поразила эта новая Россия». Повесть насыщена драматическими сюжетами, сценами: вредители на стройке, опасность катастрофы на второй турбине... Проводится испытание этой турбины: «Тысячи забот, грехов, побед, неудач, материалов, обвинений, катастроф, ожиданий – слились сейчас в движении ротора».

По мнению критика и литературоведа Л.Плоткина, «Поговорим о звездах» – не простой производственный очерк, в повести из отдельных сцен и эпизодов складывается цельная картина.¹¹ Однако приходится признать, что Никитин нередко пользуется в повести средствами открытой публицистики, прямого авторского вмешательства, что только ослабляет художественный тонус произведения («Бурно, противоречиво, взволнованно протекала в степи жизнь»). Во многом это также становилось характерной тенденцией, которая все чаще проявлялась в прозе 30-х годов различных жанров.

4

Позже Николай Никитин признавался, что если бы он знал, сколько времени и сил ему придется потратить написание романа «Это было в Коканде»,¹² то он, возможно, не отважился бы на эту работу. В самом деле, начало этого замысла он отнес к 1923 году, когда познакомился с М.Фрунзе и Д.Фурмановым: они были активными участниками гражданской войны в Средней Азии, в Узбекистане и немало рассказывали о своих впечатлениях.

После съезда писателей, на котором, как признавался сам Никитин, он почувствовал себя не только русским, но и советским писателем, он решил побывать в Узбекистане, чтобы написать очерк, возможно, небольшую книгу. Однако месячная командировка закончилась тем, что писатель «заразился» новой темой. Ему удалось увидеть много нового, встретиться с людьми, познакомиться с древней и богатой историей края, а главное, почувствовать, как изменилась здесь жизнь в советские годы.

По мнению Н.Тихонова, новый роман Никитина стал «выдающимся событием в литературе и по праву вошел в галерею советских исторических романов».¹³ Явно переоценивая художественные

достоинства произведения своего коллеги по «Серапионовым братьям», Тихонов находил, что многие картины написаны в романе «с самой тщательной верностью, подлинной драматичностью и с соблюдением исторической правды». В «тщательной верности» и драматичности автору во многом не откажешь, однако гораздо сложнее обстояло дело с исторической правдой.

Во второй половине 30-х годов складывался соц-реалистический канон историко-революционного романа с его идеологической определенностью, подчинением художественной структуры литературы известным принципам. Соцреалистический канон базировался на марксистско-ленинской концепции предопределенности исторического процесса, революции как локомотива истории, движущей силы пролетариата, ведущей роли коммунистической партии и т. п. Произведение Н.Никитина было создано во многом в рамках этого канона, хотя сам автор считал необходимым ориентироваться на опыт русской классики, творчество Льва Толстого, на его «кавказские» произведения – «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат»...

* * *

Действие романа «Это было в Коканде» происходит в Средней Азии в самый разгар гражданской войны. Небольшая крепость, которая оказывается центром борьбы двух противостоящих сил, – всего лишь островок в океане бушующей стихии, ее волны опасны всем. Уже знакома авторская концепция: революция – это очищающая гроза. Такое ощущение революции-стихии знакомо многим большевикам в романе, в частности, Сашке Лихолетову, человеку храброму и азартному, ценящему узы товарищества...

Но больше других ощущение революции как грозы свойственно главному герою романа – узбекскому юноше, романтику Юсупу, который в пятнадцать лет добровольно присоединяется к отряду красных и с тех пор становится беззаветным бойцом революции, рыцарем без страха и упрека.

В первой половине романа главный герой книги показан более полно и убедительно. Далее мы чувствуем некоторую инерцию образа, а главное, происходит его идеализация. Последние главы мало что добавляют к пониманию этого характера, психологии, хотя он по-прежнему не сходит со страниц книги. Однако здесь акцент смещается в основном на внешние действия, мотивировка его поступков почти отсутствует. Все это ослабляет внутренне напряжение образа, переключает внимание читате-

ля на мнимую политическую актуальность сюжета, привязывает к одиозной идеологической проблематике того времени. К тому же писатель нередко откровенно переходит на язык торопливого пересказа взамен способов художественного повествования...

Лагерь противников революции представлен в романе Никитина довольно пестрыми персонажами. Это председатель правительства Кокандской автономии Мамедов, который умеет вести свою сложную игру с большевиками. Большое место отведено Хамдаму, это человек хитрый и жестокий, он затаился до поры до времени, чтобы всячески вредить молодой советской власти. Красноречив его портрет: «Незнакомец был похож на животное: настолько его взгляд был дик и горяч и в то же время осторожен. Трудно было предугадать, что сейчас скажет этот рот, что сделают эти руки. Кровь бросилась этому человеку в лицо, загорелись глаза, затылок стал медно-красным».¹⁴ Этот герой мечется «между двух берегов», руководит бандой басмачей, а когда выгодно, объявляет себя сторонником большевиков.

Сам писатель во многом осознавал трудности, которые были связаны как с восточной темой, «чужим» материалом, так и с определенными идеологемами жанра, в рамках которого ему приходилось работать, и в меру своих возможностей он старался их преодолевать. Никитин с самого начала решил уйти от «оперной декорации», характерной для восточной экзотики, – всех этих «роз», «гаремов», «одуряющих ароматов» и т. п.

Во второй части произведения автор вводит новых персонажей (Гасанов, Карим, Пишо), новые сюжетные линии (убийство Кирова, вредительская деятельность троцкистов); действие растягивается практически на двадцать лет, доходит почти до самой войны. Стремление писателя дать столь широкую, объемную картину событий, запечатлеть множество персонажей, представить чуть ли не целую эпоху в жизни страны неизбежно оборачивается, с одной стороны, торопливостью, «пунктирностью» характеров, с другой, иллюстративностью, некоторым схематизмом. Создается впечатление, что широты охвата автор добивается за счет более глубокой разработки образов, конфликта. Это не могло не сказаться на языке романа; в нем, как уже отмечалось, нередки облегченная образность, взамен неторопливому художественному шагу писатель предпочитает упрощенность публицистики, рядового очерка. К сожалению, все эти недостатки снижают художественную ценность романа.

5

В начале войны Н.Никитин был эвакуирован из Ленинграда в город Киров, где сотрудничал с местными газетами («Кировская правда» и др.). В 1942 году он переехал в Москву, где стал постоянным корреспондентом Совинформбюро, газет «Комсомольская правда», «Гудок» и других изданий. Он писал статьи и очерки о жизни и труде людей на фронте и в тылу, на заводах и фабриках, на лесных разработках и в колхозах, на железных дорогах и т.д. Он также издал несколько брошюр на актуальные темы, среди них – «Кто такой немецкий оккупант», «Удар Брусилова», «Миф о непобедимой Германии», некоторые другие.

За годы войны Н.Никитин написал немало рассказов. Как и произведения о гражданской войне, это были рассказы не о боях и военных операциях, а истории о простых человеческих судьбах, их огорчениях и радостях, о детях и взрослых, о природе, домашних животных. При этом писатель не избегает высоких слов о героизме наших людей, о страданиях, которые им приходилось пережить. Основное внимание он уделяет нравственным проблемам, с которыми сталкиваются его герои; сюжеты его рассказов просты и непритязательны, они светлы, оптимистичны, порой выглядят легковесными.

По-своему характерны для Никитина и другие рассказы военного периода, среди них – «Вожгалы» (1942), «Мужики» (1943), «Встреча в Курмыже» (1943), «Мария» (1943), «Письмо» (1944), «На марше» (1944), некоторые другие.

Приходится признать, что порой увиденное и рассказанное писателем мало убеждает. В «Вожгалах» автор на втором году войны попадает в колхоз, председателем которого Петр Алексеевич с давних пор устраивал в далеких вятских краях коммуны, «искал правды и умел хозяйничать». ¹⁵ И теперь его колхоз – это «огромное хозяйство, колхозные поля и пашни, луга и скотоводческие фермы, столовые и мастерские, постройки, скот, машины – все это давно стало поучительным так же, как и вся его жизнь». На его столе автор видит книги по истории, литературе, по сельскому хозяйству. «У нас и телефон есть», – с гордостью говорит писателю. Где-то неподалеку гремит война, а тут такая благодать, скажет сегодня читатель...

Впрочем, в других произведениях Н.Никитин невольно и сам опровергает подобные идиллические картины. Так, в рассказе «Мужики» все население колхоза состоит из старых да малых и поэтому собрание серьезно «прорабатывает» мальчика, школьника, за то, что он не удержался и во второй половине дня ушел с работы домой, чтобы

побегать с одноклассниками. Характерно, что председатель здесь не склонен наказывать малолетнего «мужика», он лишь воспитывает его; судя по всему, здешний колхоз не чета тому, который возглавляет Петр Алексеевич, да и интонация рассказа не столь бравурная, как в «Вожгалах».

В 1944 году Никитину удалось побывать на фронте; он видел пылающую Гатчину, мужество наших солдат и офицеров. Однако большой прозы о войне ему создать так и не удалось. После войны его захватила другая тема, которой он отдал немало сил.

* * *

Тема нового романа «Северная Аврора» (1946–1950) была для Никитина более близкой, родной, хотя бы потому, что себя он считал «северным» человеком. Впрочем, опыт работы над предыдущим романом «Это было в Коканде» тоже пригодился. И теперь он вновь погружается в материалы для будущей книги, ездит по местам событий – это Мурманск, Архангельск, Северная Двина, остров Мудьюг, Вологда; география его книги ощутима и конкретна, как и временная канва – 1918–1920 годы. Но, как он сам признавал, его роман – художественное произведение, поэтому его герои, даже реально существовавшие, такие как Павлин Виноградов, не были простыми фотографиями, это художественные образы, обобщения. Отвечая на вопрос, действительное ли лицо комиссар Павел Фролов, занимающий одно из центральных мест в романе, писатель говорил, что да, это действительное лицо, но это и еще десятки других Фроловых... «Роман – не протокол, и образы – не фотографии», – объяснял Н.Никитин.

Это относится и к другим персонажам. Герои романа довольно четко распределены по двум противостоящим группам, каждая из которых строится по своим принципам. Первая из них – защитники временно оккупированной территории Русского Севера; это те, кто оказывается в самом центре жестоких схваток, боев, военные и партийные руководители отрядов, воинских подразделений разного ранга; рядовые бойцы, патриоты своей страны, своего края, партизаны, крестьяне, сочувствующие советской власти, ненавидящие иностранных захватчиков и белогвардейцев. Это и представители высшей, центральной власти (среди них Ленин, Свердлов, Дзержинский, Сталин), присутствующие в основном «дистанционно», в виде распоряжений, телеграмм, приказов и т.п. Эти герои окрашены с разной степенью сочувствия, комплиментарности, характеризуют

ся автором как преданные идеям революции большевики, подлинные русские патриоты. Они мужественны, самоотверженны, готовы умереть за народ, за светлое будущее, их смерть воспринимается как торжество идей социализма и т. п.

Художественно наиболее полноценен в романе образ комиссара Павла Фролова, хотя уже рассказ о его героическом прошлом (участие в штурме Зимнего, знакомство с Лениным) похож на своеобразный штамп, некий «пропуск» в пантеон «подлинных революционеров», в котором писателем помещены и другие персонажи произведения (Виноградов, Зенькович, Гринева, Дзарохохов и др.). Фролов участвует в большинстве эпизодов романа: принимает решения, проводит митинги (которых, впрочем, явный перебор); он часто выступает, хотя его речи зачастую состоят из призывов и лозунгов...

В какой-то мере Фролов предстает как идеальный герой, человек-функция. В Вятке он посещает комиссию ЦК во главе с Дзержинским и Сталиным и становится свидетелем характерных сцен. Автор отмечает: «Поезд Комиссии ЦК сразу стал центром всей жизни не только города, но и губернии»¹⁶. Фролов возмущается, что не может достать себе горячего чая. Требуется чуть ли не вмешательство высокой Комиссии ЦК; однако герою удается самому организовать чай, и он едва не гордится этим. Впрочем, есть чем: победил местную бюрократию. А вот другая сцена. Один из посетителей жалуется: «Я бедняк... А чрезвычайный налог как раскладывают? По душам. На что, выходит, революция? У меня семь душ и ни одной коровы. У кулака три души и пять коров... Рихметика!» Однако эта «рихметика» не вызывает даже тени возмущения у Фролова, он никак не реагирует на этот крик души бедняка. Да и сам автор оказывается довольно равнодушен и к вопиющему равнодушию к нуждам жителей, и к социальной несправедливости. «На что, выходит, революция?» Вопрос, который так и остается без ответа...

Писатель, его герои выдвигают ряд незыблемых постулатов, которые лежат в основе исторической и художественной концепции произведения. Эти постулаты порой звучат столь же безапелляционно, сколь и бессмысленно. Так, в романе утверждается, что все крестьяне поддерживают советскую власть. «Все они большевики», – говорит один из героев. «Я большевик», – заявляет горец Дзарохохов. «Я большевик», – говорит Андрей Латкин, хотя он еще беспартийный и в партию его примут позже, в тюрьме. Эти слова мы услышим в романе слишком часто, порой без особой необходимости. Автор, видимо, хочет подчеркнуть смелость и гордость произносящих эти слова, а на самом деле происходит девальвация самого понятия и слова...

В том же ряду – принципы изображения персонажей из противостоящего большевикам лагеря. В их основе фельетонно-сатирические характеристики вдохновителей и руководителей похода против советской России (Черчилль, Вильсон и др.), а также белогвардейцев, активных противников советской власти. Среди них – ставленник Колчака генерал Миллер, подполковник Ларри, комендант Шенкурска Роджерс, американцы Джонсон, Финленсон, Айронсайд, глава белого правительства Чайковский. Портреты этих персонажей, как правило, подчеркнуто плоски и однообразны: у одного из них «пожелтевшее лицо», у другого «желтый френч», у третьего – «желчные глаза» и т.п. Все они в конечном счете бегут из России – как крысы с корабля...

Нередко писатель откровенно упрощает свою художественную задачу, авторскую мысль, сами приемы повествования. «Это, конечно, беспокоило Вильсона и его коллег по грабежу...» – сообщает автор. Или не менее лобово и прямолинейно автор пишет: «Этот провал англо-американской интервенции был величайшей победой советского народа, одержанной благодаря мудрости его великого вождя Ленина...»

Роман «Северная Аврора» был отмечен Сталинской премией второй степени (1951) и практически огражден от критики в печати. Самоотверженно защищали достоинства романа своего коллеги «серапионовцы». Так, Николай Тихонов писал о «величественной теме» романа, о «большой удаче писателя», об «убедительном воскрешении событий и людей»¹⁷ и т. п. Между тем ясно, что одними хвалебными словами в этом случае не обойтись...

Подводя итоги, можно сказать, что в прозе Николая Никитина сочетались «очерковая документальность, конкретность образных характеристик с эпичностью повествования».¹⁸ Написано им было много; как и у других, не все выдержало испытание временем. Лучшее все же было создано в 20-е годы; уже в 30-е творческий потенциал писателя заметно ослабел, индивидуальность стерлась, голос стал звучать тише. В 50-е годы Никитин, казалось, взшел на новую вершину, им был написан роман «Северная Аврора», автору была присуждена премия. Но чуда не произошло: вершина оказалась во многом призрачной. Впрочем, такой была судьба многих писателей, которые ярко начинали, затухали в 30-50-е годы и уходили... в историю литературы. Конечно, легче всего обвинить в этом время – оно и в самом деле во многом «виновато». И все же в литературе каждый отвечает за себя.

Примечания

¹ Вышли всего два номера альманаха, на которые были отклики в печати, в частности, А.Воронского (Красная новь, 1922, №3), Е.Замятина (Литературные записки, 1922, №1), Ю.Тынянова (Печать и революция, 1922).

² Красная новь. 1922, №3. С.265.

³ Никитин Н. Рвотный форт. Рассказы. М.-П., 1923. С.10.

⁴ Б.Волин. Клеветники. //На посту. 1923. №1. С.29.

⁵ Никитин Н. Ночь. //Бунт. Рассказы. М.-П., 1923. С. 66.

⁶ Никитин Н. Полет //Собрание сочинений. Харьков. 1928. Т.2. С. 134.

⁷ В других изданиях – «О бывшем купце Хропове».

⁸ Никитин Н. Преступление Кирика Руденко. Харьков. 1928. С.11.

⁹ Никитин Н. Линия огня. Пьеса в 4-х действиях и 8 картинах. М., 1931. С.7.

¹⁰ Никитин Н. Поговорим о звездах. Л., 1934. С.3.

¹¹ См. об этом: Л.Плоткин. Николай Никитин. Вступи-

тельная статья. //Никитин Н. Поговорим о звездах. Л., 1959. С. 8.

¹² Другое (первоначальное) название романа – «Это началось в Коканде».

¹³ Тихонов Н.С. О Николае Никитине и его книгах.// Никитин Н. Избранные произведения в 2-х томах. Л., Т.1.1966. С.6.

¹⁴ Никитин Н. Это было в Коканде. Роман. //Избранные произведения в 2-х тт.Т. 1. С.53.

¹⁵ Никитин Н. Рассказы разных лет. Л., 1945. С.4.

¹⁶ Никитин Н. Северная Аврора. //Избранные произведения... С.291.

¹⁷ Тихонов Н. О Николае Никитине и его книгах //Никитин Н. Избранные произведения в 2 тт. Т.1. 1966. С.7.

¹⁸ Дмитриевский В. Никитин Н.Н. //Краткая литературная энциклопедия: В 9 тт. Т.5. 1968. С.277.

□

Вячеслав Яковлевич САВАТЕЕВ

родился в 1939 г. в Москве.

Критик, литературовед.

Автор нескольких книг и многих статей, посвященных русской литературе XX века, среди них – писателям 1920–30-х годов, военной и послевоенной прозе, периоду «оттепели», современной литературе.

Окончил Московский пединститут, в 1994 году защитил докторскую диссертацию «Художественные искания и кризисные явления в русской советской прозе 1950–80-х гг.».

Работает в Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН.

Регулярно публикуется в центральных литературных журналах и газетах. В журнале «Север» публикуется впервые.



Этот номер для Вас подготовили:



Елена Пиетияйнен
главный редактор



Елена Бермус
редактор отдела прозы



Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка



Вениамин Слепков
редактор отдела очерка и публицистики



Александр Воронин
редактор отдела поэзии и сайта журнала



Людмила Шананина
корректор



Ирина Боякова
секретарь

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Неёлов Евгений (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетияйнен Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-3570 от 31.05.2000 г.

Цена договорная



ИНДЕКС 73375 (Роспечать)
51845 (МАП)



Михаил Скрипкин

Лето в Кижках